

Őszi harmat után,
Nagy hegyeknek ormán
Fújdogál a hideg szél;
Zöld erdő harmatát,
Piros csizmám nyomát
Hóval lepi bé a tél,
Régi üdöm elmúlt,
Most másképen fordult,
Szomorú az én sorsom
Messzére bújdosom,
Hazámat itt hagyom,
Isten vezérli dolgom!

...
Uram! én azt kérem,
Utamban vezérem
Légy, s ments
meg mindenektől!
Vezérelj messze földre,
Idegen nemzetre,
Hogy lakjam békességben
Hosszú bújdosásom
léssen távozásom
Kietlen messzeségbe.
Csillag jár, mely felül
Szél zúg, folyhó repül –
Arra vészem utamat...
Ha minden elmarad:
Isten el nem marad!
Reá bízтам magamat!

II. RÁKÓCZI FERENC

За росой осенней,
По горам высоким
Ветер снег приносит.
Лес зелёный в росах.
След сапог пунцовых
Вьюга забелила.
Вдаль умчалась юность,
Нынче все иначе,
Эх, ты моя участь!
Я вдали скитаюсь,
Отчий край покинув.
Но ведь Бог со мною!

...
Господи! Прошу я,
Стань моим вожатым,
Отведи все беды,
А меня веди Ты
В земли чужестранцев,
Чтоб прожить мне мирно
Долгое скитанье.
Пусть я прочь уеду
В дали без предела.
Путь я свой направлю
В край, где ходят звезды,
Бродит в тучах ветер.
Если ослабею,
Ты плечо подставишь,
И опоры в мире
не найти прочнее.

Освободительная Война 1703-1711 гг. В Венгрии и дипломатия Петра I

Освободительная Война 1703-1711 гг. В Венгрии

и дипломатия Петра I

Российская академия наук
Институт славяноведения
Архивный институт Венгрии в Москве
Культурный, научный и информационный центр Венгрии в Москве
Комиссия историков России и Венгрии
Институт истории Центра гуманитарных наук Венгерской академии наук

**Освободительная война 1703–1711 гг.
в Венгрии и дипломатия Петра I**

**Az 1703–1711. évi Rákóczi-szabadságharc
és I. Péter orosz cár külpolitikája**

Нестор-История
Санкт-Петербург
2013

УДК 94(470+571)"17/1917"
ББК 63.3(2)5
О-72

*Книга издана при содействии Архивного института
Культурного, научного и информационного центра Венгрии*

Редколлегия:

К.А. Кочегаров, О.В. Хаванова (отв. ред.), А. Шереш

Рецензенты:

кандидат исторических наук *О.А. Акимова*,
кандидат исторических наук *Т.П. Гусарова*

О-72 **Освободительная война 1703–1711 гг. в Венгрии и дипломатия Петра I** / Под ред. К.А. Кочегарова, О.В. Хавановой (отв. ред.), А. Шереша. СПб.: Нестор-История, 2013. — 280 с. (Центральноевропейские исследования. Вып. 7).

ISBN 978-5-90598-885-1

Одно из важнейших событий венгерской истории, один из ярчайших образов коллективной памяти венгров — Освободительная война 1703–1711 гг. под предводительством Ференца II Ракоци. Ее эпизодом стал союзный договор, заключенный в 1707 г. между мятежным князем и царем Петром I. Сборник статей посвящен дипломатическим, политическим и культурным аспектам этого мощного антигабсбургского движения, интенсификации русско-венгерских связей на протяжении XVIII столетия, месту событий 300-летней давности в литературе, культуре и пропаганде.

УДК 94(470+571)"17/1917"
ББК 63.3(2)5

Francis II Rákóczi's War of Independence is one of the most significant events in Hungarian history and one of the most spectacular images in Hungarian collective memory. The alliance between the rebell prince Rákóczi and Russian Tsar Peter I was one of the war's results. The proceedings volume is devoted to diplomatic, political and cultural aspects of this nationwide, anti-Habsburg movement, to the intensification of the Russian-Hungarian contacts during the eighteenth century, and to the place of this event in the literature, culture and propaganda of the last three hundred years.

A magyar történelem egyik legjelentősebb epizódja és egyúttal a kollektív magyar nemzeti emlékezetben megőrződött egyik legdicőségesebb esemény az 1703–1711. évi II. Rákóczi Ferenc vezette szabadságharc. Ennek fontos mozzanata volt a felkelő fejedelem és az I. Péter orosz cár között kötött 1707. évi szövetségi egyezmény. A tanulmánykötet ennek az egész Magyarországra kiterjedő Habsburg-ellenes mozgalomnak a politikai, diplomáciai és kulturális aspektusait, a XVIII. századi magyar-orosz kapcsolatokat, továbbá a 300 évvel ezelőtti események irodalomban, kultúrában és propagandában betöltött helyét mutatja be.

ISBN 978-5-90598-885-1

9 785905 988851

- © Институт славяноведения РАН, 2013
- © Архивный институт Венгрии в Москве, 2013
- © Культурный, научный и информационный центр Венгрии в Москве, 2013
- © Коллектив авторов, 2013
- © Издательство «Нестор-История», оформление, 2013

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Рубеж XVII–XVIII вв. для России и Венгрии стал временем «тектонического разлома». Сближение России с Западом, даже если оно во многом было подготовлено эволюционным развитием предшествующих десятилетий, по воле царя-реформатора получило невиданное ускорение. За несколько десятилетий Московское государство превратилось в Российскую империю — фактор европейских международных отношений, с которым приходилось считаться ведущим державам Старого Света. Венгрия, освобожденная в конце XVII в. коалиционными войсками от полуторавекового османского владычества, не желала мириться с сопутствовавшим освобождению ограничением государственного суверенитета и проводившейся насильственными методами интеграцией во владения Австрийского дома. Война 1703–1711 гг. под руководством трансильванского князя Ференца II Ракоци стала самой отчаянной, хотя и безуспешной попыткой вернуть стране независимость и территориальную целостность силой оружия.

В типологии восстаний раннего Нового времени она считается наивысшей точкой так называемых куруцких (повстанческих) движений 1672–1735 гг., когда в условиях не прекращавшихся военных действий и политической нестабильности венгры под предводительством влиятельных аристократов или офицеров-дворян боролись против налогового бремени и за свободу вероисповедания. В движении, во главе которого встал князь Ференц II Ракоци, социально-экономические чаяния солдат-куруцев, облакавшиеся нередко в форму религиозных требований, причудливо переплелись с властными амбициями предводителя, искавшего политической (и не в последнюю очередь — военно-финансовой) поддержки у первейших врагов Габсбургов — Оттоманской Порты и французского короля Людовика XIV*.

Именно на этот период пришлась попытка сближения двух государственных деятелей — мятежного князя Ракоци и царя Петра. Каждый из них преследовал собственные, во многом взаимоисключающие внешнеполитические интересы и, не исключено, отдавал отчет в малой вероятности долгосрочных отношений. Тем

* *Pálffy G.* Ewige Verlierer oder auch ewige Gewinner? Aufstände und Unruhen im frühneuzeitlichen Ungarn // Die Stimme der ewigen Verlierer? Aufstände, Revolten und Revolutionen in den österreichischen Ländern (ca. 1450–1815) / Hrsg. von P. Rauscher, M. Scheutz. Wien; München, 2013. S. 158, 161–162.

не менее 4 (15) сентября 1707 г. в Варшаве эмиссары двух государей подписали союзный договор. Даже в советский период, когда каждому подобному эпизоду придавалось преувеличенное значение, было трудно представить эту страницу в истории двусторонних отношений как нечто судьбоносное. Знарок истории российско-венгерских связей Я.И. Варади-Штернберг (1924–1992) осторожно подводил скромный итог: «Хотя многие условия этого договора оказались неосуществимыми вследствие временных успехов шведской армии, все же он имел большое значение. Между двумя государствами были установлены дружественные отношения, просуществовавшие до подавления освободительного движения в 1711 г. и выражавшиеся во взаимной посылке послов и представителей, в обмене информацией, в свободном проходе подданных, в свободном провозе товаров»*. Однако ни дипломатическая активность Ракоци, ни личная храбрость куруцев не смогли переломить всё яснее обозначавшееся стремление династии и страны к компромиссу. В результате заключенный в 1711 г. в Сатмаре мирный договор между повстанцами и императором-королем открыл новую эпоху: прекращение вооруженного сопротивления в обмен на отказ венского двора от репрессивной политики.

Для современных историков Варшавский договор 1707 г. — это не повод во что бы то ни стало доказать прочность и нерушимость дружбы и взаимной приязни двух народов. Скорее это отправная точка в обсуждении хитросплетений большой европейской дипломатии, государственно-политической эволюции России и Венгрии, форм и направлений, по которым с XVIII в. происходило сближение пока еще мало знакомых друг с другом народов, места двух выдающихся исторических деятелей в исторической памяти их народов. Тем более что и Петр, и Ракоци были в последующие века «канонизированы» национальными историографиями, обрели почетное место в ряду излюбленных властью и народом героев, прочно поселились на страницах учебников, стали персонажами книг и фильмов.

Обозначенный выше круг проблем оказался в центре Российско-венгерской конференции историков, приуроченной к 300-летней годовщине поражения Освободительной войны 1703–1711 гг. и заключения Сатмарского мира, которая прошла 27–28 октября 2011 г. в рамках «Дней Ракоци» в Москве. Она была организована Культурным, научным и информационным центром Венгрии совместно с Институтом славяноведения РАН при поддержке межкафедральной Комиссии историков России и Венгрии. В ней приняли участие ученые из Института славяноведения РАН, Института российской истории РАН, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Института истории Венгерской академии наук, Сегедского университета, Эгерского педагогического института им. К. Эстерхази, Германского исторического института в Москве. Конференцию дополняла культурная программа, включавшая концерт Чабы Надя и Эвы Каналаш, исполнявших песни и марши куруцев; выставку факсимильных копий писем трансильванского князя к русскому царю Петру I из фондов Венгерского национального архива в Будапеште (подготовленную Иштваном Неметом); дегустацию токайских вин — излюбленного на-

* Штернберг Я.И. Письмо Ференца II Ракоци к Петру I // Исторический архив. 1958. № 2.

питка Петра Великого, производившегося в регионе, где располагались владения семейства Ракоци.

Сборник статей «Освободительная война 1703–1711 гг. в Венгрии и дипломатия Петра I» сформирован из переработанных текстов докладов, прозвучавших на конференции, и дополнен статьями приглашенных авторов. Венгерское слово *szabadságharc*, которым обозначают движение Ракоци, перевести на русский язык непросто: это и «освободительная борьба [против иноземного господства]», и «борьба за свободу [= политическую эмансипацию, независимость]», и «борьба [сословий] за [свои] свободы». В то же время размах движения, многие его черты, позволяющие говорить, по сути, о гражданской войне, допускают перевод этого термина на русский язык не как «восстание» или «борьба», а как «война». Поскольку объективно эта борьба велась не только за восстановление прав, свобод и привилегий сословий, но и порождала в сердцах тысяч современников надежды на объединение Венгрии, ее восстановление в статусе суверенного государства, представляется оправданным называть войну «освободительной» и в ряде контекстов писать слово с заглавной буквы. Эта традиция восходит к классическому трехтомному труду «История Венгрии» под редакцией Т.М. Исламова*. Одновременно редколлегия оставила за венгерскими авторами право переводить название движения Ракоци так, как им казалось более адекватным (о чем сделано соответствующее примечание в тексте).

Редколлегия не ставила задачей буквально следовать заявленной в заглавии сборника теме, но рассматривала международный контекст, в котором разворачивалась Освободительная война, и подробности дипломатических сношений между трансильванским князем и царем как повод для осмысления внешнеполитических резонансов и культурных последствий антигабсбургских движений, общеевропейского значения венгерских событий начала XVIII в., малоизученных аспектов российско-венгерских контактов.

Редколлегия выражает благодарность руководству Венгерского культурного, научного и информационного центра в Москве за высокий уровень проведения конференции, дирекции Института славяноведения РАН за помощь в издании этого сборника, Комиссии историков России и Венгрии и ее многолетнему партнеру — Институту истории Центра гуманитарных наук Венгерской академии наук — за усилия по поддержанию диалога между историками наших стран.

* История Венгрии: В 3 т. / Под ред. Т.М. Исламова, А.И. Пушкаша, В.П. Шушарина. М., 1971. Т. 1. С. 427.

К. Месарош

САТМАРСКИЙ МИР 1711 Г. И «НАДЕЖДА НА РУССКИХ»

ОЦЕНКИ МИРНОГО ДОГОВОРА В ВЕНГЕРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

29 апреля 1711 г. в городе Сатмар после восьми лет боевых действий родился окончательный текст документа, впоследствии известного как Сатмарский мир. Грамоту (от имени к тому времени уже три недели как покойного императора Священной Римской империи и венгерского короля Иосифа I) в тот же день подписали и скрепили печатью главнокомандующий императорскими вооруженными силами в Венгрии хорватский бан* граф Янош Палфи и приставленный к венгерскому аристократу венский придворный, военный советник Карл Лохер фон Линденхайм. На другой день, 30 апреля, на равнине близ Надьмайте-ня** 12-тысячное вооруженное куруцкое войско торжественно сложило знамена перед генералом Палфи, затем, сохранив при себе оружие, отправилось по домам (жители окрестных областей — в тот же день, выходцы из отдаленных комитатов — на другой день с подорожными в кармане). Барон Шандор Каройи в своем имении Надькарой вместе с главнокомандующим Палфи 1 мая подписали мирный договор в присутствии 45 человек (аристократов, дворян и высших офицеров), представлявших отдельно Венгрию, отдельно — Трансильванию. Этим актом (если быть точным, то после капитуляции еще несколько недель сопротивлявшихся Хуста, Унгвара и Мункача) завершилась самая продолжительная в истории Венгрии освободительная война.

Историческая оценка Сатмарского мира долгое время разделяла, и отчасти по сей день разделяет, с одной стороны, относительно узкий круг ученых-профессионалов и, с другой — куда более многочисленный лагерь тех, кто по политическим или мировоззренческим соображениям проявляет особый интерес к событиям национального прошлого. На отношение к мирному договору 1711 г. влияют, во-первых, оценки освободительной борьбы, которую вел Ференц II Ракоци, и, во-вторых, сопоставительный анализ возможностей, предо-

пределивших ее исход. К тому же при оценке «подписания мирного договора» наряду с относительно точно документированными общественно-, политико- и военно-историческими перспективами нередко применяется этический подход, определяемый главным образом субъективными человеческими факторами. Безрезультатность борьбы против национального угнетения, поражение народа в Освободительной войне можно объяснить в негативном контексте, в то время как оценки мирного периода, пришедшего на смену разрушительной и обреченной на поражение войне, могут иметь положительные оттенки. Противопоставление «идеальной» и «реальной» политики разрешает напряженные противоречия уже в более рациональной системе координат, поскольку не поступающий своими принципами и отвергающий мир Ракоци точно так же может служить моральным примером, как можно возвести в ранг государственных мужей фигуры вроде Каройи или Палфи, которые не упускали представлявшихся возможностей и были готовы идти на компромисс.

Наконец, за прошедшие триста лет у истории освободительной войны и венчавшего ее мирного договора непрерывно возникали идеологические и/или сиюминутно-политические проекции. Произведения, вышедшие из-под пера непосредственных участников событий (воспоминания Ракоци¹, автобиография Каройи², сочинение Пуйяи о Сатмарском мире³), написаны, естественно, с целью обелить себя и отчасти дать пищу для общественного мнения. В историографии XVIII в., напротив, решающую роль в оценке произошедшего играли династические и религиозные предпочтения авторов. Параллельно с этим народная традиция — причем не только в венгерской среде, но и среди населявших владения Ракоци русин и отчасти словаков — творила из князя «народного вождя»⁴. В XIX в., в период романтизма и национального пробуждения, Ракоци превратился в одного из героических персонажей венгерской истории, а в действующих лицах куруцких времен люди старались увидеть героев и предателей славного прошлого. В так называемую эпоху реформ, т. е. период, предшествовавший революции и освободительной войне 1848—1849 гг., как и в последовавший затем период репрессий, столь популярные в литературе и искусстве исторические темы (борьба против Габсбургов, «братоубийственные» войны куруцев и лабанцев*, безжалостные карательные акции) использовались для отвлечения общественного мнения от актуальных вопросов, а иногда их беззастенчивого «забалтывания», в конечном же итоге они просто обслуживали идеологию дворянской независимости⁵.

Помимо этого, современная историография систематически описывала колоссальные корпуса источников, чем внесла неоценимый вклад в фундаментальное изучение эпохи. В XIX в. ключевой фигурой в изучении освободительного движения Ракоци был Кальман Тали, безгранично восхищавшийся предметом исследования и практически присвоивший себе эту тематику. Он не чурался создавать литературные подделки (хотя потомки безосновательно придают слишком большое значение этому обстоятельству) и в спектре дворянской идеологии представлял либеральное направление. Традиции Ракоци превратились в культ⁶,

* Лабанцы — уничижительное прозвище венгров, сражавшихся на стороне Габсбургов. (Прим. перев.)

* Хорватский бан (*bán*) — наместник; третья по важности должность в сословной иерархии после палатина (*nádor*) и государственного судьи (*országbíró*).

** На том месте, где проходило сложение оружия, позднее возникло новое поселение — Кишмайтеня. Ныне там установлен скромный памятник в честь этого события.

апогеем которого стало перезахоронение останков изгнанников в 1906 г. в Кашше⁷. Как следствие, в исторической науке закрепилось и усилилось влиятельное по сей день направление, рассматривающее и представляющее события с точки зрения самого Ракоци, транслирующее его оценки причин и целей освободительной борьбы и отношение к Сатмарскому миру.

В начале XX в. фундаментальная биография Ракоци, вышедшая из-под пера Шандора Марки (1853–1925), содержала практически все накопленные к тому времени сведения об эпохе⁸, и в ней предпринималась осторожная попытка дать реалистичную оценку мирного соглашения. Цитируя строки Шандора Петёфи (1823–1849) «На равнине при Майтене», автор утверждал, что историк преследует иные, нежели поэт, цели: если поэт говорит о «подлом предательстве», историку важна «чистая правда», которой «ведомы только договаривающиеся стороны, а не предатели»⁹. С именем Марки также связано разграничение «реальной» и «идеальной» политики при заключении мирного соглашения¹⁰. Эта дихотомия в позднейшей литературе уточнялась, развивалась и при этом порой искажалась¹¹. Книга Дюлы Секфю (1883–1955) «Ракоци в изгнании»¹², породившая в обществе бурю эмоций, не только поразительно точно очеловечила возведенного на пьедестал национального героя, но и внесла вклад в положительную оценку Сатмарского мира. По мнению историка, «мирная инициатива Палфи спасла куруцкое движение для венгерского государства от полного разложения»¹³, жизнь же в эмиграции, в отрыве от происходящего на родине, историк заклеил как бесполезную с точки зрения общественного блага¹⁴. Сама книга, как и развернувшаяся вокруг нее полемика, означала новый этап прежде всего для авторитетных научных кругов, в то время как широкой общественности не было дела до содержащихся в ней дифференцированных подходов к теме. Скорее, вызвав отторжение, она укрепила культ Ракоци как героя непреходящих идеалов¹⁵.

После распада Австро-Венгрии изучение хранившихся в Вене, но представлявших общее интеллектуальное наследие архивных коллекций получило новый мощный импульс. Имре Лукинич (1880–1950), широко использовав источники из венских архивов, написал монографическое исследование об истории Сатмарского мира¹⁶. Поскольку историку не удалось попасть в семейные архивы графов Палфи и Каройи, он так и не смог прояснить некоторые аспекты переговоров и неверно истолковал мотивацию поступков Каройи¹⁷.

Ознакомившись с фундаментальным трудом Лукинича, Д. Секфю вновь вернулся к проблеме заключения Сатмарского мира в своей речи по случаю присвоения звания академика. По его собственным словам, он искал ответ не на вопрос «Как такое произошло?», но на вопрос «Как такое могло произойти?» В этой работе, которая долгое время оставалась неопубликованной, историк убедительно рисовал картину морального разложения войска и отдавал должное обусловленным личными духовными исканиями политическим позициям и действиям трех вождей куруцкого войска и государства — Ференца II Ракоци, Миклоша Берчени и Шандора Каройи. Вместо того чтобы уделить основное внимание обозначенному в заголовке острому противостоянию Каройи и Берчени, историк сосредоточивается на изображении Каройи и Ракоци как дополняющих друг друга исторических фигур. Впоследствии издатель этого

труда Иштван Цигань писал, что «настоящим антиподом Каройи» становится не Берчени, а Ракоци, который «выведен не как реальный политик, но как образец морального поведения»¹⁸.

После 1945 г. венгерская историческая наука вновь оказалась под сильным идеологическим прессом. В марксистских идеологических построениях восстание куруцев именовалось примером «классовой борьбы» и «антифеодальным» освободительным движением; Ракоци же превратился в народного вождя, который возглавил борьбу против иноземного гнета, «возвысился над интересами собственного класса», начертал на своих знаменах цели освобождения крестьянства, благодаря чему — как важнейший носитель «прогрессивных традиций» — продолжал пользоваться бесспорной популярностью. (В этом построении особое место обретала «иноземная» династия, борьба против «западных угнетателей», в то время как вопрос о русско-венгерском союзе тоже получил своеобразную трактовку: пока советское влияние было господствующим, нельзя было привести более положительного исторического примера, чем сношения Ракоци с Петром Великим.) После того как идеологические пути относительно быстро были ослаблены, марксистская историография тоже внесла свой вклад в изучение эпохи в виде пространственных трудов. При этом, несмотря ни на что, она последовательно транслировала личные взгляды Ракоци, исходя из сформулированных им целей и принципов, равно как и шансов на их осуществление и причин поражения.

Серьезный прорыв в изучении темы совершил Бела Кёпеци — автор выдержавшей три издания современной биографии Ракоци (написанной совместно с Агнеш Варкони) и работ, посвященных французским аспектам освободительной борьбы и политической деятельности князя-изгнанника. Историк подверг ревизии картину, некогда нарисованную Д. Секфю¹⁹, однако в интерпретации взглядов собственно Ракоци предпринял лишь осторожные шаги в сторону большей объективности. При оценке Сатмарского мира и политики Ракоци и Каройи он существенно уточнил сложившиеся взгляды: политика Ракоци была «ирреальной», но не в отношении интересов, целей и принципиальных возможностей, а как раз в оценке их осуществимости. Для характеристики политических принципов князя ученый предпочитал употреблять определения «моралист»/«моральный», а не «идеалист»/«идеалистический»²⁰.

Агнеш Р. Варкони как в совместной с Б. Кёпеци монографии о Ракоци, так и в своих собственных работах подчеркивает желание князя принять участие в мирных переговорах, венчавших Войну за испанское наследство (1701–1714 гг.) — подписании так называемого *pax universalis*, или «всеобщего мира». Придавая этому обстоятельству чрезвычайно важное значение, историк негативно оценивает Сатмарский мирный договор, заключенный без международных гарантий, тем более что к 1711 г. потенциал освободительной борьбы еще не был исчерпан²¹. Имре Банкути вступил в полемику с критиками мирного договора и, хотя сам не был специалистом по истории дипломатии, сумел, рассуждая здраво и объективно, опираясь (нередко) на достижения своих оппонентов, прийти к выводу, что Сатмарский мирный договор не стал поворотом к худшему в национальной истории. При оценке связей с Францией и Россией историк защищал свою позицию не с помощью эмоциональных доводов, не вольным пересказом

требований Ракоци и куруцев, но точными оценками современной европейской дипломатической и военной ситуации, наглядной демонстрацией интересов и возможностей той эпохи²². В то же время, обработав колоссальный массив архивных источников, он ввел в научный оборот содержание документов из семейного архива Каройи и тем самым в значительной мере способствовал прояснению роли Шандора Каройи и исключению темы его предательства²³.

Агнеш Ковач — автор современной биографии Каройи — тоже решительно отвергает выдвинутые против него обвинения. По ее мнению, предводитель куруцев «прежде всего, “предал” ту программу, которую в 1711 г. можно было назвать лишь утопией». Что касается Сатмарского мира, то историк полагает, что «он спас нацию от последствий, сопровождающих военное поражение, и тем самым дал больше, чем можно было бы добиться в 1711 г.»²⁴.

Иштван Цигань, проанализировав состояние куруцкого войска и соотношение сил между противоборствующими сторонами, пришел к сходным выводам. Он считает, что «с военной точки зрения Палфи и Каройи подписали договор, крайне выгодный куруцкой стороне [...] главнокомандующий императорскими силами заключил мир с уже покоренной страной»²⁵.

Противоречия между реалистической оценкой исторической роли Каройи и господствующим в нашей историографии прославлением морального решения Ракоци на самом деле нет. Густав Хеккенаст (1922–1999) в соответствующей главе обобщающего труда по венгерской военной истории удачно высказался в том духе, что возможность политического компромисса заложил сам Ракоци в момент начала и провозглашения целей освободительной борьбы. «Народная традиция и венгерское национальное историческое сознание инстинктивно почувствовали мощные силы, действовавшие за кулисами очевидных событий, когда возвели на пьедестал героя не реального политика, но создавшего предпосылки для этой реальной политики Ференца Ракоци»²⁶. Агнеш Ковач в связи с «исторической реабилитацией» Каройи пришла к сходному выводу; по ее мнению, венгерской историографии необходимо наконец согласовать политику Ракоци и Каройи, потому что «Ракоци руководил освободительной борьбой и вместе со сторонниками мирного решения Каройи и Палфи вынудил Габсбургскую династию изменить свою вызывавшую столько нареканий политику». Нам остается лишь согласиться с утверждением, что «завершение борьбы мирным соглашением требовало личности с иными ценностными ориентирами, нежели руководство восстанием, и признание достоинств Каройи не умаляет исторического значения Ракоци»²⁷.

История подписания Сатмарского мирного договора (краткий очерк)

После катастрофического поражения в битве под Тренченом 3 августа 1708 г. дело освободительной борьбы под предводительством Ракоци было обречено. Куруцкому войску приходилось постоянно отступать: их контрнаступления летом 1709 г. в липтовском походе, в начале 1710 г. в битве при местечке Ромхань,

затем во второй половине года в Задунавье одно за другим терпели поражения²⁸. Тяготы и лишения затянувшейся гражданской войны, эпидемия чумы, бушевавшая в последние годы, совершенно истощили общественные и экономические силы Венгрии, поэтому желание мира в лагере Ракоци и в рядах верных королю сословий лишь усиливалось. Князь перед лицом всё более очевидного военного поражения мог рассчитывать единственно на помощь из-за границы. Его главной целью было принять участие в мирных переговорах, завершавших Войну за испанское наследство, на стороне французов. После того как на другом европейском театре военных действий, в Северной войне (1700–1721 гг.), последовал поворот (шведский король Карл XII проиграл сражение под Полтавой²⁹), князь питал всё более полнокровные надежды на военную помощь от русского царя Петра I, с которым с 1707 г. формально состоял в союзнических отношениях³⁰.

Условием реализации обоих дипломатических проектов было бы продолжение вооруженной борьбы в Венгрии. Но куруцкое войско исчерпало резервы собственных возможностей и избегало военного поражения только потому, что для Вены всё важнее становилось установление в Венгрии долгосрочного мира. На рубеже 1710–1711 гг. Война за испанское наследство, продолжавшаяся с 1701 г., близилась к своему завершению, и становилось всё очевиднее, что центр тяжести Габсбургской монархии смещается с запада на восток, в долину Дуная. Иными словами, поскольку испанского наследства добиться не удалось, а силовые отношения внутри Священной Римской империи не позволяли сосредоточить в руках императора всю полноту реальной власти, государство Габсбургов превратилось, по сути, в центральноевропейскую державу. Как следствие, роль Венгрии существенно возросла и окончание вооруженного противостояния стало еще более неотложной задачей. Угрожающее поведение Оттоманской Порты, вновь набравшей силы после Карловицкого мира 1699 г., лишь усиливало это желание. По этой причине не только вновь назначенный военачальник граф Янош Палфи³¹, но и прозорливые государственные мужи империи, в том числе чешский канцлер Иоганн Венцель Вратислав (1670–1712), председатель Придворного военного совета Евгений Савойский, даже сам император-король Иосиф I хотели избежать кровавой карательной акции и стремились к заключению компромисса. Впрочем, понятие компромисса включало в себя лишь личную и имущественную амнистию, о независимости подвластной Ракоци Трансильвании и требовании подкрепить мирный договор международными гарантиями не было даже речи³². Сам Палфи наудачу обратился не к Ракоци, а к самому талантливому и на тот момент единственному действующему полководцу барону Шандору Каройи и предложил ему возможность личной сдачи в плен³³.

Палфи наверняка не ожидал, что Каройи перейдет на сторону императора. Он думал: тот покажет письмо Ференцу II Ракоци. Однако Каройи взял на себя роль посредника, что не было таким уж трудным делом: сам князь — по одним только тактическим соображениям — приказал ему прозондировать почву на предмет возможных переговоров³⁴. Наконец, дошел черед до личных встреч: сначала Палфи с Каройи, затем, после возвращения из короткой поездки в Польшу³⁵, — Ракоци с Палфи.

31 января 1711 г. на встрече в городе Вайя выяснилось, что Ракоци склоняется к заключению мира, ибо сам понимает — его войска не способны противостоять многократно превосходящим силам Габсбургов. Князь пообещал покаяться перед императором и даже после некоторых колебаний написал Иосифу I чрезмерно эмоциональное, доказывающее справедливость освободительной борьбы письмо. Однако на заседании венгерских и трансильванских советников в Шаланке было принято решение придерживаться условий мира, сформулированных в 1706 г., предполагавших независимость Трансильвании и международные гарантии. 21 февраля Ракоци отправился в Польшу для личной встречи с царем Петром и возложил командование на Ш. Каройи.

Каройи неожиданно для себя оказался в довольно сложной ситуации: нужно было затягивать переговоры, чтобы выиграть время, и в обмен на продление перемирия соглашаться на новые и новые территориальные уступки. Впрочем, положение Палфи было не менее тяжелым: располагая численно превосходящим противника войском, он был вынужден скромные военные успехи (взятие маленьких, располагавших устаревшими оборонительными средствами крепостей и довольно медленное изменение линии фронта) выдавать перед Венной за подлинные победы.

В середине марта Каройи — не из предательства, а лишь по тактическим соображениям и в знак искреннего намерения заключить мирный договор — тайно присягнул на верность императору, дав одновременно понять Палфи, что цель его — не личная сдача в плен, но мирное окончание войны. После того как ему не удалось убедить ни вернувшегося из Польши Ракоци, ни его ближний круг в необходимости заключения мира и неизбежности военного поражения, Каройи открыто с ними порвал, но при продолжении переговоров продолжал представлять личные интересы Ракоци. В начале апреля на сатмарском съезде оставшихся в Венгрии членов куруцкой сословной конфедерации было принято решение о необходимости заключения мирного соглашения, но убедить князя вернуться на родину делегатам не удалось.

Ракоци в своем Кукизовском манифесте от 18 апреля предпринял отчаянную попытку продолжить борьбу³⁶ и созвал в Хусте собрание сословий — членов конфедерации. Каройи же, ссылаясь на проблемы со снабжением, остался в Сатмаре, где 29 апреля было наконец заключено мирное соглашение. Между тем события приняли неожиданный оборот: 17 апреля умер император-король Иосиф I. Австрийцы несколько недель держали его смерть в тайне, дабы это обстоятельство не повлияло на ход мирных переговоров. Такая осторожность отнюдь не была чрезмерной: узнав о кончине государя, Ракоци сослался на государственно-правовую коллизию, что до выборов нового короля продолжение борьбы становится бессмысленным, но и мирное соглашение заключать не с кем. Однако после того, как в 1687 г. у венгерских сословий отняли право свободного выбора короля, у Государственного собрания не было иного пути, кроме как короновать последнего представителя Габсбургского дома по мужской линии, эрцгерцога Карла (1745–1761). Так или иначе, Ракоци, в особенности с конца 1711 г., считал принесение коронационной клятвы и издание коронационной грамоты достаточными гарантиями прав венгерских сословий и проявлял особую несговорчивость лишь в вопросе о Трансильвании. Между-

царствие, однако, только на первый взгляд могло (бы) дать преимущество куруцам. На самом деле, затягивая переговоры, князь столкнулся с противоречивой ситуацией: после смерти Иосифа I положение Палфи при дворе пошатнулось, несколько дней казалось даже, что верх берут сторонники прекращения войны силой оружия. Когда вдова Леопольда I императрица Элеонора Магдалена (1655–1720) стала регентшей, фаворитка покойного императора Анна Мария Палфи немедленно впала в немилость³⁷. Одновременно (21 апреля) правительница сняла Яноша Палфи с должности главнокомандующего. Лишь заступничество Евгения Савойского и Вратислава позволило спасти положение, и в конце концов Палфи остался на своем посту для завершения великой миссии — заключения договора о мире. Это тревожное интермеццо со всей очевидностью доказывает, что проволочки в таком не терпящем промедления деле не только не были в интересах Ракоци, но напротив, усиливали позиции сторонников кровавого продолжения войны.

Тем временем, не имея ни малейшего представления о смерти императора-короля, остатки куруцкого войска (12 тыс. человек) 30 апреля сложили знамена на поле близ Майтены и организованно отправились по домам. Лишь единицы приняли решение влиться в императорское войско. 1 мая в Надькаройе представители куруцев подписали текст мирного соглашения³⁸, обещавшего великодушную амнистию всем участникам восстания и сохранение личной и имущественной неприкосновенности для князя. По всей вероятности, под воздействием Кукизовского манифеста Каройи в последний момент включил в число пунктов мирного договора требование возведения в дворянское достоинство офицеров-куруцев, происходивших из зависимых крестьян³⁹. (Среди подписавших текст договора фигурировали четыре полковника недворянского происхождения, и впоследствии всем четверым при Карле VI были пожалованы дворянские гербы.)

С таким договором Ракоци по понятным причинам согласиться не мог. Он был уверен, что по крайней мере защитники Мункача продержатся до того, как ему удастся договориться с Петром I о вооруженной поддержке. Наконец, 18 мая царь дал знать, что по причине войны с османами не может позволить себе вмешаться в новый вооруженный конфликт, чем отнял у князя последнюю надежду. В конце июня крепость Мункач пала, так завершилось умиротворение Венгрии.

Ракоци отправился сначала в северную Польшу, затем, в 1712 г., во Францию, но добиться предметного рассмотрения своего дела на мирных переговорах в Утрехте и Раштатте так и не удалось. В 1717 г. по приглашению султана Ахмеда III князь отправился в Турцию и окончил свою бурную жизнь в Родосто.

ОЦЕНКА САТМАРСКОГО МИРНОГО ДОГОВОРА, ВЕРОЯТНОСТЬ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУССКОЙ ПОМОЩИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ГАРАНТИЙ

Из краткого историографического обзора, предпосланного статье, можно было сделать вывод, что венгерские историки трактовали 1711 г. и как начало «габсбургской колонизации», и как наступление периода расцвета страны. Каройи

был заклеен как предатель, князь же закрепился в венгерском сознании как идеальный борец за свободу. Авторы, склонные к нюансированным высказываниям, вели речь об этих двух государственных мужах как о представителях реальной и идеальной (моральной) политики. По нашему убеждению, Сатмарский мирный договор, несмотря на то что Ракоци его не признал, позволил под угрозой сокрушительного военного поражения добиться всего того, за что большинство куруцев сражались с оружием в руках. После века вооруженного противостояния правящий дом и сословия заключили наконец мирное соглашение, были сняты противоречия, раздиравшие венгерскую политическую элиту изнутри. Благодаря системе сословных институтов Венгрия сохранила в рамках Габсбургской монархии свою независимость и контуры своей государственности⁴⁰.

Надежды Ракоци как на русскую помощь, так и на участие в общеевропейских мирных переговорах оказались беспочвенными. Весной и летом 1711 г. военные и политические события в Венгрии и за ее пределами (смерть Иосифа I, последовавшее затем отстранение Палфи, начало Русско-турецкой войны, готовность Карла VI идти на компромиссы) свидетельствовали о том, что у Каройи не было поля для маневра. Он уже потому не ждал окончания переговоров с русскими, что реально оценивал имеющиеся возможности. Каройи был довольно простым, немного заносчивым, хотя и способным и восприимчивым провинциальным помещиком, который за годы освободительной борьбы накопил необходимый военный и политический опыт. Куруцкий военачальник умел трезво, взвешенно и прозорливо судить о событиях большой политики. Согласно одной записи, не предназначавшейся для чужих глаз, он уже в начале 1711 г., примерно в то время, когда встречался с Петром I в Вайе, реалистически оценивал вероятность осуществления «русских надежд». По словам Каройи, он соглашался с Ракоци в том, что «Москва могла бы стать главной надеждой, но, — тут же возражал, — выступив против турка, она оставит в покое шведа, поелику двоих, если раньше против одного не имела достаточно силы, теперь тем более не одолеет». Численное превосходство императорских вооруженных сил было столь велико, что им не составило бы труда сокрушить любого потенциального союзника: русских, шведов или османов. Именно поэтому Каройи считал заключение мира неизбежным и единственным целесообразным средством⁴¹.

Время подтвердило правоту Каройи: князю пришлось разочароваться не только в военной помощи, но и в посредничестве русской дипломатии. Он надеялся, что при вмешательстве Петра I мирному договору будут даны международные гарантии, однако в планы царя не входил не только вооруженный конфликт, но даже обострение отношений с Венной. Габсбурги оказывались естественными союзниками против турок, спору же двух дворов о титуле (из-за величания царя как равного императору возникли протокольные разногласия) не следует придавать чрезмерного значения, ведь он не мог стать причиной разрыва между двумя сторонами. Венский двор еще в 1709 г. отверг предложения царя о посредничестве. Имперская дипломатия, в свою очередь, проявила завидную находчивость, спросив: правильно ли, если кто-то возьмется посредничать между Петром и Мазепой, русским самодержцем и казаками?⁴² Таким образом, у царя

Петра не было ни возможности, ни желания предоставлять союзнику военную или действенную дипломатическую помощь.

В связи с международными гарантиями нужно учитывать два принципиально важных обстоятельства: с одной стороны, мир, завершавший Войну за испанское наследство, был подписан «слишком поздно» (1713–1714 гг.), с другой — произошло это не на общей конференции, но в форме нескольких мирных соглашений. От куруцкого войска, которое два с половиной года отступало от западных рубежей королевства до его восточных границ и, как видим, не было способно не только наступать, но даже обороняться, не приходилось ждать продолжения борьбы. Опираясь лишь на несколько крепостей, нельзя было противостоять превосходящим силам противника; в этом на собственном опыте убедились защитники Мункача. Даже если бы чудесным образом сохранились островки куруцкого сопротивления или — как писал Ракоци в Кукизовском манифесте — повстанцы укрылись бы в горах, лесах, на болотах и продолжили бы свою борьбу партизанскими методами, даже тогда чаяниям Ракоци не суждено было бы сбыться, потому что «всеобщего мира» всё равно бы не наступило, т. е. не удалось бы собрать такой стол переговоров, где нашлось бы место «недовольным» из Венгрии или послам князя из Трансильвании⁴³.

Насколько возможно (или невозможно) было достичь целей повстанцев на двухсторонних мирных переговорах, вскоре стало очевидно для избравшего изгнание Ракоци. Протестантские державы (Англия, Голландия) не захотели поднять венгерский вопрос на мирных переговорах в Утрехте; даже французы считали это несвоевременным. Молодой дипломат Михай Янош Клемент (1689–1720) сочинил памфлет, в котором приводил исторические доводы в пользу права Трансильвании на независимость, и тем самым пробудил сочувствие в широких европейских кругах, заклеил венский двор, но, как остроумно заметил прусский придворный проповедник Даниэль Эрнест Яблонский (1660–1741), для доказательства справедливости высказанных в памфлете требований и их осуществления «есть всё, кроме армии»⁴⁴. В Раштатте посол Людовика XIV маршал Виллар поднял было трансильванский вопрос, но представитель императора Евгений Савойский напомнил о неурегулированном автономном статусе Каталонии, и после этого вопрос о Ракоци по взаимному согласию обеих сторон «пал жертвой»⁴⁵. (Здесь, впрочем, нужно смотреть на вещи реалистически и трезво оценивать шансы на удовлетворение тех или иных интересов: французы вряд ли могли сделать что-то большее, чем эта робкая попытка вмешательства. Иными словами, было бы ошибкой обвинять тогдашнего союзника Короля-Солнце, в «предательстве», «оставлении в опасности». Один из наиболее выдающихся куруцких дипломатов Ласло Кёкенешди (1685–1756) уже в начале 1709 г. предупреждал Ракоци: дела у французов идут настолько плохо, что Людовик XIV ради мира будет вынужден пожертвовать своим собственным внуком, испанским королем, так что венграм не приходится рассчитывать на существенную поддержку⁴⁶.)

В заключение, подводя итог истории русско-венгерских связей в рассматриваемую эпоху, следует в качестве важной вехи упомянуть союзный договор между князем Ференцем II Ракоци и Петром Великим, даже если ни одна из сторон

не была в состоянии оправдать ожидания другой. Русская поддержка, оказанная куруцкой эмиграции, зачисление венгерских гусар на русскую службу, первые шаги к распространению в России венгерской культуры виноградарства и виноделия, дипломатические усилия Ракоци в конце освободительной войны, затем в эмиграции, направленные на улучшение русско-турецких и русско-французских отношений, могут быть названы в числе положительных примеров, сохранившихся в коллективной памяти обоих народов и продолжающих служить основой для развития двусторонних отношений сегодня.

Перевод с венгерского О.В. Хавановой

¹ См. двуязычное критическое издание: II. Rákóczi Ferenc fejedelem emlékiratai a magyarországi háborúról, 1703-tól annak végéig (Mémoires du prince François II Rákóczi sur la guerre de Hongrie depuis 1703 jusqu'à sa fin) / Ford. I. Vas; a tanulmányt és a jegyzeteket írta V. Köpeczi; a szöveget gondozta I. Kovács. Bp., 1978. (AR. III. osztály: Írók. II. Rákóczi Ferenc művei. 1. köt.).

² Gróf Károlyi Sándor önéletírása és naplójegyzetei (далее — Károlyi önéletírása) / Kiadta L. Szalay; [előszó K. Thaly]. Pest, 1865. I–II. (Magyar Történelmi Emlékek. IV–V. köt.).

³ Й. Пуйяи был секретарем императорского главнокомандующего Я. Палфи и лично принимал участие в событиях (он привел куруцкие войска к присяге императору); свое сочинение, распространявшееся в XVIII в. в бесчисленных рукописных копиях, он написал на основании документов, полученных от Ш. Каройи. См.: *Pulyai [!] J. Szathmári békesség // Károlyi önéletírása. II. köt. 183–506. old.* См. также более новое, современное издание, где имя автора написано правильно: *Pulyai J. Szatmári békesség / Sajtó alá rendezte, a bevezetőt írta, a jegyzeteket és mutatókat K. Mészáros közreműködésével összeállította I. Bánkúti. Bp., 2007. (Rákóczi Források).*

⁴ *Magyar Z. Rákóczi a néphagyományban. Rákóczi és a kuruc kor mondavilága. Bp., 2000.*

⁵ Вот несколько примеров из поэзии Шандора Петёфи: в стихотворении «На равнине при Майтене» («*Majtényi sík*», 1847 г.) поэт упоминает «гнусное предательство» (*undok árulás*); в стихотворении «Ракоци» («*Rákóczi*», 1848 г.) обращается к князю как к «святому отчизны». Янош Арань в 1848 г. посвятил Ракоци два важных стихотворения: в одном — «Кладбище в Родосто» («*Rodostói temető*», 1848 г.) — он оплакивает могилы изгнанников; во втором — балладе «Жена Ракоци» («*Rákócziné*», 1848 г.) — сознательно называет немецкую супругу Ракоци, ведущую беспечный образ жизни, «венгеркой» (*magyar nő*). В стихотворении, начинающемся словами «Есть ли такой...» («*Van-e olyan...*», 1849 г.) прямо противопоставляет мятежных куруцев («добрых сынов отечества» — *jó hazafi*) и верных Габсбургам лабанцев («предателей-подонков» — *honárló kurafi*). В венгерской исторической живописи эта эпоха получила свое достойное место прежде всего в работах Виктора Мадараса (1830–1917), который изображал мир куруцев и лабанцев как братоубийственную войну (картина «Куруц и лабанц», 1855 г.) и выбирал для своих полотен такие темы, как испытания, выпавшие на долю маленького Ракоци в момент сдачи крепости Мункач («Илона Зрини на допросе в замке Мункач», 1859 г.), прощание деда и дяди Ракоци перед казнью («Зрини и Франгепан», 1864 г.). Бертолан Секей запечатлел спасение бегством из крепости Арва отчима Ракоци, Имре Тёкёли («Прощание Имре Тёкёли», 1873 г.), Дюла Бенцур (1844–1920) увековечил арест молодого Ракоци в Надьшароше 18 апреля 1701 г. («Пленение Ференца II Ракоци», 1869 г.). В период освободительной борьбы 1848–1849 гг. художни-

ков Виктора Мадараса, Шому Орлаи Петрича (1822–1880), Мора Тана (1828–1899) вдохновляли главным образом кровавые страницы Государственного собрания 1707 г. в Оноде, когда выступавшие за прекращение вооруженной борьбы депутаты от комитата Туроц (ныне Туриец в Словакии) были жестоко убиты. Наконец, в связи с Сатмарским миром следует упомянуть знаменитое полотно Мора Тана («Ференц II Ракоци отвергает Сатмарский мир», 1847 г.).

⁶ Анализ этого процесса см.: *Kincses K.M. Kultusz és hagyomány. Tanulmányok a Rákóczi-szabadságharc 300. évfordulóján. Bp., 2003.*

⁷ *Dokumentumok II. Rákóczi Ferenc és társai újratemetéséhez (1873–1906) / Válogatta, szerkesztette, jegyzetekkel ellátta és az előszót írta H. Halász, Cs. Katona, Z. Ólmosi. Bp., 2004.*

⁸ *Márki S. II. Rákóczi Ferenc. Bp., 1907–1910. I–III. köt. (Magyar Történelmi Életrajzok. 51., 53–54. köt.).*

⁹ *Ibid. III. köt. 236. old.*

¹⁰ *Ibid. 237–245. old. (Кн. XIV. Гл. 4).*

¹¹ Иван Золтан Денеш пишет о «ложном реализме», Бела Кёпечи предпочитает определять политику Ракоци словом «моральная».

¹² *Szekfü Gy. A száműzött Rákóczi. Bp., 1913, 1993².*

¹³ *Ibid. 78–79. old. (второе издание — 75. old.).*

¹⁴ *Ibid. 336. old. (второе издание — 292. old.).* С этим в корне не согласен Ференц Тот, см.: *Tóth F. Bujdosó vagy száműzött? A Rákóczi-emigráció a történelem tükrében // Magyar Tudomány. 2006. 3. sz. По его мнению, литературное и философское наследие Ракоци и Микеша, военные достижения куруцев в эмиграции (распространение в Европе гусарских полков), даже отдельные скромные успехи на первый взгляд бессмысленных дипломатических усилий, как и сама жизнь в эмиграции, принесли полезные для общества плоды. Кроме того, с точки зрения эффективности представительства интересов венгерских сословий трудно отрицать политическое значение эмиграции.*

¹⁵ О дискуссии вокруг книги Д. Секфю см. монографию И.З. Денеша: *Dénes I.Z. A “realitás” illúziója. A historikus Szekfü Gyula pályafordulója. Bp., 1976; далее см. также: A Rákóczi-szabadságharc / Szerk. Á. R. Várkonyi, D.D. Kis. Bp., 2004. 426–442. old. (Nemzet és emlékezet).*

¹⁶ *A szatmári béke története és okirattára / Közzétette, történelmi bevezető tanulmánnyal és jegyzetekkel ellátta I. Lukinich. Bp., 1925 (Fontes historiae Hungaricae aevi recentioris. Magyarország újabbkori történetének forrásai. Hivatalos iratok és levelek).*

¹⁷ *Ibid. VI. old. (Предисловие).*

¹⁸ *Czigány I. Egy kiadatlan akadémiai székfoglaló. Szekfü Gyula: Károlyi és Bercsényi a szatmári béke előtt // Htk. 1990. 103. évf. 3. sz. 140. old.*

¹⁹ *Köpeczi B., R. Várkonyi Á. II. Rákóczi Ferenc. Bp., 1955; 1976²; 2004³; Köpeczi B. A Rákóczi-szabadságharc és Franciaország. Bp., 1966; см. также переработанный и дополненный перевод на французский: Köpeczi B. La France et la Hongrie au début du XVIIIe siècle. Etude d'histoire des relations diplomatiques et d'histoire des idées. Bp., 1971.; Köpeczi B. A bujdosó Rákóczi. Bp., 1991.*

²⁰ *Köpeczi B. Rákóczi és Károlyi // “...kedves hazám boldogulása munkáját kezébe adom...” Történészek a szatmári békéről. Árulás vagy reálpolitikai lépés? A Szatmárnémetiben 2001. április 27-én megrendezett történetészkonferencián elhangzott előadások szerkesztett változatai. Nyíregyháza, 2003. 11. old.*

²¹ *R. Várkonyi Á. Rákóczi szabadságharc történelmi fejlődésünkben és a szatmári béke // A Rákóczi-szabadságharc vitás kérdései. Tudományos emlékülés, 1976. január 29–30. (далее — A Rákóczi-szabadságharc vitás kérdései) / Szerk. Molnár M. Vaja; Nyíregyháza, 1976. 25–43. old.; *Eadem. “Ad pacem universalem” (A szatmári béke nemzetközi előzményeiről) // Századok. 1980. 114. évf. 165–200. old.; Eadem. A nemzetközi garancia és a generális. A szatmári béke történetéhez // Történészek a békéről. 13–26. old.**

- ²² *Bánkúti I.* A szatmári béke. Bp., 1981 (Sorsdöntő történelmi napok. 6. sz.); *Idem.* Rákóczi és I. Péter cár: remények és/vagy illúziók // A Rákóczi-szabadságharc és Közép-Európa. Tanulmányok a Rákóczi-szabadságharc kezdetének 300. évfordulójára / Szerk. E. Tamás. II. köt. Sárospatak, 2003. 165–171. old. (A Sárospataki Rákóczi Múzeum Füzetei. 46. köt.).
- ²³ *Bánkúti I.* Dokumentumok a szatmári béke történetéhez (далее — Dokumentumok). Bp., 1991; *Idem:* Károlyi Sándor feljegyzése a béketárgyalások és békekötés elveiről (1711. január) // Történelmi Szemle. 1996. 38. évf. 2–3. sz. 315–319. old.; *Idem:* Károlyi Sándor két írása a Rákóczi-szabadságharcból (1706, 1711) // A nyíregyházi Jósza András Múzeum Évkönyve. XXXIX–XL. 1997–1998 / Főszerk. P. Németh. Nyíregyháza, 1998. 203–211. old.; *Idem.* Károlyi Sándor telepítő pátense a katonáskodók számára, 1711. április 12. // Htk. 2000. 113. évf. 2. sz. 477–482. old. Свою оценку роли Каройи историк еще в самом начале работы объективно изложил в статье: *Idem.* Károlyi Sándor // A Rákóczi-szabadságharc vitás kérdései. 66–70. old.
- ²⁴ *Kovács Á.* Károlyi Sándor. Bp., 1988. 123. old. (Magyar História. Életrajzok).
- ²⁵ *Czigány I.* A kuruc állam katonai helyzete és a szatmári béke // Htk. 1990. 103. évf. 3. sz. 53. old.
- ²⁶ *Heckenast G.* A Rákóczi-szabadságharc // Magyarország hadtörténete két kötetben / Főszerk. E. Liptai. [Bp.] 19852. I. köt. 399. old.
- ²⁷ *Kovács Á.* Rákóczi és Károlyi // Pro patria. Tanulmányok. Nyíregyháza, 2004. 51. old. (A Szabolcs-Szatmár-Bereg Megyei Levéltár Kiadványai. III. Tanulmányok. 12. sz.) 51. old.
- ²⁸ Работы Арпада Марко (1885–1966) о военных поражениях, предопределивших крах освободительной борьбы, по сей день не потеряли своей актуальности. См.: *Markó Á.* A trencsényi csata. (1708. augusztus 3.) // Htk. 1931. 32. évf. 1. sz. 31–70., 151–194. old.; *Idem.* A lipcsei kuruc hadjárat 1709 augusztusában. Székfoglaló értekezés. Bp., 1935. (Értekezések a történelmi tudományok köréből. 25. sz.); *Idem.* A romhányi csata. 1710. január 22. // Htk. 1930. 31. évf. 1. sz. 18–52. old. Описание двух сражений в современном переиздании см.: *Idem.* II. Rákóczi Ferenc csatái. (Válogatott tanulmányok) / [Szerk.] K. Mészáros. Bp., 2003. 162–256., 257–295. old. (Из упомянутых поражений только Задунайский поход 1710 г. еще не получил освещения в современной историографии.)
- ²⁹ О Полтавской битве мы располагаем дневником венгерского свидетеля. Лютеранский епископ Даниэль Крманн (1663–1740) в качестве посла венгерских протестантских сословий находился в лагере Карла XII («лютеранского папы»). Описание путешествия Крманна — исключительно важный источник, повествующий о культурно-антропологическом контексте современных автору польских, белорусских и русских отношений. Дневник издан на латыни, а также в словацком переводе. См.: *Krman D.* Itinerarium. (Čestovny dennik z rokov 1708–1709) / Studiu o diele napisal J. Minárik; Životopis a poznámky napisal a text preložil G. Viktory. Bratislava, 1969. В венгерском переводе см.: *Krman D.* Küldetésem története. Itinerarium (1708–1709). Bp., 1984.
- ³⁰ Основательное и реалистическое исследование по теме см.: *Artamonov V.A.* Magyarország és az orosz-lengyel szövetség 1707–1712 // Európa és a Rákóczi-szabadságharc. A II. Rákóczi Ferenc születésének 300. évfordulója alkalmából Sárospatakon, 1976. május 24–28-án rendezett nemzetközi tudományos konferencia előadásai / Szerk. K. Benda. Bp., 1980. 45–51. old.
- ³¹ Отпрыск одного из знатнейших аристократических родов Венгрии граф Янош Палфи в 18 лет (1681 г.) связал свою судьбу с армией, постепенно дослужился от простого добровольца до полковника (1709 г.), и хотя в его карьере немаловажную роль сыграли любовные узы, связывавшие дочь Марию Анну с императором Иосифом I, он достиг положения, при котором мог действительно сочетать интересы правящего дома и сословной нации, исключительно благодаря личным талантам и собственным заслугам. См.: *Lukinich I.* A szatmári béke története és okirattára. 15–16. old.; *Bánkúti I.*

- Pálffy János* // Nagy képes millenniumi arcképcsarnok. 100 portré a magyar történelemből / Szerk. Á. Rác. Bp., 1999. 134–136. old.
- ³² Уже в период с 1704 по 1708 г. мирные переговоры на условиях куруцев систематически проваливались.
- ³³ Янош Палфи 14 и 17 ноября 1710 г. направил Каройи два идентичных по содержанию письма, на которые тот ответил только 9 декабря 1710 г., после согласования с Ракоци и в соответствии с инструкциями князя. См.: *Pulyai J.* Szatmári békeség. 52–56. old.; *Bánkúti I.* Dokumentumok. 13., 15. old.
- ³⁴ Князь в письме от 23 ноября 1710 г. предлагал Каройи, чтобы в ходе переговоров с Палфи тот прозондировал почву по поводу обмена военнопленными.
- ³⁵ Уже во время этой поездки Ракоци понял, что из-за войны с османами на русскую помощь рассчитывать не приходится, и все-таки ухватился за эту надежду как за последнюю соломинку.
- ³⁶ Приведено у: *Pulyai J.* Szatmári békeség. 165–183. old.
- ³⁷ С несчастной женщиной обошлись жестоко, заставили выйти замуж за 65-летнего аристократа и покинуть Вену. Лишь чешский канцлер Вратислав и, под его влиянием, новый император Карл VI из одного только уважения к памяти покойного брата проявляли милость к опальной фаворитке. См.: *Lukinich I.* A szatmári béke története és okirattára. 120–124. old.
- ³⁸ Этот документ сохранился в двух оригинальных экземплярах, скрепленных подписями и печатями. Оба хранятся в Государственном архиве в Вене. См.: ÖStA. HHStA. Allgemeine Urkundenreihe. 29.IV–I.V.1711; *Ibid.* Ungarische Akten. Miscellanea. Fasc. 424. Konv. B. Fol. 48–57. Факсимильное издание первого документа см.: 1711: Kiegyezés és újrakezdés / [Mészáros K. bevezető tanulmányával]. Nyíregyháza, 2011. (A Jósza András Múzeum Kiadványai. 69. sz.).
- ³⁹ *Heckenast G.* A jobbagykatonaságra vonatkozó végzés a szatmári békeokmányban // A Rákóczi-szabadságharc vitás kérdései. 58–65. old.
- ⁴⁰ Об этом говорит уже само заглавие сборника статей, подготовленного к 300-летней годовщине начала Освободительной войны, — «Сохранение государственности». См.: Az államiság megőrzése. Tanulmányok a Rákóczi-szabadságharcról (далее — Az államiság megőrzése) / Szerk. és az előszót írta I. Czigány. Bp., 2002.
- ⁴¹ *Bánkúti I.* Károlyi Sándor feljegyzése a béketárgyalások és békekötés elveiről. 317. old. Агнеш Ковач, используя новые данные, уточняет обстоятельства появления этого документа. См.: *Kovács Á.* Rákóczi és Károlyi.
- ⁴² См.: *Gebei S. I.* Péter cár és II. Rákóczi Ferenc fejedelem 1707. évi varsói egyezményének utóélete // II. Rákóczi Ferenc, az államférfi. Tanulmányok a sárospataki országgyűlés 300. évfordulójára / Szerk. E. Tamás. Sárospatak, 2008. 116–117. old. (A Sárospataki Rákóczi Múzeum Füzetei. 53. sz.).
- ⁴³ *Köpeczi B.* Abujdosó Rákóczi. 112–113. old. (Кстати, автор установил, что мира по общему согласию так и не получилось, князь продолжал винить Каройи за заключенное с Палфи соглашение: «...не оставил времени для дальнейших переговоров».)
- ⁴⁴ *Ibid.* 107. old.
- ⁴⁵ *Kalmár J.* La question de la Transylvanie au cours des traités de Rastatt (1713–1714) // Európai szemmel. Tanulmányok Köpeczi Béla tiszteletére / Szerk. J. Kalmár. Bp., 2007. 61–66. old.
- ⁴⁶ Цит. по: *Köpeczi B.* A Rákóczi-szabadságharc külpolitikája és a francia–bajor kapcsolat // Az államiság megőrzése. 17. old.

ДИПЛОМАТИЯ ФЕРЕНЦА II РАКОЦИ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ф. Том

САТМАРСКИЙ МИР 1711 г. и Франция

В раннее Новое время политику Франции в отношении Восточной Европы принципиально определяла ее вековая борьба против империи Габсбургов. Французский королевский двор уже в XVI–XVII вв. оценил преимущества восточноевропейских антигабсбургских союзов, с помощью которых противника можно было принудить к войне на два фронта. В этом стремлении Францию время от времени успешно поддерживали — наряду с Османской империей, Швецией и Речью Посполитой — Трансильванское княжество и венгерское движение куруцев. Таким образом, система восточных антигабсбургских союзов, в которой со второй половины XVII в. вплоть до Освободительной войны под руководством Ференца II Ракоци венгерские мятежники (*Malcontents*) играли важную роль, являлась существенным элементом политики Людовика XIV. Между тем оказывать поддержку Ференцу II Ракоци было не так-то просто, ведь симпатизирующие ему и даже сотрудничающие с ним европейские монархи не признавали безоговорочно стремлений подданного, восставшего против своего законного государя. Так и Людовик XIV не заключил с ним формального союза, хотя во время Войны за испанское наследство тайно оказывал немалую помощь князю, атаковавшему Габсбургов с востока. После подписания мирного договора, завершившего Освободительную войну 1703–1711 гг., присутствие Ракоци, перебравшегося затем инкогнито во Францию, и вовсе стало неудобным, и князь в итоге нашел последнее убежище на территории Османской империи. Какие причины и обстоятельства привели к тому, что французская дипломатия отвернулась от движения Ракоци? Как виделся ближнему кругу французского короля процесс мирного урегулирования в Венгрии? Для ответа на эти вопросы необходимо рассмотреть преобразование восточноевропейской системы международных отношений в зеркале исторических источников, освещающих политику Версаля.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ И ВЕНГРИЯ (1708–1710 гг.)

В 1707 г. после военных побед императора Священной Римской империи французская армия покинула итальянские земли. В то же время на испанском, нидерландском и германском театрах военных действий фортуна стала сопутствовать французам, и после неудач прежних лет война продолжилась при более благоприятных для них условиях. С другой стороны, было положено начало преодоле-

нию дипломатической изоляции Франции. Шведский король Карл XII, пройдя через Силезию, во главе 35-тысячной армии вступил на территорию Саксонии, чтобы воспрепятствовать ее согласованным действиям вместе с Россией. Шведская армия в битве при Фрауштадте 3 февраля 1706 г.* одержала победу над армией саксонского курфюрста Августа II, усиленной русскими полками. В то время, когда силезские протестанты приветствовали в лице шведских войск своих освободителей, возможная война между империей Габсбургов и Швецией приобретала всё более реальные черты. Изменившаяся расстановка военных сил стала предвестником возобновления шведского влияния в Центральной Европе и возможности венгерско-польско-шведского сотрудничества, хорошо зарекомендовавшего себя уже в XVII в. Международный кризис вопреки связанным с ним большим ожиданиям разрешился мирным договором, заключенным 24 сентября 1706 г.** Августом II и Карлом XII в Альтранштедте. Согласно договору, курфюрст отказался от польской короны в пользу Станислава Лещинского, избранного в 1704 г. польским королем¹. Между Стокгольмом и Венной сохранялась заметная напряженность по многим вопросам, в том числе связанным со свободой вероисповедания силезских протестантов и с российскими войсками, отступившими после битвы при Пунице (28 октября 1704 г.***) на территорию императора. В рамках дипломатических переговоров возникла вероятность решения этих вопросов мирным путем. Независимо от этого французская дипломатия и в дальнейшем не отказалась от возможности согласованного выступления венгров со шведами, поэтому стремилась не допустить примирения этих двух весьма важных, профранцузски настроенных стран с императорской дипломатией. Людовик XIV еще в конце 1706 г. указывал Ракоци на то, что некоторые шаги князя противоречат интересам шведского короля².

Во всяком случае, французский король предпринял новые шаги ради сближения венгерской и шведской стороны. В начале 1707 г. он дал барону Жану-Виктору Бесенвалю³ сложное дипломатическое поручение. Во-первых, тот должен был добиться участия шведского короля в качестве посредника в мирных переговорах Франции с противостоящими ей союзными державами. Другой важной составной частью миссии Бесенваля было убедить Карла XII в необходимости венгеро-шведского союза. Несмотря на явные преимущества такого альянса, интересы Швеции было нелегко согласовать с внешнеполитическими целями Франции. В то время Карла XII уже изрядно занимал план войны против России, и он всячески хотел избежать конфликта с империей Габсбургов, из-за чего венгры не могли рассчитывать на значительную помощь со стороны Швеции⁴.

Князь Ракоци после очередной неудачной попытки установить союзнические отношения с Османской империей существенно поменял вектор своей

* Здесь: дата сражения указана автором по шведскому календарю, использовавшемуся в Швеции в 1700–1712 гг., который отставал от григорианского на 10 дней. Фрауштадтская битва датируется 13 февраля 1706 г. по григорианскому, или 2 февраля 1706 г. по юлианскому календарю. (Прим. перев.)

** Здесь: дата указана по григорианскому календарю. Далее датировка по григорианскому календарю особо не оговаривается. (Прим. перев.)

*** Здесь: дата указана по шведскому календарю. (Прим. перев.)

внешнеполитической активности. Используя то обстоятельство, что царь Петр I, желавший через Ракоци установить добрые отношения с правительством в Версале, пошел на сближение, князь вернулся к своим былым планам в отношении Польши. В феврале 1707 г. партия польской шляхты, в рядах которой объединились противники Станислава Лещинского, собралась в украинском Львове, чтобы свергнуть власть короля. Ракоци надеялся получить в лице царя сильного восточного союзника, с помощью которого он мог бы преодолеть дипломатическую изоляцию и предстать реальным претендентом на польский престол. Российско-венгерские переговоры привели в итоге к заключению оборонительного союзного договора, подписанного Миклошем Берчени в сентябре 1707 г. в Варшаве. Французская дипломатия поначалу не препятствовала попыткам сближения венгров и русских, но план, касающийся выступления Ракоци в качестве претендента на польский трон, породил напряженность в отношениях между князем и французским послом маркизом Дезаллёмом.

В Версале осудили как подписанный Берчени договор, так и планы Ракоци относительно польской короны. С того времени Карл XII и Станислав Лещинский, прознавшие о российско-венгерских контактах, враждебно относились к князю Ракоци, который в своих «Мемуарах» сложившуюся ситуацию охарактеризовал следующим образом: «Сему вельможе [Миклошу Берчени. — Ф. Т.] по его приезде в Варшаву царь оказал весьма достойный прием, он имел с ним доверительную беседу и заключил договор, согласно которому мое избрание польским королем откладывалось на три месяца. Это время следовало использовать для того, чтобы просить посредничества французского короля и баварского курфюрста, но было оговорено, что если те не согласятся выступить посредниками, то выборы всё равно состоятся, и я приму их при условии, что они пройдут по свободному согласию и в соответствии с законами Речи Посполитой. Царь будет поддерживать меня и предоставит мне всяческую помощь для того, чтобы я мог мирно владеть Трансильванским княжеством. Остальные пункты договора были предусмотрены на случай неблагоприятного развития событий. Едва мы его подписали, как шведы в Саксонии стали проявлять активность. Общее мнение было такое, что канцлер Карл Пипер, подкупленный англичанами и голландцами, уговорил шведского короля вернуться в Польшу.

Царь предложил этому государю перемирие на 12 лет, чтобы тот не препятствовал осуществлению его целей, направленных против императора, и если бы перемирие состоялось, царь лично и со всей своей армией был готов выступить против императора и принудить его уступить венгерскую корону баварскому курфюрсту. Условием вышеизложенного было то, что французский король не должен был подписывать всеобщего мира без того, чтобы не включить в него и царя. Как только мне стало известно о действиях шведского короля, я отправил курьера к графу Берчени, чтобы ускорить его возвращение. Насколько я помню, он прибыл в октябре. Я проинформировал маркиза Дезаллёра обо всем, что произошло. Этот посол, однако, был чрезвычайно предубежден в отношении Берчени и полагал, что тот оказывает на меня большое влияние. У меня были основания полагать, что он направил ко двору совсем не благоприятное для меня донесение о заключенном договоре. А это полностью ослабило воздействие пропозиций, представленных моим послом французскому королю. При этом с тех

пор, как шведский король вторгся в Польшу и царь отвел войска назад в Россию, казалось, что моя система переговоров полностью провалилась»⁵.

После этого Ракоци отказался от планов по приобретению польской короны, но, заключив договор с Россией, он смог, по крайней мере, выйти из дипломатической изоляции. Россия в то время еще не считалась европейской державой первого ранга, но ее честолюбивый правитель также возлагал большие надежды на договор, подписанный с трансильванским князем. Петр I в первую очередь рассчитывал на то, что при помощи Людовика XIV ему удастся сгладить конфликты со шведами. Невзирая на противоречивость внешнеполитического выбора Ракоци, можно констатировать, что он основывался на правильной оценке больших перемен, произошедших в международных отношениях в восточноевропейском регионе. Шведская армия и в дальнейшем казалась непобедимой, но зарубежные наблюдатели уже стали понимать, какую силу представляет военная машина, созданная Петром Великим⁶.

Во всяком случае, 1709 г. стал поворотным с точки зрения соотношения сил на востоке. Российская армия 27 июня (8 июля) 1709 г. в Полтавской битве нанесла стратегическое поражение армии шведского короля Карла XII. В результате этого в ходе Северной войны также произошли огромные перемены. Шведская армия, считавшаяся непобедимой, развалилась⁷. Перемены поколебали основу системы восточно-европейских союзов Франции, а также планы Ференца II Ракоци. Князь и раньше искал помощи у Петра I и стремился заручиться для этого поддержкой французской дипломатии. Международная обстановка особенно благоприятствовала этому после сражения при Мальплаке 11 сентября 1709 г., которое усугубило и без того сложное положение Франции. Ракоци стремился установить контакты с европейскими державами и направил своих послов не только в Версаль, но и в Гаагу, Лондон, Москву и Бендеры, где после Полтавской битвы находился Карл XII. Главной внешнеполитической целью государства куруцев был проект такого австро-венгерского соглашения, которое стало бы частью большой европейской мирной конференции и получило бы гарантии европейских великих держав, прежде всего Франции, России, Англии и Голландии⁸. Ракоци вспоминает об этом в своих «Мемуарах»: «Как я уже упоминал, царь отдал приказ своему представителю в Вене, чтобы тот предложил свои посреднические услуги императору для примирения с Венгрией. К несчастью, двор, формально не принимая посредничества, передал послу очень жесткие условия, которые тот доставил мне в Надьмихай. Я устроил ему пышный прием, но представленные им условия совсем не годились для переговоров. Вскоре после моего отъезда ко мне прибыли польские магнаты, сторонники шведского короля, и предложили мне румын, татарские вспомогательные отряды и несколько эскадронов драгун, так как после Полтавской битвы войска шведского короля были разбиты в Польше и вышеупомянутые лица находились примерно в том же положении, что и я здесь»⁹.

Среди дипломатических целей Ракоци приоритетное место занимал проект шведско-русского мира, в котором Франции отводилась роль посредника. Посол князя при версальском дворе Л. Кёкенешди предпринял несколько попыток, чтобы заручиться согласием французской стороны. Русский царь также охотно поддержал бы венгерскую освободительную войну, если при посредничестве

французов удалось бы побудить шведскую сторону к мирным переговорам¹⁰. При этом подобные стремления к тому времени уже отнюдь не совпадали с целями французской дипломатии, и версальские власти выразили это достаточно определенно. Людовик XIV 7 ноября 1709 г. назначил маркиза Дезаллэра послом в Константинополе, а венгерские дела поручил рыцарю Фьервиллю. Дезаллёр еще два месяца оставался в Венгрии и лишь в феврале 1710 г. отправился к месту своей новой дипломатической службы. Прежде чем покинуть ставку Ракоци, ему довелось стать свидетелем проигранного сражения при Ромхане (22 января 1710 г.). До прибытия Фьервиля поверенным в делах в Венгрии был назначен командир бригады Лемэр. Последний в пространным меморандуме подробно изложил французскому правительству ситуацию в Венгрии, представив глубокий анализ экономических, социальных и военных причин спада освободительной борьбы и обрисовав внешнеполитические планы князя Ракоци. Фьервиль прибыл в Венгрию в июне 1710 г., и вскоре во Францию последовали его донесения, сообщавшие, подобно меморандуму Лемэра, об удручающем положении в стране: отряды куруцев непрерывно теряли важнейшие стратегические позиции, в обществе окончательно возобладала разобщенность, свирепствовала чума, да и помощь со стороны России — последняя надежда военачальников куруцев — становилась всё более неопределенной¹¹.

Конгресс, начавшийся весной 1710 г. в Гертрэуденберге, открывал еще одну возможность для мирного завершения войны в Венгрии. Эта мирная конференция могла бы предоставить определенные международные рамки для переговоров между Австрией и куруцами. К сожалению, из-за чрезмерных требований голландцев переговоры вскоре были прерваны¹². Тем временем положение венгерской конфедерации становилось все безнадежным, что усугублялось еще и неурожаем 1710 г., голодом и эпидемией чумы. Князь Ракоци в «Мемуарах» так характеризовал ситуацию: «В то время пока я вел этот мучительный зимний поход, генерал Берчени с супругой невообразимо боялся чумы и поэтому оставался в комитате Земплен. Он опасался передвигаться с большой свитой, поэтому перемещался из замка в замок, из одной дворянской усадьбы в другую и предпринимал чрезвычайные меры, чтобы предотвратить заражение. Но, по-видимому, зараза повсюду следовала за ним, и заболели те, кто был наиболее близок к нему, а в моем лагере никто не подвергся напасти»¹³.

Тем временем Ракоци отозвал из Версаля Л. Кёкенешди, которого намеревался заменить Домокошем Бреннером. Главная внешнеполитическая цель князя не изменилась: он по-прежнему прилагал все усилия, чтобы посадить русских и шведов за стол переговоров при французском посредничестве. По предложению французского посла в Речи Посполитой барона Бесенваля, проанализировавшего изменившуюся после Полтавской битвы международную обстановку, правительство в Версале решило направить к царю посла. Выбор пал на Жан-Казимира Балюза (1648–1718)¹⁴, секретаря французского посольства в Варшаве, которому Л. Кёкенешди лично доставил верительную грамоту французского короля. Во французской дипломатии он считался истинным знатоком восточноевропейских дел. Еще его отец был резидентом в Варшаве, а Жан-Казимир по завершении учебы во Франции в 1670-е гг. поступил на службу к маркизу Бетюну. В общей сложности он 24 года провел в Варшаве и дважды

побывал в Москве: первый раз в 1703–1704 и затем в 1710–1711 гг. Кроме того, Балюз хорошо говорил по-русски. Адресованные ему инструкции были направлены прежде всего на то, чтобы способствовать мирным переговорам при посредничестве Франции и уговорить царя активно выступить на венгерском театре военных действий.

К моменту своего второго назначения в Москву Балюзу уже исполнилось 62 года, и, по мнению хорошо его знавшего Филиппа Гроффэ, он был несколько староват для столь дальнего и утомительного путешествия. Вторым его недостатком было то, что Балюз плохо переносил принятые при царском дворе обычаи употребления алкоголя: благосклонность царя было сложно заслужить, не предаваясь в его обществе обильным возлияниям... По мнению фаворита царя А. Д. Меншикова, Балюз «не приспособился к духу царского двора, который требовал участия в царских развлечениях»¹⁵.

В итоге миссия Балюза провалилась, так как в ноябре 1710 г. разразилась Русско-турецкая война, в подготовке которой, по-видимому, важную роль сыграла французская тайная дипломатия, в особенности посол Франции в Константинополе маркиз Дезаллёр.

Таким образом, предположение, что Россия может присоединиться к дружественным Франции странам Восточной Европы, оказалось абсолютно нереальным. Возможная помощь царя Петра венгерским повстанцам не может расцениваться как некая «дипломатическая революция», так как французская внешняя политика и в дальнейшем опиралась прежде всего на Швецию, Речь Посполитую и Османскую империю, которые считались врагами России¹⁶.

Ласло Кёкенешди прибыл в Москву одновременно с Балюзом. Его миссия стала абсолютно невыполнимой после того, как развернулась Русско-турецкая война, из-за чего переговоры с министрами царя зашли в тупик. В итоге посол князя в марте 1711 г. уехал из Москвы. С крахом его миссии развеялись последние надежды Ракоци на русскую помощь. Интересы великих держав, особенно Англии, опасавшейся чрезмерного усиления России, вновь вошли в противоречие с внешнеполитическими целями венгерской освободительной войны. В марте 1711 г. Ракоци покинул Венгрию и — в надежде на помощь России — попытался удачи в Москве, где в мае застал ничего не добившегося Балюза и где с горечью вынужден был признать, что большая часть его планов пошла прахом. В «Мемуарах» князь отчасти винил в своей неудаче Балюза: «Этот человек был далек от того, чтобы предложить царю союз, он лишь предложил посредничество Наихристианнейшего Короля в мирных переговорах с турками. Внесенное им предложение весьма отличалось от того, что сделал я через Ветеши, и давало обо мне царю весьма странное представление. Этот государь пригласил меня и принял в своем совете. Мне сказали, что Балюз на аудиенции не изложил ничего из того, на что я ему указывал. Я был весьма удивлен. На следующий день я вызвал к себе этого полупосла, и он в конце концов признался, что барон Бесенваль получил прямо противоположный приказ и направил Балюза лишь с тем, что он и представил»¹⁷. Несколько позже Ракоци причиной окончательного краха своих внешнеполитических планов назвал исход Русско-турецкой войны. «Сражение на Пруте и полная деморализация русской армии, однако, настолько разрушили планы царя, что этот монарх уже вообще не задумывался о союзе с Францией.

В этих “Мемуарах” я не хочу анализировать, почему достославный Людовик XIV, этот дальновзоркий король, пренебрег предложениями царя именно в период переговоров в Гертруденберге, потому что в этих обстоятельствах, так же как и в событиях своей жизни, я узнал ту великую истину, которую все проповедуют в полный голос, но в действительности мало кто в нее верит. Человек предполагает, а Бог располагает»¹⁸.

САТМАРСКИЙ МИР И РЕАКЦИЯ НА НЕГО ВО ФРАНЦИИ

Исходя из этого куруцы неизбежно должны были вступить в дальнейшие переговоры с императорскими силами, что и произошло в августе 1710 г. Князь Ракоци хотел воспользоваться в том числе и посреднической помощью великих морских держав, поэтому направил послов к английскому и голландскому правительствам. Королева Анна вскоре установила контакты с императором с целью урегулирования ситуации в Венгрии. К тому времени остаткам бывшей армии Ракоци, численность которой едва достигала 20–25 тыс., противостояло уже около 50 тыс. императорских солдат. После успехов императора в Задунавье и после сдачи Эршекуйвара положение куруцев в Венгрии стало безнадежным. Ракоци пытался спасти свое распадавшееся на части государство: часть сената переселил в Речь Посполитую, поручив при этом графу Берчени переговоры с русскими, а графу Каройи — с императорскими силами. Великие державы Европы, исчерпавшие свои силы в Войне за испанское наследство, также приветствовали начало процесса примирения. Принц Евгений Савойский особенно желал урегулирования ситуации в Венгрии, поэтому поручил графу Яношу Палфи провести переговоры в кратчайшие сроки, что также объяснялось чумой и трудностями снабжения императорских войск¹⁹.

В январе 1711 г. граф Каройи, заключив краткое перемирие, попытался уговорить Ракоци пойти на соглашение с графом Палфи. Князь категорически отказался принести присягу верности и в дальнейшем не оставлял попыток заручиться поддержкой морских держав и России. Продлив полномочия Каройи, 20 февраля 1711 г. в патенте, изданном в Верецке, Ракоци обосновал необходимость своей новой зарубежной поездки, оказавшейся для него последней. Между тем венский двор отклонил посредничество морских держав, используя ловкие юридические аргументы, согласно которым Ракоци не мог считаться военным противником, а только мятежником, восставшим против законного государя. После этого переговоры велись преимущественно об амнистии для мятежников и об изоляции князя. Тактика венского двора, чередовавшего обещания и угрозы, в конце концов принесла свои плоды, и граф Каройи присягнул на верность императору. Вслед за этим Ракоци еще попытал счастья у маркиза Дезаллэра, который к тому времени был французским послом в Константинополе, чтобы тот помог ему получить убежище в Турции. Из-за проявленной Портой осторожности эта попытка не привела к успеху²⁰.

Несмотря на возражения Ракоци, Каройи ускорил процесс мирного урегулирования, и на сатмарском сейме конфедерации сторонники соглашения с им-

ператором оказались в большинстве. После того как Янош Палфи пообещал всеобщую амнистию и добился гарантий свободы вероисповедания для протестантов, преграды, стоявшие на пути к заключению соглашения, были устранены. 30 апреля 1711 г., т. е. вскоре после смерти императора Иосифа I, делегированные представители поставили свои подписи под документом²¹. Ракоци до самого конца противился заключению мирного соглашения, вопреки тому что общественные настроения в Венгрии уже склонились в пользу компромисса. Князь сначала нашел приют на юге Речи Посполитой, но из-за близости к венгерской границе находиться там было опасно. После неудачной попытки покушения он перебрался в Данциг. В этом портовом городе князь-изгнанник решил на поездку во Францию в надежде на то, что сможет принять участие в мирных переговорах, завершавших Войну за испанское наследство. В конце 1712 г. он нанял английское судно «Св. Георгий», которое через порты датского Копенгагена, шведского Марстранда и английского Юла доставило его в Дьеп в Нормандии²².

Несмотря на тесное дипломатическое сотрудничество куруцев и Франции в былые времена, с удивлением приходится констатировать, что факт заключения Сатмарского мира не вызвал большого отклика во Франции. С одной стороны, для французских дипломатов, посвященных в венгерские дела, это событие не стало сюрпризом. Из переписки и донесений французских дипломатов в Венгрии (Дезаллэ, Лемэр, Фьервиль) однозначно следует, что французская дипломатия уже давно брала в расчет возможность провала венгерского восстания. Главной целью французской внешней политики применительно к венгерскому движению куруцев было максимальное продление «венгерской диверсии», которая связывала бы значительные военные силы императора. Для Людовика XIV поддержка куруцкого государства Ракоци была в первую очередь военной необходимостью, обусловленной прежде всего Войной за испанское наследство. Соответственно «венгерская диверсия» являлась для французской дипломатии весьма важным фактором, благодаря которому французская внешняя политика могла получить значительные преимущества при относительно скромных затратах²³.

Таким образом, не стоит удивляться крайней скудости французских источников, связанных с Сатмарским миром. Французская дипломатическая переписка по Венгрии прервалась, французские дипломаты в соседних странах также не занимались, по сути, ситуацией в Венгрии. В Центре дипломатических архивов Нанта имелась папка «Сатмарский договор», которая долгое время числилась по фонду французского посольства в Константинополе (с пометкой: “*Constantinople série A fonds Saint-Priest correspondance secondaire 131 Traité de Szathmar*”). Однако некоторое время назад она была изъята из собрания документов, и с тех пор ее следы потерялись...²⁴ Наряду с отсутствием дипломатических документов обращает на себя внимание и молчание влиятельных кругов версальского двора в связи с исходом венгерской освободительной войны. Автор памятных записок Луи де Ровруа Сен-Симон, например, дал подробный портрет Ракоци и описание венгерской войны, но без упоминания самого факта Сатмарского мира²⁵.

Подобным образом последовательно хранит молчание и самое репрезентативное издание официальной французской прессы того времени — «Газет де Франс» (*Gazette de France*). В номере знаменитого периодического издания от

25 апреля 1711 г. содержится туманная ссылка на то, что граф Каройи присягнул на верность императору, однако автор статьи отмечает: «По-прежнему мало шансов на то, что война завершится согласием». Лишь через месяц, уже после смерти императора, газета признается: «Курьер доставил известие, что граф Палфи заключил с Каройи и остальными конфедератами соглашение (*accommodement*)». В последующие недели в публикуемых в газете новостях без устали перечислялись политические, юридические и административные препятствия, стоящие на пути к соглашению. Связанная с этим последняя заметка датирована 4 июля 1711 г. Речь в ней шла о ратификации императором договора, но со следующим комментарием: «Ничто не указывает на то, что Ракоци и остальные вожди приняли бы его»...²⁶

Любопытно проследить, какое отражение получил Сатмарский мир в различных словарях и энциклопедиях XVIII в. Для начала обратимся к труду Луи Морери «Большой исторический словарь, или Любопытная смесь священной и мирской истории» (*Le grand dictionnaire historique ou le mélange curieux de l'histoire sacrée et profane*, 1725), в котором искомый топоним встречается в искаженной форме *Zatmar*. В общем определении автор, не вдаваясь в подробности, подчеркивает, что этот населенный пункт, некогда принадлежавший куруцам, теперь находится под властью императора, но события 1711 г. не упоминает²⁷. Долгое время широкой популярностью пользовался и другой труд, который можно считать весьма достоверным изданием, в том числе и по венгерской географии и истории, — «Большой историко-географический критический словарь» (*Le Grand Dictionnaire Géographique et Historique et Critique*, 1768) Брузена де ла Мартиньера²⁸. Автор дает ссылку на историческое место как на географическое наименование в основательно переименованной на французский манер форме *Zathmar* (*Szatmár*). Статья различает населенный пункт и комитат с тем же названием, но относительно исторической роли топонима имеется лишь неточная ссылка без упоминания соглашения²⁹. С учетом двух вышеуказанных примеров неудивительно, что и статьи «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера, касающиеся города и комитата, не содержат упоминания о факте и дате крупного венгерского исторического соглашения³⁰.

ФРАНЦУЗСКИЕ СВЯЗИ ЭМИГРАЦИИ РАКОЦИ

Высадившись в начале января 1713 г. на берег в Нормандии, князь Трансильвании поспешил прямо в Париж. Присутствие Ракоци, восставшего против законного государя, было достаточно шекотливым моментом для Людовика XIV, желавшего заключить мир с Габсбургами. По этой причине дорогой гость Короля-Солнце был вынужден появляться при дворе инкогнито — как «граф Шарош». Воспитанный во французской культурной традиции Ракоци довольно быстро освоился в своеобразном мире королевского двора в Версале³¹.

Ракоци со свитой поселился в окрестностях Парижа. Хотя он получал хорошее содержание от французского монарха, но для расходов на штат придворных этого, видимо, было мало. Получивший мировую известность благодаря роману

аббата Прево «Манон Леско» (1731 г.) игорный дом *Hôtel de Transylvanie*, который содержали сторонники Ракоци, вероятно, обязан своим возникновением именно этому обстоятельству³². Утрехтский и Раштаттский мирные договоры были заключены великими державами без какого бы то ни было участия эмигрантов-куруцев, а смерть престарелого Людовика XIV стала поворотным моментом в жизни самого Ракоци. Из придворного при версальском дворе он постепенно превратился в отшельника, отвернувшегося от внешнего мира. Его уединение не означало полной изоляции, ведь князь постоянно следил за внешнеполитическими событиями. Возобновившаяся австро-турецкая война предлагала новые возможности для организации восстания в Венгрии, и Ракоци, приняв приглашение султана, в 1717 г. покинул Францию и перебрался в Турцию.

К разочарованию венгерских эмигрантов, война уже близилась к концу, когда султан в Адрианопле по существу стал заниматься их делом, но с заключением Пожаревацкого мира (1718 г.) улетучились все надежды на активное использование венгров. Это привело к тому, что эмигранты-куруцы снова вынуждены были отойти в сторону, особенно с учетом того, что на мирных переговорах встал вопрос об их выдаче. Дабы не привлекать повышенного внимания, Блистательная Порта определила в качестве места пребывания венгерских эмигрантов небольшой портовый город Родосто на побережье Мраморного моря. В этнически пестрый Родосто в XVIII в. османская верхушка селила эмигрантов и из других европейских стран, в том числе поляков. Этот городок одновременно был и духовной лабораторией скрывающегося беглеца Ракоци, и дипломатической ставкой князя-изгнанника. Наряду с политической философией также играли важную роль в последний период жизни пожилого, но всё еще полного надежд князя.

Ракоци, даже находясь в Родосто, пытался включиться в международную политическую жизнь. Он писал меморандумы и направлял послов в различные европейские дворы, в первую очередь во Францию и Испанию, но также и в Россию. И если официальная дипломатия оставалась глуха, то авантюристы всякого рода стремились воспользоваться доверчивостью старого Ракоци. Князь был связан с известным французским ренегатом той эпохи — пашой Бонневалем, имевшим дурную славу. Доверие пожилого князя к заграничным авантюристам несколько отдалило его от соотечественников, бежавших из Венгрии, и его изоляция лишь усилилась. В 59-летнем возрасте Ракоци умер от болезни в кругу своих соотечественников-изгнанников. С его смертью утратили надежду венгерские движения борьбы за независимость, для которых при этом память об изгнаннике Ракоци осталась неисчерпаемым источником.

Темные краски при написании исторического портрета князя усиливала и не слишком славная жизнь его двух сыновей. Как известно, двух его отпрысков — Йожефа (1700–1738) и Дёрдя (1701–1756) — с ранней юности воспитывали под строгим императорским контролем, чтобы добиться отчуждения этих двух «орлят» от венгерских национальных ценностей, видным носителем которых был их отец. Обучавшийся в Падуанском университете Дёрдь в 1726 г. бежал во Францию, а затем — в 1727 г. — навестил отца в Родосто. По свидетельству очевидца Келемена Микеша, встреча отца с сыном подействовала отрезвляюще на свиту и на самого пожилого князя. Впоследствии Дёрдь жил

в Париже на содержание, полученное от французского короля, вплоть до самой смерти в 1756 г. Жизненный путь Йозефа был значительно богаче на приключения. После побега из Вены, узнав о начале очередной австро-турецкой войны, в 1736 г. он поехал в Константинополь. Вняв уговорам авантюриста паши Бонневаля, в качестве вождя венгерских эмигрантов Ракоци-сын включился в конфликт, в котором надеялся вернуть Трансильванское княжество. Султан признал его князем и даже правителем Венгрии, однако этими титулами честолюбивый Ракоци-младший наслаждался недолго, ибо вскоре умер. Значительная часть европейской общественности осудила выступление Йозефа Ракоци, а папа римский наказал претендента на трон, вступившего в союз с турками, отлучением от церкви³³.

С эмиграцией был связан и процесс, в ходе которого несколько тысяч венгерских военных уехали во Францию, чтобы служить в созданных там гусарских полках. Какие причины привели в эмиграцию такое большое число венгерских военных? С одной стороны, с завершением в 1718 г. войн с османами масса военнослужащих стала лишней. Эти закаленные в боях воины были востребованным товаром на западноевропейском рынке наемников. В военном искусстве XVIII в. тактика так называемой малой войны вошла в моду, и специальная литература по тактике настоятельно рекомендовала использование венгерских кавалеристов в типичных маневрах малой войны, а именно в набегах, разведке или устройстве западней. Как известно, в ходе Освободительной войны под предводительством Ракоци куруцы проиграли все значительные сражения, но в то же время благодаря военным операциям в виде набегов долгие годы успешно противостояли более дисциплинированным и лучше оснащенным императорским войскам. Часть бежавших за границу куруцев занимала довольно высокие посты в офицерском корпусе гусарских полков во Франции. Из их числа наибольшую известность получил Ласло Берчени (1689–1778) — сын графа Миклоша Берчени, дослужившийся до маршала Франции. Успешная карьера многих венгерских военных во Франции доказывает, что венгерская военная тактика являлась образцом для подражания даже для развитых западных армий. Венгры стали одной из гарантий военного успеха. В городе Тарб на юге Франции находится единственный международный гусарский музей, который призван поддерживать память обо всех подобных подразделениях мира. Венгерская эмиграция Ракоци благодаря своим военным достижениям, несомненно, была уникальным явлением в военном искусстве своего времени³⁴.

Внешнеполитические планы Ракоци периода эмиграции не представляли собой полностью изолированных и лишенных какого-либо эффекта попыток. Французская дипломатия еще долго пользовалась услугами венгерских агентов, хорошо владевших, между прочим, и турецким языком, а венгерские сословные движения конца XVII — начала XVIII в. были тесно связаны с принимающими решения правящими кругами как Франции, так и Османской империи. Французская внешняя политика по вполне определенным соображениям до середины XVIII в. не позволяла забыть идею возможной венгерской диверсии, основываясь на той вековой дипломатической традиции, что в случае войны французский король был вправе вести в Венгрии и Трансильвании подрывную деятельность. В XVIII в., в особенности после поражения Освободительной войны под

предводительством Ракоци, французская дипломатия стала проявлять большую осторожность в деле венгерского мятежа, отнеся венгерский вопрос к сфере интересов Османской империи, но в то же время стремилась использовать пришедшие кстати венгерские движения в ходе конфликтов и войн с противником-императором. Людовика XV (1715–1774) в рассматриваемый период в большей мере занимали дела Речи Посполитой, которая являлась важнейшим звеном планируемого французами союза, так как благодаря свободному избранию короля именно там легче всего было возвести на престол профранцузски настроенного монарха. В то время пока официальная французская внешняя политика искала возможности примирения с Габсбургами, о чем упоминалось и в завещании Людовика XIV, тайная королевская дипломатия (знаменитая *Secret du Roi*) трудилась над созданием ориентированного на Францию антигабсбургского союза. Для поддержания связи и получения информации активно пользовались услугами проживавших в Родосто и во Франции венгерских эмигрантов. Среди венгерских агентов на французской службе, действовавших на территории Османской империи, были Адам Яворка, Адам Мариашши, Андраш Тот, а позднее его сын, знаменитый Франсуа де Тотт (1733–1793).

О последнем, пожалуй, стоит упомянуть более подробно, так как в 2013 г. отмечается круглая годовщина его рождения и смерти. Отец, Андраш Тот, после завершения Освободительной войны под предводительством Ракоци служил французскому королю в качестве гусарского офицера и дипломата на Востоке. Франсуа также проявил себя и на том и на другом поприще, кроме того, потомки знают его как беллетриста и востоковеда. Он с успехом выполнил несколько дипломатических поручений, прежде всего на территории Османской империи. С его именем связаны укрепление Дарданелл и Босфора, реформа турецкой артиллерии и план французской военной экспедиции в Египет. Свои впечатления барон де Тотт изложил в имевших грандиозный успех «Мемуарах о турках и татарах», не раз переизданных на разных языках³⁵.

Дипломатические успехи венгерских эмигрантов на французской службе заслуженно получили признание потомков. Но не следует забывать и о достижениях в интеллектуальной сфере, в особенности самого Ференца II Ракоци в годы эмиграции. Кажущаяся неактивность, что стала уделом князя в эмиграции, направила его силы на философские, религиозные и литературные занятия. Он был до крайности открыт к восприятию различных идейных течений, сильное влияние которых проявилось и в его произведениях, созданных в изгнании. В работах, написанных на французском и латинском языке во французском Гробуа и в Родосто («Исповедь», «Политическое и нравственное завещание», «Мемуары»), отчетливо слышны мотивы учения янсенистов.

Другим серьезным культурным приобретением эмиграции является творчество Келемена Микеша. Этот автор остро почувствовал пребывание на чужбине и как посредник оказал плодотворное влияние на венгероязычную литературу. И хотя самое известное произведение Микеша — «Письма из Турции» — было опубликовано лишь в 1794 г., можно согласиться с мнением, что это несколько запоздалое издание ретроспективно переписало историю венгерской литературы XVIII в. Гораздо менее известны переводы Микеша с французского, которые до последнего времени оставались в рукописи. Можно объяснить духовным

влиянием князя Ракоци тот факт, что его секретарь перевел на венгерский язык значительное число работ янсенистского толка, в том числе катехизис Франсуа-Эме Пуже (“*Cathecismus formájára való közönséges oktatások*”) и «Историю жизни Иисуса Христа» аббата Ле Турно (“*Krisztus Jézus életének históriája*”). Не исключено, что Микеш имел контакты с писателями, переводчиками и даже людьми искусства, жившими в резиденции французского посла в Пере, если не иначе, то через их рукописные произведения. Вероятно, он читал рукописи сделанных по заказу французского короля переводов восточных произведений, и, пожалуй, не будет преувеличением сказать, что он использовал их при написании «Писем из Турции»³⁶.

Подводя итоги, можем констатировать, что путь, приведший к Сатмарскому миру, был неизбежен даже в том случае, если бы французская дипломатия проявила себя более активно. Но в действительности Версаль к тому времени уже отказался от поддержки «венгерской диверсии». Усердные попытки Ференца II Ракоци, направленные на согласование несовпадающих интересов России и Франции, могли быть результативными лишь до поры до времени. Что касается венгерского вопроса, то французское правительство, замалчивая факты или преподнося их в искаженном виде, для широкой публики старалось «держать блюдо подогретым». В конце войны это стремление могло быть направлено на то, чтобы избежать деморализации населения и поддержать надежды на будущее. Примечательным отголоском этой политики были пробелы в научных работах последующего времени. Сатмарское соглашение всё же не осталось совсем без отклика во Франции. Ведь с этим важным событием связаны появление там венгерской эмиграции и история успеха венгерских гусар в Европе.

Последний этап жизни Ракоци выпал на эпоху, когда возможности венгерских движений за независимость сократились до минимума. С ликвидацией турецкого владычества в Венгрии и концом европейской гегемонии Франции политическое сопротивление династии Габсбургов лишилось двух важных опор. Таким образом, эмиграция наступила при менее благоприятных обстоятельствах и в менее удачный период, что изначально обрекало на поражение все инициативы эмигрантов. Исходя из этой ситуации, которую можно назвать трагической, перед нами вырисовывается противоречивый портрет князя, предводителя Освободительной войны. С одной стороны, объявленный вне закона монарх, противящийся ходу истории, с другой — до самой смерти преданный идее национальный герой, не знающий компромиссов. Демистификация, равно как и сотворение кумира в какой-либо форме, содержит в себе определенный моральный или политический приговор. Человеку, живущему в наше время, в первую очередь следовало бы не выносить приговор эпохе, а стараться узнать ее и понять в ней человека и его поступки, изучая обстоятельства и идеи того времени. С одной стороны, потомки судят прежде всего по достигнутым результатам и по системе ценностей, ориентированной на успех. С другой стороны, итог взятой в более широком контексте ракоцианской эмиграции всё же следует считать скорее положительным. Венгерские эмигранты ознакомились с идейными течениями эпохи и, пусть и со значительным опозданием, но познакомились с ними венгерскую культуру. В то же

время венгерская тактика малой войны и сами венгры с распространением гусар в Европе послужили для западного военного искусства определенной моделью и образцом, которые характеризовались заметным количеством успешных карьер и выдающихся достижений.

Перевод с венгерского Ч.Б. Желицки

- ¹ *Schnakenbourg E.* La France, le Nord et l'Europe au début du XVIIIe siècle. Paris, 2008. P. 78–80.
- ² *Köpeczi B.* La France et la Hongrie au début du XVIIIe siècle. Вр., 1971. 203. old.
- ³ Барон Жан-Виктор де Бесенваль (*Jean-Victor baron de Besenval*, 1671–1736) — отпрыск швейцарского рода, состоявший на французской службе. Ср.: *Schnakenbourg E.* Les diplomates français en Europe du Nord au début du XVIIIe siècle: une approche prosopographique // *Revue d'histoire diplomatique*. 2010. N 3. P. 227–244.
- ⁴ Цитирует: *Köpeczi B.* Op. cit. 205. old.
- ⁵ II. Rákóczi Ferenc fejedelem emlékiratai a magyarországi háborúról 1703-tól annak végéig / Ford. I. Vas; a tanulmányt és a jegyzeteket írta B. Köpeczi; a szöveget gondozta I. Kovács. Вр., 1978. (далее — Rákóczi emlékiratai). 401–402. old. (AR. 3. osztály. Írók. II. Rákóczi Ferenc művei. I. köt.).
- ⁶ *Frost R.I.* The Northern Wars 1558–1721. London, 2000. P. 283–284.
- ⁷ *Schnakenbourg E.* Op. cit. P. 92–93.
- ⁸ *R. Várkonyi Á.* “Ad pacem universalem” // *Századok*. 1980. 114. évf. 2. sz. 165–200. old.
- ⁹ Rákóczi emlékiratai. 410–411. old.
- ¹⁰ *Köpeczi B.* Op. Cit. 279–280. old.
- ¹¹ Цит. по: *Köpeczi B.* Op. cit. 289. old.
- ¹² *Bély L.* Les relations internationales en Europe XVIIe–XVIIIe siècles. Paris, 1992. P. 413–414.
- ¹³ Rákóczi emlékiratai. 415. old.
- ¹⁴ Жан-Казимир Балюз (*Jean-Casimir Baluze*) — секретарь посольства в Варшаве и посол в Москве. Биографические сведения см.: *Schnakenbourg E.* Les diplomates français en Europe du Nord au début du XVIIIe siècle: une approche prosopographique // *Revue d'histoire diplomatique*. 2010. N 3. P. 228–244.
- ¹⁵ *Schnakenbourg E.* Les diplomates français... P. 243–244.
- ¹⁶ *Idem.* La France, le Nord et l'Europe... P. 98–102.
- ¹⁷ Rákóczi emlékiratai. 424. old.
- ¹⁸ *Ibid.* 425. old.
- ¹⁹ *Köpeczi B., R. Várkonyi Á.* II. Rákóczi Ferenc. Вр., 2004. 442–451. old.
- ²⁰ *Hammer, J. de.* Histoire de l'Empire ottoman depuis son origine jusqu'à nos jours. Paris, 1839. T. XIII. (1699–1718). P. 228.
- ²¹ *Bérenger J., Kecskeméti Ch.* Parlement et vie parlementaire en Hongrie 1608–1918. Paris, 2005. P. 176–177.
- ²² *Köpeczi B.* A bujdosó Rákóczi. Вр., 1991. 58. old.
- ²³ *Hochedlinger M.* Austria's Wars of Emergence 1683–1797. London, 2003. P. 191–192.
- ²⁴ Об этом автору любезно сообщила архивист госпожа Анн-Софи Крас из Центра дипломатических архивов Нанта (*Centre des Archives Diplomatiques de Nantes*).
- ²⁵ См.: *Hourcade Ph.* Eustache Le Noble et Saint-Simon, historiens de Rakoczi et de la Guerre des Mécontents // *Cahiers Saint-Simon* 1979. N 7. P. 15–25.
- ²⁶ Ср.: *Cadilhon F.* La Gazette de France et les enjeux de la guerre d'indépendance hongroise au début du XVIIIe siècle // *Studia Caroliensia*. 2004. N 3–4. P. 134.

- ²⁷ *Moréri L.* Le grand dictionnaire historique ou le mélange curieux de l'histoire sacrée et profane. Paris, 1725. T. VI. P. 230.
- ²⁸ Ср.: *Kövér L.* La réception de la Hongrie d'après Bruzen de la Martinière // Mille ans de contacts, Relations franco-hongroises de l'an mil à nos jours / Dir. M. Payet, F. Tóth. Szombathely, 2001. P. 205–212.
- ²⁹ *Bruzen de la Martinière A.-A.* Le Grand Dictionnaire Géographique et Historique et Critique. Paris, 1768. T. VI. P. 356.
- ³⁰ Encyclopédie ou dictionnaire raisonné des sciences et arts et de métiers. Genève, 1779. T. 36. P. 389.
- ³¹ Ср.: *Köpeczi B.* A bujdosó Rákóczi. Вр., 1991; *Tóth F.* Emigré or Exile? Francis Rákóczi II and His Exile in France and Turkey // Monarchy and Exile. The Politics of Legitimacy from Marie de Médicis to Wilhelm II / Ed. by Ph. Mansel, T. Riotte. London, 2011. P. 91–102.
- ³² Об истории “*Hôtel de Transylvanie*” см.: *L. Mouton.* L'Hôtel de Transylvanie. Paris, 1907.
- ³³ *Lukinich I.* Az utolsó Rákócziak // Rákóczi Emlékkönyv. Вр., 1936. 271. old.
- ³⁴ Об этом см.: *Tóth F.* Ascension sociale et identité nationale. Intégration de l'immigration hongroise dans la société française au cours du XVIIIe siècle (1692–1815). Вр., 2000.
- ³⁵ См.: *Mémoires du baron de Tott sur les Turcs et les Tartares.* Maestricht, 1785¹, Paris; Genève, 2004² (Bibliothèque des correspondances, Mémoires et journaux. N 7).
- ³⁶ Ср. *Tóth F.* Adalékok Mikes Kelemen *Törökországi levelek* című művének kézirat történetéhez // Irodalomtörténeti Közlemények. 2004. 5–6. sz. 559–567. old.

Е.И. Кобзарева

ШВЕДСКОЕ ПОСОЛЬСТВО 1684 г. в РОССИЮ — ОДНА ИЗ ПОСЛЕДНИХ ПОПЫТОК РУССКО-ШВЕДСКОГО СБЛИЖЕНИЯ

После Смуты перед Россией стояли две основные задачи — вооруженным путем вернуть земли, захваченные Речью Посполитой и Швецией, и защитить южные рубежи страны. Одновременно вести борьбу в двух направлениях Москва не могла. С 1654 по 1667 г. она вела войну за Украину. (В дальнейшем, с завершением войны с поляками в 1667 г., Москва принимала участие в польско-русско-турецкой войне (1672–1681 гг.), оказывала сопротивление татарам.) В 1656 г. Русское государство напало на Швецию, но война в 1661 г. неудачно завершилась для России Вечным Кардисским миром, заключенным на условиях Столбовского мира 1617 г.

В то же время территориальные претензии России к Швеции сохранялись. Лишь в 1684 г. произошла нормализация отношений Москвы и Стокгольма, в русской столице было принято шведское посольство. Почему московское руководство — последний раз перед приходом к власти Петра I — решило совершить соответствующий шаг? На что рассчитывала каждая из сторон? Следует ли рассматривать, как это иногда делают в литературе, подтверждение Кардисского мира как большую уступку шведам со стороны Москвы?

В 60-е годы XVII в. Россия и Швеция сохраняли мирные отношения. В 1672 г. Россия предприняла дипломатическую акцию, целью которой являлось создание широкой антиосманской коалиции: во многие европейские страны были снаряжены гонцы с предложением начать войну против султана, в том числе в Швецию поехал в 1672 г. дьяк Емельян Иванович Украинцев. Вместе с тем время, когда тогдашний шведский король Карл XI (1660–1697 гг.) царствовал, опираясь на регентов, истекло, и в 1672 г. он стал самостоятельно править страной. Россия и Швеция должны были подтвердить мир 1661 г. Украинцев привез в Стокгольм царскую грамоту, в которой говорилось о готовности принять для этого в Москве шведское посольство, при этом предстояло урегулировать ряд спорных вопросов.

В ответ в Россию в 1673 г. прибыло посольство графа Густава Оксеншерны. Хотя формально шведы предлагали заключить союз, который позволил бы объединить силы государств в борьбе с султаном, реально Карл XI хотел предупредить ожидавшееся нападение русских — только что завершилось восстание Степана Разина, и теперь Москва могла направить силы против шведов. Мир был сохранен. Но Кардисский договор так и не был подтвержден.

Между тем еще в 50-е годы XVII в. началось сближение Русского государства со странами Габсбургской коалиции как с потенциальными союзниками по борьбе со Стокгольмом. Во время Голландской войны 1672–1679 гг. габсбургская коалиция оказала сильное давление на Москву, добиваясь, чтобы последняя во время порубежных переговоров со шведами, перебросив войска к русско-шведской границе, предъявила шведам обвинения в умалении чести и достоинства русских царей и в порядке компенсации потребовала возвращения Ижорской земли (Ингерманландии), потерянной русскими во время Смуты. (Речь шла о части Ижорской земли, отделенной от морского побережья; на этой территории находились хорошо укрепленные крепости Ивангород, Ям, Копорье, Орешек. Вопрос о получении выхода к Балтике при обсуждении возвращения этих земель России не стоял, но пересмотр Кардисского мира мог стать первым шагом, если бы Россия начала борьбу за получение выхода к Балтийскому морю.)

При переговорах с участниками габсбургской коалиции русские обещали, что предпримут действия против Швеции, по крайней мере попытаются оказать на нее дипломатическое давление. При этом Москва надеялась, что империя предоставит помощь России в борьбе с султаном и татарами. Основные русско-шведские переговоры периода Голландской войны состоялись осенью 1676 г., на границе России и Швеции, на р. Меузица. Шведам были предъявлены многочисленные, в том числе старые обвинения в оскорблении чести и достоинства царя; многие из них не имели никакого отношения к делу, были основаны на плохом знании географии (русские говорили о жителях шведских городов, хотя реально речь шла о городах империи). Еще в 1670 г. начавший служить царю в качестве почтмейстера фон Стаден должен был выполнить предъявленное Алексеем Михайловичем требование добиваться наказания издателей рижских газет, печатавших «лживые куранты» о Стеньке Разине и других «непристойных делех» (правомерность этих обвинений была сомнительна, и это должны были понимать даже русские: рижские газеты обычно перепечатывали сведения из «цесарских» (издававшихся в империи) и голландских газет). Тогда русское правительство не сочло нужным пытаться решать вопрос на уровне дипломатических миссий, путем переговоров с Карлом XI¹.

Теперь, в 1676 г., шведы не согласились с представленными им на Меузице обвинениями. Шведские послы уехали, испугавшись возможности начала войны с Россией и прервав съезды. Хотя русским не удалось добиться от Стокгольма выполнения предъявленных требований, но шведы были вынуждены держать в Лифляндии войска, в результате они не могли направить дополнительные силы против Габсбургов. Благодаря этому Бранденбургу и империи удалось нанести ряд поражений шведам в Померании, где в то время находился основной театр Голландской войны.

В последующие годы шведы всеми правдами и неправдами избегали возобновления переговоров. В дальнейшем Стокгольм неоднократно обвинял русскую сторону в том, что переговоры на Меузице были предприняты по требованию участников габсбургской коалиции, что шведы были вынуждены держать войска в Лифляндии и не могли направить дополнительных людей против габсбургской коалиции, которая в результате одержала важные победы.

Несмотря на то что русские выполнили просьбу участников габсбургской коалиции, обещанной цесарем помощи Россия так и не получила. Однако по-

литика оказания умеренного давления на Швецию вполне устраивала Москву; даже после завершения в 1679 г. Голландской войны и подписания Нимвегенского мира, после того как Габсбурги потеряли интерес к тому, чтобы Россия добивалась выполнения своих требований, Русское государство продолжало настаивать, чтобы шведы вернули Ижорскую землю.

Тем временем международная обстановка стала меняться. Напуганная успехами Франции, которая во время Голландской войны достигла своего апогея, Европа уже не хотела идти по линии переговоров о союзе с Людовиком XIV. Началась перегруппировка сил. К февралю 1683 г. в результате соперничества империи и Франции сформировались две коалиции: с одной стороны — Голландия, Испания, Швеция и Империя, с другой — Франция, Дания и Бранденбург. Франция соглашалась сохранить мир с империей только ценой больших уступок со стороны Леопольда I².

Вместе с тем усиливалось давление на Европу со стороны Османской империи, переговоры Вены со Стамбулом весной 1682 г. показали, что продлить мир не удастся: султан предъявлял неприемлемые условия, требуя со стороны империи территориальных уступок, которые фактически открывали туркам путь к Вене, а также добивался выплаты дани³. Шло формирование антиосманской лиги, главными членами которой предстояло стать цесарю, папе римскому, Речи Посполитой и России (обсуждался вопрос о создании широкой антиосманской коалиции). Основным препятствием на пути присоединения к коалиции Русского государства являлось отсутствие Вечного мира между Россией и Речью Посполитой. Еще недавно, в 1682 г., польско-крымские отношения носили выраженный антироссийский характер, при том что Речь Посполитая старалась вбить клин между Стамбулом и Бахчисараем. Успешное проведение предполагаемой политики позволило бы усилить позиции Речи Посполитой по отношению к России⁴.

В Москве вступили на престол царевичи Иван и Петр, и князь Василий Васильевич Голицын (1643–1714) и царица Софья (1657–1704) получили в свои руки власть. Патрик Гордон (1635–1699) прилагал усилия уговорить кн. В.В. Голицына, что следует принять участие в войне против Крыма⁵. Однако русские, понимая свою заинтересованность в борьбе с татарами, не спешили присоединяться к антитурецкой коалиции. До этого Москва и Варшава неоднократно пытались договориться об объединении («случении») сил, но поляки каждый раз предлагали неприемлемые условия. В Посольском приказе считали, что вхождению России в антиосманскую коалицию неизбежно должно предшествовать заключение Россией Вечного мира с Речью Посполитой (последнее было основной внешнеполитической задачей) и что этот вопрос должен решаться на комиссии не раньше 1685 г.⁶ Видимо, в Кремле не вполне сознавали, что Леопольд I и папа римский давно смирились с мыслью, что усиление России за счет Речи Посполитой неизбежно (Россию считали наиболее надежным союзником в борьбе с султаном) и что условия Андрусовского перемирия фактически рассматриваются как условия русско-польского мира.

В.В. Голицын стал ориентироваться на союз с Людовиком XIV. Русские соглашались присоединиться к антитурецкой коалиции лишь при условии, если в ее состав войдет Франция — традиционный союзник Османской империи.

Как считает К.А. Кочегаров, другие страны должны были активно выступать против присоединения Франции к антиосманской коалиции и таким образом Россия как бы отказывалась войти в состав коалиции, или Россия, предлагая это условие, тем самым призывала к объединению всего христианского мира⁷.

Перегруппировка сил в Европе в начале 80-х годов XVII в. привела к изменению русской политики по отношению к Швеции. Если до этого, в 50–70-е годы XVII в., Россия ориентировалась на габсбургскую коалицию, то теперь на повестке дня стояло сближение со странами, принадлежащими к разным коалициям. К проведению такой политики подталкивало отсутствие Вечного мира с Речью Посполитой, что, кстати, при отсутствии давления со стороны императора и его союзников дополнительно способствовало отказу от конфронтации со Швецией. (В Москве также имелись сторонники продолжения войны с Речью Посполитой, но, видимо, их было немного и они не пользовались большим влиянием⁸; трудно сказать, считали ли они, что война нужна, чтобы добиться мира на условиях Андрусовского перемирия, или думали о новых завоеваниях.)

В 1681 г., после заключения Бахчисарайского договора, как свидетельствуют русско-шведские источники, напряжение в русско-шведских отношениях возросло⁹. В Москве находился шведский торговый агент Христофер фон Кох, который сблизился с В.В. Голицыным. Используя фон Коха, Карл XI выразил готовность оказать империи помощь в борьбе с султаном — тогда бы Россия, вероятно, пошла по линии замирения со Швецией и, в случае заключения Вечного мира, участия в антиосманской коалиции. В.В. Голицын очень этому обрадовался и стал задавать вопросы об отношениях Швеции к Крыму¹⁰ (непонятно, действительно ли канцлер верил в желание Стокгольма присоединиться к антиосманской коалиции или видел в предложении фон Коха стремление подтвердить мирные отношения России и Швеции, или играли существенную роль идеи создания общехристианской лиги). Осенью 1682 г. в Швецию был отправлен писарь Посольского приказа Кондратий Никитич, сделавший предложение заключить союз.

Тем временем приехавший в Россию в связи с распространившимися слухами о намерении Москвы вступить в союз с Копенгагеном¹¹ датский посол Гильдебрант фон Горн ратовал за союз с Данией. В июле Борис Алексеевич Голицын (1651–1714) лично продиктовал фон Горну письмо к Кристиану V (1670–1699 гг.) с просьбой уговорить своих союзников во Франции, Англии и Бранденбурге поддержать Петра в борьбе против Софьи. Предложение Голицына повторил ставший к этому времени думным дьяком Емельян Игнатьевич Украинцев. Речь шла о заключении секретного союза с Данией и Бранденбургом против Швеции, при этом предполагалось вновь потребовать возвращения Швецией России Ижорской земли и Карелии¹², т. е. вернуться к традиционной политике, которую Русское государство проводило в 50–70-е годы XVII в., ориентируясь на союз с Копенгагеном и Берлином (при том, что теперь они разорвали союз с империей). Осенью 1683 г. Борис Алексеевич Голицын говорил двоюродному брату Василию Васильевичу Голицыну, что беседовал со всеми виднейшими боярами и что все благосклонно относятся к идее вступить в договор с Данией, но что он не смог убедить Василия Васильевича поставить этот вопрос в Думе. Тот резко осуждал своего кузена. Борис Алексеевич и поддерживавшая его царица Наталья

Кирилловна Нарышкина советовали фон Горну подкупить В.В. Голицына, но безрезультатно¹³.

Но вопрос о подтверждении мира со Швецией был решен. В августе 1683 г. в Стокгольм поехал окольный Иван Афанасьевич Прончищев (†1687), неоднократно участвовавший в переговорах со шведами. Он в 1661 г. заключал Кардисский мир после того, как от переговоров со шведами был отстранен Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин (1605–1680), настаивавший на том, чтобы шведы уступили России ливонские города; Прончищев являлся послом во время переговоров со шведами на Меузице в 1676 г. В состав посольства также вошли сын И.А. Прончищева стольник Петр Иванович Прончищев (†1700) и дьяк Василий Бобинин. Послы выразили готовность русской стороны подтвердить Кардисский мир и Плюсский договор (1558 г.). И.А. Прончищев привез в Стокгольм грамоту с поручением узнать, действительно ли Швеция заключила союз с цесарем и Речью Посполитой; шведы обещали направить на помощь цесарю и Речи Посполитой 8 тыс. чел. Шведы говорили о своем намерении вернуться к обсуждению спорных вопросов русско-шведских отношений, что едва не привело к разрыву переговоров. Затем шведы заявили, что скоро отпустят послов. Последнее заявление свидетельствует о том, что они хотели сохранения дипломатических отношений¹⁴.

В то же время Г. Оксеншерна, ведший переговоры с русскими уполномоченными, в конечном итоге проявил готовность не возвращаться к обсуждению обвинений, которые до этого русские ставили в вину шведам: «Нет смысла говорить о снеге, который выпадал в прошлом году; не следует вспоминать обо всех старых делах, но о них следует забыть». В конечном счете было согласовано подтвердить договор в Москве, куда должно было приехать шведское посольство. В то же время было решено, что договор будет скреплен крестоцелованием, которое в русской дипломатической практике обычно не использовалось, что вызывало определенное беспокойство у шведов. В Швеции не были уверены, что в дальнейшем русские согласятся, как они обещали в Стокгольме, использовать крестоцелование в качестве доказательства того, что договор был действительно подтвержден¹⁵. (В XVI в. русские цари целовали крест лишь в присутствии узкого круга лиц; при этом монархи обнажали голову, чего не делали ни в каких других ситуациях. В середине XVII в. возле трона ставили аналой с положенными на него грамотами, после чего государь прикладывался к кресту и Евангелию: «Церковно-этикетные наслоения постепенно скрыли магическую природу обряда крестного целования, ранее проступавшую в нем куда более явственно»¹⁶.) Москва, куда послы возвратились 4 января, была вполне удовлетворена результатами переговоров.

Вместе с тем в Посольском приказе получали сведения о событиях, происходивших на международной арене. Еще в октябре в Посольском приказе стало известно о разгроме турок под Веной. К концу ноября в России были получены известия, что соглашение цесаря со Швецией заключено. В ноябре в Москву прибыл польский посланник Ян Окраса, сообщивший о поражении султана под Веной и просивший весной направить на помощь против османов царские рати, при этом посланник подчеркивал, что Речь Посполитая вступила в союз с цесарем. Однако бояре практически отказались от ведения переговоров: «То дело самое

великое, а не малое». Следовало ожидать созыва комиссии для решения вопроса о Вечном мире, без нее бояре не будут решать никаких вопросов¹⁷. Большинство склонялось к миру с Речью Посполитой и ведению борьбы с Крымом¹⁸.

В январе 1684 г. в столице проходил Земский собор, который должен был рассмотреть вопрос о мире с Речью Посполитой (в 1653 г. Земский собор принимал решение о начале войны с поляками; так как в силу того, что Андрусовское перемирие 1667 г. было только перемирием, вопрос о мире с поляками опять же предстояло решать сословным представителям; работавшая в рамках собора Боярская дума постановила, что сначала следует заключить мир с Речью Посполитой, а затем обратиться к проблеме, вступать ли и на каких условиях в союз с Варшавой)¹⁹.

Основные события, связанные с восстановлением отношений России и Швеции, относятся к 1684 г. Шведское посольство в Москву включило в свой состав Конрада Гюлленшерна, Иоанна Клингстеда, Отто Стакельберга. Послам предстояло подтвердить Кардисский мир²⁰.

Карл XI, не будучи уверенным в благоприятном исходе переговоров в Москве, опасался, что речь идет о камуфляже и дипломатической уловке. Шведы, учитывая информацию, поступавшую от Х. Коха, в первую очередь собирались предложить России заключить антиосманский союз, и этой проблемы касалось 88 параграфов инструкции послам. Швеция предлагала свою помощь во имя поддержания дружественных отношений с Россией. Вероятно, Карл XI хотел обезопасить себя от нападения со стороны России, рассчитывая, что она будет вести борьбу с Крымом, и именно так эти высказывания воспринимались русскими — как залог нужного ей мира со Стокгольмом. Стокгольм собирался проявить настойчивость, делая свои предложения²¹.

28 апреля послы прибыли в Москву, где были приняты с невиданным торжеством²². Послы сообщили о своем намерении подтвердить Вечный Кардисский мир.

В Москве был подготовлен наказ назначенным вести переговоры В.В. Голицыну и Ивану Васильевичу Бутурлину. Наказ, как многие документы такого рода, начинался с выражения желания поддерживать постоянную дружбу двух стран. Несмотря на то что в Стокгольме шведы говорили, что не стоит вспоминать о прошлогоднем снеге, на всякий случай наказ включал список случаев умаления чести и достоинства русских царей. Все обвинения, как и прежде, рассматривались как случаи нарушения Кардисского мира. Шведские послы, несмотря на результаты переговоров 1683 г., небезосновательно могли заявить, что в 1676 г. русские «говорили как неприятели и просили земель и городов и грозили войною», задержали королевских послов на съезде месте, «всчали нечаемые дела и просили земель и городов будто мимо правды». На это канцлеру следовало отвечать, что это сделано «за те безстрашные свидетелства бесчестия и досадителствования послов», т. е. за попытки шведов умалить честь и достоинство русских царей. В то же время в наказе говорилось о том, что в дальнейшем русские хотели уладить конфликт, возникший на Меузице.

Русские должны были сказать несколько слов о том, что, возобновив переписку в 1680 г., две стороны не смогли прийти к взаимному согласию относительно места переговоров (в 1680 г. русские настаивали на том, чтобы съезды

состоялись на Меузице; шведы, небезосновательно питая опасения, что русские снова предъявят прежние обвинения и будут требовать уступки Ижорской земли, не поехали на предлагаемое русскими место; в результате переговоры не состоялись)²³.

Готовясь к переговорам 1684 г., русская сторона всерьез опасалась, что шведы вспомнят о ее связях с габсбургской коалицией в период Голландской войны. На случай, если возникнут соответствующие вопросы, В.В. Голицыну и Ивану Васильевичу Бутурлину предстояло настаивать на традиционной дружбе России с Данией и Бранденбургом и говорить, что связи с этими странами «к подозрению причитать не годится». Специально предусматривался и ответ на возможный вопрос К. Гюлленшерна и его спутников относительно того, что во время переговоров 1676 г. на русско-шведскую границу были переброшены многочисленные войска, а русские послы «теми войска грозили войною», из-за чего шведы также держали на русской границе войска и потерпели большие убытки, «а от неприятелей утеснение». На это следовало отвечать, что хотя первоначально людей собирали под Псковом, в дальнейшем они были направлены против султана²⁴. Как показали переговоры, использовать наказ не пришлось.

Переговоры со шведами начались одновременно с переговорами с послами из Вены Себастьяном Блумберком и Иоганном Жировским. Империя, поглощенная борьбой с султаном, в то время считала основным театром действий трансильванский²⁵ и, естественно, хотела добиться, чтобы появился еще один театр военных действий — в Крыму. В своей грамоте русским царям цесарь указывал, что между империей и Францией существовали многие «тлеющие ссоры», но в то же время было важно заключить антиосманский союз между Варшавой и Венной, тем более что после осады Вены османское войско «великой себе урон приняло». В союз с Леопольдом I вступил папа римский, который оказывал помощь деньгами²⁶. Но русские исходили из решения Земского собора, что сначала надо решить вопрос о Вечном мире с Речью Посполитой. С. Блумберк и И. Жировский прибыли в русскую столицу. В.В. Голицын явно торопился скорее завершить переговоры.

Конференции с имперскими дипломатами проходили раз в несколько дней во второй половине мая и начались 16 числа. 16 мая венские дипломаты сообщили об установлении дружбы со шведами.

Цесарские послы 16 и 21 мая стремились втянуть Россию в военные действия против Крыма, уговорить Россию присоединиться к антиосманской коалиции. «О взятии Азова промысл чинить ныне время пристойное», в то время как перемирие с турками ненадежно, они его часто нарушают. Во время этой, а также последующей встречи В.В. Голицын сказал, что вместе с боярами готов идти по линии восстановления союза. В то же время 21 мая, а также во время следующей конференции 27 мая канцлер говорил, что, пока не заключен Вечный мир с Речью Посполитой (при том что Москва не пойдет на территориальные уступки), Россия не может выступить против Крыма.

27 мая С. Блумберк и И. Жировский отметили, что все участники антиосманской коалиции приложат условия, чтобы Киев был возвращен России. Однако В.В. Голицын настаивал, чтобы была дана гарантия заключения Вечно-го мира. Канцлер обсуждал возможность заключить союз с цесарем, «что быть

другу другом, а недругу недругом». На что имперские послы отвечали, что у Империи ненадежные отношения с Францией. Несмотря на неоднократные предложения со стороны цесарских послов, русские отказались от посредничества императора в русско-польских мирных переговорах. Ни о чем не удалось договориться и 31 мая, когда цесарские послы поставили вопрос о периодических нападениях на Крым²⁷.

Еще 10 мая шведы спрашивали В.В. Голицына, была ли получена от польского короля Яна Собеского (1674–1696) реальная помощь в борьбе с султаном. В.В. Голицын подтвердил, что у России заключен союз с цесарем и Речью Посполитой. (В то же время, по его словам, обращенным к К. Гюлленшерну и всей шведской делегации, Леопольд I не оказал поддержки русским.) В отличие от того, что говорилось С. Блюмберку и И. Жировскому, канцлер подчеркнул готовность принять предложение шведов присоединиться к антиосманской лиге²⁸. Но как Россия, так и Швеция вряд ли придавали большое значение вопросу о помощи русским в борьбе против Крыма, тем более что к моменту переговоров в Москве уже был заключен союз Леопольда I и Карла XI. Во всяком случае, в дальнейшем, в том числе после того, как Россия заключила Вечный мир с поляками и был поставлен вопрос о крымских походах В.В. Голицына, никакого обмена посольствами между Стокгольмом и Москвой об оказании помощи против татар не последовало.

Шведские дипломаты, переговоры с которыми продолжались параллельно с переговорами с послами Леопольда I, без труда добились согласия по вопросам, которые никак не удавалось решить ни Г. Оксеншерне, ни тем более при последующих переговорах. В том числе была достигнута договоренность обновить и исправить старый рубеж, хотя до этого возникали ожесточенные споры относительно небольшого участка границы, причем вопрос о том, кому будет принадлежать узкая полоса земли, не имел принципиального значения²⁹. Дополнительные статьи, составленные шведами 22 мая, предполагали проведение границ. Впрочем, несмотря на даваемое согласие, русские не торопились проводить размежевания, вопрос о границе их не беспокоил³⁰. Когда Х. фон Кох очередной раз в 1684 г., после завершения весенних переговоров, поехал в Москву, его основной задачей было договориться об отправлении комиссаров для установления новой пограничной линии³¹. Однако размежевание так и не было проведено.

Особое внимание было уделено положению православного населения Ижорской земли и Корельского уезда, который также по Столбовскому миру оставался за Швецией.

Существенную роль играло обсуждение вопросов торговых отношений. Не первый раз был поднят вопрос о суде по торговым делам — в шведских владениях суд, которому подвергались русские торговые люди, оставался в руках тамошних ратманов, достаточно пристрастно относившихся к русским торговым людям. Русские потребовали, чтобы суд был передан в руки правительственной администрации — королевской канцелярии в Стокгольме и губернаторам прибалтийских городов. К. Гюлленшерн и его спутники сказали, что не имеют соответствующих полномочий³². Уже в следующем, 1685 г., были подготовлены выписки из челобитных псковских и новгородских дворян об убытках и притеснениях шведской администрации³³.

Русские, как всегда, поставили вопрос об ограниченных правах российских купцов вести торговлю в Швеции. Послы дали обещание, что те смогут вести торговлю в шведских городах³⁴.

Пока проходили переговоры с венскими дипломатами, 22 мая состоялся торжественный прием шведских послов в Посольском приказе. 28 мая мир со Стокгольмом был утвержден, в обряде крестоцелования приняли участие оба царя.

Ход переговоров с имперскими и шведскими послами показал, что Россия остается верна решению Земского собора не присоединяться к антиосманской коалиции в составе цесаря и Речи Посполитой, пока не заключен Вечный мир с поляками. Неясно, насколько русские были заинтересованы в расширении лиги за счет других стран, включая Швецию, следуя идее создания широкой коалиции. Видимо, в Москве понимали, что недалек тот час, когда Вечный мир будет заключен и, возможно, Россия реально примет участие в борьбе с Крымом, однако Швеция скорее может оказать помощь Речи Посполитой, чем России. До этого ситуация, когда отношения со Швецией основывались на принципе «ни войны, ни мира», зашла в тупик. Добиться территориальных уступок было невозможно. Так как Кардисский мир не был подтвержден, создавалось препятствие для ведения двумя странами торговли. Принимая в 1684 г. шведское посольство, Россия однозначно выбрала мир со Швецией, в дальнейшем, возможно, участие в борьбе с Крымом. В скором будущем борьбу со Швецией предстояло вести вооруженным путем. Подтверждение мира, как справедливо указывает А.С. Лавров, было «своевременным и взвешенным решением»³⁵. Уже в ближайшее время — в 1686 г. — Россия заключила Вечный мир с Речью Посполитой на условиях Андрусовского перемирия; но голицынские походы в Крым 1687 и 1689 гг. не принесли удачи, а после крымских походов Петра I решение вопроса о получении выхода к Черному морю отложилось на длительный срок.

Заключив союз со Швецией, Россия отказалась как от политики вражды, так и от традиционного союза с Данией и Бранденбургом против Швеции (правда, этот союз никогда не приносил ожидаемых результатов). В то же время этот отказ носил достаточно кратковременный характер.

¹ Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). СПб., 1885. Ч. 4. С. 190–191. См. также: Шамин С.М. Куранты XVII столетия. Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.; СПб., 2011. С. 158.

² Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 149–150.

³ Там же. С. 149.

⁴ Там же. С. 230.

⁵ Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). СПб., 2008. С. 146. Прим. 2.

⁶ Кочегаров К.А. Указ. соч. С. 160.

⁷ Там же.

⁸ Лавров А.С. Регентство царевны Софьи Алексеевны. Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг. М., 1999. С. 118.

⁹ Кочегаров К.А. Указ. соч. С. 263.

- ¹⁰ Форстен Г.В. Сношение России и Швеции второй половины XVII в. (1648–1700) // ЖМНП. 1899. Сентябрь. С. 49.
- ¹¹ Кочегаров К.А. Указ. соч. С. 263.
- ¹² Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). СПб., 2008. С. 144.
- ¹³ Там же. С. 145–146.
- ¹⁴ Кочегаров К.А. Указ. соч. С. 265–267.
- ¹⁵ Zernack K. Studien zu den schwedisch-russischen Beziehungen in der 2. Hälfte des 17. Jahrhunderts. Gießen, 1957. Т. 1. S. 128–131.
- ¹⁶ Юзефович Л. Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. Конец XV — первая половина XVII в. СПб., 2007. С. 284–285.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. Кн. 217. Л. 54–57. Запись переговоров Яна Окрасы с боярами. 22 ноября 1683 г.
- ¹⁸ Лавров А.С. Указ. соч. С. 118–119.
- ¹⁹ Лавров А.С. Указ. соч. С. 135; Никольский В.К. Земский собор о вечном мире с Польшей 1683–1684 г. // Научные труды Индустриально-педагогического института им. К. Либкнехта. Сер. Социально-экономическая. М., 1928. Вып. 2. С. 5–75.
- ²⁰ Zernack K. Op. cit. S. 131.
- ²¹ Кочегаров К.А. Указ. соч. С. 267.
- ²² Форстен Г.В. Указ. соч. С. 50–51.
- ²³ РГАДА. Ф. 96. Сношения России со Швецией. Оп. 1. Кн. 116. Л. 196 об. – 198 об. Наказ В.В. Голицыну и И.А. Прончищеву.
- ²⁴ Там же. Л. 217–222. Наказ В.В. Голицыну и И.А. Прончищеву. Доп. статьи. Ср.: Кочегаров К.А. Указ. соч. С. 270.
- ²⁵ Кочегаров К.А. Указ. соч. С. 231, 275.
- ²⁶ Грамота Леопольда I Ивану и Петру Алексеевичам. 28.I.1684 // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1862. Т. 6. С. 266–276.
- ²⁷ Запись переговоров В.В. Голицына с С. Жировским и И. Блумберком. 16, 21, 27, 31.V.1684 // Памятники дипломатических сношений. Т. 6. С. 510–534, 550–573, 591–616. См. также: Кочегаров К.А. Указ. соч. С. 275.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 116. Л. 435–435 об. Запись переговоров с К. Гюлленшерном, 10.V.1684.
- ²⁹ Там же. Л. 445–445 об. Роспись, присланная К. Гюлленшерном В.В. Голицыну, 10.V.1684.
- ³⁰ Там же. Л. 534. Дополнительные статьи, поданные шведам. 22.V.1684.
- ³¹ Форстен Г.В. Указ. соч. С. 63.
- ³² Русско-шведские экономические отношения в XVII веке. М.—Л., 1962. № 260; Шаскольский И.П. Экономические отношения России и Шведского государства в XVII в. СПб., 1998. С. 281–282.
- ³³ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. № 122. Выписки из челобитных псковских и новгородских дворян об убытках и притеснениях шведской администрации.
- ³⁴ Русско-шведские экономические отношения... № 260; Шаскольский И.П. Экономические отношения. С. 282.
- ³⁵ Лавров А.С. Указ. соч. С. 121.

Г. Карман

ПОПЫТКИ ФЕРЕНЦА II РАКОЦИ ДОБИТЬСЯ ОТ ШВЕЦИИ ПОДДЕРЖКИ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ*

Когда в мае 1703 г. Ференц II Ракоци принял решение, что, вернувшись из польской эмиграции, возглавит Тисахатское восстание и возьмет на себя руководство антигабсбургским движением в Венгрии, он со всей ясностью понимал, что, опираясь лишь на силы внутри страны, не сможет тягаться с располагавшей куда более мощным военным потенциалом Империей Габсбургов. Так, с самого начала он приложил немало усилий, чтобы, с одной стороны, добиться успеха на начавшихся ранее переговорах с французским королем и, получив от него финансовую и военную поддержку, придать союзническим отношениям формальный характер и, с другой — максимально расширить круг зарубежных сторонников восстания венгерских сословий. Единственный государь, который в конце концов подписал союзный договор с Ференцем II Ракоци, русский царь Петр I, появился на горизонте княжеской дипломатии только в разгар освободительной борьбы, и только в 1706 г. Ракоци предпринял первые серьезные попытки воскресить традиции Трансильванского княжества и вовлечь в войну Оттоманскую Порту. В начале освободительной войны помимо Людовика XIV и его союзника, баварского курфюрста Максимилиана Эммануила (1679–1706) главной целью дипломатии Ференца II Ракоци был шведский король Карл XII. Как раз в то время, когда молодой государь добивался одного военного успеха за другим, его сначала в 1704, затем в 1705 г. посетили венгерские послы, чтобы попросить поддержки антигабсбургскому движению, и сохранение добрых отношений со шведским королем в дальнейшем оставалось одной из доминант внешней политики Ракоци¹.

Все это тем необычнее, что внешнюю политику шведского короля в те годы определяла борьба против заключенного в 1700 г. датско-саксонско/польско-русского союза². Как император-король Леопольд I, так и его наследник Иосиф I воздерживались (по крайней мере, официально) от участия в череде конфликтов, известных как Большая северная война, и даже из беглого обзора хронологии событий становится ясно, что в первое десятилетие XVIII в. у Карла XII

* Данная статья является переработанным и дополненным вариантом доклада, прозвучавшего на конференции в рамках «Дней Ракоци», проходивших в Москве 27–28 октября 2011 г., и подготовлена при поддержке исследовательской программы фонда ОТКА НК 81984 Венгерской академии наук.

и Ференца II Ракоци не было общего врага. В своей статье я ищу ответ на вопрос, какими доводами дипломатия венгерских повстанцев пыталась убедить шведского короля, что поддержка их антигабсбургской войны соответствует его интересам. В этой связи я прежде всего рассмотрю те содержащиеся в реляциях различных посольств обзоры реально-политической ситуации, в которых приводились доводы в пользу содействия венгерским повстанцам. Затем я проанализирую попытки дипломатии Ракоци найти позитивно-правовые основания в традициях трансильванско-шведского сотрудничества. Наконец, я попытаюсь установить, какую роль в ходе переговоров играл занимавшее важное место в ряду упомянутых традиций конфессиональный аспект.

ОБЩИЕ ИНТЕРЕСЫ?

В феврале 1704 г. канцлер Ференца II Ракоци, Пал Радаи, отправился в путь из лагеря венгерских повстанцев в Мишкольце, чтобы встретиться с Карлом XII. По дороге он — сначала во Львове, затем в Варшаве — провел переговоры с польскими аристократами, затем, двигаясь дальше на север, в конце марта разыскал шведского короля в его главной ставке в эрmlandском³ городе Хейльсберге. Радаи пришлось некоторое время дожидаться королевской аудиенции; его удостоил встречи только канцлер Карл Пипер, которому он смог передать излагавший цели посольства меморандум. Карл XII принял венгерского дипломата только в середине апреля, и получив ответное письмо короля к Ракоци, Пал Радаи продолжил путь в Королевство Пруссию, поскольку в его миссию входил также визит к Фридриху I⁴.

В распоряжении историков нет информации о том, как проходила подготовка посольства, из инструкции Ракоци не вполне ясно, чего следовало добиться Радаи в процессе переговоров со шведским королем⁵. О военной помощи речь не шла, более того, в инструкции особо подчеркивалось, что в настоящий момент Карлу XII уже только потому особо выгодно заключить соглашение с Ракоци, что венгерским повстанцам не нужна ни военная, ни финансовая помощь. Мы вряд ли ошибемся, если сочтем это дипломатическим ходом, призванным успокоить шведского короля. Вместе с тем в 1703 г. восстание в Венгрии в самом деле не встречало серьезного отпора, поскольку основные силы Габсбургов были заняты на западном фронте, в операциях против французской и баварской армий. Ракоци прекрасно понимал, что в случае, если расстановка сил в Войне за испанское наследство со временем изменится, ему может потребоваться и финансовая, и военная помощь, и не исключал, что придется просить субсидии у французов⁶. При этом князь, скорее всего, не надеялся получить такого рода поддержку от шведского короля, поэтому делал ставку на дипломатическое сотрудничество. В одном из пунктов инструкции Радаи поручалось поинтересоваться, нельзя ли включить в шведско-пруссский альянс также венгерские сословия, в другом пункте — добиться от Карла XII поддержки будущего венгерско-польского союза. Наконец, князь хотел, чтобы — если по окончании войны Людовик XIV включит Ракоци в число договаривающихся сторон — шведский король, в свою очередь, гарантировал бы ему защиту от Габсбургов⁷.

Неизвестно, насколько Ференц II Ракоци отдавал себе отчет в том, что заключенный 30 июля 1703 г. шведско-польский альянс был всего лишь одним малозначительным эпизодом в цепи быстроменяющихся военных и дипломатических событий той эпохи. В любом случае, современникам, прослышавшим о заключении альянса и еще не знавшим о точном содержании документа, показалось, что речь идет о повторении имевших место в 50-е годы XVII в. попыток расчленив Польско-Литовскую конфедерацию⁸. Глядя на успехи молодого шведского короля, этому не приходилось удивляться: вся Европа восхищалась тем, как Карл XII одерживал одну за другой победы над сложившейся против него в 1700 г. коалицией. Датского короля Фридриха IV (1699–1730 гг.) он уже в августе принудил поспешно заключить мир, когда при поддержке голландского и английского флота высадился на острове Зеландия и стал грозить осадой вражеской столице⁹. В ноябре Карл нанес поражение армии царя Петра, штурмовавшей крепость Нарва, и затем, повернув на юг, в июле 1701 г. при переправе через Двину одержал победу над войском польского короля и саксонского курфюрста Августа II Сильного. Хотя годом ранее Август вторгся в Шведскую Ливонию во главе исключительно саксонских войск, т. е. в качестве курфюрста, не прошло и года, как Речь Посполитая тоже втянулась в конфликт. Карл XII отверг мирные инициативы противника и, поддержанный частью польского и литовского дворянства, заявил: конфликт может быть завершен лишь в том случае, если Августа лишат польского престола. Вовлечение сословий Польско-Литовской конфедерации не означало, однако, что начинается затяжной политический маневр с участием многих игроков, поскольку шведский король помимо своих военных успехов мог похвастаться лишь скромными политическими достижениями. Он вступил в Варшаву, дважды нанес поражение войскам Августа (в которых на этот раз были поляки) при Пултуске и Клишове, затем захватил Торунь. Вскоре после того, как Радаи отправился в путь, 16 февраля 1704 г., заседавший в Варшаве сейм лишил Августа престола. На стороне шведского короля выступала только часть польско-литовского дворянства, Август же не желал отказываться от престола и усилил союз, заключенный с царем Петром, начавшим продвигаться вглубь Ливонии, занимая там одну за другой крепости¹⁰.

Хотя к Карлу XII обратились представители обеих сторон, вовлеченных в Войну за испанское наследство, — как традиционно считавшийся союзником шведов Людовик XIV, так и морские державы, — неудивительно, что молодой государь приложил все усилия, чтобы не связывать себя обязательствами вмешаться в новый вооруженный конфликт¹¹. Жертвой этого стремления пал посол Радаи, причем еще до того, как прибыл в ставку короля. Шведский канцлер Карл Пипер подробно проинформировал секретаря Ракоци о том, что в ответ на просьбу императорского посла его суверен недавно пообещал не оказывать помощи повстанцам, поднявшим оружие против Леопольда I¹². Поэтому Радаи в меморандуме к Карлу XII даже не упоминал о присоединении венгерских сословий к шведско-прусскому альянсу, а просил только о возможности союза с поляками и дипломатической поддержке в связи с гарантиями мирного договора. Потеряло смысл и то, что, помимо мотиваций, относящихся к традициям и протестантизму, на которых я остановлюсь позднее, венгерский посол прибег к доводам актуально-политического характера, заявив: в случае заключения союза с

поляками Карл XII может при необходимости получить поддержку, в том числе и из Венгрии.

В меморандуме Радаи, помимо рассуждений о восстановлении баланса сил в Европе (которые вряд ли звучали убедительно), упоминался только один конкретный вопрос: поможет ли Карл XII трансильванскому князю, если на него по наущению Вены нападут османы? В момент написания инструкции послам руководители восстания действительно верили в возможность такой, на самом деле маловероятной, атаки, и поскольку противодействие «врагу христианства» было одной из наиболее легко мобилизуемых стратегий современного европейского международного порядка, они видели в нем единственную возможность шведско-венгерского сотрудничества¹³. В довольно расплывчатом шведском ответе по этому поводу содержалось всего лишь одно замечание: Карл XII не упустит возможности послужить благу христианского мира. И без того двусмысленный с дипломатической точки зрения ответ обесценило то обстоятельство, что его подписал не король, а канцлер. Таким образом, Ференц II Ракоци и венгерские сословия не были признаны равными партнерами, каковой жест мог бы в дальнейшем послужить для легитимации движения¹⁴.

Помимо прочего, эти события были важны еще потому, что 8 июля 1704 г. на собрании трансильванских сословий Ференца II Ракоци, до того носившего только титул князя Священной Римской империи, избрали трансильванским князем, что дипломатический корпус новоиспеченного государя поспешил довести до сведения Карла XII¹⁵. Новое посольство, отправившееся к шведскому королю весной 1705 г. с этой новостью, надеялось встретить более серьезное к себе отношение.

В отличие от дипломатической миссии, направленной год назад, архитекторы княжеской внешней политики отнеслись к формулировке предложений гораздо серьезнее. Вновь пустившемуся в путь Палу Радаи предстояло наряду с обсуждением общих контуров польско-венгерского союза добиться желанной шведской поддержки. По мысли Ференца II Ракоци, союзники, вторгшись в Силезию, вынудили бы императора пойти на заключение мира, затем, когда саксонский курфюрст был бы разбит и на европейском фронте воцарился бы мир, можно было бы совместно двинуться на усмирение Петра I и отвоевание утраченных шведских владений. Наряду с изложением отделенных стратегических планов послу Ракоци предстояло передать, что князь не возражал бы против обмена воинскими формированиями: предлагая королю венгерскую легкую конницу, князь рассчитывал получить помощь в виде шведской тяжелой кавалерии¹⁶. О самоуверенных прошлогодних декларациях, что освободительное движение не нуждается ни в солдатах, ни в деньгах, речи больше не было, и хотя Радаи в меморандуме, поданном Карлу XII, хвалился захватом пятидесяти крепостей, было очевидно, что поражение в битве под Надьсомбатом и потеря большей части Задунавья существенно скорректировали внешнюю политику князя¹⁷.

Таким образом, Ференцу II Ракоци и его советникам удалось не только выработать предложения, но и подвести под них политическое обоснование. Хотя очевидного общего врага найти так и не удалось, но как в инструкциях, данных Радаи, так и в меморандуме посла содержались ссылки на то, что Леопольд I, как и со временем наследующий ему Иосиф I, открыто поддерживает русского

царя¹⁸. Между тем план совместного вторжения в Силезию позволил бы Карлу XII решить одну важную дилемму. После сейма, низложившего Августа, шведскому королю на новом сейме в июле 1704 г. удалось добиться избрания новым королем Станислава Лещинского. Этот год наряду с многочисленными мелкими победами принес несколько ощутимых поражений (например, осенью войска Августа захватили Варшаву), и стало ясно, что легитимность власти Станислава I до тех пор останется под вопросом, пока не удастся убедить Августа отречься от польского престола¹⁹.

Для вовлеченных в конфликт держав было очевидно, что самый простой способ принудить Августа к отречению — не пытаться установить военный контроль над необъятной по территории Польско-Литовской конфедерацией, но напасть на курфюрста в его наследственных владениях — Саксонии. Проблема заключалась в том, что у Речи Посполитой и Саксонии не было общей границы, поэтому шведским войскам пришлось бы проходить или через Бранденбург, с правителем которого Карл XII недавно возобновил договор о взаимном нейтралитете, или через земли императора Священной Римской империи. Поэтому, когда зимой 1704—1705 гг. Карл XII выбрал в качестве ставки верховного главнокомандования расположенный близ силезской границы город Равич, чтобы воспрепятствовать проходу новых саксонских частей на территорию Речи Посполитой, этот его шаг возбудил некоторое беспокойство в венских придворных кругах, что, возможно, побудило Ференца Ракоци отправить к королю новое посольство²⁰.

То, что на этот раз концепция князя — в отличие от прошлого года — была детально проработана, следует и из максимально широкого теоретического обоснования инструкции, данной Радаи. В частности, там говорилось, что поскольку Карл XII мог опасаться нарушения европейского баланса сил в связи с выходом Венгрии из сферы влияния Габсбургов, образовавшуюся пустоту мог бы заполнить гораздо более сильный, чем Священная Римская империя, шведско-польско-венгерский альянс²¹. К сожалению, доводы подобного рода не впечатлили шведского короля, который принял Радаи со всей любезностью, но не дал никаких обещаний, к тому же, как и в первый раз, дал письменный ответ Ференцу II Ракоци от имени своего канцлера²². Карл XII по-прежнему не желал возбуждать подозрений в глазах Габсбургов, будто он поддерживает венгерских повстанцев, и не только по той очевидной причине, чтобы не пополнять и без того уже многочисленный лагерь своих врагов еще одной великой державой, но и — как доверительно сообщил послу королевский секретарь Олоф Хермелин — из-за своих обязательств перед Англией и Голландией²³. Эти государства в Войне за испанское наследство сражались на стороне императора и не потерпели бы любых антигабсбургских шагов шведского короля, более того, не без их давления Карл XII отказался (по крайней мере на время) от того, чтобы вступить со своим войском на территорию Священной Римской империи с целью нападения на Саксонию. Так или иначе, шведскому королю как воздух была необходима благосклонность морских держав, ибо именно они выступали гарантами мира, заключенного с Фридрихом IV, чтобы, пока Карл XII воюет в Польше, честолюбивый датский король не ударил бы ему в тыл, пойдя войной на Швецию²⁴. Таким образом, Карл XII не мог пообещать ничего, кроме новой попытки посредничества между венграми и венским двором, после того как годом ранее

Леопольд отверг сходное предложение²⁵. В то же время король благосклонно выслушал предложение трансильванских дипломатов направить в Оттоманскую порту послов с предложением начать новую русско-турецкую войну. В течение 1705 г. королевский секретарь Хермелин и Радаи обменялись несколькими письмами (шведы сознательно избегали прямых сношений между Карлом XII и Ракоци), но поскольку посольству к султану быстрого успеха добиться не удалось, вопрос был снят с повестки дня²⁶.

В последующие два года до направления послов дело так и не дошло, но это не означало, что Ференц II Ракоци и Карл XII пребывали в неведении относительно намерений и действий друг друга. Французский агент Филипп Грофей, находившийся при шведском короле, поддерживал связь не только со своим коллегой в стане Ракоци — Пьером Пюшо-Дезаллером, но и лично с князем²⁷. В 1706–1707 гг. Карл XII воплотил свои планы в жизнь и напал на Силезию, а Ференц II Ракоци через своего агента, отчасти при поддержке Людовика XIV, начал прощупывать почву, не послать ли ему новое посольство с предложениями о сотрудничестве²⁸. Это имело бы смысл уже потому, что в тот период король осуществлял давление на императора: на деле военным давлением удалось добиться того, что 1 сентября 1707 г. император Иосиф I гарантировал права силезских протестантов, зафиксированные в Вестфальском мирном договоре (1648 г.)²⁹.

Но в то время двор Ракоци пребывал в возбуждении по совершенно иному поводу: хотя в 1706 г. по Альтранштедтскому договору Карл XII вынудил Августа отказаться от польского престола, часть польских аристократов, объединившихся в Сандомирскую конфедерацию, и поддержавший их Петр I не желали признавать Станислава королем Речи Посполитой, а в мае 1707 г. Давид Иванович Корбе передал Ракоци предложение царя Петра занять польский трон. После некоторых раздумий князь пришел к выводу: предложение царя позволяло решить крупнейшую проблему его внешней политики — нехватку легитимности власти, вследствие чего европейские венценосные особы не считали Ракоци равным им по рангу партнером на переговорах³⁰. Однако Ракоци не желал из-за принятого решения оказаться во враждебных отношениях с поддерживавшим Станислава шведским королем, поэтому от имени Радаи послал меморандум шведскому генералу Карлу Густаву Реншэльдту (1651–1722), содержание которого тот, разумеется, довел до сведения своего государя. В документе неоднократно подчеркивалось, что не в интересах Ференца II Ракоци чинить препятствия Карлу XII; князь предлагал провести новые выборы короля и пытался вновь разыграть карту, уже использовавшуюся на переговорах в 1705 г., когда русские и австрийцы чуть было не заключили союзный договор³¹.

Как сам Ференц II Ракоци позднее писал в своих мемуарах об ответе, полученном от Карла XII: «Я должен был и далее сражаться с царем, ибо сам он, шведский король, вскоре вторгнется в Польшу и разобьет его»³². Между тем воспоминания полкового священника шведского короля рисуют несколько отличную картину: выходит, что Карл XII через Олофа Хермелина проинформировал князя о том, что будет считать своим врагом всякого, кто попытается поднять оружие против Станислава или Польши³³. В дальнейшем князь еще раз попытался, чтобы Карл XII, своим молниеносным броском в Польшу осенью 1707 г. перечеркнувший надежды Ракоци на польскую корону, не отвернулся от него полностью: трансильванские

дипломаты убедили одного польского аристократа из партии Лещинского замолвить за князя слово перед шведским королем, используя при этом аргументы, похожие на те, что приводились в более раннем меморандуме³⁴.

Однако дипломатические связи между шведским королем и князем-правителем Венгрии так и не были налажены, а после поражения Карла XII под Полтавой эта внешнеполитическая линия потеряла для Ференца II Ракоци свое прежнее значение. Куда больше пользы ему принесли те (прежде находившиеся на службе у шведского короля) части, которые бежали к нему с российской территории и по крайней мере временно влились в его войско³⁵. Примечательно, что последнее сношение венгерского дипломата со шведским двором произошло при обстоятельствах, когда князь-правитель направил Пала Радаи даже не к Карлу XII, а к одному из командующих османским войском, расположившимся в Молдавии, — бабадагскому сердару*. Целью миссии, было, с одной стороны, заручиться поддержкой бежавших в Молдавию трансильванских дворян — сторонников партии Ракоци, с другой — соблазнить Порту новыми посулами на тот случай, если османы пожелают оказать князю помощь³⁶. Из одного этого с очевидностью следует, что цель поездки заключалась не в переговорах со шведским королем, ибо Радаи не вез с собой никакой верительной грамоты, поэтому не важно, какие связи были у него при шведском дворе: на аудиенцию у Карла XII ему рассчитывать не приходилось³⁷. В конце концов, король через своего государственного секретаря Генриха Густава Мюллерна, ответственного за внешнюю политику, проинформировал князя о том, что не сердится на него за союз, заключенный с Петром I в Варшаве, но вежливо отклонил предложение о мирном посредничестве перед царем. В то же время он предложил свое посредничество в важнейшем на тот момент для Ракоци деле — включении венгерского вопроса в *pax universalis* (всеобщий мирный договор), завершающий Войну за испанское наследство³⁸.

ТРАДИЦИИ: БОЛЕЕ РАННИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ СНОШЕНИЯ

Как видим, попытки обнаружить некоего общего врага не увенчались успехом: дипломатии Ференца II Ракоци не удалось привести достаточно веских доводов, почему помощь повстанцам была бы в интересах Карла XII. Неудивительно, что князь в переговорах со шведским королем неоднократно прибегал к арсеналу доводов из прошлого, а не настоящего. Шведско-трансильванские связи к тому времени насчитывали более полувека. В годы Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.) и последовавший затем период Трансильванское княжество не раз искало дружбы возвысившегося до статуса великой державы Шведского королевства. Гипотетические альянсы всегда были направлены против Польско-Литовской конфедерации: в 20-е годы XVII в. трансильванский князь Габор Бетлен (1613–1629 гг.) и король Густав II Адольф (1611–1632 гг.) регулярно обменивались посольствами, в задачи которых входила детальная разработка совместных действий против Речи Посполитой³⁹. С вступлением северного королевства в Тридцатилетнюю

* Сердар — слово персидского происхождения, обозначающее руководителя, начальника. (Прим. перев.)

войну фокус переместился на монархию Габсбургов: в 30-е годы XVII в. речь уже шла об альянсе против императора, и первое шведско-трансильванское соглашение, заключенное в Дюлафехерваре в 1643 г., фиксировало общие условия совместной войны против Фердинанда III (1637–1657 гг.). Нужно сказать, что первый опыт совместных военных действий оказался весьма кратковременным: пока трансильванские части в 1644 г. вновь выступили против императора, находившиеся на территории Чехии шведские войска повернули в сторону Дании, и, когда вернулись обратно, Дёрдь I Ракоци (1630–1648 гг.) уже сидел за столом переговоров. Не прошло и нескольких недель после соединения шведских и трансильванских подразделений под Брно, как князь заявил, что подписал с императором мирный договор и прекратил вооруженную борьбу⁴⁰.

В последующие десять лет на шведско-трансильванских переговорах обсуждались уже не военные операции против императора, но вновь совместные действия против Польско-Литовской конфедерации: по мере того как в ходе первой Северной войны шведский натиск бой от боя постепенно ослабевал, Карл X Густав (1654–1660 гг.) решил, что примет очередное предложение Дёрдя II Ракоци (1648–1650 гг.) и заключит с ним союз против Речи Посполитой. Договор, подписанный в конце 1656 г. в Радноте, рисовал поразительный по своей дерзости план расчленения польско-литовского государства. Впрочем, война, начатая князем на будущий год, после первых успехов обернулась катастрофой и не только не привела к возвышению рода Ракоци, но и косвенно стала причиной конца их власти в Трансильвании⁴¹. По окончании первой Северной войны прервались и шведско-трансильванские связи: вплоть до конца века княжество не появлялось на горизонте шведской внешней политики, в лучшем случае шведские дипломаты заступались перед императором за протестантов, о чем речь пойдет ниже.

Поскольку Ракоци следовало принимать в расчет сложившуюся политическую ситуацию и действовать в соответствии со своими интересами, он, обращаясь за помощью к Карлу XII, вполне логично апеллировал не к относительно недавнему, заключенному в Радноте, договору, но к более раннему соглашению в Дюлафехерваре: ведь речь шла о совместных действиях против императора. Однако не только это делало договор 1643 г. столь привлекательным для цитирования. Не менее важную роль играло то обстоятельство, что в тексте неоднократно провозглашалось: действие договора распространяется на потомков Дёрдя I Ракоци; если князь умрет, его преемники продолжат борьбу, их следовало упомянуть в общем мирном договоре наряду с трансильванскими сословиями⁴².

Ракоци в «Мемуарах» подчеркивал, сколь важную роль при дипломатической подготовке освободительной войны играли договоры, заключенные в 40-е годы XVII в. Дёрдем I⁴³. Как уже говорилось выше, князя немало заботило, как заставить европейские дворы воспринимать себя легитимным партнером по переговорам, когда он как политическая фигура не обладал никаким суверенитетом. У Ракоци был титул князя Священной Римской империи, но не было территории, которой он правил бы как суверенный государь. Даже положение вождя венгерских повстанцев не давало ему желанной легитимности в этой среде, поскольку суверенная власть считалась первейшим залогом самостоятельной внешней политики. Трансильванские сословия избрали его своим князем только в 1704 г., но вступления в полномочия пришлось ждать до 1707 г. Лишение

Габсбургов венгерского престола и назначение Ракоци князем-правителем случилось только на Государственном собрании в Оноде в 1707 г. Таким образом, пункты мирных договоров середины XVII в., касавшиеся семейства Ракоци, долгое время оставались единственным основанием, позволявшим вступать в переговоры с европейскими дворами; при этом речь идет не только о шведской, но, что гораздо важнее, и о французской дипломатии⁴⁴.

Пример того, как договор Дёрдя I Ракоци со шведами использовался в качестве аргумента, мы находим задолго до 1704 г.: в 1701 г. на него ссылалась жена Ференца II Ракоци герцогиня Шарлота-Амалия Гессен-Рейнфельсская (1679–1722) в письме к Карлу XII, где просила короля заступиться за ее мужа, брошенного в тюрьму по обвинению в участии в Винернойштадтском заговоре⁴⁵. Затем на него постоянно ссылались в документах, относившихся к дипломатической миссии Пала Радаи в 1704 г., всплыл он и в 1705 г. и даже в меморандуме, адресованном Ренски-ельду в 1707 г.⁴⁶ Сам Ракоци в «Мемуарах» писал, что имел законные основания рассчитывать на помощь шведов и французов, поскольку в этих договорах речь шла не только о военной помощи Дёрдю I Ракоци и его потомкам (всего о выставлении 6 тыс. пехотинцев), но и о том, что в случае, если князь или его преемники потеряют Трансильванию, им полагается 40 тыс. талеров годового содержания⁴⁷.

Между тем ссылки на шведско-трансильванский договор от 16 ноября 1643 г. в Дюлафехерваре не всегда могли служить неуязвимым аргументом. Во-первых, уже в середине XVII в. разгорелись споры, сохраняет ли он свою силу после того, как Дёрдь I в одностороннем порядке заключил в 1645 г. мир с Габсбургами. Князь не без оснований ссылался на то, что в тексте договора прямо говорилось: такой шаг возможен, если не удастся убедить Оттоманскую Порту присоединиться к походу против Габсбургов. Шведская сторона, в свою очередь, возражала: была ли османская угроза столь грозной, как ее рисовал Дёрдь I? И политики североевропейского королевства, если не в письмах к самому князю, то в переписке друг с другом, неоднократно обвиняли своего трансильванского союзника в неблагодарности, ненадежности, нарушении взятых на себя обязательств⁴⁸.

Во-вторых, договор в Дюлафехерваре, как уже говорилось выше, действительно упоминал потомков Дёрдя I Ракоци, но не содержал пункта, обязывавшего королеву Кристину выплачивать им годовое содержание в случае утери власти над Трансильванией⁴⁹. В бумагах Пала Радаи, однако, сохранился документ, который посол взял с собой для того, чтобы яснее обосновать притязания своего повелителя. Из него становится ясно, почему князь непреднамеренно ошибся в свою пользу. В 1643 г. габсбургская сторона получила в свое распоряжение два документа, в которых содержались пункты предварительных договоренностей между Дёрдем I и главнокомандующим шведскими войсками в Германии Леннартом Торстенссоном (1603–1651). Чтобы помешать готовящемуся подписанию шведско-трансильванского союза, эти документы немедленно опубликовали; есть основания полагать, что латинский оригинал тоже увидел свет, но историкам на сегодняшний день известны изданные годом позже два немецких печатных варианта и их перевод на французский язык⁵⁰. У документов полностью отсутствовали формальные признаки межгосударственного договора: необходимой в таких случаях преамбулы не было, а текст состоял из десяти пунктов, составленных Ракоци, и комментариев, данных Торстенссоном. Это обстоятельство

не помешало, однако, публикаторам представить документ как договор (*Puncta confederationis, Vergleichung*) трансильванского князя со шведской короной, чем ввести в заблуждение праправнука Дёрдя I Ракоци, у которого, похоже, не было оригинального текста договора, действительно подписанного князем и шведским военачальником⁵¹.

В строгом смысле слова, Ференцу II Ракоци повезло, что шведская корона — отчасти по формальным основаниям, отчасти из-за невысокой заинтересованности в подобном соглашении — так и не ратифицировала договор, заключенный его прапрадедом. В результате документ не был включен в собрание государственных договоров Шведского королевства (договор по сей день так и не удалось обнаружить в соответствующей секции Государственного архива в Стокгольме)⁵². Так дипломатии Ракоци удалось избежать того шекотливого положения, когда шведские переговорщики указали бы им на ошибку. Шведский канцлер Карл Пипер как раз сообщил Палу Радаи, что в архиве никак не могут найти документ, на который тот ссылается, поэтому не подвергли сомнению справедливость утверждений Ракоци, но и проверить его не могли. Шведы попросили, однако, чтобы венгерский посол при первой же возможности привез с собой оригинальный текст договора, чего, в свою очередь, сделать было нельзя, поэтому аргументы Ференца II Ракоци в пользу подписания договора в этой своей части остались без последствий⁵³.

ТРАДИЦИИ: РЕЛИГИОЗНЫЙ ВОПРОС

Несколько большим успехом, чем отсылки к традициям политических альянсов, пользовалась другая аргументация — упоминание религиозно-политических аспектов. В течение XVII в. при легитимации шведско-трансильванского сотрудничества в любом случае важную роль играли общие протестантские интересы, даже тогда, когда они, как во второй половине 50-х годов XVII в., во время польского похода, заняли скромное место в ряду причин, приведших к войне⁵⁴. Хотя к началу XVIII в. конфессиональный фактор в европейской политике потерял ту решающую роль, которую играл в годы Тридцатилетней войны, а главные внешнеполитические конфликты Карла XII вращались не вокруг вопроса о вероисповедании, молодой шведский король по-прежнему разделял мнение своих предшественников, начиная с Густава II Адольфа, о поддержке и защите европейского протестантства⁵⁵. С конца 20-х годов XVII в., и в особенности из-за той роли, которую шведские короли сыграли при заключении Вестфальского мира, к ним охотно обращались терпевшие политические притеснения протестанты. В 60-е годы XVII в., когда Габсбурги в Венгрии перешли к насильственным методам проведения Контрреформации, шведская дипломатия пыталась оказывать давление на Леопольда I: шведский посол при венском дворе Бенгт Оксеншерна в 1674 г. не только подал императору письменный протест против преследований венгерских протестантов, но и распространил его печатную копию⁵⁶.

Для Карла XII эта роль патрона имела колоссальное значение. Еще в 1703—1704 гг. к нему обратились послы силезских протестантов с просьбой выступить

против проводимой Габсбургами политики контрреформации. В ходе переговоров с прусским королем при обсуждении легитимации сотрудничества большое внимание было уделено общим протестантским интересам. Но лучше всего приверженность шведского короля делу протестантизма иллюстрирует упомянутый выше Альтранштедтский договор 1707 г., по которому Карл XII добился, чтобы силезским протестантам в соответствии с Вестфальским мирным договором обеспечили свободу вероисповедания и вернули отнятые у них храмы⁵⁷.

Подобные прецеденты создавали благоприятные предпосылки к тому, чтобы Ференц II Ракоци, испрашивая у Карла XII помощь, тоже воспользовался предложением защиты протестантских конфессий. У этого была своя славная традиция: со времен восстания 1604—1606 гг. под предводительством Иштвана Бочкаи (1557—1606) такие аргументы приводились всякий раз, когда венгерские сословия вступали в противоборство с королями из династии Габсбургов; впрочем, во второй половине столетия доводы подобного рода несколько потеряли в абсолютном и относительном весе по сравнению с жалобами сословий общеполитического характера⁵⁸. Повстанцы, львиная доля которых исповедовала протестантские конфессии, и в дальнейшем была не прочь разыграть религиозную карту⁵⁹. Однако католик Ференц II Ракоци сознательно желал порвать с этой традицией. В опубликованном под его именем памфлете, сочиненном Палом Радаи, который известен по первому слову "*Recrudescunt*" («Вскрылись [раны]»), из 21 пункта только один посвящен злоупотреблениям в религиозной сфере. К тому же конкретный пример, который князь приводит наряду с жалобами общего характера, резко отличается от тех, что фигурировали в таких случаях прежде: не отнятие того или иного протестантского храма, но передача католических постов в руки иноземцев⁶⁰. Таким образом, и без того оттесненный на второй план религиозный вопрос, по сути, превратился в политический вопрос о сохранении сословных привилегий.

Причины вытеснения религиозного вопроса на второй план не следует искать исключительно в личной ангажированности Ференца II Ракоци, но скорее в том, что памфлет "*Recrudescunt*" изначально предназначался не для шведского короля, а для более широкой читательской аудитории. Несмотря на то что доводы конфессиональной солидарности по-прежнему использовались в политической риторике, теперь в отличие от первой половины XVII в. политические альянсы в Европе в редчайших случаях заключались по этому признаку. Для главного средоточия надежд Ракоци — французской короны — врачевание ран религиозного характера не считалось законным поводом к оказанию помощи еще шестьдесят лет назад, в 1654 г. Несмотря на то что договор в Дюлафехерваре теоретически касался и Франции, Дёрдю I Ракоци пришлось заключать отдельный договор с посланцами Людовика XIV в Мункаче, потому что Король-Солнце возражал против упоминания защиты протестантских конфессий как цели соглашения⁶¹. В дальнейшем для привлечения на свою сторону проводившего откровенно нетерпимую религиозную политику Людовика XIV традиционный дискурс о конфессиональных обидах более не использовался. Неудивительно, что в сношениях с французскими дипломатами князь обычно подчеркивал, что после острых конфессиональных столкновений в Венгрии воцарилось спокойствие, поэтому причины восстания — не церковно-политические⁶².

Зато во взаимоотношениях с Карлом XII князь не желал полностью отказываться от традиционных конфессиональных обоснований: в меморандуме, в 1704 г. врученном Палом Радаи шведскому королю, перечисление злоупотреблений Габсбургов против протестантов занимало почетное место в объяснении причин восстания. Более того, в тексте прямо упоминаются традиции Иштвана Бочкаи, Габора Бетлена и славных предков Ференца Ракоци⁶³. Серьезность послания усугубляло то обстоятельство, что вместе с Радаи к шведскому королю прибыл Михай Околичани, передавший ему послание от венгерских протестантских сословий. С точки зрения конкретных пожеланий документ не слишком отличался от меморандума, переданного княжеским секретарем, что неудивительно. Как показал Кальман Бенда (1913–1994), послание, привезенное Околичани, составил тот же Радаи, с тем, однако, важным различием, что в тексте последнего дискурс об общности протестантских интересов выражался куда более открыто. Если в инструкции, составленной князем для Радаи, содержалась просьба включить венгерские сословия в шведско-прусский союз, в бумаге, поданной Околичани, речь уже шла о лиге протестантских держав⁶⁴.

В 1704 г. Радаи и Околичани путешествовали вместе, впоследствии дипломатическая активность венгерских протестантов, у которых в прошлые десятилетия была мощная традиция сотрудничества с Бранденбургом, развивалась отдельно от Ракоци, но в сходном направлении⁶⁵. В июне 1705 г. Радаи встретился в Равиче с ожидавшими аудиенции у шведского короля Миклошем Сирмаи и Михаем Мельцлем. Однако их посольство в отличие от меморандума, врученного Михаем Околичани, было посвящено исключительно церковным вопросам: у Карла XII просили материальной поддержки для восстановления лютеранского коллегіума в Эперьеше⁶⁶. По тому же самому поводу в 1709 г. шведского короля в составе лютеранской евангелической церковной миссии посетили Даниэль Крман и Самуэль Подгорский: как известно из путевого дневника словацкого интенданта, они пребывали в ставке Карла XII во время Полтавской битвы и с многочисленными злоключениями вернулись из Бендер на родину⁶⁷.

Несмотря на то что Карл XII дал лишь весьма расплывчатые обещания относительно восстановления эперьешского коллегіума и смог выделить только четыре стипендии для венгерских студентов-лютеран в недавно основанном в Шведской Померании Грайфсвальдского университета, похоже, что самым важным в системе аргументов послов, прибывших из Венгрии, самым убедительным для него оставался протестантский фактор. Самое явное тому подтверждение находим в жизнеописании Карла XII, составленном его полковым священником Йораном Андерссоном Нордбергом. В связи с посольством Радаи в 1704 г. автор пишет о том, что в вопросе о религиозной свободе в Венгрии шведский король предложил свое посредничество перед императором. Далее, в 1707 г., он довольно подробно описал, какие сомнения обуяли эмиссаров шведского двора на переговорах, предшествовавших подписанию Варшавского договора: не преследовал ли Ракоци в ходе восстания свои личные цели, вместо того чтобы сражаться за восстановление свободы вероисповедания для угнетенных венгерских сословий⁶⁸? Можно предположить, что столь однозначное истолкование венгерского сословного восстания как религиозного в основе своей движения объясняется

кругом интересов самого Нордберга, его обязанностями священнослужителя, но иные источники позволяют утверждать, что шведский король воспринимал освободительную войну под предводительством Ракоци точно в таких же категориях. Уже в самом начале 1704 г. Карл XII через графа Франца Людвиг Цинцендорфа (1661–1742) дал императору понять, что если восстание разразилось из-за притеснений свободы вероисповедания, пусть он сделает всё возможное для врачевания ран. Предложение посредничества, поступившее в 1704 г. после посольства Радаи, было вызвано сочувствием к протестантам⁶⁹. Таким образом, секретарь Ракоци зря передавал шведскому королю текст “*Recrudescunt*”, содержащий широкий спектр сословных жалоб: чтобы пробудить интерес совершенно не разбиравшегося в вопросе нарушений венгерских свобод Карла XII, следовало излагать суть дела по старинке, в понятных ему категориях межконфессиональных отношений.

Дипломатия Ракоци использовала имевшую славы традиции конфессиональную аргументацию и на других направлениях⁷⁰. Когда войска датского короля Фридриха IV, заключившего в 1705 г. союзный договор с императором, стали размещать в Венгрии, Пал Радаи от имени протестантских сословий обратился к нему с пространственным меморандумом, не имевшим, правда, большого успеха⁷¹. Гораздо более живой ответ на доводы конфессионального характера прозвучал из Пруссии, где Радаи удалось установить хорошие отношения с придворным священником короля — Даниэлем Эрнстом Яблонским: в последующие годы они регулярно информировали друг друга о состоянии дел протестантов. Впрочем, нужно признать, что до конкретного политического взаимодействия с Фридрихом I Прусским дело так и не дошло⁷².

Как уже говорилось ранее, если бы Ференцу II Ракоци удалось перетянуть Карла XII на сторону повстанцев, это рано или поздно привело бы к напряженности в союзе князя с Людовиком XIV. Но до этого дело так и не дошло: от шведского короля Ракоци не дождался даже той скромной поддержки, на которую пошел король французский — денежная субсидия и несколько высококвалифицированных офицеров. Рассмотрев попытки идеологического оформления того или иного союза, можно утверждать следующее. Не приходится удивляться, что даже самые опытные и искушенные в искусстве риторики дипломаты не нашли бы достаточных оснований для союза между имевшими столь разные интересы и столь разных врагов шведским королем и трансильванским князем. Однако не следует забывать, что попытки установления дипломатических отношений считаются успешными не только тогда, когда в результате подписывается договор о военном союзе. Мы видели, что находившийся в 1704 г. в затруднительном положении императорский двор был уязвлен попытками Ракоци установить отношения со шведским королем. Оживление сношений с Карлом XII на рубеже 1706–1707 гг. с легкостью могло бы стать дополнительным фактором давления на Вену, если положение на фронтах позволило бы Ференцу II Ракоци вести переговоры о мире с выгодных для себя позиций. Причина того, что этого не случилось, не в венгерской дипломатии, но в изменившемся соотношении сил на театре военных действий после битвы при Гохштедте 13 августа 1704 г. Как потенциал Освободительной войны в целом, так и возможные плоды альянса со Швецией в первую очередь зависели от исхода Войны за испанское наследство,

и после поражений, понесенных французами и их союзниками, попытка заключения шведско-трансильванского альянса превратилась не во что иное, как в историко-дипломатический курьез.

Перевод с венгерского О.В. Хавановой

- ¹ В числе новейших исследований по внешней политике Ференца II Ракоци см.: *Czigány I.* A Rákóczi-szabadságharc és a közép- és kelet-európai hadihelyzet 1703–1711 (далее — A Rákóczi-szabadságharc) // *Htk.* 2011. 124. évf. 1013–1031. old.; *Kalmár J.* A Rákóczi-szabadságharc és Európa. Közjogi helyzet és külpolitikai törekvések (далее — A Rákóczi-szabadságharc és Európa) // *Előadások a Rákóczi-szabadságharc történetéből. A Magyar Történelmi Társulat gyöngyösi konferenciája / Szerk. Cs. Katona.* Bp., 2004. 7–16. old.; *Köpeczi B.* II. Rákóczi Ferenc külpolitikája. Bp., 2002. Подробную библиографию работ, посвященных различным направлениям внешней политики см.: *Vatai G.* A diplomácia útjai a Rákóczi-szabadságharcban // *Szemelvények ötszáz év magyar történelméből. A III. modern kori magyar történelmi PhD konferencia tanulmányai / Szerk. B. Antos, A. Tamás.* Szeged, 2011. 91–104. old. Подробные исследования о взаимоотношениях Ференца II Ракоци и Карла XII были написаны довольно давно, см.: *Péterffy L.* XII. Károly svéd király magyar összeköttetései (далее — XII. Károly). Arad, 1907.; *Wagner A.* A diplomáciai viszony XII. Károly és II. Rákóczi Ferenc közt a poltavai csatáig (далее — A diplomáciai viszony). Bp., 1928. См. также краткий обзор Г. Йонассона: *Jonasson G.* XII. Károly svéd király és Rákóczi // *Európa és a Rákóczi-szabadságharc* (далее — *Európa és a Rákóczi-szabadságharc*) / *K. Benda.* Bp., 1980. 61–64. old.
- ² Лучшей книгой по истории внешней политики Карла XII, где предпринята попытка дать объяснение многим шагам короля, которые историки прежде считали необъяснимыми, является работа Р.М. Хаттон. См.: *Hatton R.M.* Charles XII of Sweden (далее — Charles XII). London, 1968. Из числа более ранних исследований выделяется своей основательностью: *Haintz O.* König Karl XII. von Schweden (далее — Karl XII). Berlin, 1958. Bd. I–III. Более поздние работы имеют скорее научно-популярный характер. См., например: *Lindgren J.* Karl XII. // *Florén A., Dahlgren S., Lindgren J.* Kungar och krigare. Tre essäer om Karl X Gustav, Karl XI och Karl XII. Stockholm, 1992. S. 149–225.; *Liljegren B.* Karl XII. En biografi. Lund, 1999.
- ³ Эрmland (польск. Вармия) — автономное княжество-епископство в составе Речи Посполитой как часть провинции Королевская Пруссия.
- ⁴ О пути следования и деятельности посольства подробнее см.: *Benda K.* Le projet d'alliance hungaro-suédo-prussienne de 1704 (далее — Le projet) // *Etudes historiques publiées par la Commission Nationale des Historiens Hongrois.* I. Bp., 1960. 669–693. old.
- ⁵ Текст инструкции опубликован в: *RPI-I / Sajtó alá rend.* K. Benda, T. Esze, F. Maksay, L. Pap. Bp., 1955. 119–126. old.
- ⁶ Краткое описание военных событий первого года освободительной войны см.: *Köpeczi B., R. Várkonyi Á.* II. Rákóczi Ferenc (далее — II. Rákóczi Ferenc). Bp., 2004³. 155–185. old. О переговорах с Францией относительно заключения альянса см.: *Köpeczi B.* A Rákóczi-szabadságharc és Franciaország (далее — A Rákóczi-szabadságharc). Bp., 1966. 45–75. old.
- ⁷ Пункты инструкции [II.]6., [III.]2., а также [III.]1. см.: *RPI-I.* 123., 125. old.
- ⁸ В действительности документ обещал политическое сотрудничество по случаю созыва рейхстага и военный нейтралитет в вопросе Речи Посполитой в обмен на признание

- королевского титула Фридриха I. См.: *Hassinger E.* Brandenburg-Preußen, Schweden und Rußland 1700–1713. München, 1953. S. 87–102.
- ⁹ Травендальский мирный договор 18 августа 1700 г. подписали эмиссары шведского и датского королей. Карл XII рассчитывал на англо-голландскую помощь потому, что Фридрих IV Гольштейн-Готторпский своим вторжением нарушил статьи Альтонского договора от 1689 г., гарантами которого выступали морские державы. См.: *Haintz O.* Karl XII. Bd. I. S. 29–34; *Hatton R.M.* Charles XII. P. 125–139.
- ¹⁰ *Haintz O.* Karl XII. Bd. I. S. 35–93; *Hatton R.M.* Charles XII. P. 165–197; *Frost R.I.* The Northern Wars 1558–1721. Harlow, 2000. P. 229–230, 263–276. О решениях Карла XII относительно Польши и о противоречивых мнениях его советников см.: *Jonasson G.* Karl XII och hans rådgivare. Den utrikespolitiska maktkampen i Sverige 1697–1702 (далее — Karl XII). Stockholm, 1960. S. 168–260; *Idem:* Karl XII: polska politik, 1702–1703. Stockholm, 1968. О венгерских аспектах польского кризиса см.: *Staszewski J.* A magyarországi függetlenségi harc és Lengyelország // *Rákóczi-tanulmányok / Szerk. B. Köpeczi, L. Hopp, A. R. Várkonyi.* Bp., 1980. 229–245. old.; *Gebei S.* II. Ágost lengyel király és a magyar ügy, 1701–1703 // *Htk.* 2003. 116. évf. 776–797. old.; *Idem.* II. Rákóczi Ferenc és lengyelországi támogatói (1701–1703) // *A Rákóczi-szabadságharc és Közép-Európa / Szerk. E. Tamás, Sárospatak,* 2003. 2. köt. 97–116. old.
- ¹¹ О предложениях, поступавших от различных держав, см.: *Burlin H.* Sverige och Frankrike under nordiska kriget och spanska successionskrisen åren 1700–1701. Uppsala, 1905. S. 160–162., 202–220. old.; *Jonasson G.* Karl XII. S. 200–228. Неудивительно, что французская дипломатия тоже поддерживала идею установления отношений между Ференцем II Ракоци и Карлом XII. Подробнее см.: *Wagner A.* A diplomáciai viszony. 22–25. old.; *Köpeczi B.* A Rákóczi-szabadságharc. 51. old.
- ¹² *Nordberg J.A.* Leben Carl des Zwölften Königs in Schweden (далее — *Leben Carl des Zwölften*) / [Übers. von Johann Heinrich Heubel]. Hamburg, 1745. Bd. I. S. 490. См. также: *Benda K.* Le projet. P. 685–686.
- ¹³ Публикацию меморандума П. Радаи, адресованного Карлу XII. (Хейльсберг, начало 1704 г.) см.: *RPI-I.* 135–140. old. О том, насколько серьезно воспринимал Ракоци османскую угрозу, см. секретную инструкцию послу (Мишкольц, конец января 1704 г.): *RPI-I.* 129. old. И в инструкции, и в меморандуме особо подчеркивалось, что руководители освободительной борьбы не желают обращаться за помощью к Оттоманской Порте. Это было правдой лишь отчасти, на самом деле в то время уже шли переговоры о том, чтобы с помощью османов вновь посадить на трансильванский престол Имре Тёкёли. См.: *Benda K.* II. Rákóczi Ferenc török politikájának első éve 1702–1705 // *Történelmi Szemle.* 1962. 5. évf. 189–207. old.; *Papp S.* A Rákóczi-szabadságharc török diplomáciája (далее — A Rákóczi-szabadságharc) // *Századok.* 2004. 138. évf. 795–798. old.; *Vatai G.* Út az irrealitásba (Rákóczi török diplomáciája a szabadságharc idején) (далее — Út az irrealitásba) // *Keletkutatás.* 2011 (ősz). 92–94. old.
- ¹⁴ Письмо К. Пипера к Ференцу II Ракоци, Хейльсберг, 5(15).IV.1704 см.: *RPI-I.* 142. old. О принятых в раннее Новое время формах легитимации см.: *Repgen K.* Kriegslegitimationen in Alteuropa. Entwurf einer historischen Typologie // *Historische Zeitschrift.* 1985. Bd. 241. S. 27–49.
- ¹⁵ Фрагменты письма Ференца II Ракоци к Карлу XII, Дёндёш, 28.VIII.1704 см.: *RPI-I.* 166. old.
- ¹⁶ Инструкцию, данную П. Радаи от имени Ференца II Ракоци относительно Карла XII и Станислава Лещинского, Эгер, 30 IV; 1 V 1705 см.: *RPI-I.* 251–258., 258–262. old. Меморандум П. Радаи для Карла XII, поданный в начале июня 1705 г., см.: *RPI-I.* 277–280. old.
- ¹⁷ О событиях на театре военных действий в 1704 г. см.: *Köpeczi B., R. Várkonyi Á.* II. Rákóczi Ferenc. 195–229. old.
- ¹⁸ *Ibid.* 253–254., 278. old.

- ¹⁹ *Hatton R.M.* Charles XII. P. 198–201. О подготовке к выборам короля см.: *Herlitz N.* Från Thorn till Altranstädt. Studier över Carl XII:s politik 1703–1706. Stockholm, 1916. Vol. I. (1703–1704). S. 216–245; *Gebei S.* Az erdélyi fejedelmek és a lengyel királyválasztások. Szeged, 2007. 230–237. old.
- ²⁰ Об опасениях Вены см.: *Backman S.* Från Rawicz till Fraustadt. Studier i det stora nordiska krigets diplomati 1704–1706 (далее — Från Rawicz). Lund, 1940. S. 340. Автор полагает, что главным побудительным мотивом направления дипломатической миссии П. Радаи было известие, что русский царь готов направить солдат на венгерский фронт на помощь императору; однако более вероятным представляется объяснение, что причиной послужила разбивка лагеря шведского короля в опасной близости от границы Силезии. О более ранних планах Карла XII непосредственно напасть на Саксонию см.: *Hatton R.M.* Charles XII. P. 141–143, 194.
- ²¹ См.: RPI-I. 256., 279. old.
- ²² О приеме, оказанном П. Радаи, читаем в его дневнике. См.: RPI-I. 295. old. Ответное письмо К. Пипера Ференцу II Ракоци, Равич, 11.VII.1705 см.: RPI-I. 281–282. old. О посольстве, помимо введения К. Бенды к публикации источников, см.: *Backman S.* Från Rawicz. S. 338–345.
- ²³ Запись в дневнике П. Радаи от 10.VII.1705 см.: RPI-I. 294. old.
- ²⁴ О парализующем влиянии альянса с морскими державами на внешнюю политику Карла XII см.: *Hatton R.M.* Charles XII. P. 193–194.
- ²⁵ О провале посреднических усилий см.: *Péterffy L.*: XII. Károly. 15–17. old.; *Herlitz N.* Från Thorn. S. 255; *Backman S.* Från Rawicz. S. 345. В то же время заслуживает внимания то обстоятельство, что Станислав, которого равным образом посетил П. Радаи, выказал куда больше интереса: нападение на Силезию в данный момент он считал не своевременным, но пообещал, что поднимет на сейме вопрос о венгерско-польской лиге. Запись в дневнике П. Радаи, 4.VII.1705 см.: RPI-I. 293. old.
- ²⁶ Письмо Ференца II Ракоци к П. Радаи, лагерь под Мочоноком, 29.VII.1705 см.: II. Rákóczi Ferenc leveleskönyvei, levéltárának egykorú lajstromaival / Szerk. K. Thaly. Pest, 1873. I. köt. 1703–1706. 380. old. AR. I. oszt. 1. köt.); Письма О. Хермелина к П. Радаи, Варшава, 15.VIII; 22.IX.1705 см.: RPI-I. 317–318., 390–391. old. О переговорах Ференца Хорвата, в августе 1705 г. направленного в Оттоманскую порту, известно не много, но в инструкции для Яноша Папаи, сопровождавшего его в октябре, действительно фигурирует помощь в подготовке турецко-русской войны, однако по настоянию французского посла при дворе султана этот пункт был убран из меморандума, поданного великому везиру. См.: *Benda K.* II. Rákóczi Ferenc. 206–207. old.; *Papp S.* A Rákóczi-szabadságharc. 803–812. old.; *Vatai G.* Út az irrealitásba. 100–104. old.
- ²⁷ О деятельности Грофея на службе Ракоци см.: RPI-I. 234–235. old. О деятельности французских агентов и связях с Дезаллэром см.: *Backman S.* Från Rawicz. 40–41. old.; *Syveton G.* Louis XIV et Charles XII au camp d'Altranstadt 1707. La mission du Baron de Benseval. Paris, 1900. P. 15.
- ²⁸ На просьбу, переданную в начале 1707 г. через Грофея, король только ответил, что Ракоци нужно установить связи со шведским послом при венском дворе. См.: *Svensson O.* Olof Hermelin. En karolinsk kulturpersonlighet och statsman (далее — Olof Hermelin). Lund, 1953. S. 47; *Köpeczi B.* A Rákóczi-szabadságharc. 161. old.
- ²⁹ См. классические работы по истории заключения Альбранштетдской конвенции: *Carlson E.* Der Vertrag zwischen Karl XII. von Schweden und Kaiser Joseph I. zu Altranstädt 1707. Stockholm, 1907; *Conrads N.* Die Durchführung der Altranstädter Konvention in Schlesien 1707–1709. Köln; Wien, 1971. S. 3–50. (Forschungen und Quellen zur Kirchen- und Kulturgeschichte Ostdeutschlands. N 8). Далее также см.: *Lenhammar H.* Perspektiv på Altranstädt // Arkiv, fakultet, kyrka. Festskrift till Ingmar Brohed / Red. A. Jarlert. Lund, 2004. S. 109–127; *Karlsson Å.* Den tolerante enväldshärskaren? Karl XII och fördraget i Altranstädt.

- Karolinska Förbundets Årsbok, 2008. S. 203–213. Й. Розен полагает, что параллельные контакты с силезцами и с Ракоци усиливали в Вене чувство тревоги. См.: *Rosén J.* Den svenska utrikespolitikens historia. Stockholm, 1952. II:1. 1697–1721. S. 108.
- ³⁰ О переговорах Ференца II Ракоци с Петром I, а также о подписанном по их результатам Варшавском договоре написаны многочисленные работы. См.: *Márki S.* Nagy Péter czár és II. Rákóczi Ferenc szövetsége 1707-ben. Bp., 1913; *Tomasivsckij Sz.* [Tomašivskij I.] Adatok II. Rákóczi Ferenc és kora történetéhez (Dr. Márki Sándor monographiája kapcsán) // Századok. 1912. 46. évf. 113–127., 192–208., 758–772. old.; *Perényi J.* II. Rákóczi Ferenc és I. Péter diplomáciai kapcsolatának kezdetei // Magyar–orosztörténelmi kapcsolatok // Szerk. E. Kovács. Bp., 1956. 52–95. old.; *Váradi-Sternberg J.* Az 1707-es orosz–magyar tárgyalások előzményei; illetve Az 1707-es tárgyalások és az orosz–magyar szerződés // *Idem.* Századok öröksége. Budapest; Uzsgorod, 1981. 7–21., 22–47. old.; *Gebei S.* Az 1707. évi lengyel és magyar detronizáció politikai háttere // Htk. 2007. 120. évf. 1268–1292. old.
- ³¹ Меморандум, написанный П. Радаи от имени Ракоци и врученный генералу Реншиельду [Хомонан], 22.VIII.1707 см.: RPI-II / Sajtó alá rendezte K. Benda; F. Maksay. Bp., 1961. 296–300. old.
- ³² II. Rákóczi Ferenc fejedelem emlékiratai a magyarországi háborúról 1703-tól annak végéig (далее — Rákóczi emlékiratai) / Ford. I. Vas; a tanulmányt és a jegyzeteket írta B. Köpeczi; a szöveget gondozta I. Kovács. Bp., 1978. 397. old. (AR. III. osztály. Írók. II. Rákóczi Ferenc művei. 1. köt.). Как указал К. Бенда в комментарии к тексту меморандума, врученного Реншиельду, Ракоци совершает в своих «Мемуарах» еще одну ошибку: несмотря на более поздние воспоминания Ракоци, на этот раз П. Радаи не ездил в шведский лагерь. См.: RPI-II. 295–296. old.
- ³³ *Nordberg J.A.* Leben Carl des Zwölften Königs in Schweden. Bd. II. S. 22–23. См. также: *Svensson O.* Olof Hermelin. S. 470.
- ³⁴ Донесение неизвестного польского посредника см.: RPI-II. 302–303. old. Об успехах Карла XII и оттеснении Варшавского соглашения на второй план см.: *Hatton R.M.* Charles XII. P. 231–260; *Váradi-Sternberg J.* Ukrainev, Péter cár követe Magyarországon 1708-ban // Századok. 1959. 93. évf. 232–251. old.; *Artamonov V.A.* Magyarország és az orosz–lengyel szövetség 1707–1712 // Európa és a Rákóczi-szabadságharc. 45–51. old.; *Gebei S.* I. Péter cár és II. Rákóczi Ferenc fejedelem 1707. évi varsói egyezményének utóéleté // II. Rákóczi Ferenc, az államférfi. Tanulmányok a sárospataki országgyűlés 300. évfordulóján / Szerk. E. Tamás. Sárospatak, 2008. 98–119. old.
- ³⁵ Подробнее см.: *Markó Á.* XII. Károly svéd király és Magyarország. Bp.; Stockholm, 1970.
- ³⁶ См. инструкцию Ференца II Ракоци для П. Радаи (без даты): DRERL. C/64 Ráday család levéltára. 4d2–5. 1–12. old. Выражаю благодарность Шандору Паппу, который работает над детальным описанием этого посольства (см. его статью в данном сборнике), за привлечение моего внимания к этой коллекции источников. Более ранняя историография единодушно трактовала поездку Радаи как посольство к Карлу XII. Ср.: *Péterffy L.* XII. Károly. 60–61. old.; *Köpeczi B.* II. Rákóczi Ferenc. 66. old. См. также: *Czigány I.* A Rákóczi-szabadságharc. 1027. old.
- ³⁷ В какой-то момент Ференц II Ракоци — по всей вероятности, по просьбе самого Радаи — подписал верительные грамоты (Сентмартонката, 18.II.1710), которые, правда, слишком поздно попали в руки шведского канцлера и не были вручены Карлу XII. См.: DRERL. C/64–4d2–5. 89. old. Так или иначе, Радаи познакомился не только с Генрихом Густавом Мюллерном, но и со шведским генералом Андерсом Лагеркруна и Станиславом Понятовским — командующим польским контингентом, направленным Станиславом Лещинским к Карлу XII. См.: *Ráday P.* 1709. Benderbe menő utazásomnak diaryuma // Rákóczi-tár / Szerk. K. Thaly. Pest, 1866. I. köt. 410–414. old.
- ³⁸ Письмо П. Радаи к Ференцу II Ракоци, Сучава, 13.I.1710, а также письмо Г.Г. Мюллерна к П. Радаи, Бендеры, 3(13).I.1710 (датировка по шведскому календарю) см.: DRERL.

- C/64–4d2–5. 72–73.; 80–83. old. Сохранился также черновик мемориала, врученного П. Радаи Карлу XII, см.: Ibid. 97–99. old. О вопросе посредничества между шведским королем и русским царем см.: *R. Várkonyi Á. Rákóczi és a hágai békekonferencia (Egy bankett ürügyén) // Irodalomtörténeti Közlemények. 1983. 87. évf. 202–211. old.* О значении, которое Ференц II Ракоци придавал включению трансильванского вопроса во всеобщий мирный договор, см.: *Eadem. “Ad Pacem Universalem” . A szatmári béke nemzetközi előzményei // Századok. 1980. 114. évf. 165–194. old.; Kalmár J. La question de la Transylvanie aux traités de Rastatt (1714) // Európai szemmel. Tanulmányok Köpeczi Béla tiszteletére / Szerk. Kalmár J. Bp., 2007. 61–66. old.*
- ³⁹ *Szilágyi S. Gabriel Bethlen und die schwedische Diplomatie // Ungarische Revue. 1882. Bd. 2. S. 457–488; Nagy G. Adalékok Philip Sadler 1626. évi erdélyi követségéhez // Tanulmányok Szapolyai Jánosról és a kora újkori Erdélyről / Szerk. Bessenyei J. et al. Miskolc, 2004. 277–288. old. (Studia Miskolcensis. № 5).*
- ⁴⁰ О дипломатических отношениях в 30-е годы XVII в. см.: *Szilágyi S. Georg Rákóczy I. im dreißigjährigen Kriege, 1630–1640. Bp., 1883. О дипломатической стороне сотрудничества в 40-е годы XVII в. см.: Szilágyi S. Rákóczy I. Und die Diplomatie // Literarische Berichte aus Ungarn. 1878. Jg. 2. S. 402–417; Kármán G. Erdélyi külpolitika a vesztfáliai béke után (далее — Erdélyi külpolitika). Bp., 2011. 73–117. old. О военных аспектах см.: *Cseh-Szombathy L. I. Rákóczy György 1645-ös hadjárata // Htk. 1957. ú.f. 4. 3–4. sz. 101–135. old.**
- ⁴¹ Новейшие исследования о шведско-трансильванских отношениях в 50-е годы XVII в. см.: *Gebei S. II. Rákóczi György erdélyi fejedelem külpolitikája (1648–1657). Eger, 1996. 166–173. old.; Idem. II. Rákóczi György szerepe a Rzeczpospolita felosztási kísérletében (1656–1657) // Századok. 2000. 134. évf. 803–848. old.; Idem. Дипломатический фон Польской кампании Дьердя II. Ракоци (1657) // Relatívai románo — ucraíne. Istória éi contemporeanitate. — Румунсько-українські відносини. Історія та сучасність Cluj-Napoca; Satu Mare, 2007. 117–130. old.; Он же. Дипломатические переговоры Швеции и Трансильванского княжества по разделению Речи Посполитой в 1656 г. // Государственность, дипломатия, культура в Центральной и Восточной Европе XI–XVIII вв. / Под ред. Т.М. Исламова, Н.М. Рогожина, О.В. Хавановой. М., 2005. С. 88–99; Kármán G. Erdélyi külpolitika. 128–131., 297–346. old.; Idem. Kísérlet a misztikus alapú külpolitikára? Bengt Skytte útja a Rákócziakhoz // Aetas. 2008. 23. évf. 65–82. old.*
- ⁴² См. пункты I–II договора в Дюлафехерваре от 16.XI.1643. Опубликовано в: *Okmánytár I. Rákóczy György svéd és francia szövetségeseinek történetéhez / Szerk. Szilágyi S. Bp., 1873. 104–109. old, здесь 106–107. old. (Monumenta Hungariae Historica. Ser. I. MNHD. Vol. XXI). Документ был также опубликован без преамбулы, см.: Sveriges traktater med främmande magter jemte andra dit hörande handlingar / Red. Carl Hallendorff. Stockholm, 1909. V/2. 1632–1645. 539–542. old.*
- ⁴³ *Rákóczi Emlékiratai. 319. old.*
- ⁴⁴ О важности легитимации см.: *Kalmár J. A Rákóczi-szabadságharc és Európa; Czigány I. A Rákóczi-szabadságharc. 1018–1021. old.* На внешнеполитическую традицию семейства Ракоци как трансильванских князей ссылался не только Ференц II Ракоци в сношениях с французским двором, но и в самой Франции эти мотивы стали частью дискурса о необходимости предоставления помощи венгерским повстанцам. См.: *Köpeczi B. A Rákóczi-szabadságharc. 32., 46. old.*
- ⁴⁵ Письмо Шарлоты-Амалии к Карлу XII, Вена, 15.X.1701 см.: *RA. Diplomatica Turcica bihang Transsylvania. Vol. 1. N 101. Пересказ содержания письма см.: Péterffy L. XII. Károly. 9–10. old.*
- ⁴⁶ Инструкцию Ференца II Ракоци (1704 г.), где приводится подробное обоснование, см.: *RPI-I. 124. old.* Меморандум П. Радаи того же года см.: *Ráday beadványát ugyanabból az évből: RPI-I. 137. old.* Меморандум П. Радаи 1705 г. см.: *RPI-I. 277–278. old.* Письмо П. Радаи к Реншюльду см.: *RPI II. 296–297. old.*

- ⁴⁷ *II. Rákóczi Ferenc. Emlékiratok. 318–319. old.*
- ⁴⁸ *Kármán G. Erdélyi külpolitika. 88–103. old.*
- ⁴⁹ MNHD. Vol. XXI. 104–109. old. Пункт III договора, подписанного 22.IV.1645 в Мункаче с эмиссарами Французской короны, напротив, действительно содержал это положение: сумма, выплачиваемая раз в два года, составляла 20 тыс. талеров. См.: Ibid. 257–258. old.
- ⁵⁰ Декларация Ракоци в Дюлафехерваре подписана 26.IV.1643. Место и дата комментария Торстенссона: Добичау, 10.VII.1643. Латинская печатная версия нам не известна, рукописный экземпляр, взятый П. Радаи в Эрмланд, хранится в: *DRERL. C/64–4d2–2. Fol. 1–7.* Немецкая версия вышла под заголовком *Vergleichung Zwischen Ihr Königl. Majest. zu Schweden Herrn General Feld-Marschalck Leonhard Torstensohn und I.F.G. Georg Ragotzky Fürsten in Siebenbürgen* и позднее была включена в сборник *Theatrum Europaeum*, см.: *Lotichius J.P. Theatri Europaei Fünffter Theil... [1643–1647]. Frankfurt am Main, 1651. 403–405. old.* Французский перевод известен по более поздним публикациям источников, см., например: *Dumont J. Corps universel diplomatique du droit des gens... T. VI. Partie 1. Amsterdam; La Haye, 1728. P. 273–275.*
- ⁵¹ Французский перевод был более реалистичным, чем немецкий и латинский, называя два документа *Sommaire des demandes* («Перечень требований») и *Acceptance des demandes* («Ответ на требования»). О том, что память о договоре в Дюлафехерваре быстро стерлась, говорит тот факт, что венгерские политики никак не могли угадать, с кем Дёрдь I Ракоци заключил упомянутый договор. В экземпляре, который увез с собой П. Радаи, упоминался Карл X Густав, в данной ему инструкции говорилось о Густаве II Адольфе, в то время как на самом деле это была королева Кристина (1632–1654). См.: *DRERL. C/64–4d2–2. Fol. 1, а также RPI-I. 124. old.*
- ⁵² Текст договора, заключенного в Дюлафехерваре, должен был бы храниться в Государственном архиве в Стокгольме (*RA. Originaltraktater med främmande makter. Bihang till Turkiet: Siebenbürgen*), но там его нет. См. две копии, не имеющие формальных признаков международного договора той эпохи, без преамбулы: *Diplomatica Turcica bihang Transylvania. Vol. 1. N 144.; Johann Adler Salvii samling. Vol. 25. N 14.* Об отложенной на неопределенное время ратификации см.: *Kármán G. Erdélyi külpolitika. 82–84. old.*
- ⁵³ *Benda K.: Le projet. P. 685.*
- ⁵⁴ Об обосновании шведско-трансильванского договора середины XVII в. см.: *Kármán G. Erdélyi külpolitika. 347–381. old.; Idem. Bellum iustum-érvélesek II. Rákóczi György háborúiban // Századok. 2006. 140. évf. 939–971., здесь: 949–954. old.*
- ⁵⁵ *Czaika O. Carolus Redivivus oder der wiederaufwachende nordische Löwe — Das Bild Karls XII. als Retter des Protestantismus in der proschwedischen Publizistik (далее — Carolus Redivivus) // Religia i polityka. Kwestie wyznaniowe i konflikty polityczne w Europie w XVIII wieku. W 300. rocznicę konwencji w Altranstädt / Red. L. Harc; G. Waş. Wrocław, 2009. S. 56–83. (Acta Universitatis Wratislaviensis. 3148.) Об изменении функции конфессионального элемента в европейской политике после 1648 г. см.: *Burkhardt J. Konfession als Argument in den zwischenstaatlichen Beziehungen. Friedenschancen und Religionskriegsgefahren in der Entspannungspolitik zwischen Ludwig XIV. und dem Kaiserhof // Rahmenbedingungen und Handlungsspielräume europäischer Außenpolitik im Zeitalter Ludwigs XIV / Hrsg. von H. Duchhardt. Berlin, 1991. S. 135–154. (Zeitschrift für historische Forschung. Beiheft 11). О роли религиозного элемента при внутриполитической легитимации войн Карла XII см.: *Ericsson P. Stora nordiska kriget förklarar. Karl XII och det ideologiska tilltalet. Uppsala, 2002. S. 73–132.***
- ⁵⁶ *Makkai L. Bevezetés // Galeria omnium sanctorum. A magyarországi gályarab prédikátorok emlékezete / Szerk. L. Makkai. Bp., 1976. 7–28. old.; Murdock G. Responses to Habsburg Persecution of Protestants in Seventeenth-Century Hungary // Austrian History Yearbook. 2009. Vol. 40. P. 37–52.*

- ⁵⁷ *Hatton R.M.* Charles XII. P. 198; *Czaika O.* Carolus Redivivus. S. 64–65. О Контрреформации в Силезии см.: *Deventer J.* Gegenreformation in Schlesien. Die habsburgische Rekatholisierungspolitik in Glogau und Schweidnitz 1526–1707. Köln; Weimar; Wien, 2003. (Neue Forschungen zur Schlesienschen Geschichte. Bd. 8).
- ⁵⁸ Об эволюции политической сферы венгерских сословий в середине XVII в. см.: *Péter K.* A magyar gomlásnak századában. Budapest, 1975. 56–60., 83–87. old (Magyar századok); *Kármán G.* Erdélyi külpolitika. 201–226. old. О спорах вокруг религиозного вопроса в первой половине столетия см.: *Guszarova T.* A vallási kérdések vitáinak légköre a magyar országgyűléseken a 17. század első felében // *R. Várkonyi Ágnes emlékkönyv születésének 70. évfordulója ünnepe* (далее — *Várkonyi Ágnes emlékkönyv*) / Szerk. P. Tusor. Bp., 1998. 308–319. old.
- ⁵⁹ О конфессиональном элементе в Освободительной войне под предводительством Ференца II Ракоци см.: *Frey L., Frey M.* The Confessional Issue in International Politics: The Rákóczi Insurrection // *R. Várkonyi Ágnes emlékkönyv*. P. 431–441.
- ⁶⁰ Критическое издание “*Recrudescunt*” см.: RPI-I. 92–110. old., единственный религиозно-политический пункт см.: Ibid. 104–105. old.
- ⁶¹ *Kármán G.* Erdélyi külpolitika. 84–88. old.
- ⁶² *Köpeczi B.* A Rákóczi-szabadságharc és Európa. 32, 55. old. О том, что далекоидущая религиозная политика князя была направлена на сглаживание межконфессиональных противоречий, см.: *Esze T.* Rákóczi valláspolitikája // *Európa és a Rákóczi-szabadságharc*. 285–296. old.; *Ladányi S.* Ráday Pál vallásügyi tevékenységének helye II. Rákóczi Ferenc valláspolitikájában // *Studia Caroliensia*. 2004. Vol. 5. 3–4. sz. 287–292. old. RPI-I. 136–137. old.
- ⁶³ Текст меморандума М. Околичани (в более полном, врученном Фридриху I варианте) опубликован в: RPI-I. 148–150. old. Ср. с инструкцией Ракоци Ibid. 123. old. Как я уже упоминал, вопрос о присоединении Трансильвании к шведско-прусскому альянсу в конечном итоге был из меморандума Радаи исключен.
- ⁶⁴ О бранденбургских посольствах венгерских протестантов см. обзор К. Бенды в примечании к документу: RPI-I. 145. old. (сноска 1).
- ⁶⁵ Их меморандумы см.: DRERL. C/64–4d2–18. 13–16. old. Основываясь на дневнике Сирмаи, Б. Майлат проследил путь посольства. См.: *Majláth B.* Egy magyar követség Svédországban 1705-ben // *Századok*. 1880. 14. évf. 785–795. old.
- ⁶⁶ *Krmann D.* Küldetése története. Itinerarium (1708–1709) / Ford. Zs. Szabó, J. Nagy. Bp.; Bratislava, 1984.
- ⁶⁷ *Nordberg, J.A.* Leben Carl des Zwölften. Bd. I. S. 505–506. old.; Bd. II. S. 28.
- ⁶⁸ Изложение текста призыва к мирному посредничеству см.: RPI-I. 282. old. Следует отметить, что Карл XII как в случае силезцев, так и в данной связи ссылается на то, что его обязанность как гаранта Вестфальского мира — выступать против случая ущемления прав протестантов, даже если в этом случае система, установленная в 1648 г., не распространялась на Венгрию, не входившую в Священную Римскую империю. О судьбе мирного посредничества и о позиции Карла XII в вопросе о свободе вероисповедания см.: *Herlitz N.* Från Thom. S. 253–255, *Péterffy L.* XII. Károly. 15–16. old.
- ⁶⁹ Рассмотрение этого вопроса см.: *Fabiny T.* Rákóczi diplomáciájának egyházpolitikai vonatkozásai // *Európa és a Rákóczi-szabadságharc*. 301–305. old.
- ⁷⁰ Публикацию см.: RPI-I. 547–552. old.
- ⁷¹ *Révész I.* Comenius unokája. Daniel Ernest Jablonski születésének háromszázadik évfordulójára // *Századok*. 1962. 96. évf. 1–24. old.; *Bahlcke J.* Die Rekonstruktion der interkulturellen Kultur Europas im 1700. Forschungen zu Leben, Werk und Wirkung Daniel Ernst Jablonskis aus drei Jahrhunderten // *Daniel Ernst Jablonski. Religion, Wissenschaft und Politik um 1700* / Hrsg. von J. Bahlcke, W. Korthaase. Wiesbaden, 2008. S. 40 (Jabloniana. 1).

С.Г. Корзун

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ПЕТРА I В ВЕНЕ ГЕНРИХ ФОН ГЮЙССЕН И ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ ФЕРЕНЦА II РАКОЦИ*

В 1700 г. началась длительная Великая Северная война за прибалтийские земли, закончившаяся в 1721 г. поражением Швеции. Первоначально войну этой стране, которой правил король Карл XII, объявил Северный союз. В него входили помимо курфюрста Саксонии Фридриха Августа I, прозванного Сильным и одновременно являвшегося — под именем Августа II — королем Польши, также Датско-норвежское королевство и Россия под скипетром Петра I. Дания, однако, вышла из войны уже в 1700 г., а Саксония — в 1706 г. После этого вплоть до 1709 г. Россия являлась единственным реальным военным противником шведов¹.

Чтобы достичь поставленных военных и политических целей, Петр I был вынужден прибегать к помощи посредников, действовавших по его поручению в Западной Европе. Одним из них был Генрих фон Гюйссен, выходец из уважаемой протестантской семьи немецкого города Эссен (его отец в 1668 и 1669 гг. был младшим бургомистром, т. е. заместителем градоначальника)². Еще до своего перехода на русскую службу в 1702 г. Гюйссен тщательно готовился к тому, чтобы со временем сделать карьеру дипломата. Он обучался в различных университетах Европы (в Дуйсбурге, Кельне и Лейпциге) юриспруденции, истории, риторике, географии и латинскому языку. В 1689 г. в Страсбурге он защитил диссертацию по юриспруденции³. Гюйссен владел помимо родного немецкого языка еще и французским, и итальянским. Он много путешествовал по Германии и посетил, кроме того, Голландию, Францию, Италию и Австрию. В пути Гюйссен завел знакомства с видными представителями науки и политики (в их числе, например, римский прелат Джованни Густино Чампини, канцлер при венском дворе Теодор Атлет Генрих фон Штратманн, немецкий философ Готфрид Вильгельм Лейбниц и французский лексикограф Сезар-Пьер Ришелье). Карьера Гюйссена на родине не сложилась из-за случайности: министр первого короля

* Данная статья представляет собой главу из диссертации, подготовленной на историческом факультете Штутгартского университета. В будущем планируется ее издание в формате книги *Heinrich von Huyssen (1666–1739). Prinzenzieher, Diplomat und Publizist in den Diensten Zar Peters des Großen* («Генрих фон Гюйссен (1666–1739): Воспитатель наследника престола, дипломат и публицист на службе Петра Великого»).

Пруссии Фридриха I (1701–1713 гг.) Эберхард фон Данкельман, чьих сыновей Гюйссен воспитывал в качестве гофмейстера, в 1697 г. был смещен. После этого и сам Гюйссен стал вызывать подозрения при бранденбургском дворе⁴. Поэтому, узнав о манифесте Петра I от 16 апреля 1702 г. о найме иностранцев на русскую службу, где им предоставлялись различные привилегии, в том числе свобода вероисповедания⁵, Гюйссен решил попытаться счастья на новой родине.

На русской службе Гюйссен не сразу приступил к исполнению обязанностей дипломата. Одной из первых его задач была пропаганда политики и защита интересов царя в немецкоязычной прессе и литературе⁶. В этом смысле он должен был пытаться влиять на западных ученых. Вскоре после прибытия в Россию Гюйссен был назначен воспитателем царевича Алексея (1690–1718), пытаясь развить в России западную модель воспитания наследника престола⁷. В своих памфлетах Гюйссен опровергал антирусские сочинения своего предшественника на этом посту Мартина Нейгебауэра⁸, у которого не сложились отношения с русским окружением царевича. Тем самым он пытался разрушить сложившиеся в Европе негативные представления о России или по крайней мере направить их в позитивное русло, целенаправленно создавая культ вокруг личности Петра I. Сам царь стремился таким образом разрушить преграды, препятствовавшие активному поступлению иностранцев на русскую службу. Он также ставил и более смелую цель: обеспечить России место в концерте европейских держав.

В 1705 г. Петр I, полностью доверяя Гюйссену, назначил его на дипломатический пост и отправил в Берлин, а затем — в Вену. Следует учесть, что работа Гюйсена на дипломатическом поприще была лишь одной из сфер деятельности этого представителя раннего немецкого Просвещения (он служил Петру I до смерти государя в 1725 г., а после этого оставался в России до 1739 г., находясь до 1732 г. на службе у наследников государя). Важнейшие дипломатические задачи, повлиявшие на развитие событий на международной арене в условиях Северной войны, а также Войны за испанское наследство (1701–1714 гг.), Гюйссен выполнял с 1705 до 1708 г., когда он по поручению царя покинул Вену и вернулся в Россию.

Для анализа этого периода его деятельности большое значение имеет сборник документов «Письма и бумаги Петра Великого» и неопубликованные материалы из личного архива профессора истории Аппалачского государственного университета Петра Петшауэра. Немаловажную роль играют и источники из Саксонского государственного архива — Главного архива Дрездена. Анализ этих материалов позволил не только описать работу Гюйсена, но и оценить международную обстановку в Европе в рассматриваемый период времени — динамичный и богатый на разного рода альтернативы. Комплексное исследование этих материалов позволяет не согласиться с мнением Петшауэра — единственного автора, рассмотревшего дипломатическую деятельность Гюйсена в отдельности, а не просто в контексте общей внешней политики Петра I, и оценившего его как «некомпетентного дипломата»⁹.

Итак, в марте 1705 г. Гюйссен по приказу Петра I отправился в Берлин. Из Смоленска он добрался до Орши и оттуда с помощью извозчиков до Вильно, затем на лошадях до Тильзита и Инстербурга. Из Данцига он на корабле переправился в Берлин, с трудом избежав гибели из-за сильного шторма. Еще в пути

Гюйссен отправил прусскому королю Фридриху I от имени Петра I верительную грамоту и письмо с выражением соболезнования по случаю недавно случившейся смерти королевы Софии Шарлотты. Гюйссену удалось к ее погребению добраться до Берлина, после чего Фридрих I дал ему в Потсдаме отпускную аудиенцию¹⁰. 8 июня 1705 г. Гюйссену было приказано следовать дальше, в Вену¹¹. Там он передал императору Иосифу I послание Петра I, выражавшее сочувствие по поводу смерти его отца Леопольда I и одновременно поздравления по случаю вступления Иосифа на престол¹². Важной задачей Гюйсена в Вене была передача информации, прежде всего политических новостей, в русский лагерь. Помимо этого, он следил за письмами иностранцев на военной службе Петра I, например принца Фридриха Гессен-Дармштадтского, списывал отрывки и отсылал копии на просмотр русским¹³.

Информация, собранная Гюйссеном в Вене, зафиксирована прежде всего в его собственных письмах, которые он посылал царю и его сподвижникам (в их числе А.Д. Меншиков, П.П. Шафиров, Г.И. Головкин и др.). В них отражаются позиции европейских держав и распределение сил в Европе во время рассматриваемой фазы Северной войны. Отношение европейских государей к России Гюйссен сформулировал в письме Меншикову от 19 марта 1707 г.: они всеми силами пытались не допустить ее вовлечения в концерт европейских держав¹⁴.

Важным вопросом в ходе Северной войны был польский вопрос. Хаос, возникший в этой стране в связи с системой выборной монархии, позволял сильным государям вмешиваться во внутренние дела Польши и, оказывая на них влияние, регулировать ситуацию в Восточной Европе в свою пользу. Сами поляки разбились на несколько лагерей: одни из них поддерживали Карла XII, другие Августа II, третьи многократно меняли позицию. Такая переменчивость в их настроениях не была выгодна Петру I. По его приказу Гюйссен в 1705 г. написал письмо магистрату города Данцига, которое в том же году было опубликовано в немецком журнале *Die Europäische Fama, Welche den gegenwärtigen Zustand der vornehmsten Höfe entdecke* («Европейские новости, которые обнаруживают современное состояние знатнейших дворов») и содержало, в числе прочих, следующие строки: «Так мы узнали не только благодаря общим слухам, но и из различных письменных и устных [источников. — С.К.], что в вашем городе есть люди, которые не только не исполняют надлежащие им обязанности по отношению как к Богу, так и их законному королю [...], но и поощряют шведов и поддерживают их интересы и намерения». Свои цели царь объяснил желанием вырвать Польшу, «страдающую от тяжкого господства иностранцев», «из пламени войны». Он призвал жителей Данцига поддерживать Августа II¹⁵.

Гюйссен был в курсе военных действий; он анализировал их и принимал близко к сердцу. В письме графу Петру Роберту Тапарелли фон Лагнаско, доверенному лицу Августа Сильного, он описал битву при Фрауштадте от 2/3 (13/14) февраля 1706 г., в которой шведы сражались против саксонцев, поляков и русских, а также нескольких французских и швейцарских подразделений в составе войск союзников. Гюйссен был расстроен победой шведов. Он упомянул жестокую расправу с русскими пленными, множество предателей в числе союзников и то, что саксонцы под давлением шведов, грозивших вторгнуться в Саксонию, неохотно сражались против них¹⁶. Вскоре шведы осуществили свой план, после

чего Август II тайне заключил мирное соглашение со Швецией. По договору он отказывался от польского престола в пользу познаньского воеводы Станислава Лещинского, ставленника Карла XII.

В интересах России было его свержение и коронация другого, более выгодного претендента на престол. В соответствии с этим одной из задач Гюйссена было выяснение позиций европейских государей по этому вопросу, причем он должен был добиваться неприятия ими Лещинского как короля¹⁷. Однако достичь этой цели было непросто. В письме Меншикову от 16 сентября 1706 г. Гюйссен упомянул о признании Лещинского датским (Фридрихом IV) и прусским (Фридрихом I) королями¹⁸. 19 марта 1707 г. Гюйссен писал о позитивном отношении австрийского императора к этому ставленнику Швеции¹⁹.

В письме от 16 сентября 1706 г. Гюйссен упомянул также, что венский двор, втянутый в борьбу за испанское наследство, не был заинтересован во вступлении в Северную войну. Бдительность императора якобы усыпили шведы, заверившие его, что их вторжение в Саксонию, а также свержение Августа II с польского престола и коронация Лещинского не носят агрессивный характер²⁰.

Однако шведам все-таки не удалось установить доверительных отношений с императором, ведь своим занятием Силезии, в то время подвластной династии Габсбургов, и поддержкой проживающих на этой территории протестантов они оказывали на него колоссальное давление. Таким образом, по заключению Гюйссена, Иосиф I не стал бы препятствовать русским в случае их вступления на немецкую территорию для изгнания шведов. С другой стороны, император был предельно осторожен и пытался не допустить ситуации, при которой русским необходимо было бы пересечь Венгрию. Там как раз бушевало восстание против господства Австрии под руководством трансильванского князя Ференца II Ракоци, и Иосиф I опасался, что русские могли бы поддержать местных православных. Также император не желал посредничества России при заключении мира между ним и Трансильванией. Еще из письма Гюйссена ясно, что Голландия была заинтересована в том, чтобы шведы покинули немецкую территорию, но при условии, что те не будут действовать в интересах Франции, благосклонно смотревшей на оккупацию шведами Саксонии²¹. 15 апреля 1707 г. Гюйссен сообщал Шафирову, что шведский король принял предложение Франции о посредничестве в деле всеобщего мира, чему, однако, пытались помешать Англия и Голландия²².

Информация, поступающая от Гюйссена, позволила Петру I сформировать стратегию, приведшую к скорому перелому в ходе Северной войны в пользу русских. Прежде всего государь попытался снова привлечь Августа Сильного, хоть тот и был ненадежным союзником, на свою сторону. Он был озабочен его мирным договором со Швецией и пытался не допустить поддержки подобных действий со стороны Иосифа I²³. Но саксонский курфюрст был не единственным и не главным на тот момент претендентом на польский престол, которого поддерживал Петр I. Из проекта его письма Гюйссену от конца февраля — начала марта 1707 г. очевидно, что самым выгодным тактическим шагом он считал коронацию австрийского полководца, принца Евгения Савойского, которую он надеялся осуществить при поддержке австрийского императора²⁴.

13 марта 1707 г. Петр I отдал Гюйссену распоряжение предложить принцу Евгению коронацию, если ни один из польских принцев — Якоб, Константин

и Александр Собеские — не будет коронован (вступление на престол одного из них было явно не в интересах царя). В качестве ответной услуги государь пообещал Евгению поддерживать его «в счастье и в несчастье». Также Гюйссен должен был убедить императора в выгоде возможной коронации принца Савойского. При этом он должен был действовать быстро, еще до прибытия принца Якоба в Вену²⁵. От жены последнего, Хедвиги Елизаветы Амелии Нойбургской, сестры вдовствующей императрицы Элеоноры Магдалены, Гюйссен знал, что все три польских принца в тот момент не были способны принять самостоятельного решения и в своих действиях зависели от Иосифа I и Карла XII. Более того, последнего они считали своим «избавителем и добродеем»²⁶. А шведский король был явно не заинтересован в коронации одного из них. И хотя жена принца Якоба пыталась уговорить Гюйссена, чтобы тот убедил ее мужа стать королем, сам Гюйссен — в соответствии с рекомендациями царя — отклонил такой ее образ действий²⁷.

Он ждал принца Савойского в Вене. В случае если тот не прибудет в австрийскую столицу, Гюйссен должен был по указанию Петра I тайно следовать в место его пребывания и передать ему уже там предложение царя. Тот хотел, чтобы Евгений знал, что за его коронацию выступали польские сенаторы и другие важные личности, ранее желавшие видеть своим королем одного из соотечественников и побужденные к смене позиции Петром I. Взамен поляки обещали действовать против врагов австрийцев — французов²⁸.

Но позиция поляков была двоякой. В письме Меншикову от 19 марта 1707 г. Гюйссен сообщил, что большинство польских сенаторов перешло на сторону Лещинского. Они намеревались предать русских, заманив их в Польшу. В этом же письме идет речь о следующем претенденте на польскую корону в интересах России: Иоганне Вильгельме Фризо, принце Оранском. Кроме того, рассматривались кандидатуры Ракоци и польского коронного гетмана Адама Синявского. Фаворитом, однако, оставался, как и прежде, Евгений Савойский²⁹. 19 апреля 1707 г. Гюйссен писал Шафирову о своем намерении отправиться в Турин, чтобы встретиться с принцем. Параллельно он сообщал некоторые детали относительно принца Оранского: он католик, живет недалеко от Кельна и т. д.³⁰

С Евгением Савойским Гюйссен лично вступил в переписку. Принц заверил его 27 апреля 1707 г., что признателен царю за оказанное ему доверие, но полагается в этом вопросе на мнение императора, своего господина³¹. Однако, как сообщал Гюйссен еще 15 апреля Шафирову, австрийский император в любом случае не смог бы препятствовать Савойскому как независимому принцу, если бы тот пожелал стать королем. Иосиф I настроен против шведов, но принужден к бездействию. В этом же письме Гюйссен упомянул, что сомневается в искренности шведов, заверяющих, что скоро покинут Саксонию. Гюйссен предполагал, что они по-прежнему будут поддерживать немецких протестантов и строить планы по продвижению в направлении России через Польшу³².

В этой обстановке русские по-прежнему считали самым выгодным для себя тактическим шагом возведение на польский престол Евгения Савойского. 3 мая 1707 г. принц ответил Петру I следующее: он благодарен ему за предложение польской короны, но не желает действовать вопреки воле своего суверена, Иосифа I. Кроме того, согласие на предложение царя означало бы уход с императорской

службы, а в данный момент бушует Война за испанское наследство. К тому же Евгений, принимающий в ней участие, находится вдали от императора³³. 12 мая он написал Петру I, что отправил к своему государю курьера, чтобы выяснить его мнение по поводу интересующего царя вопроса³⁴.

Несмотря на такой ответ принца, Гюйссен отправился в Милан, чтобы встретиться с ним. Евгений написал 14 мая еще одно письмо царю, в котором сообщил, что уже побеседовал с Гюйссеном, и повторил, что курьер, отправленный к императору, уже в пути, и если тот будет в этом заинтересован, они примут предложение Петра I³⁵.

Иосиф I дал свой ответ только после завершения заседания конференции 8 июля 1707 г., на которой рассматривался польский вопрос. Его ответ был неоднозначен: необходимо присутствие Евгения при императорских войсках, поэтому в данный момент его коронация невозможна. Рассмотрение этого вопроса было отодвинуто на более поздний срок³⁶. Евгений подтвердил такое решение 14 июля, при этом упомянув, что сложившаяся ситуация кажется ему странной и сам он не стремится получить польскую корону³⁷.

Таким образом, попытки Гюйссена склонить Евгения Савойского к коронации потерпели неудачу. Причиной этого было не отсутствие у него дипломатических навыков, а историческая обстановка того времени: шведы, считавшиеся непобедимыми, угрожали, оказывали давление. Тем не менее русские не бездействовали, а постоянно совершенствовали свои военные умения. В результате в 1709 г., после их Полтавской победы, Фридрих Август I снова стал королем Польши при поддержке Петра I.

Одновременно со своими дипломатическими обязанностями Гюйссен продолжал в Вене нанимать иностранцев на царскую службу. Его усилия были направлены «на всех чужеродных офицеров, инженеров, мануфактуристов, продавцов оружия, деятелей искусства, берейторов, оружейников и других ремесленников», особенно тех, кто владел чешским или польским языком. С помощью Гюйссена на русскую службу перешли граф Фридрих Себастьян Вунибальд Трухзес, до этого служивший прусскому королю, Фридрих Саксен-Вейсенфельский, принц Фридрих Гессен-Дармштадтский, саксонский барон Людвиг Николас фон Алларт и др. В то же время Вальдемара фон Левендаля или графа Райнера Винсента Хомпеша из-за их высоких требований нанять не удалось³⁸.

Гюйссен сообщал, что лиц, желающих поступить на русскую службу, очень много, и ему приходилось выбирать самых лучших. Остальным он сказал, что люди больше не требуются. Гюйссен предостерег от того, что отдельные лица предоставляют поддельные рекомендации³⁹. Из его переписки с Головкиным и Шафировым⁴⁰ также следует, что некоторые из них пытались использовать ситуацию в своих целях, как, например, граф Зигберт Гейстер, австрийский генерал, которого пытался переманить к себе службу Петр I⁴¹. Генерал хотел таким образом оказать давление на своего государя, императора Иосифа I, и поспособствовать своей карьере. Не давая Гюйссену точного ответа по поводу перехода на царскую службу, он потребовал предварительной оплаты, которую и получил. После того как Гейстер в конце концов добился от своего императора некоторых уступок, он дал Гюйссену отрицательный ответ. Но он уже не смог вернуть полученную предоплату и передал бриллианты в качестве залога. Гюйссен об-

винил в таком повороте дела Георга Бенедикта Огильви, бывшего российского генерал-лейтенанта шотландского происхождения, после своего опыта в России выставлявшего царскую службу в негативном свете.

Таким образом, из писем Гюйссена очевидно, что многие высокопоставленные сановники и офицеры на Западе проявили интерес к царской службе. При этом вербовка проходила в условиях распространения антирусских настроений, усилению которых способствовали в том числе и бывшие царские наемники. Был ли интерес к России искренен, зависело от каждого конкретного случая. Тем не менее Гюйссену удалось набрать на русскую службу значительное количество европейских командных кадров, что, в свою очередь, привело к успешному продолжению войны со шведами.

В Вене Гюйссен поддерживал связь с другими русскими дипломатами, пребывающими за границей. Одним из них был Борис Иванович Куракин, приехавший в Рим, чтобы добиться от папы Климента XI (1700–1721 гг.) письменно зафиксированного непризнания Лещинского королем. Из писем Куракина к Головкину и Меншикову следует, что Гюйссен был посредником при поставке писем из Италии в Россию⁴². Но, хотя Гюйссену еще раньше удалось добиться того, что Климент XI приказал удалить герб Лещинского из польской национальной церкви в Риме⁴³, Куракин из-за амбиций римского папы не смог достичь поставленной цели.

Письмо Андрея Артамоновича Матвеева (1666–1728) Гюйссену от 3 мая 1707 г. свидетельствует о том, что за границей была выстроена межличностная коммуникационная сеть между представителями Петра I, что позволяло им быть в курсе событий и должным образом организовывать собственные действия. Матвеев сообщил Гюйссену, что он за последнее время получил на месте своего пребывания (в голландском городке Брилле) два письма от последнего: одно через некоего англичанина и другое, вместе с письмом Головкина, через почтальона. Матвеев обещал написать из Лондона более подробное письмо и попросил Гюйссена переправить вложенное письмо Головкину. Письма, адресованные ему самому, он предложил сначала направлять русскому агенту в Амстердаме Иоганну ван дер Бургу, который затем будет их переправлять ему⁴⁴.

Гюйссен пытался поддерживать Матвеева и в его миссии добиться от английской королевы Анны (1702–1714 гг.) лояльности к русским интересам в войне со Швецией: он постарался, например, найти посредника к королеве в лице Джона Черчилля, первого герцога Мальборо, что не удалось из-за колеблющейся позиции последнего⁴⁵. Помимо этого, Гюйссен защищал интересы и других представителей царя: в числе прочих задач он участвовал в попытках освобождения Иоганна Рейнгольда фон Паткуля (1660–1707) — лифляндского дворянина, перешедшего на русскую службу и попавшего в 1706 г. в руки шведов. Одним из методов был неудавшийся подкуп шведского графа Карла Пиппера⁴⁶, но цель не была достигнута, и в результате Паткуль как зачинщик Северной войны был казнен шведами⁴⁷.

Несмотря на многогранную деятельность Гюйссена в Вене, а может быть, и благодаря ей, у него нашлись недоброжелатели. Иоганн Кристоф фон Урбих (1653–1715), его преемник на венском посту, попытался дискредитировать и сместить Гюйссена, чтобы избавиться от конкурента и самому занять вакантную

позицию. В письме к Лейбницу от 13 июня 1708 г. Урбих жаловался на Гюйссена, что тот до сих пор пребывает в Вене и вмешивается в дела, хотя уже год назад должен был отбыть обратно в Россию. Кроме того, Гюйссен, по высказываниям Урбиха, пытается без согласованности с Петром I посредничать между царем и Ференцем II Ракоци, вызывая недовольство венского двора. По выражению Урбиха, Гюйссен «неверен ни своему господину, ни союзникам, ни себе самому»⁴⁸. 4 августа Урбих сообщал, что Гюйссен, которому уже никто не доверяет, наконец-то покинул Вену и выехал в направлении Венгрии⁴⁹. Может быть, под влиянием наветов именно Урбиха в 1708 г. переписка между Гюйссеном и Лейбницем прервалась и была возобновлена (согласно обнаруженным письмам) лишь в 1711 г.

В письмах Шафирову Урбих обвинил Гюйссена в самоуправном обращении с царскими деньгами (хотя Гюйссен был не единственным представителем Петра I в Вене, кого Урбих упрекал в подобном самоуправстве)⁵⁰. К обвинениям присоединился Куракин. Якобы Гюйссен должен был выплатить ему определенную сумму из кассы Меншикова, чего не сделал, из-за чего Куракин не может выехать из Вены. Из-за своего такого поведения Гюйссен, по его словам, утратил доверие. Неизвестно, сообщал Куракин Шафирову, когда Гюйссен вернется в Россию и вернется ли вообще⁵¹.

Гюйссен попытался защитить себя от нападок. 4 февраля 1708 г. он написал Петру I, что до него дошли слухи, будто бы его пытаются оклеветать, в то время как он сам в полную силу хлопочет об интересах царя. Он попросил Петра I не верить слухам и предоставить ему возможность их опровергнуть⁵². Гюйссен опасался возвращения в Россию, в связи с чем он еще до отъезда из Вены обеспечил себе защиту в виде рекомендательных писем влиятельных лиц. Одним из них был сам Евгений Савойский, заверивший царя в письме от 7 марта 1708 г., что Гюйссен в Вене отлично справился со своими обязанностями⁵³.

В мае 1708 г. Гюйссен наконец-то решился на возвращение. На своем пути он пересек Венгрию. Еще раньше он списался с Ракоци, который предложил ему поддерживать связь через курьера. Ракоци писал, что хотел бы передать ему некую информацию относительно своих войск. Кроме того, он сообщал, что бдительность и настороженность венского двора по отношению к намерениям царя возрастает⁵⁴. По всей видимости, Ракоци хотел склонить Петра I к посредничеству при его мирных переговорах с императором. За это царь мог бы рассчитывать на Трансильванию. В свою очередь, Ракоци требовал высылку русских войск в свои владения. Но на этот шаг Петр I в тот момент не мог пойти из-за близости шведских войск⁵⁵.

Гетман Украины Иван Мазепа также планировал в Киеве или в другом месте встретиться с Гюйссеном и выслал ему охранную грамоту. Но плану не суждено было осуществиться, потому что из-за нового поручения царя Мазепе пришлось внезапно сменить место своего пребывания⁵⁶.

По возвращении Гюйссен констатировал, что опасаться ему нечего и что Петр I по-прежнему благосклонен к нему. Это подтверждает тот факт, что ему и в будущем давались важные поручения. Например, он занимался делом графа Матвеева, который, будучи дипломатом в Лондоне, подвергся там нападению и аресту — акт, расцененный как нарушение международного права. В дальнейшем

Гюйссен перенял важную посредническую функцию, когда он в 1711 г. принял активное участие в организации бракосочетания царевича Алексея с Шарлоттой Кристиной Софией Брауншвейг-Вольфенбюттельской (1694—1715)⁵⁷.

В общем и целом Гюйссен содействовал укреплению русской самодержавной власти. Например, из письма Головкина ему от 16 (27) января 1707 г. следует, что копии всех писем русских политических деятелей должны были переправляться в царскую канцелярию⁵⁸. Гюйссен выступал за достойное обозначение титула царя в международных дипломатических документах и одним из первых, уже в 1708 г., титуловал Петра I императором⁵⁹. Гюйссен по мере своих возможностей внес вклад в утверждение России в качестве великой державы. Но его пребывание в Вене пришлось на время до Полтавской победы (1709), когда Россия еще не добилась перелома в Северной войне и ее еще не считали в Европе достойным конкурентом шведам. Этим фактом, а также интригами соперников, объясняются неудачи Гюйссена на дипломатическом поприще. Впрочем, и другие представители Петра I в то время не добились успеха — например, Б.А. Куракин в Риме и А.А. Матвеев в Лондоне.

¹ Ср. Широкопад А.Б. Северные войны России. М., 2001. С. 148—346.

² О семье Гюйссен ср.: *Waldthausen A. von. Beiträge zur Geschichte der Familie Huyssen.* Düsseldorf, 1906.

³ *Huyßen H. Disputatio inauguralis juridica de Justitio vom Stillstand des Gerichts.* Argentorati, 1689.

⁴ О деятельности Гюйссена до его вступления на русскую службу ср.: PAPP. *Huissiana III. H[einrich] v[on] Huyssen's Selbstbiographie.* S. 11—47.

⁵ Манифест о вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания, 16 IV 1702 // ПСЗ. СПб., 1830. Серия 1. Т. 4. № 1910. С. 192—195.

⁶ В числе журналов, на которые Гюйссен оказал влияние: *Die Europäische Fama, Welche den gegenwärtigen Zustand der vornehmsten Höfe entdeckt* и *Acta Eruditorum*; в числе литературных произведений: [Stieff, Ch.]: *Relation von dem gegenwärtigen zustande des Moscovitischen Reichs.* Franckfurt, 1706.

⁷ Ср. разработанный при участии Гюйссена план воспитания царевича: [Huyssen, H. von]. *Instruction, wornach sich derjenige zu richten hat/ dem die information Seiner Hoheit des Czarischen Cron-Printzens anvertrauet wird,* 3 IV 1703 // *Relation.* S. 109—120.

⁸ Ср. главное сочинение Гюйссена в этом плане: [Huyssen, H. von]. *Ausführliche Beantwortung Des freventlichen und lügenhafften Pasquils, welches unter dem Titel: Vertrautes Schreiben eines vornehmen Deutschen Officiers an eines gewissen hohen Potentatens Geheimen Rath von den jetzigen Conjunctionen in Moscow, etc. vor einiger Zeit ans Licht gekommen; Darinnen Von dem Tractament so wohl der Fremden insgemein, als insonderheit der gefangenen Schweden in Moscow, wie auch von dem Moscovitischen Hof- und Kriegs-Staat warhaffte Nachricht gegeben, und alles mit curiösen Anmerckungen aus der Historie, Politique und Re litteraria erläutert wird.* Narva, 1705¹, 1706².

⁹ *Petschauer P. In Search of Competent Aides: Heinrich van Huyssen and Peter the Great // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 1978. Nr. 26 (N. F) = 44. Heft 4. S. 489.

¹⁰ PAPP. *Huissiana III, H[einrich] v[on] Huyssen's Selbstbiographie.* S. 45—46.

¹¹ *Бантыш-Каменицкий Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.).* М., 1894. Т. 1. С. 42.

- ¹² Письмо Петра I Иосифу I, 18.VI.1705 цит. по: ПиБ / Под ред. А.Ф. Бычкова. СПб., 1893. Т. 3. С. 363–364.
- ¹³ *Haven P. von. Nachrichten von dem Baron von Huysssen // Magazin für die neue Historie und Geographie. 1776. Nr. 10. S. 321.*
- ¹⁴ Письмо Г. Гюйсена А.Д. Меншикову, 19.III.1707, цит. по: ПиБ / Под ред. А.Ф. Бычкова. СПб., 1907. Т. 5. С. 569.
- ¹⁵ Письмо Г. Гюйсена магистрату города Данцига по приказанию Петра I, [31].VII.1705, цит. по: *Die Europäische Fama. 1705. N 39. S. 207–208.*
- ¹⁶ Письмо Г. Гюйсена [к Петру Роберту Тапарелли фон Лагнаско], 3.III.1706, цит. по: *SStA HStA. 10026. Geheimes Kabinett. Loc 662/8. Bl. 1r–6v. Nachrichten von Huysssen. S. 320.*
- ¹⁷ Орывок письма Г. Гюйсена А.Д. Меншикову, 16.IX.1706, цит. по: *Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858–1863. Т. 4.2. С. 432.*
- ¹⁸ Письмо Г. Гюйсена А.Д. Меншикову, 19.III.1707, цит. по: ПиБ. Т. 5. С. 569.
- ¹⁹ Орывок письма Г. Гюйсена А.Д. Меншикову, 16.IX.1706, цит. по: История царствования Петра. Т. 4.2. С. 432.
- ²⁰ Письмо Г. Гюйсена А.Д. Меншикову, 19.III.1707, цит. по: ПиБ. Т. 5. С. 569, 571–572.
- ²¹ Письмо Г. Гюйсена П.П. Шафирову, 15.IV.1707, цит. по: там же. С. 555.
- ²² Письмо Петра I Иосифу I, 27.IV.1707 цит. по: там же. Т. 5. С. 200–207.
- ²³ Проект письма Петра I Г. Гюйсену, конец февраля — начало марта 1707 г. цит. по: там же. Т. 5. С. 103.
- ²⁴ Письмо Петра I Г. Гюйсену, 13.III.1707, цит. по: там же. Т. 5. С. 129–130.
- ²⁵ Письмо Г. Гюйсена А.Д. Меншикову, 7.IV.1707, цит. по: там же. Т. 5. С. 542.
- ²⁶ Письмо Г. Гюйсена П.П. Шафирову, 15.IV.1707, цит. по: там же. Т. 5. С. 551–552.
- ²⁷ Письмо Петра I Г. Гюйсену, 17.III.1707, цит. по: там же. Т. 5. С. 140–144.
- ²⁸ Письмо Г. Гюйсена А.Д. Меншикову, 19.III.1707, цит. по: там же. Т. 5. С. 571. *Bergmann B. Peter der Große als Mensch und Regent. Königsberg; Riga, 1825. Bd. 2. S. 266–267; Perényi, J. Zur Entstehungsgeschichte des Warschauer Vertrages vom Jahre 1707. Die Anfänge der ungarisch-russischen Beziehungen während des ungarischen Freiheitskampfes von 1703–1711 // Das östliche Mitteleuropa in Geschichte und Gegenwart. Wiesbaden, 1966. S. 170–191, здесь: S. 178, 183–191. (Annales Instituti Slavici. Vol. I.2).*
- ²⁹ Письмо Г. Гюйсена П.П. Шафирову, 19.IV.1707, цит. по: ПиБ. Т. 5. С. 573.
- ³⁰ Письмо Евгения Савойского Г. Гюйсену, 27.IV.1707, цит. по: RAPP. Huissiana I. Bl. 178.
- ³¹ Письмо Г. Гюйсена П.П. Шафирову, 15.IV.1707, цит. по: ПиБ. Том 5. С. 552–553.
- ³² Письмо Евгения Савойского Петру I, 3.V.1707, цит. по: там же. С. 548–549.
- ³³ Письмо Евгения Савойского Петру I, 12.V.1707, цит. по: там же. С. 549–550.
- ³⁴ Письмо Евгения Савойского Петру I, 14.V.1707, цит. по: там же. С. 550.
- ³⁵ ПиБ. Т. 5. С. 550–551.
- ³⁶ Письмо Евгения Савойского Г. Гюйсену, 14.VII.1707, цит. по: RAPP. Huissiana I. Bl. 176–177.
- ³⁷ *Nachrichten von Huysssen. S. 317, 319–320; письмо Петра I Ф. А. Головину, 25.VIII.1705, цит. по: ПиБ. Т. 3. С. 426.*
- ³⁸ Письмо Г. Гюйсена А.Д. Меншикову, 19.III.1707 цит. по: там же. Т. 5. С. 566–567; письмо Г. Гюйсена П.П. Шафирову, 19.IV.1707, цит. по: там же. С. 573–574.
- ³⁹ Проект письма Петра I Г. Гюйсену, конец февраля — начало марта 1707, цит. по: там же. С. 103; отрывок письма Г.И. Головкина Г. Гюйсену, 5.III.1707, цит. по: там же. С. 519.
- ⁴⁰ Орывок письма Г. Гюйсена Г.И. Головкину, 30.III.1707, цит. по: там же. С. 520; отрывки писем Г. Гюйсена П.П. Шафирову, 5.IV; 12.IV; 23.IV; 28.V; 1.VI; 6.VI; 11.VI.1707, цит. по: там же. С. 520–522; письмо Г. Гюйсена П.П. Шафирову, 15.IV.1707,

- цит. по: там же. С. 555–556; письмо Г. Гюйсена П.П. Шафирову, 19.IV.1707, цит. по: там же. С. 574.
- ⁴² Письма Б.И. Куракина Г.И. Головкину, 21.III; 18.IV.1707, цит. по: Архив князя Ф.А. Куракина / Под ред. М.И. Семевского, В.Н. Смольянинова. Т. 3. СПб., 1892. С. 342–343, 353–354; письмо Б.И. Куракина А.Д. Меншикову, 18 V 1707, цит. по: там же. С. 361.
- ⁴³ *Nachrichten von Huysssen. S. 319.*
- ⁴⁴ Письмо [А. А. Матвеева] Г. Гюйсену, 3.V.1707, цит. по: СПФ АРАН. Ф. 119. Оп. 1. Ед. хран. 2. Л. 150–150 об.
- ⁴⁵ Проект письма Петра I Г. Гюйсену, январь–февраль 1707, цит. по: ПиБ. Т. 5. С. 60; *Тарле Е.В. Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 1958 [переиздание 2002]. С. 122–123.*
- ⁴⁶ Письмо Г. Гюйсена П.П. Шафирову, 15.IV.1707, цит. по: ПиБ. Т. 5. С. 554.
- ⁴⁷ *Ср. Patkul [J.R.]. Rede Des justificirten Patkuls, Welche er 3. Tage vor seinem Tode aufgesetzt; An den vorbeigehenden Wanders-Mann. [O. O.], [ca. 1710].*
- ⁴⁸ Письмо И.К. Урбиха Г.В. Лейбницу, 13.VI.1708, цит. по: *Guerrier W. Leibniz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter dem Grossen. Eine geschichtliche Darstellung dieses Verhältnisses nebst den darauf bezüglichen Briefen und Denkschriften (далее — Leibniz). St. Petersburg; Leipzig, 1873¹; 1975². Anhang. S. 83.*
- ⁴⁹ Письмо И.К. Урбиха Г.В. Лейбницу, 4.VIII.1708, цит. по: там же. Anhang. S. 84–85.
- ⁵⁰ *Leibniz. S. 52.*
- ⁵¹ Письмо Б.И. Куракина П.П. Шафирову, январь 1708 цит. по: Архив князя Ф.А. Куракина. Т. 3. С. 369; письмо Б.И. Куракина А.Д. Меншикову, 24.I.1708, цит. по: там же. С. 372.
- ⁵² Письмо Г. Гюйсена Петру I, 4.II.1708, цит. по: СПФ АРАН. Ф. 119. Оп. 1. Ед. хран. 12. Л. 20–21, 22–22 об.
- ⁵³ Письмо Евгения Савойского Петру I, 7.III.1708, цит. по: RAPP. Huissiana III. S. 251.
- ⁵⁴ Письмо Ференца II Ракоци [Г. Гюйсену], 20.V.1708, цит. по: *Ibid. Huissiana I. S. 82–84. Nachrichten von Huysssen. S. 322.*
- ⁵⁵ Письмо И.С. Мазепы Г. Гюйсену, 17.VII.1708, цит. по: СПФ АРАН. Ф. 119. Оп. 1. Ед. хран. 1. Л. 6–6 об.
- ⁵⁶ *Nachrichten von Huysssen. S. 321, 323.*
- ⁵⁷ Письмо Г.И. Головкина Г. Гюйсену, 16(27).I.1707, цит. по: СПФ АРАН. Ф. 119. Оп. 1. Ед. хран. 2. Л. 49.
- ⁵⁸ Письмо Г. Гюйсена Петру I, 4.II.1708, цит. по: RAPP. Huissiana IV. S. 12.

К.А. Кочегаров

РУССКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНЦЕ XVII — НАЧАЛЕ XVIII В.

Отправной точкой развития русско-польских отношений в указанный период стал, несомненно, так называемый договор о Вечном мире или, как его называют в польской историографии, трактат Гжимултовского (по фамилии возглавлявшего польско-литовскую делегацию на переговорах в Москве познанского воеводы Кшиштофа Гжимултовского (1620–1687))¹. Этот договор, по которому Речь Посполитая окончательно отказалась от претензий на Киев, Левобережную Украину и Смоленск, одновременно положил начало союзническим отношениям двух стран на значительный период времени. Россия обязалась организовать вооруженное выступление против Крымского ханства — вассала Османской порты, с которой коалиция европейских держав (с 1684 г. — Священная лига), включая и Польшу, вела войну с 1683 г.

Зримым символом и последствием русско-польского сближения стал обмен резидентами между русским и польским двором в 1687 г.² Однако военное сотрудничество, которое было своеобразной платой русской стороны за уступку «навечно» части украинских земель и Смоленска, не заладилось. Крымские походы 1687 и 1689 гг. не принесли сколько-нибудь значимых дипломатических и военных успехов России³, а Речь Посполитая, истощенная четырехлетней войной, оказалась неспособной вести активные и широкомасштабные действия против турок и татар⁴. Кроме того, между союзниками сразу же начались трения относительно степени участия и взаимной поддержки в борьбе с Османской империей и Крымским ханством. Уже вскоре после неудачи похода войск Речи Посполитой в Молдавию в 1686 г. польская сторона выражала недовольство пассивностью России, считая, что та не выполняет принятые на себя союзные обязательства⁵. В результате после 1689 г. происходит затухание и практически полное прекращение русско-польского военного и дипломатического сотрудничества, на которое не повлияли даже Азовские походы Петра I 1695 и 1696 гг.

Другим фактором, осложнявшим отношения двух стран, несмотря на заключенный мир и союз, оставался украинский вопрос. По результатам Вечного мира Россия увеличила свои владения на Правобережье Днепра, расширив границы вокруг Киева и закрепив за собой Запорожье, окончательно поставила под свой контроль киевскую митрополию, добилась нейтрального статуса для крупного участка земель вдоль правого берега Днепра. Одновременно она признавала за Речью Посполитой остальные земли Правобережной Украины.

Серьезный импульс разногласиям России и Польши в отношении украинских земель придавала активность самого правобережного казачества. В 1688 г. началось его открытое выступление против польской шляхты, а следовательно, и против Речи Посполитой, возглавленное полковником Семеном Палием († 1710). Через гетмана И.С. Мазепу тот просил о позволении перейти в царское подданство. Москва боялась пойти на открытое нарушение Вечного мира, поэтому С. Палию с его людьми было предложено перейти на Запорожье, а оттуда — на Левобережье. Такое решение оказалось для казацкого вождя неприемлемым⁶.

После 1686 г. со стороны русской дипломатии борьба за Украину носила ограниченный характер и в основном была связана со стремлением укрепить статус-кво, зафиксированный Вечным миром. Особенно это касалось Запорожской Сечи. В 1688–1690 гг. русские резиденты П.Б. Возницын и И. Волков неоднократно ставили перед польским правительством вопрос о прекращении каких-либо контактов как Варшавы, так и Немирова (где находилась ставка правобережного гетмана, подконтрольного польскому двору) с Запорожьем⁷.

Избрание в 1697 г. на польский престол саксонского курфюрста Августа II, а также заключение мира с Османской империей участниками Священной лиги в Карловцах (1699 г.) и отдельно Россией в Константинополе (1700 г.) открыло новую страницу во взаимоотношениях двух стран. Свидание в Раве-Русской в 1698 г. царя Петра и короля Августа (на котором стороны достигли принципиальной договоренности об антишведском союзе), а затем Преображенский трактат 1699 г. заложили основу русско-польского союза, острие которого было направлено против Швеции. Россия заключила союз с Августом как курфюрстом саксонским, и русская дипломатия прилагала немало усилий, чтобы помочь польскому королю втянуть в войну со Швецией Речь Посполитую.

Немалую роль в этом сыграли контакты России с магнатами Великого княжества Литовского, бывшего составной частью Речи Посполитой наряду с Польским королевством. Литовские магнаты и раньше искали поддержки России в борьбе с реальным или мнимым усилением королевской власти⁸. Последний известный нам подобный случай применительно к концу XVII в. относится к 1687 г., когда Сапеги искали поддержки русской дипломатии с целью противодействия абсолютистским устремлениям Яна Собеского⁹.

Эту традицию сотрудничества надо иметь в виду, когда мы говорим о том, что в 1701 г. жмудский староста Григорий Огинский достиг предварительных договоренностей с русским дипломатом П.Н. Готовцевым о совместных действиях против шведов, декларируя верную службу царю, как, впрочем, и Августу II. В 1702 г. было заключено московское соглашение России с литовскими республиканцами о военной поддержке последних со стороны царя.

Современный польский исследователь Яцек Бурдович-Новицкий утверждает, что «в политическом измерении республиканцы стали первой русской партией в Польше». В 1703 г. представители генеральной конфедерации Великого княжества Литовского заключили с Россией очередное соглашение, декларируя готовность продолжать борьбу со шведами совместно с царем в обмен на военную и финансовую помощь¹⁰. А в конце того же 1703 г. Россия и литовские конфедераты заключили новый договор в подтверждение предыдущих.

Как третья сторона в нем упоминался Август, а царь, в свою очередь, требовал от партнеров сохранения верности королю и соблюдения «прав и вольностей» Речи Посполитой¹¹.

Активная деятельность в Польше русского посла Г.Ф. Долгорукова, усилия Августа II и поддерживавших его магнатов и сенаторов позволили добиться согласия Люблинского сейма 1703 г. на заключение союзного договора с Россией. В Россию выехал польский посол Томаш Дзялыньский. По условиям заключенного в 1704 г. Нарвского договора Россия обещала передать Речи Посполитой Прибалтику, за исключением Эстляндии.

Участовавшие в боевых действиях против шведов саксонские войска потерпели ряд поражений — сначала в Прибалтике, а затем и в Польше. В итоге еще за несколько месяцев до заключения Нарвского договора в Варшаве при шведской поддержке образовалась конфедерация, ставившая целью добиться дестронизации Августа. Спустя некоторое время конфедераты избрали «своего» короля — Станислава Лещинского, а в 1705 г. заключили союз со Швецией.

Сторонники Августа в 1704 г. образовали Сандомирскую конфедерацию — при короле, которая оставалась партнером России в самые тяжелые годы, когда войну против Швеции пришлось вести без военной и дипломатической поддержки остальных союзников, вплоть до Полтавской победы.

В 1706 г. шведы вторглись в Саксонию, заставив Августа II заключить Альтранштадтский* договор, по которому он отрекался от польской короны и разрывал союз с Петром. Однако сандомирские отказались подчиниться Станиславу и шведам, продолжая придерживаться союзных отношений с Россией. В марте 1707 г. в Жолкве был возобновлен и подтвержден союз между Речью Посполитой (в лице Сандомирской конфедерации) и прибывшим в Польшу Петром Великим. При этом Россия взяла на себя обязательства поддерживать права и привилегии шляхты, тогда как раньше русская дипломатия выказывала готовность помочь воплощению в жизнь абсолютистских планов Августа II.

Переговоры о союзе России и Речи Посполитой в канун Северной войны и после ее начала демонстрировали актуальность и важность для двусторонних отношений украинского вопроса. В разное время часть польских магнатов и шляхты неизменно условием вступления польско-литовского государства в борьбу со Швецией выдвигала передачу под власть Речи Посполитой нейтральной полосы земель на Правобережье Днепра, возвращение киевского округа к границам до 1686 г. и даже самого Киева либо Смоленска¹².

На Правобережье между тем ширилось антишляхетское и антипольское движение казачества, вылившееся с началом века в массовое восстание с участием селян. В 1702 г. отрядам Палия удалось взять Белую Церковь — крепость, которая десятилетиями была форпостом Речи Посполитой в беспокойных украинских землях¹³. К Белой Церкви двинулись отряды коронного гетмана Адама Миколая (Николая) Сенявского. Однако царский представитель в Речи Посполитой И.Р. Паткуль убедил того отвести войска, утверждая, что Палий отдаст крепость добровольно, по царскому указу. Однако вскоре тот же Паткуль объявил, что Белая Церковь будет возвращена только по заключении союза Речи Посполитой

* Принятое в российской историографии название Альтранштадтского договора.

с царем. Несмотря на последующие требования польской стороны, русская дипломатия отказывалась оказывать давление на С. Палия в этом вопросе¹⁴.

В 1704—1705 гг. русские и украинские войска заняли значительную часть Правобережной Украины — полосу земель, ранее считавшуюся нейтральной, а также Брацлавщину, Волынь и др. земли. С. Палий был арестован и сослан в Сибирь, Белую Церковь заняли войска гетмана И.С. Мазепы¹⁵. К 1711 г. на Правобережье под властью русского царя и украинского гетмана находились семь казацких полков, охватывавших территории Брацлавского (Брацлавский и Уманский) и южной части Киевского (Белоцерковский, Богуславский, Каневский, Корсунский и Чигиринский) воеводств Речи Посполитой¹⁶.

Генезис этих решений царского правительства еще не до конца выяснен в историографии. Изначально заявлялось, что украинско-русские силы готовы ликвидировать повстанческое движение и передать охваченные им земли под польскую власть. Но выполнение последней части данной декларации было отложено. Разоряя имения противников Августа на Правобережье¹⁷ и затягивая вопрос о его возвращении, русское правительство с одной стороны, заставляло придумать сторонников Станислава Лещинского, а с другой — шантажировало верных Августу магнатов угрозой полной потери Украины в случае, если они перейдут на сторону противника.

В свою очередь, представители Сандомирской конфедерации, и в т. ч. коронный гетман А.М. Сенявский, упорно требовали вывода царских войска с Правобережья как залога сохранения союзнических отношений. Когда положение России в результате Альтранштадтского мира ухудшилось, Петру I пришлось более внимательно прислушиваться к пожеланиям своих польских союзников. В начале 1707 г., в ходе русско-польских переговоров в Жолкве, царь объявил согласие на возвращение Речи Посполитой Правобережья¹⁸.

Вместе с тем Петр имел все основания сомневаться в верности предводителей сандомирских конфедератов, многие из которых вели тайные переговоры со Станиславом Лещинским и Карлом XII, и, в частности, коронного гетмана А.М. Сенявского и литовского гетмана Михаила Сервация Вишневецкого (1680—1744). В 1706 г. один из сандомирских, Адам Шмигельский, командовавший крупным отрядом, перешел на сторону Станислава, прорвался сквозь русские войска и ушел в Великую Польшу. Вскоре на сторону Лещинского перешел Вишневецкий, а комендант Быхова, мощной крепости в Белоруссии, Казимеж Сеницкий захватил русскую казну и также перешел на сторону противника. В Великом княжестве Литовском лишь польный гетман Григорий Антоний Огинский (1654—1709) и Людвик Потей держались союза с Россией¹⁹.

Поэтому царь, несмотря на обещания, не спешил возвращать Правобережье Польше, видя в этом действенный рычаг удержания сандомирских в союзных отношениях с Россией и опасаясь, что в случае вывода с Правобережья русских войска там могут укрепиться сторонники Лещинского.

Более того, в сентябре 1707 г. гетман И.С. Мазепа получил секретное письмо царя, заявлявшего, что ни теперь, ни по окончании войны со Швецией он не собирается возвращать Правобережную Украину Речи Посполитой по ряду причин²⁰. Только в январе 1708 г., после настойчивых домогательств своих польских союзников, Петр своим указом предписал Мазепе всё же пустить в Белую Церковь

гарнизон Речи Посполитой²¹. Однако передача даже этого, только одного правобережного города «с уездом» вновь задерживалась, российское правительство всеми средствами тянуло время, выдвигая дополнительные условия вывода войск за Днепр. Канцлер Г.И. Головкин поручал русским резидентам в Польше дьяку Е.И. Украинцеву и А.И. Дашкову всячески обнадеживать поляков возвращением Правобережной Украины, заявляя при этом, что сделано это будет лишь тогда, когда Август II прибудет в Польшу собственной персоной²². В конце концов свои войска с Правобережной Украины Петр I вывел только после провала Прутского похода 1711 г., исполняя условия русско-османских договоров²³.

Другой линией в отношении Польши были попытки царя найти альтернативного кандидата на польский престол, взамен отрекшегося от польской короны Августа. В июле 1707 г. на Люблинской раде было провозглашено бескоролье. В качестве кандидатов на польский трон рассматривались персоны сыновей предыдущего короля Яна Собеского, принц Евгений Савойский, А. Сенявский и др.²⁴ Заметную роль среди них играл трансильванский князь Ференц II Ракоци, подписавший с русскими представителями соответствующий договор в Варшаве. Этот шаг имел для князя важное значение как с точки зрения его внешней политики в целом, так и отношений с Россией в частности²⁵.

Был момент, когда, находясь в крайне сложном внешнеполитическом и военном положении, русская дипломатия выражала готовность на определенных условиях признать польским королем даже Станислава Лещинского. Однако сандомирские боявшиеся слишком большой зависимости нового короля от царя (подобно Лещинскому от Карла), не соглашались на проведение новых выборов, как хотел Петр²⁶.

Несмотря на новое вторжение шведских войск в Польшу в сентябре 1707 г., союз между сандомирскими и Петром сохранялся. В Люблин был отправлен дьяк Е.И. Украинцев, который очередным обещанием возвращения Правобережной Украины и выплатой 20 тыс. рублей на войско добился подтверждения союзных отношений. А в результате русско-польских переговоров на съезде в Бресте Сенявский направил на левый берег Вислы, в Сандомирское воеводство, сильный конный отряд для партизанских действий в тылу у наступающих шведов²⁷.

В 1708 г. из-за внутренних неурядиц и отдельных военных неудач Сандомирская конфедерация оказалась на грани распада. В этих условиях в поддержку войска Сенявского было выплачено 50 тыс. рублей субсидии, по распоряжению Петра гетман Мазепа направил ему трехтысячный отряд казаков²⁸. Это, впрочем, сразу вызвало трения между союзниками, поскольку Сенявский под давлением шляхты и магнатов запретил выдавать казакам провиант²⁹.

Прибывший весной 1709 г. на Правобережье 13-тысячный русский отряд фельдмаршала Гольца значительно усилил позиции сандомирских. Весной — летом 1708 г. они нанесли ряд поражений наступающим сторонникам Станислава и поддерживавшим их шведским войскам, очистив от них Правобережье Днепра³⁰. Полтавская победа способствовала окончательному распаду лагеря Лещинского и деградации его войска.

Получив весть о разгроме шведов под Полтавой, Август уже 26 июля (6 августа) 1709 г. подписал с русским представителем фон дер Литом договор, по которому царь обещал ему подкрепления, денежные субсидии и даже помощь

в избрании его сына наследником польского трона при условии немедленного возобновления борьбы со Швецией. Уже в октябре того же года это соглашение было заменено новым Торуньским договором, с гораздо более жесткими для Августа условиями. Достаточно сказать, что русская сторона отказывалась способствовать установлению наследственной власти династии Веттинов в Польше и поддерживать короля денежными выплатами³¹.

Вскоре Август был восстановлен на польском престоле, а Генеральная рада 1710 г. ратифицировала договор о Вечном мире 1686 г., с которого начались русско-польские союзнические отношения³².

За неполную четверть века от хрупкого баланса сил между Россией и Речью Посполитой, зафиксированного трактатом Гжимултовского, в двусторонних отношениях наметилось явное доминирование Москвы. Объективно это было обусловлено возросшим внешнеполитическим могуществом России в результате петровских реформ и активной внешней политики царя с одной стороны и продолжавшимся кризисом шляхетской демократии в Польше, выражавшимся в том числе и в стремлении польско-литовского правящего сословия ограничить на международной арене любую деятельность короля и республики, связанную с дополнительными финансовыми затратами для магнатов и шляхты. Как показал в своей фундаментальной работе Я. Бурдович-Новицкий, в условиях подобного ограничения королевской власти избранный на польский престол саксонский курфюрст Август II всегда жертвовал интересами Речи Посполитой в угоду своим династическим и политическим планам.

Деятельное вмешательство России во внутриваршавские дела, выступление Петра в качестве арбитра в отношениях между королем и противостоявшими ему магнатами на так называемом Немом сейме 1717 г. способствовали дальнейшему усилению русских позиций. Впоследствии всё это вызвало попытки Августа вырваться из-под российской опеки, в т. ч. и через присоединение к Венскому договору 1719 г. Австрии, Саксонии и Англии (король последней заключил его как ганноверский курфюрст), однако большого успеха они не принесли³³. Весь XVIII в., вплоть до конца существования шляхетской Речи Посполитой, русская дипломатия оставалась одним из крупнейших игроков в польских делах.

¹ Подробнее см.: Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008.

² См. об этом подробнее: Kamiński A.S. Republic vs. Autocracy. Poland-Lithuania and Russia, 1686–1697. Cambridge (Massachusetts), 1993. P. 113–175.

³ Артамонов В.А. Страны Восточной Европы в войне с Османской империей (1683–1699 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. Ч. 2. С. 303–307.

⁴ Wojtasik J. Schyłek wybitnego wodza i spadek wartości bojowej wojska Rzeczypospolitej (1684–1696) // Wojny polsko-tureckie w XVII w. Materiały z konferencji naukowej. Kamieniec Podolski. 11–15 września 2000 r. Przemyśl, 2000. S. 26–27; Komarzyński M. Ostatnia kampania wojenna Jana III (1691) // Studia i materiały z czasów Jana III Sobieskiego. Wrocław, 1992. S. 103–109.

⁵ Кочегаров К.А. Указ. соч. С. 409, 442.

- ⁶ *Сергієнко Г.Я.* Визвольний рух на Правобережній Україні в кінці XVII і на початку XVIII ст. Київ, 1963. С. 67–69.
- ⁷ *Станіславський В.В.* Запорозька січ та Річ Посполита. 1686–1699. Київ, 2004. С. 47–133.
- ⁸ *Кочегаров К.А.* Указ. соч. С. 50 и след.
- ⁹ См. об этом подробней: *Кочегаров К.А.* Борьба боярских группировок вокруг планов женитьбы царя Петра и русско-польские отношения в 1684–1689 гг. // Россия, Польша, Германия в европейской политике: исторический опыт взаимодействия и императивы сотрудничества. М., 2012. С. 73–75.
- ¹⁰ *Burdowicz-Nowicki J. Piotr I, August II i Rzeczpospolita 1697–1706.* Kraków, 2010. S. 310–342, 385–390.
- ¹¹ *Ibid.* S. 441–446.
- ¹² *Ibid.* S. 256, 261, 264, 304, 307, 463; *Perdenia J.* Stanowisko Rosji wobec prawobrzeżnej Ukrainy w pierwszych latach wojny północnej // Rocznik naukowo-dydaktyczny Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Krakowie. Prace Historyczne. 1967. T. 3. Zerzyt 26. S. 140–141.
- ¹³ *Сергієнко Г.Я.* Указ. соч. С. 129 и след. О роли Белой Церкви см.: *Wagner M.* Biała Cerkiew w systemie obronnym Rzeczypospolitej (1684–1696) // Tegoż. W cieniu szukamy jasności chwały. Studia z dziejów panowania Jana III Sobieskiego (1684–1696). Siedlce, 2002. S. 25–34.
- ¹⁴ *Perdenia J.* Op. cit. S. 142–143.
- ¹⁵ *Сергієнко Г.Я.* Указ. соч. С. 178–192.
- ¹⁶ *Крикун М.* Згін населення з Правобережної України в Лівобережну 1711–1712 років (До питання про політику Петра I стосовно України) // *Он же.* Між війною і радою. Козацтво Правобережної України в другій половині XVII — на початку XVIII століття. Київ, 2006. С. 398.
- ¹⁷ *Perdenia J.* Op. cit. S. 144; *Костомаров Н.И.* Мазепа. СПб., 1885. С. 251–260, 267–274 (Исторические монографии и исследования. Т. 16).
- ¹⁸ *Kamiński A.S.* Konfederacja Sandomierska wobec Rosji w okresie poaltransztadztkim, 1706–1709. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1969. S. 37–42.
- ¹⁹ *Геровский Ю.А.* Польша и победа под Полтавой // Полтавская победа. Из истории международных отношений накануне и после Полтавы. М., 1959. С. 24, 54–55; *Feldman J.* Polska w dobie wielkiej wojny północnej 1704–1709. Kraków, 1925. S. 265, 280, 285–287.
- ²⁰ *Сергієнко Г.Я.* Указ. соч. С. 193.
- ²¹ *Костомаров Н.И.* Указ. соч. С. 340.
- ²² РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1708 г. Д. 17. Л. 51–52.
- ²³ *Артамонов В.А.* Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714 гг.). М., 1990. С. 89–117.
- ²⁴ *Геровский Ю.А.* Указ. соч. С. 20–22. *Kamiński A.S.* Konfederacja Sandomierska... S. 73–91.
- ²⁵ См. статью Ш. Гебеи «Продолжение борьбы Ференца II Ракоци за свободы (1710–1711) с помощью России?» в настоящем сборнике.
- ²⁶ *Геровский Ю.А.* Указ. соч. С. 22.
- ²⁷ Там же. С. 26–27.
- ²⁸ Там же. С. 41.
- ²⁹ На это жаловался российским властям гетман И.С. Мазепа. См.: РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1708 г. Д. 3а. Л. 491.
- ³⁰ *Геровский Ю.А.* Указ. соч. С. 41, 57–62; *Вицько З.* Войска Вялікага княства Літоўскага ў кампаніі 1709 года на Захадзе Украіны // *Іван Мазепа і мазепинці: Історія та культура Украіни останньої третини XVII — початку XVIII ст.* / Ред. кол.: Я. Дашкевич, О. Купчинський, І. Скочиляс, А. Фелонюк. Львів, 2011. С. 63–76.
- ³¹ *Артамонов В.А.* Указ. соч. С. 36–37.
- ³² Там же. С. 37–43.
- ³³ *Kosińska U.* Sejm 1719–1720 a sprawa ratyfikacji traktatu wiedeńskiego. Warszawa, 2003.

Ш. Гебеи

ПРОДОЛЖЕНИЕ БОРЬБЫ ФЕРЕНЦА II РАКОЦИ ЗА СВОБОДУ* в 1710–1711 гг. с помощью России?

После побед шведского короля Карла XII над польско-русскими коалиционными войсками под Нарвой (19 (30) ноября 1700 г.) и при Клишове (8 (19) июля 1702 г.), после капитуляции в 1702 г. Кракова и Варшавы на начальном этапе Великой северной войны польская политическая элита инициировала привлечение к ответственности короля Августа II, бездумно развязавшего войну, а также как можно более быстрое окончание боевых действий. Однако мнение политической элиты по этим вопросам не было единым. Отношения настолько обострились, что 16 февраля 1704 г. образовались Варшавская, а 20 мая — Сандомирская конфедерация¹. «Варшавяне» требовали дестронизации Августа II, так как он нарушил польскую конституцию, сделав, таким образом, возможным подписание мира со шведами. «Сандомирцы» же хотели продолжения войны с оккупировавшими польские и литовские территории шведами, а после победы — подписания мира во главе с Августом II при военной и материальной поддержке царя Петра. С момента образования конфедераций в Речи Посполитой борьба реально шла за победу шведского или русского влияния и в перспективе — за гегемонию над Балтикой.

Политический кризис в Польше еще более углубился, когда Карл XII, манипулируя Варшавской конфедерацией, способствовал избранию в 1704 г. познаньского воеводы Станислава Лещинского, а 4 октября 1705 г. — его коронации в варшавском соборе св. Яна польским королем. Воспользовавшись внутренней слабостью Священной Римской империи (5 мая 1705 г. умер император Леопольд I), Август II в 1706 г. направил «на свою настоящую родину», в Саксонию, более 10 тыс. солдат, тем самым изменив Речи Посполитой и ее союзнику Петру I. Затем он поспешил в Альтранштетт близ Дрездена, где 24 сентября 1706 г. раз и навсегда отказался от польской короны в пользу Станислава². Большинство европейских государств (германский император, английский и прусский короли, даже турецкий султан), за исключением папы римского, эту смену государя приняли.

Лишившаяся короля Сандомирская конфедерация и обманутый Петр I также не признали законным польским королем шведскую марионетку, и поэтому

* Автор считает перевод венгерского термина *szabadságharc* применительно к движению, возглавляемому Ракоци, как «борьба за свободы» более точным, чем принятые в российской историографии «освободительная война» или «освободительная борьба». (Прим. ред.)

незамедлительно стали готовиться к избранию нового короля. Среди претендентов находим трех сыновей Яна Собеского, Евгения Савойского, Ференца II Ракоци, не считая польских добровольцев (великий коронный гетман Адам Миколай Сенявский и вице-канцлер Ян Шембек (†1731) — брат епископа). Среди кандидатов только Ракоци принял предложение и был готов сыграть предложенную ему роль: если сейм Речи Посполитой изберет его королем и он займет место Августа II, он примет на себя все его обязательства. 4 (15) сентября 1707 г. в Варшаве представители Петра I и Ракоци подписали договор³, который был призван решить как польские, так и венгерские проблемы. Согласно ст. III, договор должен был войти в силу только через три месяца после подписания, за это время Ракоци по своим дипломатическим каналам собирался убедить Францию и Баварию выступить в качестве посредников между Россией и Швецией. Если в течение трех месяцев война возобновится и последует нападение Карла XII, избрание нового короля откладывать нельзя, необходимо сразу же начать подготовку к этому событию.

Почти одновременно с подписанием Варшавского договора (третья неделя сентября 1707 г.) в течение года отдыхавший и набиравший силы в Саксонии авангард шведской армии выдвинулся в Польшу (в районе Ченстохова), а в начале октября был уже у Торуня и переправился через Вислу⁴. Передвижение войск однозначно указывало на стремление взять в кольцо польско-русские войска. В ответ царь Петр I приказал организованно, от реки до реки (по естественным границам), отступить. Если проанализировать события с точки зрения Ракоци, выходит, что Варшавский договор потерял силу прежде, чем вступил в силу. Несмотря на то, что дипломаты Ракоци — Шандор Недецки, позже Мате Талаба — находились при постоянно менявшем дислокацию дворе Петра I и официальные связи никогда не прекращались, договор существовал только в теории. Ракоци попытался заручиться посредничеством Людовика XIV в деле окончания шведско-русской войны, однако восточному походу Карла XII никто и ничто не могло помешать. «Шведский король повсюду уверяет, — писал в то время Недецки князю, — что не успокоится до тех пор, пока не прогонит царя из страны так же, как в свое время Августа II»⁵. Вера Карла XII в непобедимость своей армии, его упрямство, самоволие, преуменьшение силы противника, как известно, привели к катастрофе под Полтавой и Переволочной, когда раненого короля солдаты едва смогли переправить в Турцию⁶.

Русские победы 1709 г. выдвинули на повестку дня и урегулирование польского кризиса. Король Август II, заручившись прощением царя Петра, мог вернуться на польский трон, общественная поддержка его кандидатуры (но не популярность!) резко возросла. Между тем «честь» венгров терпела ущерб. В конце 1709 г. Ш. Недецки проявлял беспокойство: «Мы и так уже опустили гораздо ниже, [...] чем вначале». Странники врага, заполнив «все углы», «подло действуют и в Польше, и в Силезии», «я боюсь за всех», писал он своему князю⁷. «Нашему бесчестию способствовала и Вена», — продолжал Недецки в письме от 8 декабря 1709 г. Император и одновременно венгерский король Иосиф I весьма неодобрительно отреагировал на предложение царя стать посредником. Какое посредничество может быть между Иосифом I и Ракоци? «Прилично ли, — спрашивал Иосиф I, — если кто-либо захочет стать посредником между царем и Ма-

зепой? Прилично ли, если кто-либо на этом основании оспорит у царя страну казаков?»⁸ — сообщал грустные факты уполномоченный Ракоци, которого, между прочим, не признавал официальным лицом ни один дипломат⁹.

В конце 1709 г. на венгерско-русские отношения наложила тень еще и «польская афера», а именно бегство киевского воеводы Юзефа Потоцкого (1673–1751) и его войска, состоявшего из нескольких тысяч поляков и шведов, в Венгрию. Воевода Потоцкий был старым знакомым Ракоци, он еще в 1703 г., в самом начале восстания, поддержал князя несколькими сотнями солдат. Потоцкий не остался в стороне от внутренней польской войны, в качестве протезе Карла XII бок о бок со Станиславом, а позже вместе с Карлом XII он сражался под Полтавой. После поражения у Потоцкого было два пути: либо вместе со шведами сдать в русский плен, либо перейти польско-венгерскую границу, спасаясь от контролирующей восточную и юго-восточную границу Польши русских войск. Ракоци не только предоставил убежище преследуемым, но и принял у них в Мункаче присягу на службу¹⁰.

Поступок Ракоци не только не успокоил, но, напротив, еще больше взволновал царский двор. 29 декабря 1709 г. Ш. Недецки прямо писал Ракоци: «Я боюсь гнева царя, так как Твое величество принял Киевского палатинуса [Юзефа Потоцкого. — Ш.Г.] вместе с польским войском». Было бы лучше, «если бы он отступил к Торуню», всё «это будет нам во вред»¹¹.

Слова Недецки подтвердились. Дело принявшей участие в сражении под местечком Ромхань армии Потоцкого и в дальнейшем находилось в центре внимания. 3 апреля 1710 г. русский генерал Лебрехт Готтфрид Янус фон Эберштедт (†1718) получил от царя приказ в любом случае предотвратить готовящуюся акцию «киевского воеводы» — атаку со стороны Венгрии. Если возникнет необходимость, следовало продолжать атаковать его и на венгерской территории, стремясь уничтожить врага. Ракоци необходимо известить о намерении Потоцкого и предупредить, что против него и его защитников будут приняты меры согласно «всенародным правам»¹². Сговор между Потоцким и Ракоци очевиден, утверждал русский генерал, упоминаемый в документах как Янус. В своем докладе от 21 мая 1710 г. он подчеркивал, что Ракоци всеми возможными средствами помогал и поддерживал командующего Потоцкого — Бонаковского, который только так и смог перезимовать. «В настоящее время он приблизительно с тысячей лошадей находится у Карла XII в Бендерах, а еще около 1,5 тыс. поляков расположились в Венгрии», — сообщал Янус¹³.

Через полтора месяца Потоцкий вновь заставил о себе говорить. В письме от 22 мая (2 июня) 1710 г. царь Петр I с возмущением писал А.Д. Меншикову, что киевский воевода Юзеф Потоцкий «яко вор, только обольстил уходом будто в службу Ракоциеву, а ныне [...] паки на нас идет». Посему царь приказал «идти в Венгрию» и по возможности «чинить над оными [...] промысел». «А Ракоцию пенять нельзя, понеже сами слова своего не удержали»¹⁴. Царь Петр I беспокоился не без оснований, ведь из донесения от 9 июня 1710 г. австрийского посланника в Стамбуле Иоганна Михеля Тальмана узнаем, что Потоцкий привел в Бендеры к Карлу XII «не более 2 тысяч человек, на что Карл XII еще больше заупрямился и не желает воспользоваться возможностью свободного отступления в Швецию через Польшу, гарантированного русскими и турками»¹⁵.

Во второй половине 1710 г. как финансовые, так и военные источники полностью были исчерпаны, князь Ракоци всё поставил на одну карту — на зарубежную помощь. Своим влиятельным генералам Шимону Форгачу, Анталу Эстерхази (1676–1722), Миклошу Берчени — за исключением одного Шандора Каройи — он, ради их спасения, разрешил отъезд из Венгрии в Польшу. 26 ноября 1710 г. Берчени покинул Венгрию с заданием¹⁶ «вести переговоры с князем [Григорием Федоровичем. — Ш.Г.] Долгоруковым, доверенным лицом царя», чтобы способствовать успеху готовящейся при посредничестве Венгрии франко-русской дипломатической акции¹⁷. Успех, достигнутый в области большой политики, естественно, отвечал и интересам Венгрии, ведь только так Ракоци мог рассчитывать на помощь России. Берчени расположил свой штаб в польском Ярославле на берегу р. Сан. Здесь он регулярно вел переговоры с Г.Ф. Долгоруковым, канцлером Г.И. Головкиным¹⁸ и П.П. Шафировым¹⁹, а с 1701 г. — с благоволившей Ракоци «госпожой» Эльжбетой Хеленой Сенявской²⁰. Такая поразительная активность Берчени была направлена на нейтрализацию шведско-турецкой опасности, чтобы затем также придать благоприятное направление венгерским делам. Генерал буквально завалил князя потоком писем, в которых самым подробным образом обрисовывал политические представления поляков и русских. Наряду с толкованием и анализом информации он предлагал свое решение.

Темой декабрьской переписки 1710 г. является главным образом ухудшение отношений между Россией и Турцией, последствия для Венгрии возможной войны между ними. Письма, пересказывавшие содержание переговоров Берчени с Долгоруковым, указывают на то, что, несмотря на победу под Полтавой, царь не вычеркнул Швецию из списка возможных противников, даже вопреки тому, что Карл XII находился в Турции. Напротив, именно поэтому возникла угроза на южных границах России. В письме от 12 декабря 1710 г. Ракоци мог узнать суть проблемы: «У царя связаны руки, ноги, рот, пока швед там, приходится бояться каждой смены везира; если бы каким-то образом швед был в его стране — не надо бы его опасаться [...]»²¹. «Теперь же, когда шведский король в Турции, царь не может доверять Порте, так как после войны шведский король, опираясь на султана, может включиться в универсальные мирные переговоры. А после заключения общего мира в Европе может образоваться всеобщая анти-русская коалиция, а этого царь ни в коем случае не может допустить»²², — писал об опасениях русских Берчени.

Берчени и Долгоруков не оставили без внимания и самый худший вариант — принятие беглых венгров-куруцев: «Я упомянул раздачу земли в русской империи (для беглецов в Россию), он не протестовал, но так как уверен в союзе с Францией, считает это ненужным [...] Бог нам во всем поможет»²³. Уже на другой день, 29 декабря, в противовес вчерашним обнадеживающим словам Берчени говорит об охранных грамотах, куда только надо вписать имя, которые русские охотно дают всякому²⁴.

Более чем вероятно, что ни Долгоруков, ни Берчени тогда еще не знали, что в Порте вопрос войны и мира уже решен. По информации И.М. Тальмана, великий везир в противовес обычаю созвал собрание большого Дивана во вторник, 19 ноября 1710 г. (во вторник вообще не созывали собрание Дивана!). Кроме сул-

тана Ахмеда III в совете приняли участие татарский хан Девлет-Гирей (†1724), главный муфтий, великий везир Балтаджи Мехмед-паша (1662–1712), главные кади Румелии и Анатолии, шилахдар (главный оруженосец) и даже улемы, которые и не являлись членами Дивана. Там господствовала военная атмосфера, насаждаемая в Бендерах; была принята точка зрения, что Россия нарушила Константинопольский мир 1700 г. и тем самым спровоцировала войну. По мнению турок, русский царь нарушил мирное соглашение по 15 пунктам. Этого Порты не могла оставить без ответа: «Зафер истериз!» [«Хотим войну!»]²⁵, — прозвучало окончательное решение.

Уже в январе 1711 г. Порты считала себя в состоянии войны с Россией, однако Россия тогда еще не объявила себя воюющей стороной, несмотря на то что по всей стране проходили рекрутские наборы: 1 рекрут с 20 дворов²⁶. С российской стороны открытое вступление в войну произошло только в середине февраля 1711 г. Тогда в Кремле на площади перед Успенским собором объявили о неизбежности давно ожидаемой войны между Россией и Турцией. В манифесте было сказано, что, хотя в Стамбуле уже объявили военное положение и русского посла заключили в Семибашенную крепость, в Порту отправляется курьер с миссией сохранения мира, чтобы до тех пор, пока не выяснится — война или мир, царские войска могли начать продвижение к турецким границам, не пересекая их. «Господь поможет России в правом деле и накажет миро- и вероотступников»²⁷, — говорилось в конце манифеста.

Когда и Берчени вслед за Долгоруковым узнал, что русско-турецкая война стала свершившимся фактом, у него уже было готово решение. «Лучше в надежде на будущее остаться на стороне царя»²⁸, — советовал он Ракоци. В то же время, соглашаясь с Долгоруковым, он не предлагал князю, чтобы «Твое величество заперлось в Мункачской крепости». Если обстановка в Венгрии станет еще хуже, тому с сопровождающей его армией и беженцами надо отправиться в Польшу и там стать наёмниками царя. Нужно только выяснить, готовы ли солдаты Ракоци служить царю за жалование или же после окончания войны они хотят получить земли в России?²⁹ Очевидна ограниченность Берчени. Без преувеличения, можно сказать, политическая слепота. Особенно тогда, когда он многократно отговаривал Ракоци от мирных переговоров с Иосифом I: «Я вижу, лучше в конечном итоге присоединиться к царю. От него можно ожидать не меньшего, чем от теперешних переговоров в области [комитате. — Ш.Г.] Берег»³⁰. В письме, датированном 4 февраля, он формулирует свою мысль еще более открыто: «Не одобряю, чтобы Твое величество ожидал там конца переговоров. Возможно, лучше, если бы они [переговоры. — Ш.Г.] проходили без нас, чем сами отдадим страну на милость, чтобы даже надежда была навсегда утрачена»³¹. Таким образом, Берчени предполагал, что только оставшиеся в Венгрии части должны сложить оружие, подписать соглашение с императором, а настоящую победу одержат вернувшиеся из Польши Ракоци и Берчени. Они подарят стране подлинную свободу и выйдут из ситуации моральными победителями.

Трудно точно сказать, когда Ракоци решил покинуть страну, но можно предположить, что это решение родилось в первых числах февраля 1711 г. Он внял обнадеживающим словам Берчени, последовал его многообещающим советам. «Бог укажет путь, выйдем и из этого [...] там [в Венгрии. — Ш.Г.], выиграв время,

поможем делу, только приведет Господь Твое величество!»³² — торопил Берчени решение Ракоци.

Можно с уверенностью сказать, что Ракоци охотно соглашался с письмами и сообщениями своего генерала и старшего друга, которые давали надежду и веру, и с подходящими его уму и сердцу предложениями. С такой, так сказать, теоретической подготовкой Ракоци прибыл в Польшу и с нетерпением и надеждами, способными повернуть его судьбу, ожидал встречи с царем. Он пересек венгерско-польскую границу в полной уверенности³³, что через короткое время получит возможность говорить с царем с глаза на глаз и, договорившись об оказании конкретной помощи, сможет во главе пришедших на помощь армий победоносно завершить борьбу за свободу нации.

Продумывая венгерские события в теоретической плоскости, Ракоци мало заботился о реальности их воплощения. Пока Берчени и Долгоруков в беседах «решали» самые сложные проблемы, царя Петра, который единственно мог принять решение, занимала мысль о турецкой войне. 28 апреля 1711 г. в Яворове по дороге на турецкий фронт царь принял Ракоци. Это была первая их встреча. Русское предложение было простым: помириться с Австрийским домом, а также способствовать прекращению русско-турецкого конфликта. До тех пор пока турецкая война не завершится победой, князь не может рассчитывать ни на солдат, ни на деньги. На это решение не повлияло даже то, что спустя несколько дней из депеши короля Августа II от 20 апреля (1 мая) царь Петр узнал о смерти императора Иосифа I³⁴.

Ракоци и бывшие при нем сенаторы и помощники на протяжении десяти дней обсуждали положение, сложившееся в Венгрии и Трансильвании. Находится ли монархия в состоянии междуцарствия? Каким образом можно продолжать освободительную борьбу? Отсюда сразу становится очевидным, что стратегия Ракоци — Берчени несколько не изменилась по сравнению с предыдущими годами. Надо бескомпромиссно продолжать борьбу ради сохранения чести и порядочности, надо быть готовыми даже «к роли Курциуса», т. е. принести себя в жертву*. «Нельзя остаться предателями в памяти потомков»³⁵, — как писал 28 марта 1711 г. Берчени.

Ракоци в полной мере разделял эту точку зрения и, таким образом, как и находившаяся в Польше эмиграция, не захотел знать о реальных событиях. Ракоци и Берчени были не способны к компромиссу даже под влиянием внешнеполитического положения Польши и России. Надежда на помощь из восточной части Европы уступила место надежде на Запад, на Францию. Но напрасно. Для них соглашение с Габсбургами, которых они считали нелегитимными, компромиссное окончание вооруженного конфликта означало отказ от принципов, поэтому они выбрали «самопожертвование» — вечное изгнание.

Первод на русский язык — автора

* Согласно Титу Ливию, в 362 г. до н. э. на Римском форуме образовалась глубокая пропасть. Оракулы предсказали, что пропасть исчезнет, если римляне пожертвуют самым дорогим. Тогда юный воин Марк Курций, воскликнув: «У Рима нет ничего дороже оружия и смелости!», в полном вооружении на лошади ринулся в бездну.

- ¹ Bibliotheca Czartoryskich w Krakowie. Ms. 9748. Actum in Curia Varsaviensi sabbato ante Dominicam cantate proximo Anno Domini millesimo septingentesimo quarto (19.IV.1704); Ms. 9541. Actum in castro Sandomiriensi sabbato ante Festum Sanctorum Viti et Modesti Martyrum proximo Anno Domini millesimo septingentesimo quarto (14.VI.1704).
- ² OSZKK. Fol. Lat. 1174. Friderici Augusti regis Poloniae et ducis Saxoniae instrumentum pacis cum Carolo XII. rege Sveciae et Stanislao I. rege (1706); Poloniae Friedens-Tractat, so zwischen dem König von Schweden und dem König von Pohlen und Churfürsten von Sachsen den 14/24. September 1706 geschlossen worden // Um die polnische Krone. Sachsen und Polen während des Nordischen Krieges 1700–1721 / Bearb. J. Kalisch, J. Gierowski. Berlin, 1962. S. 175–183.
- ³ MNL OL. G. 15. Caps. F. Fasc. 149. Fol. 174–177; ПиБ. Т. VI. СПб., 1912. С. 74–78; ПСЗ. Т. IV. СПб., 1830. С. 385–387.
- ⁴ ПиБ. Т. VI. С. 380.
- ⁵ МТАК К. Ms. 4958/2/I. Litterae Nedeczianaе, 1707 (пагинация отсутствует).
- ⁶ ПиБ. Т. IX/1. (январь–декабрь 1709 г.). М.–Л., 1950. С. 262–264, 266–273, 274–275; Т. IX/2. С. 101–1012; Theatrum Europaeum. Frankfurt am Mayn, 1720. Т. XVIII. S. 296–298. Подробную библиографию см.: *Gebei S.* 1709. június 27. (július 8.) — Poltava // HtK. 2009. 4. sz. 903–939. old.; Полтава: К 250-летию Полтавского сражения / Под ред. Л.Г. Бескровного. М., 1959; Полтава: К 300-летию Полтавского сражения / Под ред. О.Г. Агеевой, В.А. Артамонова. М., 2009; *Serczyk W.* Poltava 1709. Warszawa, 2004; *Englund P.* Poltava: Berattelsen om en armés undergång. Stockholm, 1989. В русском переводе см.: *Энглунд П.* Полтава: Рассказ о гибели одной армии. Москва, 1995. Интернет-версия: http://militera.lib.ru/h/englund_p/07.html.
- ⁷ МТАК К. Ms. 4958/2/III. Litterae Nedeczianaе, 1709. Diarum privatum.
- ⁸ Ibidem.
- ⁹ См. реляцию британского посланника Чарльза Витворта госсекретарю Чарльзу Бойлу, 10(21).VIII.1709: «Я писал вам этой зимой о приезде этого господина в Москву с званием чрезвычайного венгерского посла, а также о том, как никто из иностранных уполномоченных — между прочими и я — не сочли удобным признать его в этом достоинстве до получения особых распоряжений от нашего двора». Цит. по: Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 50. С. 229.
- ¹⁰ II. Rákóczi Ferenc ezertizenkét napja. Beniczky Gáspár fejedelmi titkár diáriuma. 1707. május 24–1710. február 28. / Sajtó alá rendezte, az előszót és a jegyzeteket írta I. Bánkúti. Bp., 2005. 242. old.; *Rákóczi F.* Vallomások. Emlékiratok / A szerkesztés és a jegyzetek L. Hopp, az utószó L. Hopp, E. Szepes, I. Vas. Bp., 1979. 391–392. old.
- ¹¹ МТАК К. Ms. 4958/2/III. Litterae Nedeczianaе, 1709. Diarum privatum.
- ¹² ПиБ. Т. X. М., 1956. С. 92.
- ¹³ Там же. С. 546.
- ¹⁴ Там же. С. 143.
- ¹⁵ Турция накануне и после Полтавской битвы. (Глазами австрийского дипломата) / Перев., введ. и примеч. В.Е. Шутого; отв. ред. С.Ф. Орешкова; М., 1977. С. 68–69. И.М. Тальман — юрист по образованию, секретарь графа Вольфганга Эттингена, приехал в Стамбул для ратификации Карловицкого мира 1699 г. По возвращении Эттингена домой Тальман остался императорским резидентом в Османской Порте и с 1704 по апрель 1712 г. служил в качестве секретаря имперской миссии в Стамбуле. Часть его сообщений была переведена и опубликована историком В.Е. Шутым.
- ¹⁶ С лета до середины ноября 1710 г. Берчени находился в районе Унгвара. См.: AR I/VI. I. Had- és belügy. VI. Székési Gróf Bercsényi Miklós levelei Rákóczi fejedelemhez, 1704–1712 / Szerk. K. Thaly. Bp., 1878. 3. köt. 609., 610. old. Так, 21 ноября он адресует свои

- письма с перевала Верецке (Ibid. 611. old.), 22 ноября — из селения Плавья (Ibidem), 24 ноября — из селения Сколе (Ibid. 614. old.) и т. п.
- ¹⁷ *Rákóczi F. Vallomások. Emlékiratok.* 403–405. old.; Долгоруков Григорий Федорович (1656–1723) — русский посол в Польше с 1700 по 1706 и с 1709 по 1721 г. Он успешно работал в Речи Посполитой, где ему удавалось любой ценой отстаивать интересы России. Поляки не симпатизировали ему, а Берчени, наоборот, назвал своим другом.
- ¹⁸ Головкин Гавриил Иванович был родственником царя по материнской линии; служил Петру с 1677 г., когда тому было 5 лет. Не случайно, что именно Головкину вверили руководство Посольским приказом после смерти канцлера Ф.А. Головина в 1706 г.
- ¹⁹ Шафиров Петр Павлович — выдающийся дипломат, происходил из семьи польских евреев, служил в Посольском приказе с 1691 г., владел латинским, польским, голландским, французским языками. При канцлере Ф.А. Головине был секретарем, при Головкине — вице-канцлером.
- ²⁰ «Госпожа» (*Asszony*) — Эльжбета Хелена Сенявская (урожденная Любомирская, 1669–1729). Поддерживала политические планы князя Ракоци в Польше, купила имение в Ярославле на свое имя, чтобы помочь Ракоци, если тому придется покинуть Венгрию. Была знакома с монархами (Августом II, Станиславом Лещинским, Карлом XII и Петром I), игравшими важную роль во внутривосточной жизни Польши. Ее не без оснований называли «королевой без короны». Подробности см.: *Popiółek B. Królowa bez korony.* Kraków, 1996.
- ²¹ AR I/VI. 632. old.
- ²² Ibid. 640. old.
- ²³ Ibid. 654. old.
- ²⁴ Ibid. 647, 656. old.
- ²⁵ Турция накануне и после Полтавской битвы. С. 82.
- ²⁶ См. реляцию британского эmissара М. Вейсброда герцогу Квинсберри, 4(15).I.1711: «Вышел также новый приказ, повелевающий дать одного рекрута с каждых двадцати домов». Цит. по: Сб. РИО. Т. 50. С. 397.
- ²⁷ ПиБ. Т. XI/1. С. 85–86.
- ²⁸ AR I/VI. 662. old.
- ²⁹ Ibid. 666. old.
- ³⁰ Ibid. 690. old.
- ³¹ Ibid. 691. old.
- ³² Ibid. 692. old.
- ³³ *Pulay J. Szathmári Békeség (Pacifatio Szatmariensis). Főegyházmegyei Könyvtár, Eger. Barokk terem. Eszterházy Gyűjtemény.* X. III. 29. 46–47., 48. (Датировано в Надьсомба-те 14.IV.1718).
- ³⁴ ПиБ. Т. XI/1. С. 189–190.
- ³⁵ «Разве не лучше и честнее перед всем миром сохранить совесть и общее дело Родины [*conscientia et communi Patriae causa conservata*], чем остаться в памяти грядущего поколения предателем Родины [*in abyissum se praecipitare, cum perpetua famae et nominis ignominia?*]. Цит. по: AR I/VI. 699. old.

Ш. Патт

ДВА ЖЕЛАННЫХ СОЮЗНИКА ВЕНГРОВ — ДВА ЗАКЛЯТЫХ ВРАГА: ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА РАКОЦИ В СИЛОВОМ ПОЛЕ РОССИИ И ОТТОМАНСКОЙ ПОРТЫ

В первые годы XVIII в. особую заботу для Османской империи представляли собой две пограничные линии — с Россией и Габсбургской монархией. Они находились в опасности не только потому, что их конфигурация была полностью пересмотрена при заключении договоров, вошедших в историю как Карловицкий мир 1699 г.¹, но и потому, что вдоль границы находились два политически нестабильных государства, обладавших лишь остатками бывшего суверенитета: Крымско-татарское ханство и Венгерское королевство. В обоих государствах протекали политически опасные процессы. Ханство с XV в. находилось под сюзеренитетом Оттоманской порты, и хотя от бывшего всеислия его правителя — в особенности начиная с первой трети XVII в. — мало что осталось², новое соотношение сил таило в себе угрозу, на которую ханы отвечали постоянными набегами. Поскольку османскому правительству приходилось, по крайней мере поначалу, мириться с новым порядком, оно жестоко подавляло крымские восстания.

Для габсбургско-османского отрезка границы начало в 1703 г. Освободительной войны под предводительством Ференца II Ракоци стало проверкой на прочность. Третья часть территории исторической Венгрии с середины XVI в. находилась под непосредственным контролем Османского государства. Другая территориальная единица — расположенная на востоке страны Трансильвания и примыкающие к ней, лежащие к востоку от Тисы комитаты — считались вассалами Оттоманской Порты. Эта политическая конструкция управлялась венгерскими князьями, которых избирали сословия и назначали на правление султаны³. Официально после Карловицкого мира Трансильвания вновь стала частью управлявшегося Габсбургами Венгерского королевства. В момент начала Освободительной войны под предводительством Ракоци можно было рассчитывать на то, что антигабсбургское движение обратится за помощью к Османской империи, чему в XVII в. уже было немало примеров.

* * *

Внутриполитическая обстановка в Османской империи не благоприятствовала венгерскому освободительному движению. Руководство империи старалось всеми силами избегать внешнеполитических конфликтов. Граница с Россией

на отрезке Крымского полуострова была беспокойной, война могла разразиться в любой момент.

В столице Оттоманской порты в последние годы царили тревожные настроения. Как раз в тот момент, когда Ференц II Ракоци поднял восстание в Верхней Венгрии, в результате восстания янычар был свергнут султан Мустафа II (1695–1703 гг.). В числе причин восстания можно с полным правом назвать признание на Карловицком конгрессе военного поражения и утерю значительных территорий в Венгрии. От нового султана Ахмеда II ждали проведения более жесткой политической линии.

Первым, насколько известно, эмиссаром Ракоци, отправившимся ко двору султана после начала восстания, был Жигмонд Сёлёшши, сам лишь недавно вернувшийся в Венгрию от проживавшего в эмиграции Имре Тёкёли⁴. Ему было поручено пригласить вернуться на родину мятежника, которого османы в 1682 г. назначили князем Верхней Венгрии (*Orta Macar*), а в 1690 г. — Трансильвании. Трудно сказать, встречался ли посол во время поездки с официальными лицами Порты. Крупный специалист по этой теме К. Бенда в свое время пришел к выводу, что венгерские повстанцы до 1705 г. не вступали в регулярные сношения с Портой. Мои собственные исследования подтверждают этот вывод. Тем не менее, в источниках встречаются сведения о поездках и деятельности отдельных вестников, гонцов, посланцев⁵. В числе новых данных следует упомянуть донесение Иоганна Михеля Тальмана из Белграда, согласно которому венгерские эмиссары на турецкой территории появлялись уже в сентябре 1703 г.⁶ Великий везир Каваноз Ахмед-паша (22.VIII — 17.XI.1703)⁷ интересовался ходом венгерской освободительной борьбы, но помочь ничем не мог, ибо Карловицкий мир связывал ему руки. Согласно реляции Тальмана, в планы венгров входило разделить управление Венгрией и Трансильванией, отдав первую в руки Ракоци, а вторую — Тёкёли⁸. Однако великий везир не имел права способствовать возвращению Тёкёли на родину, не нарушая при этом условий мирного договора. Впрочем, вскоре к власти пришел новый великий везир, Дамад Хасан-паша (17.VIII — 28.XI.1703)⁹, пошедший на небольшие уступки венграм: Тёкёли домой он не отпустил, но не стал препятствовать тому, чтобы венгры, бежавшие вместе с «куруцким королем» на турецкую территорию, возвращались на родину¹⁰.

Османские хроники уделяют освободительной борьбе венгров под предводительством Ракоци удивительно мало внимания. Обычно в них упоминается лишь то, что начались беспорядки у польской границы. Утверждается, что Ференц Ракоци собрал под свои знамена 60-тысячное войско. Высказывается предположение, что в связи с восстанием венгров границы были усилены. В Белград и Темешвар направили по 500 янычар¹¹. Усиление двух важнейших крепостей, расположенных вдоль границ с Габсбургскими владениями, было вызвано явно не стремлением помочь венграм¹².

В планы венгерской дипломатии в таком важном вопросе, как военная помощь, входило прибегнуть к посредничеству постоянного французского резидента при дворе султана. Однако великий везир настаивал на проведении прямых переговоров. Пожалуй, за все восемь лет Освободительной войны австрийское посольство в Стамбуле не знало такой горячей поры, как весной 1704 г. На серьезность положения указывает то обстоятельство, что Вене пришлось напра-

вить в Порту постоянного дипломатического представителя. Правда, кандидат, на кого изначально пал выбор, отказался от такой сомнительной чести, поэтому временным поверенным в делах в апреле 1704 г. стал обладавший уже некоторым опытом Иоганн Михель Тальман¹³. Военные победы венгров держали столицу Оттоманской Порты в колоссальном напряжении. Никто не мог с уверенностью сказать, в каком направлении выдвинется турецкое войско. Вариантов было три: в Морею против Венеции, через Крым — на Московское государство, и, конечно же, можно было вмешаться в ход венгерских событий. Османские паши успокаивали Тальмана, что о третьем пути развития событий речь вообще не идет, но дипломат до конца не верил их словам¹⁴. В Вене пришли к выводу, что Порта вооружается против русских, поэтому дали распоряжение посланнику: во имя сохранения мира избегать тесных контактов с постоянным представителем России в Стамбуле¹⁵. Подобная тактика указывает на то, что Габсбурги в своей внешней политике уже в 1704 г. стремились избежать вовлечения в турецко-русский конфликт. Как будет показано ниже, этим же принципом они руководствовались и в 1710–1711 гг.

Хотя царившие в Стамбуле настроения наводили на мысль о начале военной операции прежде всего против России, Тальман, несмотря ни на что, предостерегал Военный совет: нельзя исключать возможности вмешательства в венгерские дела (*von krieg wider hungarn reden zum friedensbruchs wurde benötigt werden*)¹⁶. Он напоминал, как во время последней войны турки создали склады в Филиппополисе, Софии и Нише, откуда потом доставляли военное снаряжение к Белграду. Если разразится новый конфликт, следует ожидать, что османы прибегнут к чему-то подобному¹⁷.

Тальман не жалел денег, чтобы хоть как-то помешать французскому послу Шарлю де Ферриолю (1652–1722), который всеми силами пытался втянуть османское войско в Венгрии в войну. Паши, конечно, не отказывали в помощи, но самое большое, на что приходилось рассчитывать в дни Освободительной войны, было разрешение отдельным подданным султана перейти на службу в венгерскую армию. Однако об организованном участии под командованием офицеров не было и речи, а выступление под знаменами, с барабанами и в тюрбанах, как это полагалось регулярным войскам султана, дабы не смешиваться с куруцами, было строгойше запрещено¹⁸.

В мае 1704 г. в венгерский лагерь прибыл турецкий гонец с известием, что на границе с Османской империей Ференца II Ракоци дожидается 10-тысячное войско, готовое влиться в ряды повстанцев. Князь отреагировал на турецкое предложение весьма своеобразно. Хотя он нуждался в дополнительных воинских формированиях, все-таки написал послу при Станиславе Лещинском маркизу Жан-Луи д'Юссону де Боннаку (1672–1738), что не может принять помощи, ибо со временем это приведет к такой же зависимости, что и австрийская оккупация¹⁹. Подобный жест Порты не вписывался ни в ее прежнюю, ни в последующую линию поведения²⁰. Основываясь на исследованиях Белы Кёпеци, можно утверждать, что эту весть распространила французская дипломатия. Когда Ферриоль попросил Порту вступить в войну, ответ великого везира оказался двусмысленным. Он сослался на то, что к венгерским границам направлен 10-тысячный корпус, а французы истолковали это в самом благоприятном для

себя смысле. Посольский секретарь Мишель с этим ни на чем не основанным известием отправился к Ракоци и так уверенно вел речь о турецкой помощи, что через некоторое время в венгерском лагере уже никто не сомневался в прибытии османского войска²¹.

Ракоци и в самом деле боялся, что Османская Порта вступила в игру, преследуя свои интересы, и попытается отвоевать те венгерские территории, которые потеряла в ходе недавней войны. Поэтому князь при посредничестве французского двора просил гарантий, что турки не посягают на венгерскую территорию, и добивался, чтобы их части сражались не самостоятельно, но в составе венгерских полков и подчиняясь венгерскому командованию. В качестве компенсации Ракоци предлагал уплату определенной суммы «подарка» как за Венгрию, так и за Трансильванию. Поначалу он требовал 4 тыс. янычар и 2 тыс. конников, позднее, в направленном Людовику XIV проекте, вел речь о 6 тыс. пехотинцев и 2 тыс. конников, которым обещал выплачивать жалование и просил, чтобы Порта взяла на себя расходы по снабжению продовольствием и порохом. (С порохом было туго, и, чтобы исправить положение, в 1707 г. на турецкой территории в Темешваре построят пороховую мельницу²².) Опасения, что помощь, оказанная турками, будет стоить новых венгерских территорий, не были безосновательными. Известно, что Людовик XIV, не принимая в расчет интересы венгров, обещал султану за вступление в войну территориальные приращения²³, в том числе крепость Петерварад и Бачку*. Похоже, вождю венгерских повстанцев не приходилось идти на сделку с совестью из-за принятия турецкой помощи, потому что вскоре стало известно, что близ венгерских границ не наблюдается никаких значительных турецких войск, а к повстанцам присоединились лишь небольшие отряды, численность которых не представляла угрозы мирному договору между Портой и Веноей²⁴.

Внутриполитическая жизнь Венгрии к середине 1704 г. еще более активизировалась. Ракоци удалось избраться трансильванским князем вместо не проявлявшего признаков политической активности И. Тёкёли. Впрочем, он не поехал в Трансильванию, «примериться» к трону, на котором восседали его предки, а просто добавил к имени княжеский титул. Выше уже говорилось о полуторавековой вассальной зависимости Трансильвании от Порты. За последние пятьдесят лет эти отношения — вследствие оккупации габсбургскими войсками и введения ощутимого военного налога — стали еще теплее. Пока еще активная протурецкая партия требовала, чтобы князь вступил в прямые сношения с Портой и заручился поддержкой султана, как это делали его предшественники²⁵.

Тем временем в Османской империи произошли новые кадровые изменения. В сентябре 1704 г. султан сместил Моралы Хасан-пашу с должности великого везира, и пост занял желавший мира любой ценой Калайлыкоз Ахмед-паша. Примечательно, что едва придя к власти, он начал чинить препоны французской дипломатической миссии в Стамбуле²⁶. Впрочем, на посту великого везира он не задержался: уже в декабре 1704 г. его сменил Балтаджи Мехмед-паша (25.XII.1704—3.V.1706)²⁷. «Смена караула» показалась Ракоци

* Бачка — область на юге Венгерского королевства, ныне входит в состав Венгрии и Сербии. (Прим. перев.)

подходящим поводом, чтобы направить новому великому везиру приветственное письмо. Тогда-то и занялись приготовлениями к первому «торжественному посольству» (*solennis legatio*) во главе с Андрашем Тёрёком. Сформулированные в инструкции принципы ведения переговоров в последующие годы претерпели мало изменений. По прибытии в Стамбул послы остановились в так называемом Трансильванском доме. Это здание когда-то служило постоянным двором для княжеских посольств, а в последние десятилетия стало прибежищем для куруцев войска Тёкёли.

Согласно инструкции, Тёрёк был должен как можно скорее встретиться с французским «оратором», т. е. послом, и расспросить о положении дел в Порте. Далее следовало испросить аудиенции у великого везира, который от темешварского и белградского пашей уже знал о военных успехах венгров. Предполагалось поздравить Балтаджи Мехмеда с назначением и заверить, что Венгрия — это *бастион*, который защитит *Турецкую державу* от нападков императора. (В скобках заметим, что эмиссары Ракоци при французском, прусском и шведском дворах эксплуатировали тот же самый *образ*, но в его изначальном значении — вели речь об исторической роли Венгрии как *бастиона христианства*.) Если задуматься, то понятие «бастион» в обоих смыслах выражало роль будущей независимой, отделившейся от владений Австрийского дома венгерской государственности в тогдашних силовых отношениях²⁸.

В задачи посла входило заверить Порту: в Венгрии давно преобладают антиавстрийские настроения, о чем со времен Яноша Запольяи (1526—1540 гг.) красноречиво свидетельствует борьба, которую вели Иштван Батори, Иштван Бочкаи, Габор Бетлена и князя Ракоци. Тем самым Ференц II Ракоци давал понять, что возглавляемое им движение имеет традиционный сословный, антигабсбургский характер. Он обращал внимание на то, что сила Османской империи заключается в восточных, азиатских провинциях (с чем трудно согласиться). Цель сближения понятна — отговорить Порту от вступления в крупномасштабную войну с Габсбургами. Однако Ракоци был готов принять от турок материальную помощь, а также наемников из Албании и других приграничных областей. Далее в инструкции рассматривался трансильванский вопрос. Ракоци объявлял, что был избран князем Трансильвании и по этому поводу хочет послать в Порту торжественное посольство²⁹.

Этот дипломатический план подтверждает, что венгерский княжеский двор готовился к установлению прямых дипломатических отношений с османами. Однако по неизвестным причинам отправка посольства была отложена. Янош Папай, который не один год провел в Стамбуле в качестве посла Ракоци, позже утверждал, что его собирались назначить на дипломатическую должность в Турцию, но тогда до этого дело не дошло. Возможно, речь шла о его включении в посольство А. Тёрёка. Сам Ракоци в конце июня 1705 г. так объяснял провал миссии в письме белградскому паше: «Мы и раньше неоднократно намеревались направить в Великолепную Порту нашего посла, как и к Тебе, Властитель, однако это пришлось отложить; как многократно ранее, так и теперь Трансильвания желает видеть нас своим князем, и по воле Всевышнего, воцарившись в Трансильвании, мы направим посла в Великолепную Порту и Тебе, Властитель, засвидетельствуем нашу дружбу, и будем рады получить добрую весть о Твоем здравии»³⁰.

Между тем французские дипломаты не сидели сложа руки — де Ферриоль отправил к Ракоци секретаря посольства Лебрю и переводчика Форне. Они привезли известие, что османы в Силистрии готовят войско для похода против русских. Тогда князь послал неофициального эмиссара (агента), Ференца Хорвата, в Стамбул. Тот ехал тайно, с поручением разузнать, примет ли Порты торжественное посольство из Трансильвании и в действительности ли Порты готовится воевать с царем Петром. В августе 1705 г. в сопровождении французов Хорват покинул княжеский двор³¹ и с заездом в Темешвар и Белград прибыл в Стамбул. По дороге он от имени французов поинтересовался у темешварского и белградского беглербегов, желают ли они принять трансильванское посольство Ракоци к султану. Оба турецких властителя ответили положительно, но, как будет показано ниже, до этого уровня дело в турецко-венгерских сношениях так и не дошло³². До установления официальных отношений следовало прояснить обстановку, поскольку урегулирование контактов между двумя государствами было возможно только путем обмена торжественными делегациями. Естественно, прежде нужно было тайно вступить в сношения. Ракоци и сам понимал: если рассчитывать на серьезную поддержку от Порты, без этого не обойтись. В письме к белградскому паше князь устанавливал срок — после ближайшего Государственного собрания³³. Ф. Хорват еще не приступил к исполнению своих обязанностей, когда ко двору Ракоци прибыл турецкий посол, представившийся Али-бегом и давший понять, что Стамбул сам заинтересован в скорейшем заключении союза с венграми.

Венгерские источники в один голос называют татарина, посетившего двор Ракоци, Али-бегом, в то время как в турецких документах он упоминался, да и сам подписывался как Хусейн. Этот татарин привез известие о вступлении на престол нового крымского хана Гази-Гирея III (1704–1707 гг.). Вскоре выяснилось, что это авантюрист, который, превысив полномочия, представился как ага великого везира и с глазу на глаз сделал Ференцу II Ракоци предложение о союзе³⁴. Именно после этого известия отправился в путь Янош Папай, у которого были более широкие, чем у Ф. Хорвата полномочия. Князь поручил ему не только вести переговоры, но и заключить с Портой союз.

С ответным посольством к татарскому хану Ракоци отправил Михая Баи — дипломата, прекрасно осведомленного о турецких реалиях³⁵, в прошлом эмигранта из окружения Тёкёли. Согласно инструкции, Гази-Гирею следовало заявить, что Ракоци получил его письмо, готов сотрудничать с татарами и гарантирует им дипломатическую поддержку. Послу поручалось поведать об успехах венгров против Габсбургов, выразить сожаление, что хану не удалось побудить Порту предпринять военную операцию против русских. Венгерский князь направил в Стамбул эмиссара, чтобы тот разъяснил важность войны против Московского государства. Он должен продемонстрировать султану преимущества для Порты антирусского союза с шведским королем Карлом XII. Ракоци обещал приложить все усилия, чтобы Швеция не заключила раньше времени мирного договора с царем. Князь попросил Порту о вспомогательных войсках — 8 тыс. пехотинцев и 4 тыс. конников. Венгерский князь просил хана, чтобы тот через своих людей похлопотал в Стамбуле за интересы венгров³⁶. Баи со своим спутником Гашпаром Папай прибыли на полуостров Крым через Бабадаг. Из дошедшего до нас дневника следует, что они в точности исполнили наказ князя. Хан пообещал по-

средничество³⁷. От Гази-Гирея венгры узнали, что он и в самом деле посылал к Ракоци посла, но в его полномочия входило только сообщить венгерскому князю о вступлении на престол нового хана³⁸.

Чтобы заручиться международной поддержкой, в августе 1705 г. венгерский князь начал крупный дипломатический маневр. Он хотел вмешаться в шведско-русский конфликт и натравить Оттоманскую Порту на царя Петра. Ракоци отправил к Карлу XII главу своей канцелярии Пала Радаи с поручением предложить посредничество в сношениях с Портой. Король отклонил предложение открытого союза с османами, но дал понять, что ему будет на руку, если турки развяжут войну с Россией³⁹.

По следам посольства Хусейна князь назначил послом в Стамбул Я. Папай, который 28 октября 1705 г. получил инструкции на венгерском языке и в тот же день направился в Османскую империю⁴⁰. Документ во многом перекликался с наказом, данным в начале года А. Тёрёку, но содержал важное отличие: *призыв к султану выступить при поддержке французов против России*. Послу вменялось просить на помощь венграм 8 тыс. албанских пехотинцев и 4 тыс. конников. Османам, однако, ни в коем случае не следовало выступать открыто против Габсбургов, чтобы тем самым не подтолкнуть европейские державы прийти на помощь Австрийскому дому.

Следует особо подчеркнуть, что, согласно инструкции, послы должны были заключить с Османской империей такой межгосударственный договор, в котором подтверждалась бы автономия Трансильвании с середины XVI в. под властью султанов. В соответствии с османской практикой делопроизводства, важнейшие пункты соглашения между христианским вассальным государством и Портой сформулировали по канонам ахд-наме (мирного договора). Только так можно объяснить, что послы просили османов в четырех пунктах сформулировать суть предложений венгерской стороне, на которые те дали бы четыре положительных ответа. Речь шла, во-первых, о том, что султан берет под свое покровительство Ракоци, Венгрию и Трансильванию, и если венгры выберут нового короля, османы будут его защищать. Во-вторых, границы, очерченные Карловицким миром, сохраняются, и если на венгров нападут, султан окажет им военную помощь. В-третьих, Ракоци обязуется уплачивать 30 тыс. талеров годового налога с Трансильвании и 40 тыс. талеров — с Венгрии. В-четвертых, султан выплачивает жалование турецкому войску и наемникам, князь же берет на себя снабжение их продовольствием.

Если Порты соглашалась с этими пунктами, венгры должны были предложить следующее. Во-первых, венгерская нация ведет войну и не допускает заключения мира между шведами и русскими до тех пор, пока Венгрия полностью не отделится от владений Австрийского дома. Во-вторых, князь ежегодно посылает через своих послов подарок султану. В-третьих, если османы начнут войну с Габсбургами, венгры его в этом поддержат и не заключат мира прежде султана. В-четвертых, венгры приложат все усилия к тому, чтобы французский король не заключал мира с императором без ведома и согласия Порты. К перечисленным четырем пунктам ахд-наме следует прибавить формально не упомянутый там п. 9 из инструкции послам: венгерская нация и впредь будет свободно избирать своих королей, посему Порте не следует содействовать кандидатам, которым пусть даже помогают великие державы, но отказывают в доверии сами венгры.

Примечательно, какими аргументами Ракоци старался убедить Порту выступить против русских: поскольку балканские подданные султана — греки, сербы, албанцы, болгары, молдаване, валахи — исповедуют христианство восточного обряда, в случае войны с Петром I они массово перейдут на сторону царя. Для предотвращения русской экспансии на Балканах султану следовало бы самому начать превентивную войну⁴¹. (Если учесть, что воспитанный в Стамбуле молдавский господарь Дмитрие (Дмитрий) Кантемир (1673–1723) в 1711 г. во время русско-турецких боев на р. Прут в самом деле перейдет на сторону царя, логика Ракоци оказывается верной⁴².)

Спустя месяц Папай тайно прибыл к месту назначения. Он в точности исполнил все указы Ракоци⁴³. Очередь до официального вручения предложений Порте дошла только 23 января 1706 г.⁴⁴, но ответа на них не последовало. Папай полагал, что решение будет приниматься медленно: Порте дождется исхода мирных переговоров между куруцами и венгерскими властями, и серьезные приготовления начнутся только тогда, когда в Стамбуле убедятся в силе повстанцев. Он черпал информацию от французского посла, Ф. Хорвата и высших османских сановников и, можно сказать, был прекрасно осведомлен.

Главной миссией Папай было заключение союза с османами. Однако прежде чем ставить этот деликатный вопрос перед Портой, его следовало обсудить с французским оратором. Инструкции были составлены на венгерском языке, так что французский посол не мог их прочесть, поэтому 9 или 10 декабря Папай перевел их на латинский язык⁴⁵. У француза возник целый ряд возражений. Во-первых, Ферриоль был недоволен, что венгерская нация, защищая свое право свободного выбора короля, отказывалась автоматически поддерживать французского кандидата на престол. Венгры возражали, что при составлении соответствующего пункта речь шла совсем не о французском короле, но претендентах, которые вопреки воле нации хотели бы отобрать княжество у султана. Во-вторых, французскому дипломату не понравился пункт о финансировании военных операций князя из султанской казны, что могло иметь в будущем нежелательные последствия⁴⁶. В-третьих, он возражал против формулировок в ахд-наме, что французский король обязуется продолжать войну и не имеет права заключать мир с Венной без дозволения султана⁴⁷. Помимо прочего, это свидетельствовало о зависимости венгерской дипломатии от французской. Наконец, врученный Порте проект соглашения был в целом ряде пунктов изменен с учетом пожеланий Ферриоля. Великий везир так никогда и не увидел документа, написанного в соответствии с инструкциями князя.

Основная проблема заключалась в «русском вопросе». Между тем это могло бы оказаться уникальной возможностью, за которую хотела ухватиться дипломатия повстанцев: наряду с Францией и Швецией в Европе возникла еще одна великая держава. От крымского хана венгры ожидали поддержки в том же вопросе, и он пообещал, что через своих послов побудит турок направить на помощь венграм войско и пойти войной на русских. В то же время Гази-Гирей посоветовал, чтобы русский вопрос поднимался бы не через переводчика в форме официального меморандума, но венгерские послы изыскивали бы способ донести его до османских властей напрямую⁴⁸. Причина таких предосторожностей становится понятной из писем венгерских дипломатов и дневника Папай. Драгоман (пере-

водчик) Александр Маврокордато (1636–1709), которого турки называли Искерлет, а венгры — Скерлет, передавал секретные сведения находящимся в Стамбуле дипломатам, в данном случае — русским. Маврокордато был православным греком, и этим объяснялась его двойная политическая игра. 23 января 1706 г. он сам предложил венграм перевести составленный в соответствии с княжескими инструкциями меморандум на турецкий язык и передать великому везиру.

Папай на всякий случай сообщил об этом Ферриолю, который посоветовал так и сделать. Перевод был изготовлен на следующий день. Фраза о «войне с москвитами» в нем отсутствовала. Дело не столько в религиозных чувствах Маврокордато, сколько в том, что война с Россией уже закончилась, посему не было необходимости упоминать о ней особо. Опять-таки из текста исчезло упоминание, что французский король не может выйти из войны без согласия султана⁴⁹. Наконец, из дневника Я. Папай узнаем, что 21 декабря 1705 г. он поработал «над пунктами ахд-наме», куда также включил пункт о свободе торговли⁵⁰. Иными словами, при составлении проекта договора Папай максимально учел пожелания французской стороны и составил в известной мере другой по характеру документ, который на латинский манер назвал *Puncta Atname*⁵¹. Этот документ и составленные на основании инструкций предложения попали к Маврокордато, и тот, переведя на турецкий язык, направил их великому везиру.

Естественно, послы поставили Ракоци в известность, что отступили от данных им инструкций, за что князь на них разгневался. С одной стороны, княжеское достоинство пострадало от того, что его пожелания не были переданы непосредственно султану, с другой стороны, послам не удалось утаить, что венгры нуждаются в турецкой поддержке. Опять-таки отступив от буквы инструкций, послы просили не такого войска, которое бы оплачивал Стамбул, но перекладывали заботы о его денежном довольствии на плечи венгров⁵². В то же время князь не имел ничего против исключения пункта о русских. Из всего сказанного выше становится ясно, что хранящаяся в Архиве Радаи в Будапеште рукопись *Puncta Atname* попала ко двору Ракоци из Стамбула и, как будет рассказано ниже, в 1709 г. еще раз сыграла роль в международных отношениях.

Осторожность, о которой твердили крымский хан и французский посол, на самом деле не была излишней. В марте 1706 г. Ракоци уже писал о том, что венгскому двору известно о ходе его переговоров с Оттоманской Портой, и ему недвусмысленно дали понять: не следует в дальнейшем развивать идею выступления против русских, ибо это рано или поздно выйдет наружу⁵³.

Кончина императора Леопольда 5 мая 1705 г. вновь подогрела интерес к венгерским делам. Тальман официально получил траурное известие лишь 18 февраля 1706 г.⁵⁴, но по своим каналам узнал обо всем ранее и через драгомана сообщил Порте. Реляция австрийского посланника свидетельствует, что уважение венгров к туркам вновь возросло. По его словам, трансильванцы только ждали того, чтобы порвать с императором и вернуться под власть султана, и были готовы ежегодно за это платить⁵⁵. В Вене также понимали, что смерть Леопольда I создала принципиально новую ситуацию, и пока новый император Иосиф I не подтвердит условия Карловицкого мира, устанавливается положение *ex lex* («вне закона»). В Порту был направлен чрезвычайный посол Кристоф Игнац (Игнатий Христофор) Гвариент, который в мае 1706 г. писал о своем пребывании при

дворе белградского паши, а 1 августа отправил первую реляцию из Стамбула (точнее, из пригорода Бейоглу)⁵⁶.

В этой связи великому везиру Балтаджи Мехмеду наконец официально доложили о венгерском вопросе. Правда, текст договора попал к нему в руки окольным путем, через верховного муфтия. Документ был встречен в канцелярии великого везира весьма благосклонно, чему случайным свидетелем стал находившийся там Ферриоль⁵⁷. Я. Папай и Ф. Хорват могли подготовить новый меморандум на случай, если переговоры пойдут по плану, изначально намеченному князем Ракоци в 1705 г.⁵⁸ Естественно, он до поры до времени мог держаться в секрете, но просочился не через Маврокордато или его сына Искердет-заде, а через французское посольство в двух вариантах на итальянском языке. Письма попали в руки к Тальману, который приложил их копии к реляции от 1 августа 1706 г.⁵⁹ Неясно, почему венгерские послы вновь подняли перед Портой вопрос о войне против русских, когда Ракоци уже начал переговоры с Петром I и не исключалась возможность создания союза. Царь предложил князю посадить его на польский престол на место Станислава Лещинского⁶⁰.

Выше уже говорилось, что шведско-русский конфликт оказывал решающее воздействие на венгерско-русские и венгерско-османские связи. Властные и союзнические отношения очертили две группы, объединенные общностью целей: в центре их притяжения находились Франция Людовика XIV и Священная Римская империя Иосифа I. После того как Карл XII принудил Августа Сильного отказаться от польской короны и подписать договор о мире, на авансцену вышел Станислав Лещинский. Россия лишилась своего единственного союзника, и ей пришлось искать новых претендентов на польский престол. Тогда-то и всплыла кандидатура Ференца II Ракоци. Петр безрезультатно пытался сблизиться со Священной Римской империей, что, возможно, подвигло к установлению контактов с венграми. Несмотря на все усилия, Ракоци не удалось подписать формального союзного договора с Карлом XII, и венгерская дипломатия потеряла интерес к русско-турецкой войне, которую так торопили французы. Пассивность Порты и другой масштабный план французов — втягивание османов в войну с Габсбургами — тоже не давали больших надежд.

В обстановке, когда силы сторон были окончательно истощены, началось сближение Ференца II Ракоци и Петра⁶¹. Следует подчеркнуть, что князя и царя подтолкнула друг к другу цепь неудач в отношениях со своими ближайшими союзниками, из чего следовало, что обе внешнеполитические концепции действовали параллельно, так сказать, нейтрализуя друг друга. Дипломатическая переписка, в первую очередь сведения, передаваемые Тальманом, позволяют со всей очевидностью показать два эти взаимоисключающие маневра. В мае 1707 г. Петр I через своего посла дал знать, что мог бы поддержать претензии Ракоци на польскую корону, и предложил себя в качестве посредника в переговорах между куруцами и лояльными императору сербами. Тогда Ракоци написал послам в Стамбуле, чтобы более не торопили турок с вступлением в войну против русских.

Параллельно началось сближение между шведским королем Карлом XII и новым германским императором Иосифом I: монархи договорились более не вмешиваться в дела друг друга. Теперь вряд ли приходилось рассчитывать на заключение шведско-османского союза, что открывало путь к подписанию

соглашения между эмиссарами царя и князя 15 сентября 1707 г. (по новому стилю) в Варшаве.

Вскоре в руководстве Османской империи произошли очередные изменения: новый великий везир Чорлулу Али-паша (3.V—16.VI) был молодым человеком тридцати трех лет. Это означало, что скромный успех, достигнутый венгерским посольством, был разом перечеркнут: предстояло опять завоевывать расположение османских властей. Князь поздравил нового великого везира и попросил о благосклонном отношении к борьбе венгерской нации против Австрийского дома, дабы старая дружба венгров с Османской империей не пропала всуе (*eski dostluk ferâtmûş buyurulmayub*). Письмо Ракоци было, как обычно, написано на латыни, затем его в Трансильванском доме перевели на турецкий язык, а 20 сентября 1707 г. занесли в протоколы Дивана — так называемый «мюхимме дефтери» (дословно: «реестр особой важности»)⁶².

Вскоре возник еще один важный вопрос: двор султана был вынужден определиться с правовым статусом Трансильванского княжества. Выше уже говорилось, что оно было политической конструкцией периода османского завоевания, прекратившей свое существование после изгнания турок. Император Леопольд I определил характер взаимоотношений княжества с венским двором, и габсбургская администрация управляла им отдельно от Венгрии с помощью так называемого Губерниума (аналога венгерского Наместнического совета). В этой навязанной сверху системе вплоть до середины XIX в. сохранялись институты княжеской эпохи⁶³. Даже в годы Освободительной войны в Трансильвании никогда не прекращалось габсбургское военное присутствие, хотя временами оно ограничивалось городом Надьсебен и окрестностями. Трансильванские сословия, проникнутые куруцким духом, еще в 1704 г. избрали Ференца II Ракоци своим князем, и он был готов занять трон, но, проиграв сражение при Жибо (11 ноября 1705 г.)⁶⁴, некоторое время и не помышлял об этом.

Это не означало, что Ракоци не пользовался унаследованным от предков титулом или что его сторонники не могли созвать в Хусте Государственное собрание княжества. Трансильванские сословия были озабочены весьма важным государственно-правовым вопросом — готовили воссоединение княжества с Венгрией в форме межгосударственного союза. В то же время ни у кого не возникало возражений против отправки трансильванских послов к Оттоманской порте, как это делалось во времена вассальной зависимости княжества. В марте 1706 г. сформировали посольство и назначили постоянного посла (по-венгерски *kapitiha*, от турецкого *kapukethüda*) Шандора Дюлаи⁶⁵. Трансильванские сословия признавали верховенство Османской империи и даже считали это, исходя из традиций, соответствующим реальному положению дел⁶⁶. Ракоци же, как избранный князь Трансильвании еще не направлял в Порту торжественного посольства⁶⁷, ибо пребывал в неведении, примет ли султан его эмиссаров.

На этом моменте следует остановиться подробнее, потому что в исторической памяти прочно засело: Ракоци в качестве трансильванского князя не искал сближения с османами. Сам он гордо писал в «Исповеди»: «Княжение свое получил я не от Порты, и не был никогда под ее защитой»⁶⁸. До вступления на трансильванский престол, в апреле 1707 г. в Марошвархейе, он встречался с первыми лицами княжества для согласования положений коронационного

диплома, на котором ему предстояло приносить клятву. Позднее Ракоци вспоминал о братьях Барчаи, которые охотно рассказывали о делах минувших дней, но совершенно не разбирались в современной ситуации⁶⁹. Можно предположить, что эти два старика считали за благо, если после вступления на престол Ракоци добьется от Порты признания своего титула, как это делалось во времена его предков. Хотя князь впоследствии не желал предавать огласке свои отношения с Османской империей, источники недвусмысленно свидетельствуют: он не исключал возможности возвращения Трансильвании под власть султанов и в обмен просил признать его князем. Задачей торжественного посольства стало бы подтверждение существовавших ранее вассальных отношений.

Пребывавшие в Стамбуле венгры поинтересовались у Маврокордато, примет ли султанский двор торжественное посольство, на что последовал ответ: нет, пока речь может идти только о секретном посланце (*secretus legatus*)⁷⁰. В апреле 1707 г. Ракоци дал знать своим агентам, что, судя по ответу великого везира, Порте не нравится сама идея трансильванского посольства. Потому в Стамбул тайно отправился Михай Хентер. Он не имел права никому рассказывать о своей миссии и должен был изложить позицию княжеской дипломатии непосредственно великому везиру. Это можно расценить как пробный камень: если Порта поддержит планы венгров, в Стамбул направится торжественное посольство, если нет, станет, по крайней мере, ясно, в какой мере допустимо полагаться на турок⁷¹.

До ноября 1707 г. Хентеру ничего не удалось добиться в османской столице, князь уже официально отозвал его⁷², но посол оставался в Стамбуле до июня будущего года. Только в январе ему удалось при посредничестве Маврокордато испросить аудиенцию, правда, не у великого везира, а у его секретаря. Тщетно твердил трансильванский посол, что венгры по-прежнему признают за султаном право сюзеренитета над своим отечеством и готовы вернуться под власть Порты, а торжественное посольство лишь ждет сигнала для отправки в путь. Ответом ему было красноречивое молчание⁷³. Через несколько месяцев, во время новой аудиенции, секретарь великого везира дал понять, что Порта отвергла предложение Хентера, более того, поручает дальнейшие переговоры белградскому паше, ибо Стамбул расположен слишком далеко от Венгрии. Наступил май 1708 г., но люди Ракоци неизменно общались только с секретарем.

Реляции венгерских и трансильванских эмиссаров прекрасно иллюстрируют стиль общения, избранный турецкими властями. Послы доводили до сведения князя, что у великого везира побывал Тальман и выразил недовольство в связи с присутствием венгров. На что везир заявил, что ничего о них не знает, а религиозной обязанностью его канцелярии является выслушивать каждого обращающегося. Для Хентера в кратчайшие сроки издали отпускной ферман, и он отправился в обратный путь. Через пару месяцев «движущая сила» этих переговоров Я. Папай тоже вернулся на родину⁷⁴. В Трансильванском доме остался Ф. Хорват, который и ведал делами вместе с переводчиком Якобом Чузи. Князь по-прежнему информировал султанский двор о важных событиях, и после перевода на турецкий язык письмо передавали в Диван⁷⁵.

В ноябре 1708 г. в Белград назначили нового пашу — Али Каражилан-оглу, который особым письмом торжественно предложил князю свою дружбу⁷⁶. Янош Папай, не теряя времени, вместе с графом Михаем Телеки отправился в Бел-

град⁷⁷. Ракоци, должно быть, чувствовал себя, как некогда его предшественник Янош Заполяя: перед отправкой Иеремии Лаского в 1527 г. в Оттоманскую Порту он перечитывал библейскую притчу о добром самаритянине — «оказавший ему милость, тот ему ближний»⁷⁸. Ракоци понимал, что из-за положения на фронтах освободительной войны он получит военную помощь турок только на самых невыгодных условиях. Я. Папай, подобно братьям-миноритам, которые некогда утешали короля Яноша, теперь увещевал: «Господь мой воздаст через чужих [турок. — *Ш.П.*] то, что Твое Сиятельство прежде лишь чаяло познать через христиан, если Господь наш Иисус Христос нашел спасение в Египте, если царь Анхус⁷⁹ стал защитником предка его Давида, ничто не мешает Твоему Сиятельству и добрым христианам, которые пострадали от христиан, принять помощь от филистимлян»⁸⁰.

Сначала Папай посетил темешварского пашу, который не знал или не хотел знать о стамбульских мытарствах венгерских послов, поэтому посоветовал: пусть Ракоци смело обращается к Порте и просит жезл и знамя для укрепления своей княжеской власти⁸¹. Белградский паша дал венгерским эмиссарам несколько публичных аудиенций и неоднократно принимал их тайно⁸². Те вручили ему 1000 золотых, но от этого дело не сдвинулось с мертвой точки. Правда, паша пообещал, что, если венгры установят прямые сношения с Османской империей и захватят несколько приграничных крепостей, находящихся в руках австрийцев, он может тайно направить на помощь небольшие отряды, но не более того. Через несколько дней послы показали паше составленный Я. Папай в декабре 1705 г. в Стамбуле проект ахд-наме⁸³, который тот забраковал. Как следует из дневника Я. Папай, французский король еще в 1704 г. предлагал туркам в случае прямого военного выступления южные венгерские крепости вместе с прилегающими к ним территориями. По словам белградского пашы, только на этих условиях могло произойти венгерско-османское сближение⁸⁴. Двумя днями позже турецкий правитель пошел еще дальше, заявив: Канижа и Эршекуйвар — далеко, о них речи нет, но Буду и Эгер он требует вернуть⁸⁵.

5 января 1710 г. Папай получил новые инструкции князя относительно того, что отвечать на территориальные претензии пашы. В них Ракоци принял если не все, то подавляющее их большинство. Ради военной помощи турок он был уже готов жертвовать территориальной целостностью страны. Предложил междуречье Дравы и Савы, Серемский край*, Эсек, Петерварад и сумму годового налога с Венгрии 100 тыс. фт., с Трансильвании — 50 тыс. фт. Если этого не хватит, то междуречье Дуная и Тисы до Канижи. Но не Буду. Если же Порта все-таки потребует крепость, послу следовало немедленно выслать к Ракоци курьера с этим известием⁸⁶. Иными словами, Буда тоже являлась предметом переговоров. Содержание инструкции поражает несмотря на то, что, как известно, упомянутые территории не находились под властью князя и их захват был возможен только при условии массивной османской атаки. Новый раунд переговоров в Белграде ни к чему не привел, да и не мог привести: у пашы не было полномочий решать подобные вопросы. Из реляций И.М. Тальмана следует, что обещания

* Серем — комитат на юге Венгерского королевства (в составе королевства Хорватия — Славония), ныне его территория находится в Хорватии и Сербии. (*Прим. перев.*)

белградского паши побудили князя вновь направить к султану Я. Папаи, который осенью 1710 г. сделал в Стамбуле официальное заявление о готовности Ракоци передать Порте часть венгерских территорий⁸⁷. Переговоры велись в обстановке повышенной секретности, так что австрийский посланник не смог разузнать об их предмете ничего, кроме просьбы Ракоци выслать ему подкрепление из нескольких тысяч албанских солдат. Французы по-прежнему не отказывали в поддержке, левантийские французские купцы пообещали Папаи 52 мешка денег, но цель так и не была достигнута⁸⁸. Помощь венграм уже не входила в планы Порты, потому что тем временем шведско-русский конфликт достиг своего апогея — поражения Кала XII в битве под Полтавой 27 июня (8 июля) 1709 г.

Спасавшийся бегством шведский король 18 июля 1709 г. прибыл на территорию Османской империи, где зафрахтовал у Абдурахман-паши — османского коменданта Ачи-Кале — пять судов с продовольствием. Шведы погрузились на корабли и — без разрешения Порты — переправились через Буг. Бендерский сержант (он же, по всей видимости, силистрийский и бабадагский паша) Черкес Юсуф взял дело под свой контроль: послал к Карлу XII агу, а через несколько дней лично посетил короля и пригласил в Бендеры⁸⁹.

Тем временем спасавшееся, по приказу Карла XII, бегством в направлении Крыма 14-тысячное шведское войско под командованием генерала Адама Людвиг Лёвенгаупта (1659—1719) столкнулось с преследовавшими его отрядами под командованием А.Д. Меншикова и капитулировало. Отныне шведскому королю не приходилось рассчитывать на то, что он сможет продолжать войну своими силами. Рядом с ним находилось примерно 2 тыс. солдат, из которых четверть были казаки Ивана Мазепы⁹⁰.

Из переписки, сохранившейся в султанском диване, ясно, что царь и Порта не хотели, чтобы конфликт перерос в вооруженное столкновение. Петр 10 июля 1709 г. (по юлианскому календарю) направил Порте пространное письмо, в котором просил, чтобы турки выдали его врагов — Карла XII и Мазепу, — и тем самым конфликт между двумя державами был бы исчерпан⁹¹.

Тогда шведский король, который прежде не выказывал большого интереса к борьбе венгров, направил из Бендер к Ракоци посольство во главе с Иоганном Августом Мейерфельдтом (1664—1749). Задачей миссии было убедить Ракоци предоставить Карлу XII сопровождение для проезда через территорию Венгрии в Польшу⁹². Подобная просьба была в тот момент невыполнимой. Но, несмотря на это, Ракоци отправил к королю одного из своих самых верных сподвижников, Пала Радаи, с предложением посредничества в урегулировании шведско-русского конфликта. В венгерской (по крайней мере) историографии — предположительно вслед за Аладаром Баллаги (1853—1928) — поездку Радаи в Бендеры связывают с попыткой установить контакты со шведским королем. Если же внимательно прочитать дневник Радаи, оказывается, что цель поездки была совершенно иной⁹³. С Карлом XII он так ни разу не встретился. Отчасти это объясняется тем, что Карл XII был разгневан на Ференца II Ракоци. Князь принял на службу бежавшего со шведскими частями в Венгрию киевского воеводу Йозефа Потоцкого при условии их участия в антигабсбургской борьбе. Эти полки 22 января 1710 г. действительно принимали участие в битве при Ромхане; один шведский офицер попал в плен к австрийцам⁹⁴. После этого эмиссар императо-

ра Священной Римской империи посетил Карла XII в Бендерах с предложением обеспечить королю коридор для возвращения на родину через территорию Трансильвании и Венгрии (король более и слушать не хотел о трансильванском князе)⁹⁵. Однако Тальман, находясь в Стамбуле, прекрасно понимал: шведский король задержится в Бендерах надолго.

Из бендерского дневника Я. Папаи, инструкций Ференца II Ракоци и письма князя к бабадагскому паше Черкес Юсуфу постепенно становится ясно, в чем на самом деле заключалась миссия П. Радаи. В инструкции Ракоци нет ни слова о предполагаемом предложении посредничества в конфликте между шведами и русскими, как это сплошь и рядом встречается в историографии. В первую очередь посольство направлялось к бабадагскому паше Юсуфу. Князь желал заручиться расположением влиятельного властителя на случай, если после поражения освободительной борьбы ему вместе с куруцами придется искать убежища в Молдавии. Для придания большего веса своей просьбе Ференц II Ракоци подчеркивал, что со времен, когда [в 1526 г.] король Янош Заполяи получил ахд-наме от султана Сулеймана I (1520—1538 гг.), венгерская нация всегда действовала с османами заодно. Ссылаясь на силу этой грамоты, князь просил для своих людей прибежища в Молдавии и права с оружием в руках служить Османской империи. За право проживать на территории молдавского господара Ракоци обещал платить налог. Такое предложение было выгодно и Порте, и ее вассалу молдавскому господарю, потому что венграм можно было отдать безлюдные целинные земли. Одновременно армия султана пополнилась бы тысячами верных солдат. В случае начала новой войны с Габсбургами эти венгры сделают всё, чтобы отвоевать Трансильванию и Венгрию⁹⁶.

Этот вопрос в похожей форме уже ставился двумя годами ранее, в период русско-венгерского сближения: сам Радаи, который в тот момент вел с царем переговоры в Варшаве, для себя и своей семьи испросил у царя дозволения в случае подавления движения перейти в русское подданство.

Хотя в турецких источниках встречаются утверждения, что Петр I дал согласие на возвращение шведского короля на родину через территорию Польши, на самом деле ничего подобного не произошло. Карл XII по-прежнему находился под защитой Оттоманской Порты, когда отношения Москвы и Стамбула вступили в стадию обострения.

В ответ на жалобы крымского хана, что русские постоянно нарушают условия мира, вопрос был вынесен на рассмотрение Дивана. Высокое собрание 18 и 19 ноября 1710 г. в присутствии великого везира и султана, взвесив все за и против, объявило России войну. В связи с подготовкой боевых действий крымский хан Девлет-Гирей был торжественно приглашен посетить Порту. На приеме султан сделал три шага навстречу хану, чем выразил свое уважение. Одновременно начались расследования против подозреваемых в поддержке мирных отношений с Россией: были наказаны все, о ком стало известно, что они получали деньги от русских⁹⁷. Так, был схвачен сын молдавского господара Александру Маврокордато — Николае (Николай), который, подобно отцу, был драгоманом, и на его место назначили Дмитрие Кантемира⁹⁸, который потом, как говорилось выше, в решающей битве перешел на сторону Петра I. Тальман в реляции припомнил события 27-летней давности. Он написал, что к русско-турецкой границе направится такое

огромное войско, какое в 1683 г. шло на Вену⁹⁹. Османское государство оправилось от военных потерь, предшествовавших заключению Карловицкого мира, и, по утверждению турецкого историка А.Н. Курата, казна была полна, так что солдатам заплатили жалование за полгода вперед¹⁰⁰.

Расквартированные в Османской империи части с нетерпением ожидали исхода переговоров. Многие стояли на холоде перед дворцом, где заседал Диван. Тальман так описывает ход событий: «В довершение всего были высланы на улицу несколько чаушей (глашатаев), чтобы произнести следующую речь перед собравшимся во множестве народом: “О народ Магомета! Могущественнейший император со своим Диваном принял решение о войне. Каково ваше мнение?” — Народ единодушно вскричал: “Зафер истериз! Зафер истериз — Хотим войну!”»¹⁰¹.

Принимая решение, Стамбул внимательно оценивал международную обстановку. 14 января 1711 г. в Вену отправился чрезвычайный посол Зейфулла-эфенди, в задачи которого входило выведать позицию Австрийского дома. Материалы переговоров хранятся в турецких и австрийских архивах¹⁰². Суть достигнутого соглашения заключалась в следующем: если турки не помогут венграм, тогда Габсбургская монархия не вмешается в русско-османский конфликт, как того, в соответствии с Карловицким миром, имел все основания ожидать русский царь.

Новая война с османами на время задержала (но лишь задержала) русскую экспансию на юг. Расширению молодой великой державы можно было помешать, но его нельзя было остановить. Освободительная война в Венгрии, которая в момент возгорания нового конфликта переживала свои последние дни, уже никак не могла повлиять на его исход. Надежда, что царь в последний момент придет им на помощь, теплившаяся в сердцах нескольких куруцких генералов, не имела под собой оснований¹⁰³. Другая мечта Ракоци, что эмиссары венгерского двора сядут с ним как с главой венгерской конфедерации за стол переговоров, т. е. что Австрийский дом не предложит ему помилования, но заключит с ним, равноправным партнером, договор, гарантом которого выступят третьи страны, — тоже была беспочвенной¹⁰⁴. Освободительная война закончилась таким компромиссным миром, который должен был урвать обиды всего венгерского общества, как победителей, так и побежденных, поэтому движение вскоре лишилось всяческой поддержки¹⁰⁵. Те немногие, кто предпочел остаться с князем, разделили с ним одиночество эмиграции. Страна же медленно поднималась на ноги после долгого османского владычества и освободительной войны. Начались будни, наполненные созидательным трудом и направленные на мирную интеграцию во владения Австрийского дома, отчего в последующие десятилетия XVIII в. Венгрия только выиграла.

Перевод с венгерского О.В. Хавановой

¹ *Gebei S.* Az orosz-török béketárgyalások Karlócán és Konstantinápolyban. (1699–1700) (далее — *Béketárgyalások*) // *Aetas*. 2001. 15. évf. 1. sz. 134–154. old.; *Idem.* A karlócai béke kelet-európai összefüggései // *Történelmi Szemle*. 1999. 1–2. sz. 1–30. old. Интернет-

версию см.: http://epa.oszk.hu/00600/00617/00003/tsz99_1_2_gebei_sandor.htm (по данным на 2.11.2013). На Карловицком конгрессе было подписано только русско-турецкое перемирие, мирный договор был заключен позже, уже в Стамбуле. (См.: *Gebei S.* *Béketárgyalások*. 146–149. old.). Предложенная Ш. Гебеи датировка 3 (13) июля 1700 г. представляется реалистичной. В Москве в РГАДА хранятся две копии мирного договора на турецком языке и его перевод на русский язык, которые датированы годом позже. Выражаю благодарность Гашпару Катко за возможность использовать оцифрованные версии ксерокопий из фондов РГАДА, которые Президентский архив оттоманской эпохи (*Başbakanlık Osmanlı Arşivi*) приобрел в Москве и сделал доступными для пользователей в Стамбуле. См.: *BOA. YB* (1). *Rusya Federasyonu Arşivlerinden satın alınan Osmanlı dönemine ait belgeler. Dosya 1. Gömlek 19.* Дата мирного договора: *Edirne, 1113. rebülevvel 1* (6.VIII.1701). Та же дата встречается в сборнике заключенных Османской империей мирных договоров, изданном в начале XIX в. в Стамбуле. См.: *Mu'ahedât mecmu'ası*. III. *İstanbul*, 1297. 219.

² См. сборник новейших исследований по истории Крымского ханства: *The Crimean Khanate between East and West (15th–18th century)* / Ed. by D. Klein. Wiesbaden, 2012.

³ См.: *Papp S.* *Die Verleihungs-, Bekräftigungs- und Vertragsurkunden der Osmanen für Ungarn und Siebenbürgen. Eine quellenkritische Untersuchung.* Wien, 2003.

⁴ *Seres I.* *Thököly Imre és Törökország. Imre Thököly ve Türkiye* (далее — *Thököly*). Bp., 2006. 184–185. old.

⁵ *Hurmuzaki E. de.* *Documente privitoare la Istoria Românilor* (далее — *Documente*). Bucuresci, 1897. Vol. IX/1. P. 403; *Benda K.* II. *Rákóczi Ferenc török politikájának első éve 1702–1705 // Történelmi Szemle*. 1962. 5. évf. 3–4. sz. 189–209. old.

⁶ В реляции австрийского резидента в Стамбуле И.М. Тальмана, в частности, говорилось: «Тогда же пришло мне из верных рук известие, что некий венгр от Ракоци был отправлен в Оттоманскую Порту и вечером 7 сентября прибыл в Турцию, а означенный Ракоци, должно быть, склоняет султана предоставить ему помощь против немцев». (*Gleich anjezo khombt mir von sicherer hand nachricht, das etl: hungarn von dem Ragozj an die Ottomanische Porten geschikht gewesen, Alß den 7 7tembris [septembris] abends in das Türkischen Landt angekommen seyend, und solle gedachter Ragozj die Ottomanischen Orte umb assistenz wider die Teutschen durch diese Gesandte implonieren.*) См.: *ÖStA. KA. Hofkriegsrat* (далее — *HKR*) *Acten Nr. 271. Exp. 1703. May*.

⁷ *Danışmend İ.H.* *Osmanlı Devlet Erkânı. İzahlı Osmanlı Tarihi Kronolojisi*. V. *İstanbul*, 1971. P. 51.

⁸ «В особенности, как мне доподлинно известно, между Ракоци и Тёкёли достигнута договоренность, что первому достанется Венгрия, а второму — Трансильвания». (*...absonderlich weil ich sichere nachricht erhalten, das zwischen dem Ragozy vnd Tököli die repartition gemachet worden, das dem ersten das Hungarn vnd dem anderen das Siebenbürgen.*) Реляция И.М. Тальмана. *ÖStA. HHStA. Türkei I. (Turcica) 176 Konv. 1* (1701–1703). Fol. 143–150. См. также: *Hurmuzaki E. de.* *Documente. Bucuresci*, 1878. Vol. VI (1700–1750). P. 20. N XV.

⁹ *Danışmend İ.H.* *Op. cit.* P. 51.

¹⁰ *Benda K.* *Op. cit.* 195–196. old.

¹¹ *Râşid M.* *Târih-i Râşid*. Vol. III. *İstanbul*, 1282 [1865/66]. P. 128. Авторы турецких хроник относят это известие к месяцу зилькаде 1115 г. (март 1704 г.) Со ссылкой на Рашида об этом событии пишет также: *Uzunçarşılı. İ.H.* *Osmanlı Tarihi Ankara*, 1984. Vol. IV/1. P. 114; См. также: *Sarı Mehmed Paşa, Defterdar.* *Zübde-i vekayiât. Tahlil ve metin.* (1066–1116/1656–1704) / Ed. by Dr. A. Özcan. Ankara, 1995. P. 839.

¹² *Karácson I.* *Török-magyar oklevéltár 1533–1789*. Bp., 1914. 319–332. old. N 348–365.

¹³ Первое донесение И.М. Тальмана из Константинополя в качестве посланника, апрель 1704 г. *ÖStA. HHStA. Türkei I. (Turcica). Kt. 176. Konv. 2.* (1704). Fol. 49–72., 79.

- 14 «...на сегодняшний день никто не знает, в лучшем случае догадывается: одни говорят, что на Морею, другие — что на Москву, третьи — что на Венгрию. Здесьние министры высказывают дружеское расположение и обещают не нарушать условий мирного договора, заключенного с его императорским величеством, я же надеюсь, что ваша светлость и сам прозондирует намерения Порты у посланника Ибрагима-эфенди». (...kann noch dato niemand erfahren, die mehreste doch vermeinen, wider Morea, andere wider Moscau und andere wider Hungarn. Wiewohl die Ministri der Porten sich ale freundlicher zeigen, vnd den geschlossenen frieden mit Ihro Kays. Mayst. genaw zuobserviren versprochen, ich aber verhoffe, das Euer durchlaucht, auch deme was der gesandte Ibrahim Effendi in commissis hat der Porten inention von selbstem werden sondieren können.) Реяция И.М. Тальмана, 3.I.1704 (получена 18.II.1704). Ibid. Fol. 1–3. Реяция И.М. Тальмана, 19.I.1704 (получена 18.II.1704). Ibid. Fol. 4–9.
- 15 «В-пятых, с московским посланником (с каковым вести себя сдержанно) проявлять осторожность, напротив, сблизиться с английским и голландским посланниками и прилагать все усилия к продвижению словом и делом общих интересов». (...5to Gegen den Moscovitischen gesandten (mit welchem wohl auch noch mehrers zurickh zuhalten) observiert werden mueß, dahingegen derselbe mit den Engelländisch. vnd Holländischen verteuliche communication zupflegen, vnd gesambter hadt iedes mahl causam communem mit Rath, vnd thatt zubefürdern sich zubeiefirnhaben wirdt.) Копия инструкции Тальману, Вена, 24.IV.1704. Ibid. Fol. 10–15.
- 16 Реяция И.М. Тальмана в Вену, 1704. 24.I (получена 25.II.1704). Ibid. Fol. 19–24.
- 17 «К тому же, поскольку во время недавней войны [1683–1699 г. — III.П.] я своими глазами видел, как Порты открыла в Филиппополисе, Софии и Нише различные склады для войск, отправлявшихся на Венгрию, и беспрепятственно доставляла провиант, необходимый для поддержания армии в Венгрии, на судах от Среднего Дуная до самого Белграда, полагаю, что и на этот раз они предпримут нечто подобное». (Anbey weilen ich wehrenden Vergangenen krieg mit augen gesehen, das die Porte wider hungarn marschierende trouppen zu Phillipopel, Sophia undt Nissa veschiedene Magatzinen gehabt, vnd das für die subsitenz der armee ein hungarn nothwendige proviant in schiffen von der müteren donau hienauf Vnendpörlich bis Belgrad hat mießten gefüchrt werden, trage ich genawe obacht ob mit auch aniezo etwas dergleichen veranstaltet werden möchte.) Ibid. Fol. 19–24.
- 18 Benda K. Op. cit. 198–200. old.; Hurmuzaki E. de. Documente. VI. P. 22–23. N XV.
- 19 Benda K. Op. cit. 200. old.; RPI-I / Sajtó alá rend. K. Benda, T. Esze, F. Maksay, L. Pap. Bp., 1955. 122. old. (сноска 1); Hurmuzaki E. de. Documente. VI. P. 20; Késmárki Thököly Imre naplóí, leveleskönyvei és egyéb emlékezetes írásai (далее — Thököly naplóí) / Közli K. Thaly. Bp., 1870. 527. old.; Копии турецких писем Ракоци см.: OSZKK. Fol. Lat. 4056; Hengelmüller L., Freiherr von. Franz Rákóczi und sein Kampf für Ungarns Freiheit. Stuttgart; Berlin, 1913. S. 144–145.
- 20 Hurmuzaki E. de. Documente. VI. P. 22.
- 21 Köpeczi B. A Rákóczi-szabadságharc és Franciaország. Bp., 1966. 64–69. old.
- 22 Karácson I. Op. cit. 328–329. old. N 360.
- 23 Benda K. Op. cit. 202. old.; Köpeczi B. Op. cit. 69–70. old.; Legrelle A. La diplomatie française et le succession d'Espagne. Grand, 1892. T. IV. P. 330; «...потому что великий оттоманский правитель султан Сулейман в сходных обстоятельствах в свое время обратился к Франции». (was gestalten der grosse ottomanische Käyser Sultan Soliman in gleichen coniuncturen zu seiner Zeit für Frankreich sich angenomben.) Реяция И.М. Тальмана, 2.IX.1706 (получена 22.IX.1706). ÖStA. HHStA. Türkei I. (Turcica). Kt. 177. Konv. 1 (1706). Fol. 43–60.
- 24 Dávid G. Török és tatár katonák Rákóczi seregében // Rákóczi-tanulmányok / Szerk. B. Köpeczi, L. Hopp, A. R. Várkonyi. Bp., 1980. 159–168. old. Seres I. Ludányi Bay András törökországi küldetése 1707-ben // Rákóczi-kori tudományos ülészek. II. Rákóczi Ferenc fejedelem

- és bujdosótársai, valamint Vaj Ádám hamvai hazahozatalának 90. évfordulója alkalmából. 1996. Október 25. / Szerk. G. Heckenast, S. Molnár, P. Németh. Vaja, 1997. 46–64. old.; Idem. Egy krími tatár nemesúr II. Rákóczi Ferenc udvarában // Tanulmánykötet Heckenast Gusztáv emlékére / Szerk. J. Bessenyei. Miskolc, 2001. 102–119. old.; Idem. II. Rákóczi Ferenc török katonái 1708-ban // Keletkutatás. 1996 (tavasz). 91–98. old.
- 25 Benda K. Op. cit. 203–204. old.
- 26 Hurmuzaki E. de. Documente. VI. P. 24.
- 27 Benda K. Op. cit. 204–205. old.; Danişmend I.H. Op. cit. P. 52.
- 28 Посольский меморандум П. Радаи к шведскому королю Карлу XII, начало апреля 1704 г., Хейльсберг см.: RPI-I. 135. old.; Посольский меморандум П. Радаи к прусскому королю Фридриху I, конец мая 1705 г., Берлин см.: Ibid. 144., 147. old.
- 29 Инструкцию Ференца II Ракоци послу А. Тёрёку, март 1705 г. см.: Ibid. 226. old.
- 30 Письмо Ракоци к белградскому паше, 24.VI.1705, лагерь близ Дана [?], (на венгерском языке, чистовик, 2 л.), оригинал: DRERL. Ráday I. Pál iratai. Kancelláriai iratai. Külpolitikai iratai. IV. d/2-3. N 6; RPI-I. 444. old. (сноска 1).
- 31 Ibidem; Инструкцию Ф. Хорвату см.: AR. I. 376–377. old.
- 32 Письмо белградского паша Ф. Ракоци, 17.VIII.1705, Белград см.: RPI-I. 444. old. (сноска 3); оригинал: MNL OL. Rákóczi-szabadságharc levéltára. I. Caps. V. Fasc. 13.
- 33 Письмо Ракоци белградскому паше, 11.VII.1705, лагерь близ Ваца (на венгерском языке, чистовик, 2 л.) см.: RPI-I. 444. old. (сноска 3), оригинал: DRERL. I. d/2-3. Fol. 7. (Шифр был изменен с A d/1–14 на A d/2–13.)
- 34 Thököly naplóí. 545–550. old.
- 35 Seres I. Thököly. 184–185. old.
- 36 Инструкцию, 10.XI.1705, Мадьярэгредь см.: RPI-I. 460. old.
- 37 Thököly naplóí. 605–610. old.
- 38 Текст инструкции от 10.X.1705 см.: RPI-I. 460–464. old.; Детальный дневник посольства издал К. Тали. См.: Thököly naplóí. 538–552., 603–618. old.
- 39 Дневники посольств в Швецию и Речь Посполитую на венгерском и латинском языках см.: RPI-I. 248–296. old.
- 40 Pápai János törökországi naplóí (далее — Pápai naplóí) / Válogatta, sajtó alá rendezte, előszóval és jegyzetekkel ellátta K. Benda. Bp., 1963. 43. old. Оригинал см.: OSZKK. Quart. Hung. 2900. Diarium legationis Constantinopolitanae ab anno 1705 die 28 Mensis Octobris. RPI-I. 442–444. old.; Benda K. Op. cit. 207. old.
- 41 Kantemir D. Osmanlı İmparatorluğu'nun yükseliş ve çöküş tarihi. II. İstanbul, 1998?. P. 865.
- 42 Реяцию Я. Папаи Ференцу II Ракоци, 29.XI.1705 см.: RPI-I. 503. old.
- 44 Реяция Я. Папаи Ференцу II Ракоци, 11.II.1706 см.: Ibid. 512–523. old.; Pápai naplóí. 75. old.
- 45 Ibid. 57. old.
- 46 Ibidem.
- 47 RPI-I. 449. old. (сноска 3).
- 48 Thököly naplóí. 606, 608. old.
- 49 Pápai naplóí. 76. old.
- 50 Pápai naplóí. 64. old.
- 51 DRERL. IV. d/2-13. (Diplomáciai kapcsolatok a török Portával. 1703–1710). N 10. Fol. 49–51; Подробнее о документе см.: RPI-I. 449. old. (сноска 1).
- 52 Письмо Ференца II Ракоци Я. Папаи, 10.III.1706, Эгер см.: RPI-I. 535–537. old.
- 53 Письмо Ференца II Ракоци Я. Папаи, 23.III.1706, Эгер см.: Ibid. 540–542. old. N 116.
- 54 Реяция И.М. Тальмана, 25.VI.1706. ÖStA. KA. HKR. Exp. 1705 I-VI. Acten. Hofkriegs-rat July N 445. Exped. 25.II.1706.
- 55 «...он питает надежды, что, когда Трансильвания выскользнет из рук императора и вновь окажется под турецким протекторатом и властью, он из этой земли и ее

- сословий, как это было в прежние времена, станет тянуть большие деньги». (...sondern auf der hoffnung gelebet hat, das wan Sibenbürgen völlig auß Käys. handten gefallen und widerumb in türkisch. protection und Podtmessigkheith gerathen wahre, Er von selbigen Landt und Ständten wie vor diesen geschehen von Zeit zu Zeit ein grosses geldt wurde gezogen haben.) Реляция И.М. Тальмана, 26.II.1706 (получена: апрель 1706 г.). ÖStA. HHStA. Türkei I (Turcica). Kt. 177. Konv. 1. (1706). Fol. 245–269.
- 56 Ibid. Fol. 278–285., 12–19.
- 57 Pápai napló. 111. old. (запись от 1.IV.1706).
- 58 Hurmuzaki E. de. Documente. Bucuresci, 1886. Suppl. 1/1. (1518–1780). P. 365. N DXLV. (13.III.1706).
- 59 Меморандум агентов Ракоци, Папаи и Хорвата, к Османской Порте (*Progrettato perà secondo l'opinione de quello me l'ha eonfidato dall'Ambassador di Francia, col Ruzzini*) в приложении к реляции И.М. Тальмана, 23.III.1706. ÖStA. HHStA. Türkei I (Turcica). Kt. 177. Konv. 2. (1706). Fol. 2–3. Опубликовано в: *Hurmuzaki E. de. Documente. Vol. VI. P. 32–33.* Меморандум Папаи и Хорвата к Османской Порте из французской дипломатии в приложении к реляции И.М. Тальмана, 1706. 23 IVсм.: ÖStA. HHStA. Türkei I (Turcica). Kt. 177. Konv. 2. (1706). Fol. 4–6. Опубликовано в: *Hurmuzaki E. de. Documente. Vol. VI. P. 34–35.*
- 60 RPI-II / Szerk. K. Benda, F. Maksay. Вр., 1961. 208–274. old.
- 61 *Gebei S.* “nekiem egyedül reménségem az czár”. Számíthatott-e II. Rákóczi Ferenc I. Péter orosz czár segítségére 1709–1711-ben? (далее — “nekiem egyedül reménségem”) // *Századok.* 2012. 146. évf. 4. sz. 823–852. old. Из более ранней литературы до сих пор не утратили своего значения: *Tárczy K. Nagy Péter czár és Magyarország.* Munkács, 1905; *Márki S. Nagy Péter czár és II. Rákóczi Ferenc szövetsége 1707-ben.* Székfoglaló értekezés. Вр., 1913.
- 62 Письмо Ф. Ракоци великому везиру (*Ad magnum vezirium*), 10.VII.1706, (Эршек)уйвар, см.: RPI-I. 627. old.; *Refik A.* Memâliki ‘Osmanîyede krâl Râkoçî ve tevâbi’i (1109–1154). İstanbul, 1333. P. 14–15; BOA. Mühimme defteri. 110. 716. old.
- 63 *Trócsányi Zs.* Habsburg-politika és Habsburg-kormányzat Erdélyben. Вр., 1988. 191–306. old.
- 64 MNL OL. G 15. A 1. Fasc. 19. Fol. 39. Ср.: Pápai napló. 60. old.
- 65 Донесение трансильванского Государственного собрания Ференцу Ракоци, 15.III.1706, Хуст см.: RPI-I. 496. old.
- 66 MNL OL. G 27. V. 1. a. Fol. 211–212.
- 67 Резолюцию сената, 19.V.1706, Эршекуйвар см.: RPI-I. 534–535. old.
- 68 *Rákóczi F.* Vallomások, Emlékiratok / Szerkesztés és a jegyzetek L. Hopp, az utószó L. Hopp, E. Szepes, I. Vas. Вр., 1979. 593. old.
- 69 Ibid. 352. old.
- 70 RPI-II. 150., 276–279. old.
- 71 Письмо Ракоци к своим послам в Порте, 12.IV.1707 см.: RPI-II. 152–153. old.
- 72 Письмо Ракоци М. Хентеру, 3.XI.1707 см.: RPI-II. 324. old.
- 73 Pápai napló. 245. old. (запись от 2.I.1708)
- 74 Ibid. 255–256., 259. old.
- 75 BOA. Cevdet tasnifi Nr. 1096. [1120]. Zilkade 23 / 3.II.1709 (или 23.I.1709, поскольку Я. Чузи при переводе датировал по юлианскому календарю); *Gökbilgin T.* Rákóczi Fencz ve tevâbiine dair yeni vesikalak // *Bellekten.* 1941. N 5. P. 577–595. Lev. CXXXI.
- 76 Письмо Али Карайылан-оглу к Ф. Ракоци, после 29.X.1708 см.: *Fekete L.* A Rákóczi-Aspremont-Levéltár török iratai // *LtK.* 1935. 13. évf. 138. old. 30. sz. Документ вновь напечатан в: *A hódoltság török forrásai nyomában / Szerk. G. Dávid.* Вр., 1993. 429–463. old. (Budapest Oriental Reprints Series A 6).
- 77 Письмо Ракоци Я. Папаи и М. Телеки, 12.II.1709, Мункач см.: *Ráday Pál iratai (1709–1711) / Szerk. K. Benda.* Вр., 2003. 21. old. N 4. Письмо Ракоци к резиденту в Белграде Г. Папаи, 27.IV.1709, Мункач см.: Ibid. 24–26. old. 7 sz.

- 78 Memoria Regum / Szerk. J. Bessenyei. [1981.] 34. old.
- 79 Анхус (Авимелех) — царь филистимлян, к которому Давид бежал от преследований Саула. См.: Библия. Кн. 1-я Царств. Гл. 27. Ст. 1–12; гл. 28; гл. 29. Ст. 1–2; Кн. 3-я Царств. Гл. 2. Ст. 39.
- 80 Письмо Я. Папаи к Ф. Ракоци, 18.II.1709, Дебрецен см.: MNL OL. G 15. I. 1. 22 d. Caps. F. Fasc. 160. Fol. 4.
- 81 Pápai napló. 177. old. (запись от 7.II.1709).
- 82 Pápai napló. 281. old. (запись от 9.III.1709, Белград). См. первое издание: *Thaly K. Történelmi naplók, 1663–1719* (далее — *Történelmi naplók*). Вр., 1875. 197–245. old. (MHNS. Vol. 27). Оригинал хранится в: MNL OL. G 15 I. 1. 22. doboz. Caps. F. Fasc. 160. Fol. 15–42. Инструкция, или наказ послам: Ibid. Fol. 45–48.
- 83 *Thaly K. Történelmi naplók.* 178–256. old. Перевод на латинский язык («Puncta Athname») см.: Ibid. 252–255. old. Документ дословно совпадает с проектом турецко-венгерского соглашения 1705 г., см.: DRERL. Ráday I. Pál iratai. Kancelláriai iratai. Külpolitikai iratai. IV. d/2–13. (Дипломатические сношения с Османской Портой, 1703–1710.) DRERL. IV. d/2-13 10. Fol. 49–51. Ср. прим. 89.
- 84 Pápai napló. 287–294. old. (запись от 12.III.1709).
- 85 Ibid. 298. old.
- 86 Pápai napló. 420. old. (запись от 5.I.1710). См. также примечание К. Бенды. Инструкцию Ф. Ракоци для Я. Папаи, 5.I.1710, Халмаи см.: MNL OL. G 15. Caps. A/1. Fasc. 22. Fol. 5–6.
- 87 «После того как мятежник Янош Папаи из Венгрии через Белград четыре недели назад прибыл сюда, он тайно передал Порте письмо от Ракоци через секретаря великого везира, какового не раз посещал инкогнито, как и раис-эфенди, у которого не раз и не два имел аудиенции под покровом ночи. Удивительно, однако, что после получения мною более раннего известия о прибытии означенного Папаи в Белград и его желании направиться сюда и что белградский сераскир [главнокомандующий. — *III.П.*] писал об этом Порте, я 23 марта весьма решительно заявил секретарю великого везира, что сношения и переписка с венгерскими мятежниками прямо противоречит условиям мирного договора». (*Nachdem der Rebell Papai János auß Hungarn über Bellgrad vor vier wochen hier angelanget hat, er die von dem Ragoczy an die Porten geschriebene Brief dem Chyhaja deß Groß Veziers in gehaimb eingehändiget, Bay welchem Er sich hernach öffters in Cognito eingefunden, auch bey dem Reis Effendi ist Er ein vndt andermahl nächtlicher weill zur audienz gelassen worden. Zu verwundern aber ist, daß nachdem ich jungere nachricht erhalten, daß besagter Papai auß Hungarn zu Bellgrad ankhommen, willens hieher sich zuverfügen und das der Seraskier von Bellgrad dessenhalben an die Porten geschrieben, ich dem Chyhaja den 23. Martii selbsten nachrücklich Vorgetragen, daß derley hereinlassungen vnd Correspondenz mit denen Hungarischen Rebellen schun gerad wider die entrichtete friedenscapitulation lauffe.*) Реляция И.М. Тальмана в Вену, 9.VI.1710. ÖStA. HHStA. Türkei I. Kt. 179 (Turcica). 1710–1713. Fol. 57–73.
- 88 Ibid.
- 89 *Kurat A.N.* Prut seferi ve barışı 1123 (1711). I Ankara, 1951. P. 68–71. (Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Tarih Enstitüsü Yayınlarından. N 8.)
- 90 Ibidem.
- 91 Письмо Петра I султану, 10(21).VII.1709 см.: BOA. NH 6. Fol. 178–189.
- 92 *Ballagi A.* XII. Károly és a svédek átvonulása Magyarországon 1709–1715. Вр., 1922.
- 93 *Négyesy L.* Rádai Ráday Pál munkái. Вр., 1889. 185–213. old.; *Thaly K.* Rákóczy-tár. I. Történelmi érdekű naplók, emlékiratok, levelezések, pátensek, hadi-szabályzatok, országgyűlési-diáriumok és törvényczikkek gyűjteménye Rákóczi Ferenc korához. I. Rákóczi imádsága, Beniczky Gáspár, Szathmári Király Ádám, és Ráday Pál naplók, a szécsényi országgyűlés diáriuma és törvényczikkei. Pest, 1866. 404–412. old.

- 94 *Ballagi A.* Op. cit. 39–44. old.; *Négyesi L.* Az 1710 évi romhányi csata a terepkutatások tükrében // *Htk.* 2010. 123. évf. 4. sz. 862–875. old.
- 95 *Ballagi A.* Op. cit. 57–59. old.
- 96 Оригинал инструкции Ференца II Ракоци для П. Радаи см.: DRERL. C64-4d2-5, 1.sz. Ráday benderi (svéd-török) és moldvai-lengyel követségének iratai. [Huszt]. 2–3. old.; Оригинал письма Ференца II Ракоци бабадагскому паше Черкес Юсуфу (силистрийскому и ачи-калейскому беглербегу) см.: Ibid. C64-4d2-13, 118. sz.
- 97 Отрывки из приказа султана, которым пашей известили об объявлении войны России, 24.II.1711 см.: *Hurmuzaki E. de.* Documente, Supl. I/1. P. 393. Nr. DLXXXIX.
- 98 Ibid. P. 389. Nr. DLXXXIV.
- 99 Реляция И.М. Тальмана Придворному военному совету, 1710. 27.XI, Стамбул см.: ÖStA. KA. HKR. Expediit December. N 300.
- 100 *Kurat A.N.* Op. cit. P. 163–165.
- 101 *Volckh Mahomeds es hat der Großmächtige Käyser mit einem Divan den Krieg beschlossen, was ist Euere Meinung, welches einhellig auffgeschrien Seferisteriz Seferisteriz Wir wollen Krieg.* Реляция И.М. Тальмана в Вену, 27.XI.1710. ÖStA. HHStA. Türkei I. (Turcica). Kt. 179. 1710–1713. Fol. 57–73. Цит. по: Турция накануне и после Полтавской битвы. (Глазами австрийского дипломата) / Перев., введ. и примеч. В.Е. Шутого; отв. ред. С.Ф. Орешкова; М., 1977. С. 82.
- 102 *Beydilli K., Erünsal İ.* Prut savaşı öncesi diplomatik bir teşebbüs Seyfullah ağa'nın Viyana elçiliği (1711) // *Belgeler.* 2002. Vol. 22. P. 1–33 (и факсимиле).
- 103 *Gebei S.* «nekem egyedül reménségem». 845. old.
- 104 *R. Várkonyi Á.* Esélyek és alternatívák a szatmári béketárgyaláson 1710–1711 // *Htk.* 2011. 124. évf. 4. sz. 985–1012. old. Согласно новейшим исследованиям, шансы Освободительной войны на военный и дипломатический успех уже в 1704 г. были невысоки, однако руководители всё меньше соотносили свои действия с реальным балансом сил в Европе. См.: *Czigány I.* A Rákóczi-szabadságharc és a közép- és kelet-európai hadihelyzet 1703-1711 // *Htk.* 2011. 124 évf. 4. sz. 1013–1036. old.; *Vatai G.* Út az irrealitásba. (Rákóczi török diplomáciája a szabadságharc idején). Keletkutatás. 2011. (6sz). 91–108. old.
- 105 *Kalmár J.* Szatmár, 1711: vég, folytonosság, kezdet // *Századok.* 2012. 146. évf. 4. sz. 875–886. old.

М.С. Меиер

ПЕРЕМНЫ В ЖИЗНИ ОСМАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в. и ФЕРЕНЦ II РАКОЦИ

Интерес отечественных историков к фигуре трансильванского князя Ференца II Ракоци определяется в основном его руководящей ролью в антигабсбургском восстании венгров в 1703–1711 гг., а равно и его нереализованными планами сотрудничества с Петром I. После поражения восстания дальнейшая деятельность князя и его судьба остаются пока вне поля интересов исследователей, которые ограничиваются краткой заметкой о его вынужденной эмиграции — сначала в Польшу, а затем во Францию¹. Между тем донесения российских дипломатов из Стамбула позволяют весьма подробно проследить последний период бурной жизни «князя Рагоцкого», связанный с его пребыванием в Османской империи.

Держава «Великого турка» переживала в начале XVIII в. очень важный период своей истории. К этому времени ее военное могущество явно клонилось к упадку, что не могло не тревожить правящую верхушку империи. Первоначально основные усилия она обращала на восстановление тех институтов, которые когда-то обеспечивали успех завоевательных экспедиций, — сипахийского ополчения и янычарского корпуса. После заключения Карловицкого мира 1699 г. на первый план постепенно выходит идея усвоения опыта европейских держав. Инициаторами подобных проектов выступали видные представители столичной бюрократической элиты, которых, по современным меркам, можно было бы назвать «западниками». Наряду с мероприятиями по поднятию боеспособности османской армии всё большее внимание они уделяли развитию дипломатических контактов с европейскими странами и заимствованию их достижений в науке и технике².

Сведения о первых «западниках» позволяют предполагать, что приобщение османской элиты к достижениям европейской цивилизации шло преимущественно через ее контакты с просвещенными *фанариотами* — жителями греческого квартала Стамбула, поставлявшего Высокой Порте кадры драгоманов, господарей Валахии и Молдовы, дипломатических агентов. Другим источником информации стали донесения османских послов, направляемых в европейские страны. Практика регулярной отправки таких миссий начала складываться со второй половины XVII в., но особенно часто подобные посольские поездки практиковались при великом везире Ибрагим-паше Невшехирли (1718–1730 гг.), чье долгое правление известно в истории как «эпоха тюльпанов». Среди наиболее известных посольств можно отметить миссию главного казначея (*дефтердара*)

Ибрагим-паши в Вену (1719 г.), Йирмисекиз Челеби Мехмед-эфенди во Францию (1720–1721 гг.), Нишли Мехмед-аги (1722–1723 гг.) и миралема Мехмед-аги (1729 г.) в Россию, Мустафы Козбекчи в Швецию (1726 г.) и пребывание в Вене первого торгового резидента Омер-аги (1725–1732 гг.). Значение этих посольств выходило далеко за рамки обычных дипломатических акций Порты. Прежде всего, они способствовали преодолению традиционного для османских политиков убеждения в превосходстве *Дар-уль-ислама* (мира ислама).

Существование многочисленных копий *сефаретнаме* (отчета о пребывании в стране) Йирмисекиз Челеби Мехмед-эфенди, одного из наиболее известных «западников» того времени, весьма показательно. Ведь основу этого произведения составило не изложение дипломатических переговоров, а описание того, что показалось послу достопримечательным и вызвало его восхищение (загородные резиденции короля, смотры войск, опера, игра на органе, Академия наук с ее приборами, ботанический сад, телескоп, развлечения французской знати)³. По такому же принципу создавались и другие *сефаретнаме*, определившие отдельный жанр турецкой литературы, где путевые заметки занимали больше места, чем перечисление того, что сделал сам посол. Таковы, в частности, рассказы другого «западника» Мехмеда Саид-эфенди († 1761), сына Челеби Мехмед-эфенди, о его посольствах в Россию (1731–1732 гг.), Польшу (1730 г.), Швецию (1733 г.), Францию (1741–1742 гг.)⁴.

Еще одним источником информации о Европе были сами европейцы, перешедшие, как правило, на службу Порте и заслужившие поэтому прозвище «ренегатов». Одним из них был итальянец из Ливорно, известный под именем Мехмед-аги. Он стал автором проекта по организации суконных мануфактур в Салониках и Эдирне, которые пытался осуществить другой великий везир Рами Мехмед-паша⁵. Другие выходцы из Европы были причастны к различным предложениям о реорганизации османской армии по европейским образцам. В конце 1710 г. австрийский посланник в Стамбуле И.М. Тальман сообщал в Вену, что обретавшийся в Бендерах при беглом шведском короле Карле XII поляк Станислав Понятовский через французского посла П. Дезаллэра передал великому везиру Балтаджи Мехмед-паше проект, объяснявший, «как в короткое время сделать турецкое войско регулярным и непобедимым». Вряд ли у Балтаджи, занятого начавшейся Русско-турецкой войной, было достаточно времени и желания знакомиться с подобным документом, но сама акция породила опасения Тальмана, что под шведским руководством османское войско переймет европейские навыки ведения боевых действий и вновь станет «страшной опасностью для христиан»⁶. С этого времени австрийские резиденты в Стамбуле бдительно следили за каждым шагом Порты в направлении военных преобразований и предпринимали всяческие усилия, чтобы не допустить их реализации.

Заинтересованность Венского двора определялась также тем, что ряд аналогичных проектов был прямо или косвенно связан с именем Ференца II Ракоци, приглашенного в Османскую империю еще одним «западником» — великим везиром Дамад Али-пашой (1713–1716 гг.). Али-паша рассчитывал на большой опыт Ракоци как полководца и потому вел с ним переговоры относительно создания корпуса регулярных войск из христиан и мусульман под командованием самого князя⁷. Последний принял предложение переселиться в Османскую им-

перии, однако прибыл в страну в октябре 1717 г., спустя год после гибели Али-паши, когда война с Австрией и Венецией была фактически завершена и шли переговоры о заключении мира.

Ракоци мог быть автором другого документа о необходимости военных реформ, созданного, судя по тексту, именно в период мирных переговоров. Содержание «записки» (*ляихи*), опубликованной турецким историком Ф.Р. Унатом, составляет беседа между мусульманским и христианским офицерами, где первый излагает причины падения боеспособности мусульманских войск, а последний раскрывает причины военных успехов европейцев, имея в виду австрийскую армию, которая под водительством Евгения Савойского только что нанесла несколько сокрушительных поражений туркам. Сочинение подводит к мысли о необходимости реорганизации османской армии посредством повышения профессиональной выучки и дисциплины солдат, освоения новой линейной тактики ведения боя, подготовки образованных и опытных офицеров, для чего следовало использовать опыт христианских военных специалистов. В качестве положительного примера приводится опыт Петра I, использовавшего западную модель реформы армии⁸.

Унат считал, что *ляиха* была составлена по указанию Ибрагим-паши Невшехирли с целью склонить султана к скорейшему заключению мира. Предполагая, что автором документа мог быть Ракоци, турецкий историк, вероятно, имел в виду другое сочинение князя — «Размышление о принципах гражданской жизни и примерном поведении христианина»⁹. В этот трактат, задуманный как наставление сыновьям и законченный в 1722 г., вошел и раздел «О причинах и способах ведения войны и о тех, кто руководит армией». Некоторые мысли, изложенные здесь, близки к идеям, высказанным на страницах *ляихи*.

Впрочем, Унат не исключал и того обстоятельства, что авторами опубликованного им документа могли быть и другие лица, например, Ибрагим Мютеферрика — выходец из Трансильвании, принявший в конце XVII в. ислам и ставший видным османским дипломатом, политическим деятелем, основателем первой турецкой типографии (1727). Этой же точки зрения придерживается и А.В. Витол, подчеркнувший не только сходство взглядов, но и текстуальные совпадения *ляихи* с сочинением Ибрагима Мютеферрики «Основы мудрости в устройстве народов» (*Усул ал-хикам фи низам ал-умам*), изданным в 1732 г.¹⁰ Поскольку Ибрагим-эфенди поддерживал постоянную связь с Ракоци, став его переводчиком, а позже — агентом князя при Порте, сходство идей, высказанных Ракоци и турецким первопечатником в его сочинении «Основы мудрости», вполне объяснимо.

В 1726 г. вновь был поднят вопрос о необходимости перестройки османской армии. По сообщению российского дипломата И.И. Неплюева, новая инициатива опять исходила от Ракоци, предложившего создать корпус регулярных войск из венгров, запорожцев и албанцев¹¹. Можно предположить причастность к составлению этого проекта и Ибрагима Мютеферрики, поскольку тот же Неплюев в феврале 1725 г. узнал, что «эфенди, который был прежде венгренин и с молодых лет обосурманился» подал ближайшему помощнику (*кяхве*) великого везира свое сочинение. В нем он «изобразил о важности и прибыти географии и прочих наук, также как нужно регулярное войско и какое оно плод

принести может»¹². Хотя имя «эфендия» и название его труда не упомянуты, ясно, что речь идет о написанном, видимо, к началу 1725 г. сочинении «Основы мудрости в устройстве народов».

Даже если допустить, что сочинение Ибрагим-эфенди и не было связано с проектом Ракоци, другое обстоятельство очевидно — все названные в книге предложения принадлежали иностранцам, главным образом представителям венгерской эмиграции в Османской империи. Остается пока не выясненным, действовали ли они самостоятельно или по совету из Парижа, с которым и поляки, и венгры были тесно связаны. Во всяком случае, антиавстрийская направленность их планов вполне очевидна. В этом кроется одна из причин большой настороженности, с которой относилась к ним Порты. Французский посол де Боннак, известный своей близостью к Ибрагиму Невшехирли, утверждал, что сама Порты в начале 20-х годов XVIII в. готовилась создать корпус из 12 тыс. обученных солдат¹³. Пока не нашлось подтверждений словам осведомленного дипломата, но нет и оснований не верить ему.

Планы реорганизации армии при Ибрагим-паше Невшехирли остались не реализованными, поскольку попытки их осуществить грозили серьезными внутренними осложнениями. Это обстоятельство и имел в виду Неплюев, когда в 1726 г. сообщал об отказе Порты от проекта Ракоци: «...князя Рагоцкого предложения о регулярном войске в действо не произошли, яко то по состоянию здешнего народа без крайней нужды учинитца не может»¹⁴.

Более решительно нововведения в армии осуществлялись в 30-е годы, когда к прежним сторонникам военных реформ присоединился еще один ренегат — Александр Клод Бонневаль (1675—1747). Профессиональный военный, сражавшийся сначала в рядах французской армии, а затем австрийской, Бонневаль в 20-е годы вступил в конфликт с венскими властями и был уволен со службы. После этого он решил принять ислам и предложить свои услуги Ибрагим-паше Невшехирли, зная, что великий везир благосклонно относится к ренегатам и очень интересуется географическими картами и моделями «очень полезных машин». После янычарского восстания в сентябре 1730 г., которое привело к свержению султана Ахмеда III и гибели Ибрагим-паши Невшехирли, Бонневаль некоторое время находился при Ракоци в Димотике, а в начале 1732 г. был вызван новым великим везиром Топал Осман-пашой в Стамбул. По приказу последнего он был назначен *хумбараджибаши* («главным действительным бомбардирским командиром», как писал другой российский дипломат А.А. Вешняков) для реорганизации корпуса хумбараджи по европейскому образцу¹⁵. Видимо, тогда же он представил план перестройки всей военной системы. С определенной уверенностью можно говорить, что и в данном случае к проектам реформ имел отношение Ракоци, поскольку рядом с ним среди других европейцев российские дипломаты, сменившие И.И. Неплюева, постоянно отмечали присутствие Ибрагима Мютеферрика. Для них он был уже «старик Ибрагим эфендий». Тем не менее его информацией они охотно пользовались. Так, уже после окончания войны Османской империи с Австрией и Россией в 1735—1739 гг. А.А. Вешняков отмечал в одной из своих реляций: «Я же стараюсь ныне старого нашего приятеля иметь Ибрагим эфендия, венгерца ренегата, директора печати бывавшего при Рагоцком,

ныне мастером салтанским в истории и географии, от везира любим и Бонневаль чрез него действует...»¹⁶.

Если же вернуться к событиям начала 30-х годов, то наиболее полно деятельность по военной реформе развернулась при великом везире Хекимоглу Али-паше (1732—1735, 1742—1743, 1755 гг.). О выдающихся качествах этого государственного деятеля много писали современники. Его отцом был итальянец с Крита, принадлежавший дворянской семье Корнаро, но принявший ислам и выполнявший до 1707 г. обязанности придворного медика Ахмеда III под именем Нух-эфенди. При поддержке отца Али быстро выдвинулся при султанском дворе и стал опасным соперником для Дамад Али-паши, который отправил его в провинцию. Почти через 20 лет Хекимоглу Али-паша вновь появился в Стамбуле, теперь уже как опытный политик, дипломат и удачливый военачальник. Его деятельность позволяет увидеть в нем не менее выдающуюся фигуру «эпохи тюльпанов» чем Ибрагим-паша Невшехирли, Йирмисекиз Челеби Мехмед-эфенди или поэт Недим. По свидетельству российских представителей при Порте, с его возвращением значительно усилилось влияние тех лиц, которые играли активную роль в жизни османской столицы до сентябрьских событий 1730 г. Возобновилась и работа типографии, где Ибрагим Мютеферрика смог наконец напечатать свой труд, созданный еще в 1725 г.

По указанию великого везира Бонневалью были предоставлены плацы, ба-раки и мастерские на азиатском берегу Босфора. «С апробацией муфтинского» было решено открыть здесь военно-инженерную школу (*хендесхане*): «Из албанцев и арнаутов магометан набрать три тысячи человек и обучать военному регули под его Бонневаловаго дирекциею всякой бомбардирской должности, учредя им офицеров из ренегатов же французов при нем находящихся»¹⁷. В мае 1737 г. Вешняков сообщал о первых успехах «Бонневалова завода»: «Ныне имеет три роты, или 300 человек молодых турок бошняков, одетых в мундиры венгерски... со всеми офицерами, как надлежит быть в регулярном войске, которые с великим ему самому удивлению толь много преуспели во всяких эксерцициях и движениях воинских в два месяца, что все выполняют якобы были уже старые солдаты, и оных не толико практике, но и теории учит, как арифметике и другим некоторым частям, нужным математике, и рисовать, в тот вид, чтоб все сии могли быть офицерами, и вдруг три полка сделать...» Далее он отмечал, что на ежедневных «эксерцициях» бывают не только султан и его министры, но и «великое множество военных и духовных, что видят с удивлением и зело похваляют»¹⁸.

Начавшаяся в 1735 г. война с Россией и Австрией не только сорвала планы расширения «Бонневалова завода», но и привела к гибели большей части обученных и хорошо показавших себя в ходе боевых действий солдат. Последнее сообщение о судьбе корпуса относится к 1743 г., когда к власти опять пришел Хекимоглу Али-паша. В ходе его встречи с Бонневалем речь вновь зашла о хумбараджи. Но француз явно охладел к своему детищу, поскольку его реализация не обеспечила ему достаточно высокого и устойчивого положения в османской столице. К тому же рядом уже не было Ракоци, да и многих его венгерских соратников. Поэтому говоря о будущем «его команды бомбардирского корпуса», он признал, что состоит корпус из «невежих турок... яко ученых им более ни

единого нет, ни заводить вновь не намерен»¹⁹. Видимо, и самим османским «западникам» было ясно, что перенесение европейских институтов на османскую почву вряд ли было возможно в то время. Об этом убедительно говорила явная диспропорция между обилием проектов преобразований и малыми успехами по их реализации.

- 1 См., в частности: *Исламов Т.М., Пушкаш А.И., Шушарин В.П. и др.* Краткая история Венгрии. С древнейших времен до наших дней. М., 1991. С. 135–141.
- 2 Подробнее об этом см.: *Мейер М.С.* Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М., 1991.
- 3 *Витол А.В.* Османская империя (начало XVIII в.). М., 1987. С. 74.
- 4 *Göçek F.M.* East Encounters West. France and the Ottoman Empire in the Eighteenth Century. N.Y., 1987. P. 85–94; *Маштакова Е.А.* Турецкая литература конца XVII — начала XIX в. М., 1984. С. 117–125.
- 5 *Мейер М.С.* Указ. соч. С. 68.
- 6 Турция накануне и после Полтавской битвы (глазами австрийского дипломата) / Отв. ред. С.Ф. Орешкова; перев., введ. и прим. В.Е. Шутого. М., 1977. С. 84–87.
- 7 *Витол А.В.* Указ. соч. С. 62.
- 8 *Unat F.R.* Ahmed III Devrine ait Bir Islahat Takriri // Tarih Vesikalari. Ankara, 1941. Cilt 1. S. 107–121.
- 9 [*II. Rákóczi Ferenc*]. Réflexions sur les principes de la vie civil et de la politesse d'un Chrétien. — Testament politique et morale du Prince François II Rákóczi. Вр., 1984.
- 10 *Витол А.В.* Ук. соч. С. 94.
- 11 АВПРИ. Сношения России с Турцией. Оп. 89/1. 1723. Д. 5. Ч. 1. Л. 151.
- 12 Там же. 1725. Д. 6. Л. 49.
- 13 [*Bonnac*] Mémoire historique sur l'ambassade de France à Constantinople par le Marquis de Bonnac / Publié avec un précis de ses negociations à la Porte Ottoman par Ch. Scheffer. Paris, 1894. P. 223.
- 14 АВПРИ. Сношения России с Турцией. Оп. 89/1. 1726. Д. 6. Ч. 1. Л. 344.
- 15 Там же. 1732. Д. 7. Л. 156 об.
- 16 Там же. 1742. Д. 6. Ч. 1. Л. 8 об.
- 17 Там же, 1734. Д. 5а. Л. 214; 1742. Д. 6. Ч. 1. Л. 8 об.
- 18 Там же. 1735. Д. 5. Л. 567 об.
- 19 Там же. 1743. Д. 4. Л. 520.

С.Г. Малкин

МЯТЕЖ ЯКОБИТОВ В ШОТЛАНДИИ И ВОССТАНИЕ РАКОЦИ В ВЕНГРИИ: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ВЕНГЕРСКИХ СОБЫТИЙ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Начало XVIII в. для некоторых европейских держав ознаменовалось мятежами и волнениями на внутренних окраинах. Не стали в этом ряду исключением и владения Габсбургов. В 1703 г. в Верхней Венгрии вспыхнуло антигабсбургское восстание под руководством трансильванского князя Ференца II Ракоци, завершившееся в 1711 г. неудачей. На юге Франции, в Севеннах, в 1702–1704 гг. поднялись камизары (название, как полагают, происходит от слова «камзол», одежды восставших, или от *camisade*, т. е. «ночное нападение врасплох»), возмущенные отменой Нантского эдикта 1598 г. о веротерпимости и репрессивными мерами королевского интенданта Бавиля. В российских пределах взбунтовалось казачество, так или иначе поддержавшее Кондратия Булавина в 1707 г., выступление украинского гетмана Ивана Степановича Мазепы в 1708 г. и «бунташные» настроения в Запорожской Сечи. Несмотря на заключенный в 1713 г. Утрехтский мир, завершивший Войну за испанское наследство, каталонцы отказались сложить оружие, что привело к короткой, но кровопролитной военной кампании французской и испанской корон в 1713–1714 гг. в Каталонии, чтобы вернуть ее Мадриду. Великобритания, едва появившись на политической карте в 1707 г., уже в 1708 г. столкнулась с очередной попыткой активно поддержанного в Горной Шотландии якобитского заговора, целью которого являлось возвращение престола изгнанным в ходе «Славной революции» Стюартам. При этом следующий якобитский мятеж с опорой во многом на горные кланы вспыхнул уже в 1715 г., а затем и в 1719 г. (последнее открытое вооруженное выступление сторонников «короля за морем» на британской земле произойдет в 1745–1746 гг.).

В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что в перечисленных случаях речь идет об относительно недавно инкорпорированной или подчинившейся периферии, по-прежнему заметно отличавшейся от политического центра «нравами и обычаями», одними из основных этнокультурных критериев «цивилизованности» в эпоху Просвещения и пока еще не побежденного на упомянутых европейских окраинах «варварства». Компаративный анализ представляется логичным методологическим решением поставленной проблемы. Однако это перспектива большого комплексного исследования. Для нас же особенный интерес представляют первый и последний из указанных случаев. Пристальное

внимание к событиям в Венгрии и Шотландии в начале XVIII в. позволяет — с опорой на недавно обнаруженные в британских архивах источники — не только сопоставить характерные черты, особенности окраинной политики Вены и Лондона. Речь идет о возможности составить определенное представление о том, как облеченные официальными должностями подданные Соединенного Королевства воспринимали события на востоке Европы в свете собственных мятежей якобитов, самый крупный и опасный из которых, мятеж 1715–1716 гг., вспыхнул всего четыре года спустя после заключения Сатмарского мира 1711 г., положившего конец восстанию Ференца Ракоци. «Воображение» (если пользоваться терминологией Б. Андерсона) венгерского мятежа и рецепция венского опыта умиротворения Королевства св. Стефана в охваченной восстанием якобитов Британии обнаруживают в процессе изучения интересные возможности анализа восприятия практик и идей в области окраинной политики европейских держав. Кроме того, сравнительный подход к историческому анализу позволяет увидеть окраинную политику Габсбургов в широком контексте, без непреодолимой разделительной линии, существовавшей в компаративистике между изучением морских и континентальных империй. Таким образом, увеличиваются познавательные возможности сравнительного подхода к истории империй, в том числе и к империи Габсбургов.

* * *

Когда о событиях 1688 г. на Британских островах говорят «Славная революция», то соглашаются с принимаемым многими «фактом», что она была такой еще и потому, что оказалась «бескровной» (выгодно отличаясь от бурной истории гражданских войн британского XVII в.). Между тем такая интерпретация революционных событий далека от британских реалий тех лет. В Шотландии (Горной Шотландии) и Ирландии «Славная революция» увенчалась успехом только после подавления (в Горной Стране к тому же лишь временного) вооруженного сопротивления гэльских окраин в 1689–1691 гг. Окончательно революционное устройство вышло из-под угрозы реставрации изгнанных в 1688 г. Стюартов только к концу 1759 г. При этом в четырех из пяти выступлений своих сторонников горцы Шотландии приняли самое значительное участие¹. При попытке вторжения Якова III (VIII) Стюарта на Британские острова в 1708 г. на поддержку в Горном Крае серьезно рассчитывали². Не случайно армии претендентов из Стюартов на британский престол в исторической памяти подданных Соединенного Королевства прочно ассоциировались с жителями Горной страны, олицетворяя собой основное содержание «Хайлендской проблемы». В этой связи особый этнографический интерес у авторов мемориалов, рапортов и прочих отчетов о состоянии Горного Края и способах решения «Хайлендской проблемы» вызывала категория «Горной войны», в которой ответственные за умиротворение Горной Шотландии чины усматривали необходимую конкретизирующую военно-практическую модель этнографического анализа этой «мятежности».

Однако могли ли комментаторы в начале XVIII в. адекватно отражать реалии Горной Шотландии? Этнография «Хайлендской проблемы» в то время вполне соответствовала общему курсу правительства в Горной Стране. Договориться с вождями и магнатами края, сделав наиболее лояльных и влиятельных из них

пенсионариями Лондона, и так поддерживать мир в крае на расстоянии — «благодарное пренебрежение», вызвавшее вскоре вооруженный мятеж. Неспособность властей понимать и/или принимать реалии Горной Страны приводила к плачевным последствиям. Пестрота политической карты Хайленда приводила к тому, что для его умиротворения британское военное присутствие потребовалось бы в каждом ущелье. Своеобразие лояльности горцев, определявшейся, как правило, вождями или магнатами, дробило вторгавшуюся в край регулярную армию. В Лондоне, однако, на горцев долгое время смотрели как на обычных мятежников, и потому нетрафаретные поступки последних часто ставили правительство в тупик.

Осенью 1715 г. обе стратегии (и интеллектуальная, и политическая) потерпели сокрушительное поражение, когда горцы бригадира Уильяма МакИнтоша из Борлама не только примкнули к поднявшему штандарт Якова VIII (III) Стюарта Джону Эрскину, 22-му графу Мару, но даже перешли англо-шотландскую границу и двинулись маршем на Лондон. Непонимание прагматики чужой культуры приводило к порождению фиктивной событийности в описаниях реалий Горного Края. Перевод одной культуры на язык другой при отсутствии общепринятого категориального аппарата, понятий и терминов превращал этнографические комментарии в сложноустроенный компаративный дискурс, представлявший «взбунтовавшегося» горца скорее интуитивно и опосредованно.

Первым при Ганноверах, т. е. первым после Сатмарского мира 1711 г., кто испытал на себе тяжелые последствия игнорирования особенностей «Горной войны», оказался Джон Кэмпбелл, 2-й герцог Аргайл. Военный опыт и придворные интриги привели его к назначению на пост командующего королевскими войсками в Шотландии в то самое время, когда Джон Эрскин, 6-й граф Мар, поднял в Браэмаре в сентябре 1715 г. штандарт изгнанных Стюартов. Впрочем, Рыжий Джон Сражений, как в годы Войны за испанское наследство прозвали герцога Кэмпбеллы, оказался «нужным человеком в нужном месте и в нужное время», сумев, располагая изначально силами всего в 1600 человек, сдержать продвижение почти 12 тыс. мятежников³. Накануне решающего (однако нерешительного) сражения при Шериффмуре 13 ноября 1715 г. за имевшие стратегическое значение переправы через реку Форт, открывавшие основной армии якобитов путь на равнины южной Шотландии, к Эдинбургу, и в Англию, к Лондону, герцог отправил одному из своих сторонников в британском парламенте, эсквайру Уильяму Стюарту, весьма любопытное в этом смысле письмо, копия которого имеется в нашем распоряжении благодаря, в сущности, случайной находке этого документа среди хранящихся в Британской библиотеке в Лондоне бумаг Филипа Йорка, 1-го графа Хардвика. Отправившись прямиком из столицы на охваченный мятежом север Британии, новоиспеченный командующий обнаружил по прибытии характерные исторические параллели между событиями в Шотландии и недавней историей мятежных окраин некоторых европейских держав, отметив (в том числе и графически, подчеркнув цитируемый далее фрагмент), что «мятежники в Венгрии совсем недавно потребовали привлечения свыше 40 тыс. войск императора вместе с несколькими его лучшими офицерами в течение нескольких лет и что камизары вынудили короля Франции отправить против них трех разных маршалов и значительное число войск, монсеньор Виллар и герцог

Бервик были среди них, и монсеньор Виллар покончил наконец с мятежом, заключив договор»⁴.

Герцог Аргайл, конечно, имел ввиду упоминавшиеся выше антигабсбургское восстание в Верхней Венгрии в 1703–1711 гг. под руководством трансильванского князя Ференца II Ракоци и Имре Тёкёли и восстание камизаров на юге Франции, в Севеннах, в 1702–1704 гг. В мае 1704 г. маршал Франции Клод Луи Эктор де Виллар, маркиз (позже герцог) Виллар, вступил в переговоры с одним из предводителей камизаров Жаном Кавалье (изолировав и вскоре казнив двух других, Пьера Лапорта и Адьяля Мореля, Роланда и Катину), сложившим оружие в обмен на патент полковника и пенсию в 1200 ливров. В 1711 г.⁵ Сатмарский мир с Веней (не признанный Ференцем Ракоци) заключил военачальник венгерских мятежников Шандор Каройи⁶.

С точки зрения формирования и развития этнографии в Европе Нового времени и ее применения на практике в политических целях, а также в контексте восприятия современниками особенностей мятежей в Венгрии и Севеннах начала XVIII в., представляется весьма любопытным, как всё тот же маршал Клод де Виллар поддразнивал в письмах генерал-лейтенанта Пьера Дезаллэра, представлявшего Людовика XIV в лагере Ракоци, удивляясь, «как человек, прошедший службу в пехоте, приспособляется к этим маленьким татарским войнам»⁷. При этом маршал Франции подразумевал, что у восставших нет регулярной военной организации, и писал о «различиях между германцами и гуннами» (вполне в духе эпохи смешивая древнюю историю и современную этнографию) в том же смысле, что и анонимный автор памфлета в Великобритании в 1746 г. в отношении британских подданных в Горной Стране: «Важнейшее различие между регулярными и иррегулярными войсками, во все века и у всех народов, это различие, обнаруживаемое здесь, между горцами и британскими солдатами»⁸.

Перед нами, казалось бы, сюжет из области военно-политической истории Европы, и герцог сам призывает знать меру в сравнениях, «как в том, что касается численности мятежников, так и в значимости их вожakov», не желая выступать провозвестником того удручающего для Лондона факта, что значительная часть шотландских подданных Георга I Ганноверского не желала видеть его своим королем⁹. Однако компаративный контекст, в который автор помещает свой рассказ, позволяет заключить, что ко двору и парламенту в Лондоне через письмо к Уильяму Стюарту и примеры из истории восстания в Венгрии и Севеннах, использованные в качестве аргумента в политической борьбе, обращался не столько командующий королевскими войсками в Шотландии, сколько вождь и магнат в Горной Стране. Герцог Аргайл как никто другой из его лондонских знакомцев понимал, что само существование армии якобитов напрямую связано с тем, насколько твердую, решительную позицию проявят британские власти. Клан Кэмпбелл служил отличной иллюстрацией такого положения вещей. Джон Кэмпбелл из Гленорхи, 7-й граф Кейтнесс, 1-й граф Брэдалбейн и Холлэнд, уже поднялся на мятеж. Еще два влиятельных младших вожды в клане, Джеймс Кэмпбелл, 5-й баронет Эхинбрек, и сэр Данкан Кэмпбелл, 7-й лэрд Лохнелл, едва не примкнули к якобитам, переменяв решение в последний момент¹⁰.

С точки зрения сравнительной и взаимосвязанной истории империй этот франко-венгерский сюжет не только подтверждает, что схожие ситуации на

окраинах порождали схожие практики центра и/или их прямые трансферы как в «континентальных», так и в «заморских» империях (приобретавшие, разумеется, своеобразие и новое качество под влиянием местной специфики), но и показывает, в каком контексте ответственные за умиротворение Горного Края чины видели, интерпретировали и оценивали «Хайлендскую проблему» в первой половине XVIII в. Ну а с точки зрения состояния ее административной этнографии можно констатировать, что когда в 1715 г. вспыхнул очередной якобитский мятеж (впервые завершившийся вторжением «взбунтовавшихся» горцев из Шотландии в Англию), власти, привыкшие купировать якобитизм в Горной Стране выплатой пенсий, так же слабо представляли себе врагов «Славной революции» в Хайленде, как и во время зарождения якобитизма в крае в 1689 г. Герцог Аргайл, являя собой исключительный случай, подтверждал это общее правило. Подводя итог первым шагам отдельных чинов и агентов правительства в этнографии «Хайлендской проблемы» можно сказать, что в хайлендской политике Лондона таковая почти не присутствовала. Взбунтовавшихся подданных в крае еще предстояло узнать, вычислив этнографическую формулу «мятежного» горца. Представляется весьма показательным, что даже командующий королевскими войсками в Шотландии во время первого мятежа якобитов в 1689–1691 гг. генерал-майор Хью Маккей из Скоури, ветеран регулярной армии и участник партизанской войны в шотландских горах, видимо, не придавал приобретенному им опыту «Горной войны» особенного значения. В составленных им в 1693 г. «Правилах войны...» о «преимуществах горцев» нет ни единого слова¹¹. «Правила войны...» генерала Маккея переиздавались до 1727 г. включительно. К тому времени генерал-майор Джордж Уэйд три года пребывал в должности нового командующего королевскими войсками в Шотландии, умиротворяя Горную Страну и фактически заново открывая этнографические особенности «взбунтовавшихся» горцев.

Как и герцог Аргайл, генерал Уэйд обращается к опыту европейских держав: «Прежде, чем завершить этот отчет, осмелюсь доложить Вашему Величеству о серьезных недостатках регулярных войск, когда они сталкиваются с населяющими горные области. Севенцы во Франции и каталонцы в Испании всегда будут примером этой истины. При этом Горная Страна Шотландии даже более недоступна в силу отсутствия дорог, мостов и обильных дождей, почти непрерывно идущих в этих краях, что по своей природе и постоянном использовании стало привычным для местных жителей, однако регулярными войсками переносится с трудом. Не знающие горных перевалов, они часто попадают в засады и под выстрелы с горных вершин, на которые они отвечают без результата, как случилось в деле при Гленшиле, когда мятежники потеряли лишь одного человека, в то время как (sic) значительное число в войсках Вашего Величества было ранено или убито»¹². Причем испанский пример генералу был знаком не понаслышке, имея в виду его активное участие в Войне за испанское наследство в 1702–1713 гг.¹³

Однако ограничивалось ли обращение ответственных за умиротворение Шотландии чинов к истории восстаний в Венгрии, Каталонии и Севеннах сферой политической риторики, оставаясь лишь ярким и запоминающимся аргументом в придворной и парламентской борьбе? Принимался ли в расчет

военный опыт, полученный армией Габсбургов в Королевстве св. Стефана? И если принимался, то как (прямо или опосредованно) прилагался к реалиям Горного Края?

Понятием «партизанская война» в XVIII в., как известно, обозначали самостоятельные действия отдельных легких отрядов, носивших французское название *partie* («часть, отряд»), откуда и обозначения «партизан», «партизанская война». Тогда же получило широкое хождение и другое известное обозначение партизанской войны — «малая война» (фр. *petite guerre*, нем. *Kleinkrieg*), термин, обозначавший особую форму ведения боевых действий, при которой малые подвижные отряды нападают на коммуникации, магазины, небольшие укрепленные пункты, транспортные колонны противника и т. д., избегая столкновения с крупными воинскими частями. Репрессалии в Хайленде в этом свете представляют собой пример примечательного исключения из этого правила, широко распространенный на окраинах европейских империй, где основными участниками такой малой, или партизанской, войны в XVIII в. являлись не только регулярная и иррегулярная легкая кавалерия и легкая пехота (в Великобритании — отдельные роты и полки из горцев, во владениях Габсбургов — венгерские гусары, сербо-хорватские кроаты или пандуры), но и местное население, едва ли отличимое от комбатантов той далеко не всегда галантной эпохи¹⁴.

Об общей теории и практике партизанской войны в Горной Стране правительству в Лондоне поведал Джеймс Эрскин, лорд-клерк Сессионного суда Шотландии (второй по значению пост в судебной системе Шотландии после должности лорда-президента Сессионного суда) как лорд Грэндж: «Часто отмечалось, что армия горцев едва ли пригодна для чего-либо большего, нежели стычка... победившие или побежденные, они занимались грабежом и убегали в свои горы с тем, что захватили. В этом отступлении в поисках безопасности они, даже побежденные, не разгромлены полностью и могут длительное время вести вид сухопутной пиратской войны или, выражаясь точнее, войны партизанских отрядов»¹⁵. Прославленный маршал Франции Мориц Саксонский (1696—1750) в «Размышлениях о военном искусстве», написанных в 1732 и опубликованных в 1757 г., в одной из глав специально остановился на стратегии и тактике партизанских действий в горах, утверждая, что «отважный партизан с тремя-четырьмя сотнями человек наведет ужасающий беспорядок в войсках и даже сможет атаковать армию»¹⁶. «Война партизанских отрядов» в Хайленде представляла собой утверждавшуюся в языке военных теоретиков фигуру речи культурного перевода местных особенностей военного дела, заимствованную лордом Грэнджем из современного ему языка европейской военной науки, имевшей в виду и опыт, полученный регулярной армией Габсбургов в Венгрии. В этом смысле следует вспомнить, что те же французы (и маршал Франции Мориц Саксонский), впервые столкнувшись с венгерскими гусарами императрицы Марии Терезии (1740—1780 гг.) в ходе Войны за австрийское наследство (1740—1748 гг.), также сформировали легкие кавалерийские гусарские части. Причем в первые гусарские полки Париж активно и небезуспешно пробовал привлечь на службу именно венгров.

Ну а в Великобритании представление о том, что «красные мундиры» не способны без поддержки лояльных правительству горных кланов эффективно сохранять закон и порядок в Хайленде, активно навязывалось отдельными

представителями местных элит и было широко распространено среди ответственных за умиротворение Горного Края чинов. В этом смысле показательны соображения, высказанные Саймоном Фрээрером, вождем клана Фрээрер, 11-м лордом Ловэтом, и приведенные позже в отчете генерала Уэйда: «Регулярные части [...] не в состоянии преследовать горцев [...] и войска, не знакомые с [местным] языком, [...] не способны раздобыть сколько-нибудь полезную информацию...»¹⁷. Из этого восприятия местных реалий родилась «система поддержания мира в Горной Стране», основанная на военном сотрудничестве с лояльными вождями и магнатами, инициированная генералом Уэйдом и безуспешно отстаиваемая Данканом Форбсом из Каллодена в 1742 г. перед новым командующим королевскими войсками в крае генералом Клэйтоном в свете решения об отправке на континент для участия в Войне за австрийское наследство 1740—1748 гг. полка «Черная стража», набранного из горцев специально для службы в Горной Шотландии¹⁸. Не только иностранный, в том числе венгерский, но и собственный опыт умиротворения мятежной окраины был проигнорирован Лондоном. И через три года, в 1745 г., якобиты подняли в крае очередное восстание...

¹ Baynes J. The Jacobite Rising of 1715. London, 1970. P. 138—152; Millae A.H. The Battle of Glenshiel, 10th June 1719. Note upon an unpublished document in the possession of His Grace the Duke of Marlborough // Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland. 1882—1883. V. 17. P. 63; McLynn F.J. The Jacobite Army in England, 1745: The Final Campaign. Edinburgh, 1983. P. 24—25.

² Например: Lenman B. The Jacobite Cause. Glasgow, 1986. P. 40—42.

³ Stevenson D. The Hunt for Rob Roy. The Man and the Myths. Edinburgh, 2004. P. 97.

⁴ Copy of a letter from John Duke of Argyll to William Stuart, esq., Member of Parliament. Written from Scotland in 1715 a little before the Battle of Dunblane // British Library. Hardwicke Papers. Historical Collections. 1567—1720. Add. Ms. 35, 838. P. 390.

⁵ Птифис Ж.-К. Людовик XIV. Слава и испытания. СПб., 2008. С. 279—281; Ладюри Э. ле Р. История регионов Франции. Периферийные регионы Франции от истоков до наших дней. М., 2005. С. 353—354.

⁶ Хаванова О.В. Заслуги отцов и таланты сыновей. Венгерские дворяне в учебных заведениях монархии Габсбургов. 1746—1784. СПб., 2006. С. 97.

⁷ Цит. по: Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. С. 246.

⁸ Seasonable considerations on the present war in Scotland, against the rebels: In which the situation of the Highlands are truly describ'd; the force of their inhabitants fairly computed; And the advantages of the king's troops, in point of discipline and manner of fighting, fully demonstrated. In a Letter to a Person of Distinction. London, 1746. P. 6.

⁹ Copy of a letter from John Duke of Argyll to William Stuart... from Scotland in 1715... P. 390.

¹⁰ Stevenson D. Op. cit. P. 107—108.

¹¹ Rules of war for the infantry, ordered to be observed by their Majesties' subjects, encountering with the enemy upon the day of battel. Written by Lieutenant General Mackay, and recommended to all (as well officers as soldiers) of the Scots and English Army. In XXII Articles. Published by his Excellency's Secretary. Edinburgh, 1693.

- ¹² *Wade G.* Report [...] relating to the Highlands, 1724 // Historical Papers Relating to the Jacobite Period. Vol. I. P. 139–140.
- ¹³ Франция и Испания в Войне за испанское наследство небезуспешно заимствовали местные традиции партизанской войны, сформировав отряды горных фузилеров, использовавших тактику каталонских и руссильонских партизан-микулетов (*miquelets*): *Vilalta L.* Catalonia stands alone. 1713–1714: The Catalans' war / *Desperta ferro!* Wargaming guides series. N 1. The Catalan Wargames resource. San Francisco, 2008¹. P. 21–25, 29; *Guizard P.* Fusiliers et arquebusiers de Montagne ou du Roussillon // *Revue d'histoire militaire*. 1951. N 408. P. 20–27.
- ¹⁴ В военной мысли Франции, а следом и остальной Европы понятие «малой войны» активно применялось с середины XVIII в. На английском языке см, напр.: *Stevenson R.* Military instructions for officers detached in the field containing a scheme for forming a corps of partisans illustrated with plans of the manoeuvres necessary in carrying on the petite guerre. London, 1770; в «Подробном разъяснении технических терминов и проч.» Джорджа Смита (1779) участники «малой войны» описывались как «партизаны»: *Smith G.* An Universal military dictionary, A copious explanation of the technical terms &c. Ottawa, 1969. P. 202; *Emmerich A.* The partisan in war, of the use of a corps of light troops to an army. London, 1789. Подробнее об истории понятий «малая война» и «партизанская война»: *Selig R.A., Skaggs D.C.* The concept of the Kleiner Krieg in the context of warfare in the age of absolutism // *Ewald J.* Treatise on partisan warfare. Westport, 1991 [1785]. P. 9–12; *Heuser B.* Small wars in the age of Clausewitz: The watershed between partisan war and people's war // *The Journal of Strategic Studies*. February 2010. Vol. 33. N 1. P. 139–162.
- ¹⁵ *Erskine J.* An account of the Highlanders and Highlands of Scotland / Edr: 29 Decr 1724 // National Archives of Scotland. MKP. GD 124/15/1263/1. P. 1.
- ¹⁶ *Мориц Саксонский.* Размышления о военном искусстве // Теория военного искусства. Мориц Саксонский. Военные принципы Наполеона. М., 2009. С. 104.
- ¹⁷ *Fraser S.* Memorial addressed to His Majesty George I concerning the state of the Highlands, 1724 // *Burt E.* Letters from a gentleman in the North of Scotland to his friend in London. With large Appendix, containing various important historical documents, hitherto unpublished. With an introduction and notes by R. Jamieson / Ed. by R. Jamieson. Edinburgh; Glasgow; London, 1822. Vol. II P. 264–265.
- ¹⁸ *Forbes D.* Letter to General Clayton [конец 1742 г.?] // *Culloden Papers: Comprising an Extensive and Interesting Correspondence from the Year 1625 to 1748; including numerous letters from the unfortunate Lord Lovat, and other distinguished persons of the time; with occasional state papers of much historical importance.* London, 1815. P. 362. При этом новый наряд, как считали, менял идентичность, а вместе с ней и лояльность. Хайлендская политика Великобритании в этом смысле не являлась исключительным случаем. Во владениях Габсбургов мятежные венгры переходили на службу Вене, надевая установленный регламентом военный мундир, сочетавший, как в случае с утвержденной уставами униформой горских шотландских полков, общеармейский покрой и элементы традиционного местного платья уже в первой половине XVIII в. Старейший регулярный венгерский пеший полк (графа Франца Дюлаи) в составе австрийской армии был сформирован накануне начала продолжительного восстания Ракоци в Венгрии (1702), а в 1749 г. отделанная галунами куртка венгерских пеших полков была заменена белым мундиром, а меховая/мягкая шапка — треуголкой; от традиционного костюма венгры сохранили доломан со шнурами вместо камзола и облегчающие рейтузы с низкими ботинками. Для «кроатов» или «пандуров» австрийской Военной границы регламентированная униформа была введена в 1744 г., а белый мундир, соответствовавший мундиру венгерских полков, и венгерские ботинки вместо опанок ввели в 1760 г. Здесь же отметим, что австрийские граничары и горцы первого набранного в Горной стране регулярного пешего полка «Черная стража», но-

сившие килт и после введенного в 1746 г. запрета на «горское платье», впервые приняли участие в военных действиях за пределами Военной границы и Хайленда в ходе Войны за австрийское наследство: *Костяшов Ю.В.* Сербы в Австрийской монархии в XVIII в. Калининград, 1997. С. 87; *Функен Ф.* Европа XVIII век: Франция — Великобритания — Пруссия: Кавалерия — Артиллерия. Армии европейских стран. М., 2003. С. 90–93; *Knötel R.* Die grosse Uniformkunde. Berlin, 1890. Band X. Pl. 45 [Band XV, Pl. 54–56]; *Haythornthwaite P., Younghusband B.* The Austrian Army, 1740–80: (2) Infantry. London, 1994. P. 28–31; *Idem.* The Austrian Army, 1740–80: (3) Specialist Troops. London, 1995. P. 13–14, 29–32; *Kühn A.* The Imperial Hussars and Hungarian Infantry during the War of the Spanish Succession / Revised by R. Hall. London, 2004. P. 6–27.

РОССИЯ И ВЕНГРИЯ НА РУБЕЖЕ XVII–XVIII ВВ.

Н.М. Рогожин

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДОПЕТРОВСКОЙ РОССИИ: XVII ВЕК

XVII в. в истории России — это время исторического выбора дальнейших путей развития, активного переосмысления государственной идеологии, напряженной деятельности государственной мысли. В значительной степени причиной такого всплеска стало Смутное время. В это время возникли вопросы о выборности царя, об объеме и пределах царской власти, о преобразовании государственного строя. Воцарение Михаила Романова, за спиной которого стоял отец патриарх Филарет в содружестве с земскими соборами и приказной системой, быстро возродил госуправление, армию, но также систему сыска и репрессий. Именно в XVII столетии впервые появилась народная, цельная оппозиция государственной идеологии — старообрядчество.

Можно сказать, что это столетие — эпоха глубинного коренного перелома духовной жизни. Труд постепенно утрачивает прежний духовный характер «богоделания» и его конечной целью становятся доход и «нажива». Подобный подход к труду определял дальнейшую судьбу страны. В этой связи подчеркнем, что не из бунтующих лихих людей, а из крепкой середины, из нижегородских ремесленных и торговых слоев вышли основные силы, выступившие за порядок и возрождение. Именно зажиточная Россия сделала ставку на патриотическое возрождение государственности¹. В XVII столетии уже было около 30 мануфактур (черная металлургия, солеварение, кожевенное производство), появляются торговые ярмарки всероссийского масштаба (Макарьевская, Свенская, Ирбитская).

Говоря о взаимоотношениях государства и народа, отметим, что XVII в. не случайно называли «бунташным». Основная причина — крайне низкий уровень жизни народа, за счет которого происходило восстановление государственности и усиление обороноспособности страны. Патриарх Никон писал: «Нищие, маломощные, слепые, хромые. Вдовицы, черницы и чернецы — все обложены тяжкими данями». Середина века ознаменовалась целой серией городских восстаний: Соляной бунт 1648 г. в Москве, Курске, Козлове, Великом Устюге, Сольвычегодске, Новгороде, Пскове, Медный бунт 1662 г. в Москве. В 1670–1671 гг. мощнейшим казацко-крестьянским восстанием под руководством Степана Разина было охвачено Поволжье.

Время, когда царей избирали на престол, не прошло для сознания народа бесследно: далеким отголоском его можно считать стрелецкий бунт 1682 г. («Хованщина»), когда стрельцы возвели на трон помимо Петра Алексеевича его стар-

шего сводного брата Ивана и вручили регентскую власть их сестре царевне Софье Алексеевне. Финал столетия отмечен стрелецкими выступлениями 1698 г. К этому следует добавить обнищание и смятение в умах, вызванное многочисленными войнами, которые пришлось вести государству. В общей сложности Россия в XVII столетии провела 48 лет (Речь Посполитая, Швеция, Крым, Турция). Все эти потрясения стали серьезным испытанием для российской государственности, проверкой на прочность связей между властью и народом.

Народ также постоянно искал защиты и покровительства со стороны государства, которое персонифицировалось для него в фигуре государя. Характерно, что в кризисных ситуациях народ напрямую обращался со своими просьбами к царю. Практику личного приема челобитных установил в 1605 г. Лжедмитрий I (1605–1606 гг.); в 1648 и 1662 гг. восставшие москвичи приходили со своими требованиями к царю Алексею Михайловичу. Во время Медного бунта они даже скрепляли достигнутую договоренность с царем рукопожатием, что символизировало единение народа с царем². Сам факт «удара по рукам» царя и простолудина демонстрировал наличие в народном сознании определенного представления о неразрывной связи власти и народа. Народ начал ощущать ответственность за судьбу государства.

Особенно это показательно на проблеме выборности царской власти. Народ встал перед проблемой выбора нового царя. Столь важный вопрос, по представлениям русских людей, не мог решаться иначе, чем «всею землей», т. е. Земским собором³. Уже на пороге XVII столетия во главе Московского государства впервые встал в 1598 г. выборный царь — Борис Федорович Годунов. Для русского общества это был один из первых опытов демократии. Следует отметить, что в соседней с Россией Речи Посполитой избрание государя было уже вполне привычной и отработанной процедурой, но и там периоды «межкорольевья» сопровождалась борьбой группировок, а порой и военными конфликтами. В Московском государстве это с неизбежностью должно было вылиться в серьезные потрясения. Смута стала наказанием за малодушие народа, а преодоление кризиса было возможно только после совокупного покаяния⁴. Впоследствии всем важнейшим происшествиям в жизни страны власти пытались придать видимость общего, всенародного дела.

До пресечения династии Рюриковичей, когда власть доставалась государю по наследству, подобный вопрос просто не мог возникнуть. Выборные, «неприродные» государи в глазах народа обладали меньшими правами на престол, нежели представители династий. Вот почему практически на протяжении всей первой четверти XVII в. русские люди верили в «чудесно спасшегося» природного государя — царевича Дмитрия Ивановича. Даже к 1625 г. в народе оставалось убеждение в том, что Дмитрий Иванович всё еще жив. Поэтому даже избранные цари подчеркивали свои династические права на престол. Василий Шуйский (1606–1610 гг.) утверждал, что он царю Федору Ивановичу (1584–1598 гг.) «по родству брат»⁵. Избранный на престол в 1613 г. Михаил Романов (1613–1645 гг.) также указывал на родственную связь с династией Рюриковичей через брак Анастасии Романовны с царем Иваном Грозным. Отсутствие наследника, имеющего династические права на престол, для многих было объяснением событий Смуты. Однако избранный, а не получивший власть от своих предков государь мог быть и лишен

власти народом, вручившим ему эту власть. В этом плане весьма характерен был вопрос, заданный Василию Шуйскому при его свержении с престола 17 июля 1610 г.: «Долго ли за тебя кровь христианская литься будет?»⁶. Трудно представить, чтобы подобный вопрос был задан «природному» государю, пусть даже и проливавшему потоки крови своих подданных, например, Ивану Грозному.

Царь избирался «всею землей». В отличие от Польши, где короля на сейме избирали лишь представители дворянства, а также от Германии, где император выбирался узким кружком из семи крупнейших светских и церковных властителей — курфюрстов, избрание царя осуществлялось как дворянами, так и представителями городского посада (а в избрании в 1613 г. на престол Михаила Федоровича приняли участие также казаки и крестьяне)⁷. Соответственно государь, избранный всенародно, приобретал широкую социальную поддержку. Правильное — всенародное — избрание стало даже восприниматься как залог будущего спокойствия государства.

Другой проблемой стал выбор между самодержавной и ограниченной властью государя. В XVII в. оформилось два варианта ограничения царской власти: соправление царя с Боярской думой (аристократический вариант) или с Земским собором (демократический вариант).

Первый вариант ограничения имел место при воцарении Василия Шуйского, за которым прочно утвердилась репутация «боярского царя». Хотя при своем венчании на престол он обещал править совместно с Земским собором, однако реально при нём собор не был собран ни разу. При вступлении на трон Шуйский обещал осуществлять суд лишь по законам, а по особо важным делам принимать решения только вместе с боярами. К слову, идея ограничения царской власти не вызвала восторга у современников, в том числе и у боярства. Автор «Нового летописца» явно с неприязнью писал об этом: «Он же [Василий Шуйский. — *Н.Р.*] начал говорить в соборной церкви, чего испокон веков в Московском государстве не бывало: целую де крест всей земле на том, что мне никакого зла ни против кого не сделать без собора... Бояре же и всякие люди говорили ему, чтобы он в том креста не целовал, потому что в Московском государстве такого не повелось. Он же никого не послушал и поцеловал крест на том на всем»⁸.

Вопрос об ограничении царской власти рассматривался в договоре от 4 февраля 1610 г. об избрании на русский престол польского королевича Владислава. Этот договор был первым в истории России конституционным проектом⁹. Однако с воцарением Михаила Романова и вплоть до «кондиций» верховников 1730 г. тема ограничения царской власти больше не поднималась. В результате Смуты Россия получила важный урок: власть в стране должна быть сильной и самодержавной — автократической. Так появляется идеологическое обоснование абсолютистской тенденции.

На исходе Смутного времени, в первые годы правления Михаила Романова, Земские соборы играли значительную роль в политической жизни страны. В течение десятилетия, с 1613 по 1622 г., они заседали практически непрерывно. В дальнейшем соборная практика пошла на убыль: со времени правления страной патриарха Филарета Земские соборы стали созываться лишь в исключительных случаях, для обсуждения самых важных вопросов. Место соборов сразу же заняли бояре. Котошихин писал о царе Михаиле: «Хотя он самодержцем писал-

ся, однако без боярского совету не мог делати ничего»¹⁰. В царствование Алексея Михайловича работа Земских соборов окончательно прервалась. Строго говоря, последним Земским собором в истории России стал собор 1 октября 1653 г., принявший историческое решение о принятии Украины под власть русского царя. В противостоянии между абсолютной и ограниченной властью монарха одержала верх более привычная и понятная народу идея «самодержавства». Уже в начале XVII в. в титулатуре российских царей прочно утверждается слово «самодержец», отражавшее претензии российских государей на абсолютную власть.

Наиболее полно абсолютистская тенденция проявилась в царствование Алексея Михайловича Тишайшего. Доказательством тому является следующий факт: из 618 царских указов юридического характера, изданных в 1649–1676 гг., 588 были «именными», т. е. были утверждены царем без обсуждения их в Боярской думе¹¹. Царь Алексей вообще стремился лично вникать во всё, ограничивая доступ к своим личным делам, а порой и к государственным вопросам, даже боярству. Этой же цели отчасти было подчинено создание в 1654 г. по инициативе царя нового органа центрального управления — Приказа тайных дел (или Тайного приказа). Данное ведомство возглавлял лично царь, а круг его полномочий был чрезвычайно широк — от ведения личной царской переписки до тайного надзора за деятельностью воевод на местах и русских посланников за рубежом.

Укрепление приказной системы также свидетельствует об усилении царской власти. По подсчетам крупного знатока российской приказной системы XVII столетия С.К. Богоявленского, в 1611 г. на государственной службе числилось 72 дьяка, примерно такое же количество представителей приказной бюрократии было и в царствование Михаила Романова. В эпоху правления Алексея Михайловича число дьяков постепенно возрастает до 124 человек, а при царе Федоре Алексеевиче (1676–1682 гг.) и в период регентства царевны Софьи их количество достигает наивысшего уровня — 178 человек (при этом количество центральных ведомств — приказов — оставалось практически неизменным, составляя в разные десятилетия от 39 до 45)¹². К середине XVII в. общее число приказов достигло 53 (государственные, дворцовые и патриаршие). Увеличение в 2,5 раза числа дьяков, которые своим благополучием целиком и полностью были обязаны царю, безусловно, должно было укрепить царскую власть. При самых крупных приказах работали специальные школы¹³. Наряду с реставрацией старых приказов шло и создание новых (Казачий, Рейтарский, Сибирский). Менялось число приказов территориального управления и финансовых. В конце XVII в. создается ряд приказов, связанных с новыми веяниями: Военно-морской, Адмиралтейский. Во главе их становятся новые люди, и на высокие посты выдвигают иностранцев. Так, сын голландского купца Андрей Андреевич Виниус (1641–1716), служил в Посольском, Аптекарском, Артиллерийском, Провиантском и Сибирском приказах.

Вехой на пути перехода от сословно-представительной монархии к абсолютизму стало Соборное уложение 1649 г. В этом документе вопросу защиты жизни и достоинства государя, а также производству по делам о государственных преступлениях отведена особая глава (вторая), именованная следующим образом: «О государьской чести, и как его государьское здоровье оберегать»¹⁴. Все дела о государственной измене считались «государевыми»: производство по таким делам начиналось после того, как доноситель произносил знаменитую

фразу: «Слово и дело государево». Соборное уложение 1649 г. стало вехой перехода от сословно-представительной монархии к абсолютизму. Оно предусматривало 54 преступления, влекущие смертную казнь (во Франции того же времени таких преступлений насчитывалось более 100)¹⁵. Новый свод законов охранял права землевладельцев от посягательств «подлого» люда. Монопольное право владения крестьянами закреплялось за всеми категориями служилых людей «по отечеству» т. е. кадровыми госслужащими (номенклатурой), так же как и право бессрочного сыска.

При том что XVII столетие в России стало временем значительного укрепления самодержавной власти государей, этот век впервые в русской истории породил идею государственного интереса (который именно тогда перестает отождествляться исключительно с государевым). Наряду с оборотом «государевы и земские дела» в делопроизводстве стало употребляться понятие «государственные дела». Любопытно проследить эволюцию формулировок: в XVI столетии все государственные дела именовались «государевыми»; в начале XVII в. в обиход входит оборот «государевы и земские дела», но уже в середине XVII столетия царь Алексей свои, государевы, дела ставил рядом с делами Божиими.

Особое значение приобретает проблема взаимоотношений государства и церкви. XVII век стал временем последней попытки восстановления нарушенной в эпоху Ивана Грозного «симфонии», «совместного делания» государства и церкви. Смута подвигла церковь и государство к взаимному сближению, компромиссу, поскольку события начала XVII в. показали, что единственный залог выживания православия — защита со стороны государства, а государство не сможет устоять перед внешним натиском без поддержки церкви. Борьба за освобождение Московского государства от иностранных интервентов велась, прежде всего, под знаменем православной религии, а признанными вождями патриотического движения эпохи Смуты были патриарх Гермоген, игумен Троице-Сергиева монастыря Дионисий, келарь той же обители Авраамий Палицын. Результатом осознания неразрывности связей церкви и государства стало складывание идеи «православного царства». В данном вопросе церковь и государство были вполне единодушны.

Формирование идеи православного царства в России во многом определялось тем, что сознание русских людей в основе своей было религиозным. На религиозной основе строилась и государственная идеология. Так, например, Смута и сопровождавшие ее беды толковались как Божье наказание. Объясняя причины начала Смуты в Московском государстве, российские идеологи объявляли инициатором ее власти соседней Речи Посполитой. Главным мотивом враждебных действий поляков объявлялось желание «истинную нашу православную христианскую веру порушить». Официальная концепция Смутного времени при царе Михаиле Федоровиче была дополнена интересной деталью: помимо традиционного упоминания козней дьявола и соседних королей, московские идеологи стали говорить об искуплении русским народом общего греха всех христиан. Дополнение официальной версии Смуты идеей Божьего наказания позволяло объяснить продолжительность кризиса и безуспешность попыток преодолеть его, а также отводило Российскому государству мессианскую роль, поскольку страна страдала за грехи всего христианства. Божьей волей официально объяснялись

все события: победы одерживались «с Божьей помощью и молитвами святых угодников», поражения случались «по грехам нашим». Но при этом никто не сомневался в правильности и истинности христианского вероучения. В XVII в. мы не обнаружим восстаний против «Царя Небесного», люди боролись лишь против его «боярства»: патриарха, епископов, игуменов.

Соответственно в XVII в. проходило и развитие теории «Москва — Третий Рим». Данная идея подразумевала создание единой православной державы, которая объединит под своей эгидой все православные народы Земли. Подобные планы подразумевали прежде всего покровительство всему зарубежному православию: грузинам и армянам на Кавказе, украинцам и белорусам — в Речи Посполитой, грекам, молдаванам, валахам, иерусалимской, константинопольской, антиохийской, александрийской, сербской патриархиям — в Османской империи¹⁶. Наиболее часто это покровительство проявлялось в финансовом вспоможении братьям по вере: приезжавшим в Россию православным священникам всегда вручалась щедрая «милостыня», а за рубежом с российскими посланниками отправлялась «казна», предназначенная для поддержания православных общин. Подобная политика проводилась всеми без исключения царями XVII столетия (даже Лжедмитрием, который тайно перешел в католичество).

Стремление к объединению под властью Третьего Рима православных народов подразумевало военный конфликт с Османской империей — сильнейшим мусульманским государством, державшим в повиновении значительное количество православных христиан. Из русских царей данная мысль более всего занимала Алексея Михайловича. По сути, именно стремление царя стать освободителем и повелителем православных народов, находившихся в подданстве у турецкого султана, стало толчком к началу церковной реформы середины XVII столетия, а затем раскола Русской православной церкви. Исправление «неправильных» русских обрядов и замена их более верными греческими диктовались желанием царя Алексея облегчить переход зарубежного православия под власть Третьего Рима¹⁷.

В российском обществе XVII столетия были популярны две идеи: «Москва — Третий Рим» и «Москва — Новый Иерусалим». Обе теории имели одну общую теократическую направленность, их целью было создание «православного царства». Однако расхождение в вопросе о главенстве между светской и духовной властями породило противоборство, что привело к торжеству третьего направления, которое условно может быть названо «Новым Вавилоном». Это направление отразилось в построенной Петром I империи, где церковь была поставлена в жесткую зависимость от государства.

В XVII в. постепенно меняется и так называемый литургический статус царя (т. е. место и значение государя в богослужебных обрядах). До середины XVII в. во время богослужения цари причащались святых тайн непосредственно после патриарха или митрополита вне алтаря. Со времени Алексея Михайловича царь принимает причастие несколько позже — после высших священников, но уже в самом алтаре, куда его вводят через царские врата. В этом прослеживается определенная «византинизация» обрядов, что вполне соответствовало духу идеи «Москва — Третий Рим» (в данном случае, копируя византийский церемониал, Россия как бы предъявляла претензии на право выступать в качестве наследницы Второго Рима — Византийской империи). Важно также и то, что царя вводили

в алтарь именно Царскими вратами: согласно церковным представлениям, во время литургии через них исходит Царь славы — Христос. Русский царь, таким образом, уподоблялся Христу. Нередко царя именовали и святым.

XVII столетие стало временем, когда Московское государство впервые встало перед еще одной серьезной проблемой — вопросом о возможности или невозможности проведения реформ, «модернизации» и европеизации российского общества. К тому времени передовые европейские страны (Англия, Испания, Португалия, Франция, Голландия) совершили резкий рывок в своем экономическом развитии. Они получили такую возможность благодаря доступу к океанским торговым путям, от которых Московское государство было отрезано. Смутное время ярко продемонстрировало русскому обществу его наметившееся военно-экономическое отставание, заставило задуматься о возможности и даже необходимости преобразований на европейский манер. Как правильно отметил В.О. Ключевский (1841—1911), именно Смута породила в России поколение людей, которых «нужда впервые заставила заботливо и тревожно посматривать на еретический Запад в чаянии найти там средство для выхода из домашних затруднений, не отрекаясь от понятий, привычек и верований благочестивой старины»¹⁸.

Однако значительная часть русских людей, невольно соприкоснувшись в годы Смуты с европейской культурой и цивилизацией, вынесли в качестве вывода лишь отвращение к ним, поскольку носители иноземных ценностей — в большинстве своем интервенты — не могли вызвать симпатий в русских людях. В результате Смута породила и противоположное направление: отрицание необходимости перемен, стремление оставить всё в прежнем, «святоотеческом» виде. По наблюдениям Н.И. Костомарова (1817—1885), «Московское государство в начале XVII в. носило уже в недрах своем Россию XVIII века — две противоположности, две крайности: неподвижность старинной буквальности раскола и легкое, раблепное увлечение западной иноземщиной высших классов»¹⁹. Такое расхождение во взглядах на будущую судьбу страны породило не только острую полемику по вопросу о преобразованиях, но также стало причиной ряда социальных конфликтов, из которых наиболее заметным оказался раскол русской православной церкви в середине XVII в. При этом следует учитывать, что в сознании русских людей противопоставление старого и нового всегда совпадало с противопоставлением своего и чужого, что не могло не оказать влияния на ход реформ в XVII в.

В первые два-три десятилетия по завершении Смуты господствующей была консервативная линия, направленная на восстановление прежних порядков. Подобная политика московского правительства должна быть признана вполне верной и разумной, поскольку после гражданской войны, поражения от соседних держав, социальных конфликтов страна нуждалась в передышке, необходимой для восстановления сил. Как заметил С.Ф. Платонов (1860—1933), «московский народ вышел из Смуты материально разоренным и духовно потрясенным. Падение старых общественных устоев, вторжение массы иностранцев в московскую жизнь, междоусобия и связанные с ними „измены“ — расшатали старое мировоззрение, поколебали прежнюю уверенность в том, что Москва есть богоизбранный народ, „Новый Израиль“, и открыли дорогу сторонним влияниям на русские умы. Во всех мероприятиях новая московская власть

стремилась к тому, чтобы вернуться к старому порядку, „как при прежних великих государях бывало“. Однако Смута уже навсегда опрокинула старый порядок, и будущая жизнь должна была строиться заново, на сочетании старых основ с новыми элементами»²⁰.

Господство консервативных тенденций вовсе не исключало проведения отдельных реформ вроде создания «полков иноземного строя». Но потребности экономического развития, активная внешняя политика Московского государства всё более настойчиво демонстрировали невозможность дальнейшей самоизоляции, потребность в просвещении, и преобразованиях. Начиная с середины XVII столетия в России всё активнее производятся реформы в самых разных областях жизни общества. Однако консервативная тенденция имела продолжение и в дальнейшем. Наиболее ярко она проявляется в наследии первых расколоучителей²¹. Так, протопоп Аввакум Петров (1620/1621—1682) поучал своих последователей: «Ритор и философ не может быть христианин». Отрицая, таким образом, необходимость развития просвещения в России, мятежный протопоп являлся также ярким противником заимствования европейских традиций и культурных элементов. В одном из своих посланий он горько сетовал: «Ох, бедная Русь! Что это тебе захотелось латинских обычаев и немецких поступков?» Более же всего Аввакум, как известно, противился изменениям в богослужебных делах²².

В том же консервативно-охранительном духе выдержаны слова своеобразного «политического завещания» предпоследнего патриарха XVII в. Иоакима, призывавшего в 1690 г., на пороге петровских преобразований: «Опять напоминаю, чтоб иноземцам — еретикам костелов римских, кирок немецких, татарам мечетей не давать строить нигде, новых латинских и иностранных обычаев и в платье перемен по-иноземски не вводить [...] Всякое государство свои нравы и обычаи имеет, в одеждах и поступках свое держат, чужого не принимают, чужих вер людям никаких достоинств не дают, молитвенных храмов им строить не позволяют»²³.

Со времени царствования Алексея Михайловича спор между сторонниками и противниками нововведений разрешается в пользу реформаторского курса. Первые государственные преобразования последовали уже в начале правления царя Алексея. Так, в 1646 г. была проведена налоговая реформа, основным содержанием которой стал переход от поземельного к подворному обложению: налогооблагаемой единицей вместо сохи (единица измерения земельных участков) стал двор. Это упорядочило систему сбора налогов. Важным шагом в развитии системы российского законодательства стало создание Соборного уложения в 1649 г. — первого печатного Кодекса русского права. Уложение состояло из 967 статей, разделенных на 25 глав. Напечатанное в 1200 экземпляров, Уложение быстро разошлось, в связи с чем потребность в его переиздании возникла уже в том же году. Это является ярким свидетельством того, что российское общество неуклонно развивалось, правовые документы становились всё более востребованными. При принятии Уложения было решено все указы, принимаемые в дальнейшем («новоуказные статьи»), добавлять к Уложению 1649 г. В итоге только за вторую половину XVII в. таких «новоуказных статей» было принято более 1500. Помимо этого, принят целый ряд других важных законодательных актов: Торговый устав (1653) и Новоторговый устав (1667), в которых

были заложены основы экономической политики протекционизма — покровительства отечественным купцам и промышленникам, активно проводившейся впоследствии Петром I. В 1669 г. был принят Уголовный кодекс, состоявший из 128 статей²⁴. Как видно, вторая половина XVII в. стала эпохой активной законодательной деятельности московского правительства.

В числе прочих важнейших реформ XVII столетия должны быть названы церковная реформа, проводившаяся с 1653 г., а также отмена местничества в 1682 г. Первая из них состояла в исправлении русских церковных обрядов и книг по греческому образцу; недовольство значительных кругов этими преобразованиями, как известно, вызвало раскол русской православной церкви. Отмена местничества (древнего русского обычая, согласно которому назначение членов государева двора на должности зависело от древности их рода) имело, безусловно, положительное значение для государства. С 1682 г. цари уже без всяких ограничений могли назначать на высшие посты самых способных из своих приближенных. Была, правда, и обратная сторона — нередко высокие должности стали доставаться лицам, попадавшим в фавор и не располагавшим никакими особенными достоинствами.

Альтернативный цивилизационный взлет в России наблюдается после смерти Алексея Михайловича, когда высокообразованная, честолюбивая Софья и один из самых ярких и образованных людей — Василий Васильевич Голицын столкнулись в борьбе за власть с боярской группировкой Нарышкиных. Девять лет правительство Софьи пыталось осуществить реформы в области гражданского миропонимания. Слова «закон» и «порядок» стали главным лозунгом. Предпринимались попытки улучшить процесс судопроизводства; началась борьба с коррупцией. Голицыну были близки идеи освобождения крестьян, возвращение им обрабатываемых земель. Просвещенный канцлер настаивал на переходе от барщины к оброку, поощрял свободное предпринимательство. Он пытался перевести армию на профессиональную основу. Указ 1685 г. защищал крестьян, ушедших в города, от преследования. Частично была отменена смертная казнь.

В царствование Федора Алексеевича и в период регентства Софьи Алексеевны продолжалось активное привлечение на русскую службу иностранных специалистов. Грамотность становилась достоянием всё более широких кругов дворянства и посадских людей, большим спросом начинают пользоваться учебные пособия. В 1687 г. в Москве открылось первое высшее учебное заведение России — Славяно-греко-латинская академия. Это время стало эпохой значительных перемен в быту и нравах, науке и литературе, временем рождения отечественного театра и светской живописи. При этом радикальной, коренной ломки основ жизни русского общества не происходило, реформы входили в русскую жизнь постепенно. Так реформаторский дух набирал силу, и для деяний Петра I создавалась хорошая почва. Такая линия способна была привести к не меньшим результатам, чем массированные реформы Петра Великого, но достаться эти результаты могли меньшей ценой.

Завершая обзор развития российской государственности XVII столетия, отметим, что Смута впервые поставила на повестку дня проблемы, требовавшие осмысления, принятия решений и идеологического обоснования этих решений. Появляется идея взаимной ответственности народа и государства, подтвержда-

ется и проходит через суровые испытания давно известный тезис о необходимости совместного труда государства и церкви. Общественная мысль активно размышляет о возможности выборности власти и ограничения круга царских полномочий, останавливая в итоге свой выбор на самодержавной форме правления. Одним из самых спорных был вопрос о реформах и преобразованиях: фактически именно это расхождение во мнениях и раскололо российское общество (в XVII столетии на уровне церковном, а в XVIII в. — на государственном).

С 1584 по 1682 г. в России восстанавливалось утраченное государственное единство, постепенно приобретающее формы абсолютной монархии. Это закономерно. Ведь в многонациональном, поликонфессиональном, социально неоднородном и конфликтном, геополитически неустойчивом и нестабильном мире консолидировать субъектов воспроизводственной деятельности способен только мощный властно-государственный фактор. Деятельность Петра I стала ответом на все эти вызовы времени. И мы видим, что в России государство крепнет, властно-административная жизнь упорядочивается лишь тогда, когда народ и политические элиты готовы платить ущемлением прав и свобод.

- ¹ *Ключевский В.О.* Русская история: Полный курс лекций. М., 1995. Кн. 2. С. 204.
- ² *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времен. М., 1989. Т. 8. С. 417. См. также: *Валишевский К.* Первые Романовы. М., 1989. С. 80–81.
- ³ *Леонтьев А.К.* Государственный строй // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 1. С. 301–302.
- ⁴ *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. М., 1992. Т.2. С. 66.
- ⁵ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 26. Л. 84 об.
- ⁶ *Żółkiewski S.* Początek i progres wojny moskiewskiej. Kraków, 1998. S. 82–83.
- ⁷ *Леонтьев А.К.* Указ. соч. С. 301–302.
- ⁸ Новый летописец // Хроники Смутного времени. С. 308–309.
- ⁹ *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1995. С.273–276. См. также: *Крамми Р.* «Конституционная реформа» в Смутное время. // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Самара, 2001. С. 240–258.
- ¹⁰ *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 243.
- ¹¹ *Леонтьев А.К.* Указ. соч. С. 311.
- ¹² *Богоявленский С.К.* Приказные дьяки XVII века // Исторические записки. 1937. Т. 1. С. 228–229.
- ¹³ См. наиболее обстоятельное исследование на эту тему: *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII века и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987.
- ¹⁴ *Леонтьев А.К.* Указ. соч. С. 304–305. *Мартысев И.Д., Шульгин В.С.* Право и суд // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. С. 331–332.
- ¹⁵ *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. М., 2007. С. 71.
- ¹⁶ Впрочем, отношение к представителям зарубежного православия было весьма настроенным, как подчеркивается в новейшем исследовании: *Опарина Т.А.* Иноземцы в России XVI–XVII вв. М., 2007.
- ¹⁷ *Успенский Б.А.* Восприятие истории в Древней Руси и доктрина «Москва — Третий Рим» // *Он же.* Этюды о русской истории. М., 2002. С. 145.
- ¹⁸ *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 356, 412–413.

- ¹⁹ Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства начала XVII века. М., 1994. С. 567.
- ²⁰ Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 63.
- ²¹ Успенский Б.А. К истории троеперстия на Руси // *Он же*. Этюды о русской истории. С. 362.
- ²² Успенский Б.А. Раскол и культурный конфликт XVII века // *Он же*. Этюды о русской истории. С. 333.
- ²³ Лебедев Л. Десять московских патриархов // *Он же*. Москва патриаршая. М., 1995. С. 50.
- ²⁴ Мартысевич И.Д., Шульгин В.С. Указ. соч. С. 324–325.

А.Г. Гуськов

О ПОЕЗДКЕ ДУМНОГО ДЬЯКА Е.И. УКРАИНЦЕВА К КНЯЗЮ ФЕРЕНЦУ II РАКОЦИ

Интерес будущего первого русского императора Петра Великого к налаживанию двусторонних русско-венгерских отношений связан в первую очередь с ситуацией, сложившейся в ходе двух крупнейших европейских конфликтов: Северной войны и Войны за испанское наследство. В 1706 г. саксонский курфюрст Август II, потерпев поражение от шведского короля Карла XII, подписывает в Альтранштедте договор, по которому отказывается от польской короны и союза с русским царем. Россия оказалась крайне заинтересована в выдвижении нового кандидата на трон Речи Посполитой в противовес ставленнику Швеции Станиславу Лещинскому. В Венгрии в то время бушевало восстание за независимость от австрийского владычества во главе с трансильванским (в русской традиции — семиградским*) князем Ференцем (Франциском) II Ракоци. Его попытки вступить в союз с противниками Австрии окончились не совсем удачно: от Франции удалось добиться лишь обещаний дипломатической помощи¹. Таким образом, к 1707 г. и Петр I, и Ракоци оказались заинтересованы в налаживании взаимоотношений: первый — с целью выдвижения венгерского правителя на польский престол, второй — для поиска новых союзников.

В апреле 1707 г. глава Российского государства направил в Венгрию доверенное лицо Д. Корбе с поручением провести переговоры по интересующим обе стороны вопросам. Петр I предлагал выдвинуть кандидатуру семиградского князя на освободившийся трон и обещал всемерную поддержку, в том числе для достижения перемирия с Австрией. В разговоре посланец должен был апеллировать к усилению возможностей Ф. Ракоци как главы Польско-Литовского государства в деле национально-освободительной борьбы венгров. Взамен русский царь просил о помощи в заключении мира со Швецией через посредничество французского короля, с которым венгерский правитель находился в хороших отношениях².

Переговоры, проходившие через Д. Корбе со стороны Петра I и Шандора (Александра) Недечки со стороны Ракоци, привели к согласию трансильванского князя на выдвижение его кандидатуры на польский престол³. Для подписания соглашения летом 1707 г. в Варшаву, где в то время стояли русские войска, прибывают венгерские послы во главе с «Н. Беречини» (т. е. М. Берчени)⁴.

* Семиградье — от немецкого названия Трансильвании *Siebenbürgen*.

4 сентября 1707 г. они вместе с российскими представителями Г.И. Головкиным, Г.Ф. Долгоруковым и П.П. Шафировым подписывают союзный договор (в 17 пунктах). По его условиям венгерскому правителю после получения польской короны была обещана военная и денежная помощь. До начала мероприятий по избранию Ракоци должен был всеми силами способствовать примирению России и Швеции при посредничестве французского короля, а Петр обязывался немедленно предпринять шаги с целью прекращения конфликта между Венгрией и Австрией. При дворах обоих правителей устанавливались постоянные представительства и провозглашалась свобода торговли. В случае срыва задуманных предприятий Ракоци и его близким гарантировалась материальная помощь и убежище в России⁵. В соответствии с подписанным соглашением Петр I решил направить в Венгрию известного дипломата Емельяна Игнатьевича Украинцева.

К тому времени (1708) бывший глава Посольского приказа находился в почтенном возрасте. Преодолев 65-летний рубеж, Украинцев понимал ограниченность своих сил и поэтому был крайне удивлен решением государя назначить его с миссией к князю Ференцу II Ракоци. Появившись у царя в апреле 1708 г., эта мысль через месяц приобретает реальные очертания⁶. Отсутствие молодых опытных дипломатов явственно ощущалось Петром I. «К Ракоцию кого послать, — раздумывал он, — [а например Украинцов, ежели лутче кого нет] и всячески приводить сих к покою, из чего великая может произойти полза [...] но Дашков, аки глупой, к сему не годитца»⁷. Цель посольства заключалась в посредничестве московского государя с целью прекращения военных действий между австрийским императором и восставшими венграми.

Готовясь к экспедиции и ожидая официальных бумаг из России, Украинцев предпринял попытку избежать тягостного поручения. Он словно предчувствовал скорую кончину на чужбине. 2 июня из обоза польского лагеря под Нимом, где находился тогда бывший глава Посольского приказа, уходит письмо к его бывшему протезе П.П. Шафирову. Будущий вице-канцлер, намного опередив своего покровителя в служебном положении, не забывал старика и периодически оказывал ему содействие. В послании Украинцев умолял Шафирова: «Прошу милости з горкими моими слезами, вырви меня отсюда мудрым и человеколюбным предстательством своим буде не к Москве, хотя бы на время для какова дела к господину гетману Мазепе или в Киев или куды под власть Гаврила Ивановича или твою [...] государя моего»⁸. Далее он писал: «Каким подобием сия функция мне, старцу древному и безпамятному припала, и того я не ведаю [...] А в том и на старости сокрушаюсь и превеликую имею печаль, что по-латине не учен, и по-немецки и по-француски не разумею; а здесь и везде без того мы дураки [...] не ладно тебе государю моему о сем предлагаю, что и на старости завидую тому и дела печалюсь, что я неуч и дурак»⁹.

Но все усилия Украинцева оказались тщетными: 24 июня 1708 г. он отправляется в Венгрию¹⁰. Посланная с ним грамота, адресованная «светлейшему римского государства и седмиградскому князю, и чинов сообязанных венгерского королевства вождю государю Францышку Ракоцию» и «чинам соединенным королевства Венгерского», требовала немедленного принятия посланника и получения срочного ответа на все предложения¹¹.

Отдельный интерес представляет Наказ, полученный дипломатом 1 июня 1708 г. в Витебске. Согласно ему, перед отъездом Е.И. Украинцев должен был сообщить гетману Синявскому и епископу кувявскому об отъезде к Ракоци «для общего интересу, дабы меж цесарским величеством и оным предложить к миру, его царского величества посредством». Прделав путь быстро, но без излишнего риска и сохраняя инкогнито, ему следовало объявить о себе и просить частной аудиенции «без всяких церемоний». После вручения верюющей грамоты предусматривалось провести секретную конференцию, на которой предложить следующие варианты действий:

1) Петр I советовал Ракоци примириться с цесарем. Обосновывалось это достаточно аргументировано. Во-первых, русский царь узнал, что австрийцы хорошо вооружились, вызвали дополнительные войска из Италии, Дании и других мест и собираются напасть на Венгрию и подавить сопротивление. Во-вторых, в Войне за испанское наследство, возможно, скоро наступит мир, так как все страны устали и склонны к миру. Французский король уже предлагает цесарю примириться: если его внук Филипп удержит Испанию, то итальянские провинции он, возможно, уступит Австрии, на чем они подпишут договор. Англия и Голландия ничем не смогут помешать, так как цесарь на них в досаде, что они не помешали шведам-протестантам отбирать католические костелы в Шлезвиге. В-третьих, после мира цесаря с французами опасность для Ракоци возрастает многократно, так как у австрийцев освобождаются руки для борьбы, что может привести к отпадению от Ракоци многих дворян и шляхты со своими отрядами, которые, «устрашась от цесарской силы», согласятся на предложенную им амнистию. На французского короля надеяться нельзя, т. к. он всё время ищет свой интерес и ради венгров и Ракоци не будет оттягивать мир с цесарем, если ему это будет выгоднее. Слаба надежда и на Турцию, которая не будет разрывать крепкий мир с Австрией, тем более накануне завершения европейской войны.

2) Если Ракоци соглашается на посредничество царя, то предложить ему составить «**кондиции удобовозможные**» (на что у Украинцева есть указ-разрешение), которые он может послать к российскому представителю при австрийском дворе тайному советнику барону И.-Х. Урбиху. Если князь выдвинет приемлемые статьи, то написать их на латинском языке и послать к Урбиху, с добавлением анализа положения Венгрии; если тяжелые, то просить написать более терпимые, но при неудаче послать какие будут. Со своей же (русской) стороны предложить вариант кондиций «царского величества»:

1. Объявление цесарем генеральной амнистии всему, что происходило во время войны между ними.
2. Сохранение за Ракоци титула и владения Седмиградским княжеством, но под верховной властью цесаря, и правами, как прежде, по старым договорам с предками.
3. Возвращение всему венгерскому королевству «маетностей, честей, привилей свецких и духовных» и соблюдение всех принятых пунктов с отказом от прежних обид.
4. Пребывание иезуитов в Венгрии должно соответствовать «определению», какое было прежде во время коронации Леопольда.

5. Установить для венгров равенство податей и пошлин с австрийскими «поданными»; уравнивать привилегии для купечества и «в прочих промыслах».
6. Розданные иноземцам «чины венгерские» сохранить за ними пожизненно, но впредь без венгерских сеймов тех чинов не раздавать; хотя полностью этого права у цесаря отнять нельзя.

3) При принятии Ракоци этих кондиций или их части немедленно писать к великому государю (через почту или курьеров) и Урбиху. По получении же от Урбиха ответов царского двора предлагать их Ракоци, «выбирая что пристойно». Особо напоминать, что мир может помочь царю в деле избрания его, Ракоци, на польский престол.

4) Если Ракоци согласится на мир и пожелает, чтоб царь был не только посредником, но и гарантом договора, то обещать, что царь приложит все усилия для этого. Однако при отказе цесаря на письменную фиксацию гарантий другого государства, Петр I обещает любую гарантию, кроме письменной.

5) В случае упорства семиградского князя в нежелании заключить мир или предложении явно неприемлемых условий ссылаться на возможность перемены доброго отношения царя к нему и принятие «иных» мер, так как Петр имеет собственные интересы в скорейшем заключении мира венгров с цесарем¹².

Особым образом был проинструктирован И.-Х. Урбих. Г.И. Головкин сообщал царю: «И мы, государь, по указу вашему писали к нему, Урбиху, дабы он, выбирая ис того, еже к нему Емельян писать будет, что прилично цесарю предлагал и всячески трудился, дабы цесарь медиацию вашего величества в том миротворении восприял и склонял его к тому примирению; а ежели что в Емельяновых писмах гораздо противное им усмотрит быть, того бы не объявлял, дабы не привесть ко озлоблению»¹³.

В целом поручение не внушало думному дьяку особой радости. Переезд по территории воюющих стран, болезнь, немалый возраст — всё это вызывало у дипломата тяжелые предчувствия. Дело усугублялось вероятным несогласием австрийского императора с посредничеством русского царя, терпящего поражения от шведов.

Поездка Е.И. Украинцева длилась около полутора месяцев. Из его письма к Г.И. Головкину от 17 (28) августа можно узнать некоторые подробности столь долгого пути. Проехав в июле польскими и венгерскими землями, к концу месяца он приближается к Тренчену, за 8 миль до которого встречает отряды Ракоци. Ниже Украинцев поясняет, что Тренчен — это венгерский город, расположенный на моравской границе. Однако здесь московский эмиссар попадает в самый разгар столкновения венгерских войск с австрийцами. Семиградский князь незадолго до этого подошел к городу с 15-тысячным войском, состоявшим из пехоты и кавалерии, и осадил его. 20 июля неожиданно под крепостью появляется 7-тысячный австрийский отряд во главе с генералами Гейстером и «Пальфин» (т. е. Палфи). Неудачное местоположение и внезапность нападения (а «не от сильного и мужественного» — на чем специально концентрировал внимание Украинцев) стали причиной поражения венгерского войска, часть которого была перебита и пленена, а часть бежала. Ф. Ракоци оказался вынужден отходить вглубь венгерской территории и набирать новое войско. Сообщается и о победивших австрийцах, часть которых осталась под городом, а другая —

направилась за Дунай против венгерских отрядов, которые совершали набеги на австрийские земли¹⁴.

8 августа Украинцев приезжает в Эгер (в русской транскрипции XVII в. — Агрива, Егра), где его принимает Ф. Ракоци. Вечером того же дня он встречается с князем на тайном свидании (инкогнито) и объявляет о намерении Петра I стать посредником при заключении мира между Ракоци и цесарем. В ходе беседы выяснилось положительное отношение венгров к инициативе русского царя. Семиградский правитель выразил желание прекратить кровопролитие и обещал обсудить с советниками условия Петра I («Кондиции»). По просьбе думного дьяка подробный разговор о деле был запланирован лишь после официальной аудиенции и вручения грамоты, что Ракоци обещал сделать на следующий день «с подобающей честью при сенаторах королевства венгерского»¹⁵. В первой встрече также участвовал приближенный венгерского правителя Н. Берчини.

9 августа состоялся официальный прием с вручением грамоты, а затем вновь тайная беседа о деле. Ракоци, поговорив с сенаторами, сообщил, что пункты к примирению уже посланы, «а иные дать не могут». Кроме того, он «особно» заметил: несмотря на положительное принятие предложений о посредничестве, мирный трактат не может быть заключен, пока «не одержат они от страны цесарской общей амнистии, которая на неколикое время сочинится имеет, а потом назначит место комиссии и трактата, с обеих стран комиссаром о покое»¹⁶.

Через два дня русский дипломат получает текст с венгерскими предложениями. Специально для Петра I был представлен развернутый вариант «мирных пунктов государства Венгерского» со ссылками на предыдущие соглашения и объяснением причин восстания. Во-первых, все будущие договоры должны утверждаться в соответствии с «народным правом». Во-вторых, согласно «Тирнавскому трактату» 1706 г. должны сохраняться: свободное избрание семиградских князей, свобода вероисповедания, всеобщая амнистия. В-третьих, отменялись артикулы, учрежденные на «Презбургском сейме» (Государственном собрании в Прессбурге), как заключенные через насилие; но сохранялись и обновлялись «артикулы Андрея-короля и декреты», на которых присягали все австрийские герцоги. В-четвертых, в соответствии с артикулами от 1655 и 1659 гг. все иностранные солдаты должны покинуть территорию Венгрии, а вместо них в крепостях расквартироваться венгерские солдаты. В-пятых, на все должностные места в Венгрии, как светские, так и духовные, должны назначать только природных венгров, с отстранением всех иностранцев, которые сейчас их занимают, что соответствует предыдущим постановлениям: артикулу 24 за 1622 г., 30 и 32 артикулам 2-го декрета Владислава-короля и другим артикулам предшественников Леопольда, которые они подтверждали присягой. Все статьи подлежали обязательному утверждению на сейме с предоставлением гарантий иностранными посредниками и присягой Леопольда I. Такие требования объяснялись чрезвычайными обстоятельствами начала венгерского выступления: нарушениями прежних артикулов и ущемлением прав и свобод. Притеснения доходили до того, что часть венгров для уплаты налогов и поборов продавали своих детей туркам или евреям, а другие для умиротворения немецких офицеров предавали «блудодействию» своих жен и дочерей. Совершались и иные преступления. Но, несмотря на приводимые свидетельства, все жалобы были «поруганы и посмеяны», что и вынудило венгров взяться за оружие.

Утверждалось, что во многих австрийских министрах (чиновниках) и офицерах преобладает «сребролюбие», гордость и презрение к другим народам, поэтому они смотрели безучастно на унижения венгров. Таким образом, по заверениям Ракоци, мятеж произошел исключительно из-за насилия и самоуправства австрийских чиновников и офицеров¹⁷.

Общение Украинцева с венгерским правителем не ограничивалось тайными беседами, одновременно по менее важным вопросам велась обычная дипломатическая переписка. Так, в ответ на сообщение думного дьяка о посылке российскому представителю в Вене барону Урбиху вышеприведенных мирных пунктов, Ракоци благодарил посланника за помощь в посредничестве, выражал надежду на скорое прекращение конфликта (но со справедливым финалом), просил точнее сообщать Урбиху о желании венгров закрепить свои права и свободы, чтобы ими не пренебрегали¹⁸.

В ходе дальнейших встреч Украинцев продолжал настаивать на предоставлении «пристойных» пунктов с условиями мира в случае принятия посредничества царя. В ответ Ракоци ссылаясь на невозможность дать новые условия, так как уже дважды предлагал их. Последние даже согласовывались с английским, голландским и шведским послами («Тирнавский трактат»), но австрийцы их «не восприняли». На последних своих предложениях он и намерен настаивать, даже если все австрийские войска на него нападут; причем венгры будут обороняться «до последней капли крови своей», но жить в той неволе, какую на них наложил цесарь, они не будут. О посредничестве царя князь говорил с благодарностью, одновременно отметив, что прежних посредников (англичане, голландцы, «а про шведа не примолвил») он отставить не может, тем более что цесарь с их «медиаторством» согласен¹⁹.

Украинцев, несомненно, видел опасность такого положения, о чем неоднократно указывал Ракоци и его приближенным. Он отказывался посылать к Урбиху в Вену представленные пункты как явно противоречащие условиям царского величества и вызвавшие бы у австрийцев негативную реакцию. Сама возможность посредничества Петра I могла быть сразу дискредитирована.

После одной из встреч думный дьяк получил от Ф. Ракоци десять предложений (на латинском языке) «*О покое венгерском*»: 1) требование «крепкого и твердого обнадеживания» от посредников и «принципалов» заключенного мира; 2) сохранение прав и свобод семиградских, подтверждение правомерности избирать на венгерском сейме «принцов» (мелких владетелей); 3) вывод всех иностранных войск, кроме находящихся на турецкой границе в крепостях; 4) вхождение венгров в «советы королевские», избрание их на светские и духовные должности; 5) сохранение «новоустановленных» и турецких прав; 6) свобода вероисповедания; 7) пребывание иезуитов разрешается только в провинциях, где были раньше, как во время коронации Леопольда I; 8) забвение всех враждебных деяний; 9) сохранение всех «шляхетских» чинов, прав, владений, вольностей, с заверением Леопольда I; 10) обсуждение прочих проблем на вольных сеймах²⁰. Привезший предложения чиновник («директор Седмиграцкого») Родой (т. е. Пал Радаи) просил списать условия слово в слово и послать в Вену от царского имени. В своем отчете дипломат добавил: «...а подлинного письма князь отдавать не мне велел». Украинцев велел скопировать письмо, но отметил вслух, что не

стоило им «против воли и указу царского величества так [...] опасно поступати» с ним, и видит он их нежелание идти навстречу предложениям царя и склоняться к миру. Не желая портить отношения, венгерский сановник попытался сгладить неловкость и выразил от имени Ракоци большую благодарность Петру I за посредничество. О письме же с кондициями заявил, что оно оставлено в незапечатанном виде именно для ознакомления с ним российского посланника.

Украинцев, посчитав все действия за специальное затягивание времени, приготовил и отослал к Урбиху все варианты мирных предложений (от Ракоци, от царя, замечания князя на царские условия). Российский уполномоченный в Вене должен был сам, выбирая, что «пристойно» царскому указу, представить наиболее приемлемые пункты на рассмотрение австрийцев.

В своем письме к Г.И. Головкину, где излагались вышеописанные события, Украинцев высказывал предположение, что дело будет замедляться, так как Ракоци больше надеется на посредничество англичан, голландцев и шведов. Из прежних венгерских сановников, которые были склонны к миру, при дворе никого не осталось. Особым влиянием в настоящее время пользуется первый министр граф Берчини, о котором он слышал, еще проезжая Польшу, от австрийца генерал-лейтенанта Дракевича о противодействии его миру из-за собственного корыстного интереса²¹.

В ходе пребывания в Эгере Е.И. Украинцев вступил в обширную переписку, в которой он не только информировал всех заинтересованных лиц о ходе переговоров, но и обменивался сведениями о международной обстановке. Среди его корреспондентов можно назвать А. Дашкова, П. Шафирова, барона И.К. Урбиха, князя А. Прозоровского, графа Г.И. Головкина, гетмана И. Мазепу, польских коронных гетманов²². Почти во всех депешах после рассказа о себе он просил написать в войне со шведами, о российских войсках, о положении в Польше, о событиях в Европе и других новостях.

В обычные задачи любого российского дипломата всегда входил сбор новостей о местной и международной политической жизни. Обо всем увиденном и услышанном предписывалось немедленно сообщать в Посольский приказ. Послания Украинцева в этом плане выгодно отличались наличием дополнительного анализа обстановки и некоторыми рекомендациями к действию. В основном такие сведения содержались в письмах думного дьяка к главе внешнеполитического ведомства Г.И. Головкину.

Так, в депеше от 17 (28) августа 1708 г. он уведомлял о неустойчивом почтовом сообщении Венгрии с Польшей, о переговорах Ракоци с Мазепой с целью установления нового маршрута почтовых перевозок. Особое беспокойство выражалось по поводу русско-турецких отношений, так как ходили слухи об анти-московской агитации, проводимой Портой у «мултянского господаря», о запрещении помогать людям царского величества, едущим в Венгрию или Австрию. Большой дипломатический опыт позволял Украинцеву говорить о ненадежности и непостоянстве волошского владетеля, служащего сильнейшему, т. е. сейчас туркам и татарам. Украинцев советовал отписать послу в Константинополе (Стамбуле) Петру Андреевичу Толстому (1645–1729), чтобы тот выяснил у турецкого правительства, почему русским нет свободного проезда по мирному договору в Турцию, Валахию и Молдавию и почему сами они не ездят в Россию для

торговли, а ездят в Польшу. Не внушали особой радости и польские дела. Ракоци получил известия о скором прибытии жены коронного гетмана Синявского в Гродно к Станиславу Лещинскому с обещанными ею деньгами шведам «на откуп». Думный дьяк предполагал, что она будет пытаться примирить Лещинского и своего мужа. Положение усугублялось признанием Англией, по словам французского посла, польским королем С. Лещинского²³.

В письме от 25 августа (4 сентября) Украинцев высказывает свои соображения о войне с Карлом XII. Он желает Петру I «над гордым неприятелем счастливой виктории», полагая, что шведы излишне возгордились из-за побед и сейчас растолстели, обросли имуществом и богатствами, ограбив многие польские и литовские города, наложив большие контрибуции. Шведский король, по мнению дипломата, излишне много взял с Саксонии: 16 млн талеров, не считая одежды, припасов, лошадей, фуража. Ему надо было оставаться под Ригой или Ревелем, где он был бы «в прежних силах»²⁴.

Помимо посреднической миссии и сбора информации, перед Е.И. Украинцевым стояла еще одна, более тайная задача: продолжение контактов через семиградского князя с представителями французского короля с целью посредничества последнего между Петром I и Карлом XII. По просьбе Ракоци французский король написал в Данциг к своему послу о проведении предварительных переговоров. Однако шведский король отказался принимать француза («до себя ево не допустил»), отговариваясь тем, что во время пребывания с войском он не принимает иностранных послов («что когда он бывает с войском в маршу и тогда иных государей министров и послов до себя не допускает»). Тем более не собирался Карл XII прекращать военные действия против России, так как с «царским величеством он еще имеет дело и до миру не дошло». По словам Украинцева, вся информация пришла от французского представителя при дворе венгерского князя, который еще добавлял, что он слышал, будто шведский король просит себе Петербург и другие земли, завоеванные русскими войсками²⁵.

Трудности в выполнении порученной миссии усугублялись не только преклонным возрастом, но и болезнью дипломата. Некоторые его послания проникнуты стремлением освободиться от тягот местного климата и вернуться хотя бы в Польшу²⁶. Украинцев намеревается, получив от Урбиха ответ и написав мирные предложения по указу Петра I, вручить все документы Ракоци для размышлений. Он надеялся, что к тому времени придет новый царский указ, позволяющий ему, «свободясь хотя мало чрез дохтура княжого от нападающей на меня febры и от иных болезней, и от дешняго воздуха и жаров нападших», вернуться в Польшу к коронному гетману²⁷.

Смерть дипломата прерывает все переговоры²⁸. 12 сентября 1708 г. Емельян Игнатьевич Украинцев скончался в Эгере (Егру), где был погребен в местной православной церкви²⁹.

Дальнейшие попытки Петра I выступить в роли посредника между Ф. Ракоци и Леопольдом I оказались неудачными. Сначала из-за усиления натиска шведской армии не могли подобрать нового поверенного при дворе семиградского князя (к 14 декабря 1708 г.)³⁰. А затем выяснилось резко отрицательное отношение австрийцев к самому факту посредничества и предоставления гарантий русского царя. В декабре 1708 г. Г.И. Головкин получает от Ф. Ракоци послание,

в котором говорилось о категорическом несогласии венского двора с участием в переговорах российской стороны³¹. Возможностями же силового давления Петр тогда еще не обладал.

¹ Китушин А.Н. Русско-венгерские связи в XVII–XVIII вв. // Азербайджанский университет. Ученые записки. 1958. № 4. С. 78–79.

² РГАДА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 2 (1707 г.); ПиБ. Т. V. СПб., 1907. С. 591–593.

³ РГАДА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 2, 4 (1707 г.); 5 (1707 г.). Л. 49–58.

⁴ Там же. Д. 5 (1707 г.). Л. 1–48; Китушин А.Н. Указ. соч. С. 82.

⁵ РГАДА. Ф. 40. Оп. 2. Д. 3, 5.

⁶ Ср.: ПиБ. Т. VII. Вып. 1. Пг., 1918. С. 130, 185.

⁷ Там же. С. 130.

⁸ ПиБ. Т. VII. Вып. 2. М., 1946. С. 795.

⁹ РГАДА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 4 (1708 г.). Л. 10, 10 об.

¹⁰ Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.) (далее — Обзор). М., 1897. Ч. 3. С. 196.

¹¹ РГАДА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 4 (1708 г.). Л. 1, 1 об. Публикация: ПиБ. Т. VII. Вып. 1. С. 185.

¹² РГАДА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 4 (1708 г.). Л. 2–7; Ф. 159 «Приказные дела новой разборки». Оп. 2. Ч. 1. Д. 140. Л. 264–270. Публикация: ПиБ. Т. VII. Вып. 2. С. 790–793.

¹³ ПиБ. Т. VII. Вып. 2. С. 785.

¹⁴ РГАДА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 5 (1708 г.). Л. 22–23.

¹⁵ Там же. Л. 23–24; Ф. 9. Отд. II. Кн. 8. Л. 619, 619 об.

¹⁶ РГАДА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 5 (1708 г.). Л. 1–3, 24–25.

¹⁷ Там же. Л. 7–11 об.

¹⁸ Там же. Л. 12–13 об., 14–15 об.

¹⁹ Там же. Л. 40–42.

²⁰ Там же. Л. 5–6.

²¹ Там же. Л. 33–36.

²² Там же. Л. 1–2, 16–18, 19, 22–25, 28, 31, 37, 48–49.

²³ Там же. Л. 23 — 25 об.

²⁴ Там же. Л. 36, 36 об.

²⁵ Там же. Л. 26–27; Ф. 9. Отд. II. Кн. 8. Л. 619.

²⁶ Там же. Л. 28.

²⁷ Там же. Л. 36 об.

²⁸ ПиБ. Т. VIII. Вып. 2. М., 1951. С. 798, 807.

²⁹ РГАДА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 1 (1708 г.). Л. 21–22; Белокуров С.А. О Посольском приказе. М., 1906. С. 114; Обзор. Ч. 3. С. 196.

³⁰ РГАДА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 1 (1708 г.). Л. 20–21.

³¹ Там же. Л. 1–2 об.

Л.В. Мольнар

ТОКАЙСКИЕ ВИНА НА ЦАРСКОМ СТОЛЕ (ДАННЫЕ О ВЫВОЗЕ ТОКАЙСКИХ ВИН В РОССИЮ В XVIII В.)*

Между Венгерским королевством и Московским великим княжеством со времени правления Матяша Хуняди (1458–1490 гг.) и Ивана III (1462–1505 гг.) сформировались хорошо прослеживаемые торгово-экономические отношения. Они сводились, как это подтверждает ряд архивных документов¹, главным образом к обмену венгерских вин на русские меха и пушнину. Из работ Шандора Марки мы узнаём, что на свадьбу Лжедмитрия I и Марины (Марии) Мнишек (ок. 1588–1615), дочери сандомирского воеводы, было привезено 30 бочек отличного вина из Токайского предгорья (по-венгерски именуемого Токай-Хедьалья)².

Первые годы XVIII в. принесли значительное оживление в венгерско-русских отношениях. Переговоры, переписка между Ференцем II Ракоци и Петром I, а также между их дипломатами (Шандором Недецки, Матэ Талабой и Емельяном Ивановичем Украинцевым, Борисом Ивановичем Куракиным, Осипом Щербатовым) указывают на крепнущие политические и торговые контакты³. Известно, что русский царь был не только великим реформатором, но и большим любителем выпить, помимо водки он употреблял токайские вина⁴. Этим объясняется, что князь неоднократно направлял их в дар Петру Алексеевичу. О том, какого приема удостоивалось токайское вино, известное как «король вин» и «вино королей», говорилось в донесении посла Матэ Талабы, адресованном князю: «С уверенностью пишу Вашему Величеству, что преподнесенная в качестве презента бочка венгерского вина значит для его величества царя больше любого драгоценного подарка»⁵. Действительно, самым лучшим агентом влияния был антал⁶ токайского, ведь «божественный нектар», «наслаждающийся напиток Бахуса», хмельная сила и опьяняющее действие золотисто-желтого напитка заслужили высочайшее признание «государя всея Руси»⁷. В 1711 г. во время встречи с князем в польском Ярославле, после растянувшейся на всю ночь попойки, самодержец признал: «До сих пор никто и ничто не могло свалить меня с ног, но вчера ночью надо мною одержало победу токайское вино»⁸.

Неукротимый и буйный царь часто устраивал со своими собутыльниками, в частности с А.Д. Меншиковым, ставшего из конюха князем, шумные пьян-

ки, скандальные оргии. А.Н. Толстой в знаменитом историческом романе «Петр Первый» описывает эти «потехи» следующим образом: «Князя Белосельского за строптивость раздели нагишом и голым его гузном били куриные яйца в лохани. Боборыкина, в смех над тучностью его, протаскивали сквозь стулья, где невозможно и худому пролезть. Князю Волконскому свечу забили в проход и, зажгя, пели вокруг его ирмосы, покуда все не повалились со смеху. Мазали сажей и смолой, ставили кверху ногами. Дворянина Ивана Акакиевича Мясного надували мехом в задний проход, от чего он вскоре и помер...»⁹.

Важную роль сыграли токайские вина и в период подготовки и подписания договора между Петром I и Ференцем II Ракоци, заключенного в Варшаве 15 сентября 1707 г. О том, как был воспринят русским царем токайский напиток, под воздействием которого настроение договаривающихся сторон в значительной мере поднялось, Ш. Недецки сообщал следующее: «Царь принял винную эссенцию [сорт токайского вина. — Прим. ред.] любезно, дважды упоминал здесь, а еще раз в Варшаве»¹⁰.

Прибывший в Венгрию с верительной грамотой Петра I от 12 июля 1708 г. царский посол Е.И. Украинцев (в прошлом — глава Посольского приказа) также любил хорошие вина. Как говорили злые языки, причиной его смерти тоже были сильные попойки, хотя это трудно доказать, ведь в официальном донесении говорится о высокой температуре 67-летнего дипломата¹¹.

Несмотря на то что в России начала XVIII в. в ходу были скорее испанские, греческие и рейнские вина, царь в своих письмах с восхищением отзывался о качестве и непревзойденном букете токайских вин. Закупщики в то время платили в среднем около 40–50 ефимок, т. е. приблизительно 20–25 руб. (1 рубль = 1,3–1,4 фт.) за антал выдержанного вина, которое отправлялось сухим путем по маршруту Токай–Киев–Москва, либо повозками до Вислы, а оттуда судами до Данцига и дальше до Санкт-Петербурга. Из-за плохого качества дорог и низкого уровня общественной безопасности купцы предпочитали морские перевозки, однако в этом случае довольно часто — под воздействием затхлых складов и соленого воздуха — букет вина становился значительно хуже. В придачу ко всему, из-за высоких транспортных расходов, различных транзитных сборов и высоких пошлин (6–9 руб. за бочку) торговля вином не могла стать весьма доходным предприятием¹².

В 1714 г. Петр I направил в Токай капитана Параскевича, который был родом из греческой купеческой семьи, а также гвардейского офицера Ермолая Корсакова для закупки 300 бочек (600 анталов) вина общей стоимостью 10 тыс. руб.¹³ Два года спустя вино для царя закупал Савва Григорьев, имевший точную информацию о качестве токайского вина сорта асу и отпускных ценах на него¹⁴. Удаленность Токая и проблемы, связанные с транспортным сообщением и общественной безопасностью, побудили царя попытаться привить культуру виноградарства и виноделия токайского типа в России. (Этот замысел был осуществлен только в 1784–1785 гг., после присоединения Крыма к Российской империи, когда там было посажено 30 тыс. виноградных лоз¹⁵.)

Во время правления Екатерины I (1725–1727 гг.), преемницы Петра I, интерес к венгерским винам и спрос на них возрос настолько, что, говорят, сама царица умерла с перепоем¹⁶. Этого нельзя исключить, так как за два года своего

* Статья была впервые опубликована в: Место России в Европе / Отв. ред. Д. Свак. Будапешт, 1999. С. 227–235. Перепечатывается с учетом научно-редакторской правки оригинального текста. (Прим. ред.)

правления государыня израсходовала 1 млн рублей на различные водки из Данцига и венгерские вина¹⁷. (Примечательно, что доходы государственной казны ежегодно составляли приблизительно 10 млн руб.)

Внук Петра Великого, Петр II (1727–1730 гг.), одним из воспитателей которого был Янош Зекань, родившийся в Карачфалве, вступил на российский престол в возрасте 12 лет. Окружение быстро приучило его к вину, и, по всей вероятности, это тоже сыграло роль в его ранней смерти, наступившей в 15 лет¹⁸.

На торжествах по случаю коронации Анны Иоанновны (1730–1740 гг.) приглашенные тоже пили венгерское вино¹⁹. Фавориты императрицы — Эрнст Иоганн Бирон, Бурхард Кристоф Миних (1683–1767), Андрей Иванович Остерман — также были любителями вина Токайского Подгорья. По их совету царица проштудировала меморандум советника Венской придворной казенной палаты фон Хартунга, составленный в 1727 г., где предлагалось дальнейшее развитие взаимовыгодных австрийско-российских торговых связей, а также снижение пошлин на вина Подгорья. Таким образом становится понятным, почему в июне 1733 г. Анна Иоанновна издает царский указ об учреждении Русской комиссии по закупке вин в Токае²⁰, подчиненной Придворной конторе. По указанию этого ведомства в Токай был направлен подполковник Федор Степанович Вишневецкий со свитой, так называемая русская колония. В задачу резидента входила закупка 150–200 анталов (11–15 тыс. литров) вина хорошего качества ежегодно и отправка его повозками через Украину в Петербург²¹. Ввиду того что кроме вина комиссия закупила большое количество ягод винограда асу, а это, согласно законам того времени (ст. 12/1729), было запрещено иностранцам, не владеющим в стране земельной собственностью, комитат Земплен в 1736 г. поручил исправнику Андрашу Кошуту расследовать это дело²². Местные власти неодобрительно наблюдали за деятельностью русских, которые скупали значительную часть урожая в районе Токая (за 5 лет закупили 1 089 анталов вина на 20 тыс. руб.²³), вследствие чего даже для венского двора вина не хватило. Властям не нравилось и то, что комиссия за бочку вина (2 антала = 150 л) платила производителям в среднем 25 руб.²⁴ и тем самым способствовала «взвинчиванию» цен. (Разумеется, цена на вино всегда сильно зависела от количества и качества урожая в Подгорье, от спроса на вино в мирное либо военное время, а также от величины транспортных расходов, транзитных сборов и пошлин.) Указанная цена была довольно высокой, ведь в то время фунт мяса и ржаного хлеба стоил 3 крейцера, фунт сала — 12, кварта ординарной водки — 24, кварта пива — 2 крейцера²⁵.

Обостренными отношениями комитатских властей и Русской комиссии по закупке вин объясняется и то, что регентша Анна Леопольдовна, правившая вместо младенца Ивана VI (1740–1741 гг.), в конце 1740 г. временно приостановила деятельность токайской колонии²⁶. В последовавшие затем четыре с лишним года вино в царские подвалы (в среднем 150 анталов в год) доставляли частные предприниматели на русской службе Дмитрий и Атанас Параскевичи, Алтенджи Диаманд²⁷.

Однако Елизавета Петровна, вступившая на престол с помощью придворных гвардейцев, весной 1745 г. возобновила деятельность комиссии и руководить ею поручила Федору Вишневецкому, который к тому времени стал полковником, а позже дослужился до генерал-майора²⁸. Назначенному резиденту царица пол-

ностью доверяла, так как во время одной из своих поездок на Украину он обратил внимание на одаренного великолепным голосом Алексея Разумовского, который впоследствии стал фаворитом государыни, имперским графом и гетманом²⁹.

Ф. Вишневецкий до 1749 г. руководил комиссией по закупке вин, деятельность которой регулировал указ императрицы от 6 апреля 1745 г. Согласно указу, сумма, необходимая для закупки 750 анталов (56 450 л) вина в год, от русского посла в Вене поступала в распоряжение резидента и сопровождавших его 35–40 лиц, в том числе 10–15 драгунов, 2–3 фельдъегерей, двух писарей, врача, священника, дьякона и обслуживающего персонала³⁰. В 1745–1750 гг. певчим при русской колонии был не кто иной, как философ, поэт и странствующий проповедник Григорий Саввич Сковорода (1722–1794), один из наиболее известных представителей украинского Просвещения³¹. Однако его деятельность столкнулась с целым рядом трудностей, так как представители католической церкви и эгерский епископ Ференц Баркоци обвинили его в распространении православной «ереси», схизмы и «расшатывании» монархии Габсбургов изнутри. Кроме этого, его упрекали и в том, что он ратовал за переселение сербского населения Венгрии в Россию, а также распространял православные молитвенники и учебники³².

Власти комитата Земплен выступили с нападками на комиссию и за то, что она — помимо закупки вин — взяла в залог пять угодий винограда, один необработываемый участок, три дома (с подвалами) на 15–20–25 лет³³. Они ссылались на то, что венгерские законы со времен Золотой буллы вплоть до конца XVII в. (ст. 26/1222, 16/1439, 42/1535, 12/1542, 31/1599, 30/1630, 30/1660) запрещали иностранцам приобретение земли, включая форму аренды и залога, которую любой венгерский дворянин мог в любое время выкупить у иностранных подданных (ст. 35/1729)³⁴. Тем самым было положено начало длительным, растянувшимся на десятилетия судебным тяжбам, продолжавшимся не только при Федоре Вишневецком, но и при его сыне Гаврииле в 1749–1753 гг.³⁵ На Г. Вишневецкого предприняли атаку в 1752–1753 гг., используя тот факт, что он не уплачивал обязательный поземельный налог, тем самым нанося ущерб Казенной палате. Ведь на основании «Трипартитума» (часть свода венгерских законов) землевладелец (в данном случае казенное имение в Подгорье³⁶, подлежащее юрисдикции сепешской палаты) имел право брать террагиум (аналог девятинного налога, взимаемый с урожая винограда) у людей недворянского происхождения и иностранцев, не обладающих венгерским дворянским титулом. Русский резидент напрасно ссылаясь на то, что владельцем залога является сама императрица, которую невозможно привлечь к суду в Венгрии, и Гавриил Вишневецкий в июле 1753 г. всё же вынужден был покинуть Токай³⁷.

Обострению споров способствовало и то, что на 1751–1756 гг. пришлось переселение с юга Венгерского королевства в Россию полков сербских граничар, распущенных Марией Терезией. Тогда четыре полка граничар (вместе с семьями всего около 13–15 тыс. человек) переселились — при активном содействии комиссии по закупке вин — на юг России³⁸. Земпленские власти, разумеется, находили возмутительным тот факт, что русская колония осуществляет «агентурную» деятельность, мало совместимую с торговлей вином³⁹.

Преемнику Г. Вишневого майору Николаю Жолобову удалось на некоторое время утихомирить землевладельческие власти. Этому способствовало и то, что Мария Терезия и Елизавета I были союзниками в Семилетней войне (1756–1763 гг.). О том, что эти споры частично удалось уладить, свидетельствует отправка в эти годы комиссией в Петербург в среднем по 750–800 анталов (55–60 тыс. л) вина⁴⁰. Кроме того, венгерские, польские, греческие, еврейские, армянские и русинские купцы также поставляли вино в Россию⁴¹. (Для сравнения отметим, что урожай в казенном имении в Подгорье, принадлежавшем Казенной палате, в 1748 г. составил 63 500 л вина⁴².)

Личное пристрастие Елизаветы I к токайскому также способствовало тому, что экспорт токайских вин в Россию достиг расцвета именно в период ее правления (особенно в 1745–1761 гг.). Царица (младшая дочь Петра I), безоговорочно разделявшая мнение, что *non est vinum, nisi Tokainum* («нет другого вина, кроме токайского»), прямо-таки обожала вина Подгорья⁴³. Об этом свидетельствует приписка к указу от 8 ноября 1745 г., адресованная Ф. Вишневному: «При первой же возможности вышлите гонцом хотя бы три антала асу, нигде не могу его достать, а ведь я без него жить не могу, как Вы это и сами знаете»⁴⁴. Императрица готова была платить за золотисто-желтый напиток астрономические цены. Так, например, в письме от 14 ноября 1745 г. она приказала генералу Вишневному купить пять анталов асу урожая 1727 г., при том что русский резидент за один антал вина платил 120 червонцев (276 руб.)⁴⁵. Марии Терезии было хорошо известно это пристрастие царицы, поэтому в 1746 г. она прислала Елизавете 600 бутылок асу⁴⁶. По всей вероятности, эти вина тоже оказывали воздействие на частые капризы и приступы ярости русской императрицы.

Когда после смерти Елизаветы Петровны ее племянник Петр III в первой половине 1762 г., разорвав союз с Австрией, переориентировался на Пруссию, Венгерская казенная палата в Прессбурге незамедлительно отдала распоряжение о выкупе заложенных земель в Токае, более того, 19 июля 1762 г. Мария Терезия приказала выслать из Венгрии Николая Жолобова и членов комиссии⁴⁷. Так как после переворота Екатерины II (1762–1796 гг.) и убийства ее мужа, Петра III, отношения с Австрией вновь наладились, русская колония всё же смогла остаться в Токае.

В начале 1763 г. Венгерская казенная палата и власти комитата Земплен снова потребовали немедленного выкупа заложенных угодий. Однако, согласно распоряжению царского кабинета, это касалось лишь тех виноградников, срок залога которых уже истек. На этот раз спор был решен указом Марии Терезии от 12 марта 1763 г., адресованным Ференцу Дёри, фёйшпану комитата Земплен, в котором предписывалось немедленно выкупить все заложенные земли⁴⁸. Переговоры, однако, снова перешли в судебные процессы, и обе стороны старались создать трудности друг другу. Между тем назначенный летом 1763 г. на место Жолобова новый российский представитель, майор Антон Рарог, требовал всё больше средств, мотивируя это расходами на «мелиорацию». На самом же деле наступила детериорация (снижение стоимости, ухудшение), так как с начала 1760-х гг. большая часть виноградников, находившихся в пользовании русских, не обрабатывалась⁴⁹.

В 1764 г., когда Вене стало известно о заключении договора между Пруссией и Россией, завершившего Семилетнюю войну, канцелярия вновь приняла решение о немедленном выкупе заложенных токайских земель. Вслед за этим уездный начальник Имре Потоцки произвел оценку заложенных владений⁵⁰, но снова началась бесконечная волокита. Президент Казенной палаты Антал Грашшалкович 17 сентября 1764 г. предписал сторонам как можно скорее выкупить виноградники за 1 376 фт. 56 крейцеров. Тогда развернулся новый спор о сумме выкупа, и 28 февраля 1767 г. канцелярия направила Казенной палате указание о выплате уже 2 140 фт.⁵¹

Стороны на сей раз снова не смогли прийти к соглашению, поэтому в ноябре 1769 г. уездный начальник Потоцки подал в суд на Рарога, ссылаясь на ст. 37/1739 г. и 35/1729 г., согласно которым по обращению любого члена венгерской нации в любое время был возможен выкуп заложенного иностранцам имущества. При этом Потоцки ходатайствовал о присуждении ему заложенного имущества, находящегося во владении майора⁵². В результате в следующем году переговоры снова возобновились, но положение дел осложнилось из-за того, что Рарог в 1771 г. заключил новый договор залога еще на 30 лет⁵³. Делом был вынужден заняться сам соправитель, Иосиф II, поступивший весьма дипломатично, так как в напряженной обстановке, сложившейся во время первого раздела Речи Посполитой (1772), было бы нецелесообразным провоцировать союзнические отношения Австрии и России. Венгерская придворная палата 25 апреля 1774 г. всё же дала указание, чтобы комитат Земплен исполнил решение суда 1770 г. по делу о заложенных землях⁵⁴. В ответ на это русский посол в Вене князь Д.М. Голицын (1721–1793) заявил протест канцлеру Кауницу⁵⁵.

После смерти Антона Рарога, наступившей 13 октября 1775 г., руководство комиссией принял его заместитель, Савва Горев, который вынужден был снять новое жильё для колонии, так как прежнее — в соответствии с распоряжением Казенной палаты — перешло к уездному начальнику Имре Потоцки⁵⁶. После этого наблюдается значительный спад в вывозе вин Подгорья в Россию (в среднем 250–300 анталов в год)⁵⁷. Это было связано в том числе и с тем, что при Екатерине II в Петербурге были популярны в первую очередь бутылированные французские вина (особенно шампанское)⁵⁸.

При последнем резиденте в Токае, капитане С. Горева деятельность комиссии протекала в относительно мирных условиях. Очередной скандал случился лишь в 1784–1785 гг., когда князь Григорий Александрович Потемкин (1739–1791) повелел подпоручику Юрию Бимболазару (сыну поступившего на русскую службу токайского виноторговца Яноша Бимболазара) и прапорщику Василию Поречанину (потомку семьи Парочани из Серема) закупить 30 тыс. штук виноградной лозы для посадки в Крыму⁵⁹. В связи с этим возникли новые разногласия, так как венгерские законы запрещали вывоз из страны токайской «золотой лозы». Несмотря на это, Иосиф II и канцлер В.А. Кауниц дали свое «великодушное» разрешение⁶⁰, что вызвало сопротивление комитата Земплен. Скандал разразился, когда русские уже вывезли из Подгорья 19 тыс. лоз, но оставшиеся 11 тыс. штук были разрублены на куски в январе 1785 г. людьми уездного начальника Андраша Очкаи. После этого Кауниц решительно призвал комитат

Земплен не чинить препятствий и не вызывать осложнений в дипломатических отношениях⁶¹.

Значительный интерес к дарам Токая проявился после 1789 г., когда Екатерина II, испугавшись революционной заразы, запретила импорт французских вин⁶². Согласно таможенным документам петербургского порта, в 1793–1795 гг. ежегодно ввозилось в среднем 175 оксофтов (750 анталов) вина из токайского района⁶³. И так, казалось, что на востребованные венгерские вина по-прежнему есть спрос. Однако после смерти императрицы ее сын, Павел I (1796–1801 гг.) указом от 26 января 1798 г. упразднил токайскую комиссию по закупке вин⁶⁴, которая за 65 лет своей деятельности импортировала для царского двора великолепные напитки из Подгорья из окрестностей Токая, Тарцала, Тайи, Мада, Кишфалуда, Толчвы, Бодрог-Оласи, Шарошпатака, Шаторалья-Уйхея, Земплена. Последний русский резидент С. Горев, женившийся на девушке реформатского (кальвинистского) вероисповедания из с. Мад, покинул Токай в мае 1799 г., еще успев поприветствовать там одно из подразделений армии А.В. Суворова, направлявшейся в Северную Италию⁶⁵.

Ликвидация комиссии нанесла ощутимый ущерб обеим сторонам. Россияне утратили возможность бесперебойно закупать — благодаря постоянному торговому представительству — вина наилучшего качества. За токайское асу, названное венгерским поэтом Михаем Вёрешмартти (1800–1855) «жидким золотом», и другие вина района Подгорья представители царя были готовы платить изрядные суммы, что зачастую являлось фактором, влияющим на повышение цен⁶⁶. Это, разумеется, раздражало покупателей из числа местных дворян, для которых деятельность русских стала постоянным камнем преткновения. По правде говоря, ни одно государство того (да и более позднего!) времени не одобрило бы часто подозрительные сделки и противозаконные манипуляции торгового представительства другого государства (запутанность дел, связанных с залогом земель, обход запрета на вывоз винограда асу и виноградной лозы). И хотя мы не разделяем точку зрения Х.И. Бидермана⁶⁷, что комиссия была в первую очередь политическим агентством, всё же считаем, что резидентам и остальным представителям колонии следовало бы более уважительно относиться к действующим венгерским законам.

Роспуск комиссии, разумеется, серьезно повлиял и на производителей токайских вин. Особенно чувствительно сказались это после трех разделов Польши (1772, 1793, 1795 гг.), ведь при недостатке платежеспособного спроса Подгорье буквально захлебнулось в собственном вине⁶⁸. А ведь плодородные почвы, благоприятные климатические условия⁶⁹, технологии виноделия⁷⁰, душевный склад местных жителей⁷¹ неизменно могли бы стать гарантией успеха и благосостояния.

В начале XIX в. — в годы Наполеоновских войн — было еще несколько попыток по организации экспорта вина в Россию, однако они не увенчались успехом. Идеи Миклоша Шкерлеца (1729–1799)⁷² и Гергея Берзевици (1763–1822)⁷³ о покорении «восточного рынка» еще долгие годы оставались мечтой и иллюзией.

Перевод с венгерского — автора.

- ¹ Штернберг Я.И. Из истории экономических связей между Россией и Венгрией в XVIII веке // Международные связи России в XVII–XVIII веках. М., 1966. С. 117–129.
- ² Márki S. Orosz–magyar kereskedelem // Aradi Közlöny. 3.III.1887. 3–4. old.; *Idem.* Nagy Péter cár és II. Rákóczi Ferenc szövetsége 1707-ben // Értekezések a történeti tudományok köréből. Bp., 1913. XXIII. köt. VI. füz. 387–480. old.
- ³ Perényi J. II. Rákóczi Ferenc és I. Péter cár diplomáciai kapcsolatainak kezdetei // Magyar–orosz történelmi kapcsolatok / Szerk. E. Kovács. Bp., 1956. 52–95. old.; *Várad-Sternberg J.* Az 1707-es tárgyalások és az orosz–magyar szerződés // Századok öröksége. Tanulmányok az orosz–magyar és ukrán–magyar kapcsolatokról. Bp.; Uzsgorod, 1981. 22–47. old.; *Idem.* Rákóczi diplomáciai beszélgetése és levelezése Kurakin herceggel // Századok öröksége. 72–88. old.
- ⁴ Büsching A. F. Magazin für die neue Historie und Geographie. Hamburg, 1767. Bd. XIX. S. 94.
- ⁵ Tardy L. A tokaji Orosz Borvásárló Bizottság története (1733–1798). Fejezetek a magyar–orosz gazdasági kapcsolatok történetéből // A sárospataki Rákóczi Múzeum füzetei. Sárospatak, 1963. 23–25. köt. 6. old.
- ⁶ Антал — бочонок объемом около 75 л. См.: Magyar értelmező kéziszótár / Szerk. J. Juhasz, I. Szőke, G. O. Nagy, M. Kovalovszki. Bp., 1992⁹. 63. old.
- ⁷ ПиБ. Т. IX/1. СПб., 1887. С. 469.
- ⁸ Рачинский Б. Русские комиссары в Токае в XVIII веке (По документам Московского главного архива Министерства иностранных дел) // Русский вестник. 1875 (сентябрь). С. 179.
- ⁹ Цит. по: Толстой А. Петр Первый. М., 2012. С. 205.
- ¹⁰ Márki S. Nagy Péter cár és II. Rákóczi Ferenc szövetsége 1707-ben. 422. old.
- ¹¹ *Várad-Sternberg J.* Ukrainceve, Péter cár követe Magyarországon 1708-ban // Századok. 1959. 233–251. old.; *Idem.* Ukrainceve, Péter cár követe Rákócziánál // Századok öröksége. 48–71. old.
- ¹² Подробнее о виноторговле того времени см.: *Kenner P.* О виноделии и винной торговле в России. СПб., 1832; *Komoróczy Gy.* Borkivitelünk Észak felé. Kassa, 1944.
- ¹³ *Kenner P.* Указ. соч. С. 212.
- ¹⁴ *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России. М., 1894. Ч. I. С. 161.
- ¹⁵ *Wellmann I.* A tokaji szőlőkultúra oroszországi meghonosítása // Műveltség. 1946. 182–186. old.; Borsodi Szemle. 1958. 2. sz. 41–43. old.
- ¹⁶ *Валишевский К.* Царство женщин (Екатерина I, Анна Ивановна, Елизавета I). М., 1989. С. 62. (Репринтное издание).
- ¹⁷ *Crusenstolpe N. J.* Russische Hofgeschichten. München, 1923. Bd. 1. S. 95.
- ¹⁸ *Валишевский К.* Указ. соч. С. 157–158.
- ¹⁹ *Корсаков Д.А.* Воцарение императрицы Анны Иоанновны. СПб., 1880. С. 127–128.
- ²⁰ О деятельности токайской комиссии и о вывозе вин Подгорья в XVIII в. см.: *Рачинский Б.* Указ. соч.; *Tardy L.* Op.cit.; *Balassa I.* Tokaj-Hegyalja szőleje és bora (Történeti-néprajzi tanulmány). Tokaj, 1991. 575–578. old.; *Papp M.* A tokaji bor és Európa // Tokaj. Várostörténeti tanulmányok (далее — Tokaj) / Szerk. J. Bencsik, I. Orosz. Tokaj, 1995. 303–318. old.; *V. Molnár L.* Magyar borok a cárok asztalán // *Idem.* Életutak találkozása, 1703–1848. Piliscsaba, 2004. 111–120. old.
- ²¹ *Рачинский Б.* Указ. соч. С. 181–182.
- ²² *Tardy L.* Op. cit. 18. old.
- ²³ *Kenner P.* Указ. соч. С. 210.
- ²⁴ *Ibid.* 41–42. old.
- ²⁵ О ценах на сельскохозяйственные продукты и продовольствие см.: *Schwartner M.* Statistik der Königreichs Ungarn. Pest, 1798; *Wellmann I.* A magyar mezőgazdaság a XVIII.

- században. Bp., 1979; Zemplén megye határozata a kenyér és zsemle áráról 1795-ben // Zempléni históriák I. A honfoglalástól 1849-ig. / Összeáll. I. Hőgye. Bp.; Miskolc, 1986. 166–167. old.
- ²⁶ *Kenner P.* Указ. соч. С. 42.
- ²⁷ *Рачинский Б.* Указ. соч. С. 184–186.
- ²⁸ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Указ. соч. С. 65.
- ²⁹ *Анисимов Е.В.* Россия в середине XVIII века. М., 1986. С. 119.
- ³⁰ *Рачинский Б.* Указ. соч. С. 186.
- ³¹ *Várad-Sternberg J.* Hrihorij Szkovoroda Magyarországon // Századok öröksége. 211–223. old.; *Штернберг Я.И.* Григорий Сковорода в Венгрии // Мир поэзии и дружбы (Поиски и находки). Ужгород, 1979. С. 63–82.
- ³² *V. Molnár L.* Orosz könyvek és diákok a 18. századi Magyarországon // Képzők ön- és továbbképzése / Szerk. M. Kocsis. Bp., 1996. 121–135. old.; *B. Molnár L.* Русско-венгерские культурные связи (1750–1815). Йошкар-Ола, 1993. С. 105–113.
- ³³ *Tardy L.* Op. cit. 45–50. old.
- ³⁴ *Frank I.* A közigazgatás törvénye Magyarhonban. Buda, 1845. I. rész. 102–103. old.
- ³⁵ *Рачинский Б.* Указ. соч. С. 187–188.
- ³⁶ По истории казенных имений в XVIII в. см.: *Barta J.* Kincstári birtoklás és mezővárosi politika // Tokaj. 139–158. old.; *Herzog J.* A tarcali királyi uradalmi és kincstári szőlő keletkezése // LtK. 1923. 1. sz. 248–277. old.; *Wellmann I.* A Rákóczi-birtokok sorsa // Rákóczi-emlékkönyv halálának kétszázéves fordulójára / Szerk. I. Lukinich. Bp., 1935. 93–122. old.
- ³⁷ *Рачинский Б.* Указ. соч. С. 214.
- ³⁸ *Kiss M.* Erzsébet cárnő szerb telepítései. Marosvásárhely, 1909; *Хонфу Й.* Образование гусарства в русской армии XVIII века // Annales Universitatis Scientiarum Budapestiensis de Rolando Eötvös nominatae. Series Historica. Bp., 1965. T. 7. C. 79–107; *Honfi J.* A huszárság kialakulása a 18. századi orosz hadseregben // HtK. 1968. XV. évf. 95–129. old. Документы из венского архива о переселении сербов в Россию: HHStA. Illyro–Serbica (1749–1751). Fasz. 2. Konv. A. 64. N 112; Illyro–Serbica (1752–1754). Fasz. C. N 7; Illyro–Serbica (1755–1756). Fasz. 2. Konv. A. 19. N 54, 63, 71.
- ³⁹ *Biderman H. I.* Russische Umtriebe in Ungarn. Innsbruck, 1867. P. 14.
- ⁴⁰ *Kenner P.* Указ. соч. С. 210.
- ⁴¹ *Balassa I.* Op. cit. 569–619. old.
- ⁴² *Illésy J.* A kincstár születése a Hegyalján 1748-ban // Magyar Gazdaságtörténelmi Szemle. 1897. 4. évf. 373. old.
- ⁴³ *Papp M.* Op. cit. 308. old.
- ⁴⁴ *Рачинский Б.* Указ. соч. С. 186.
- ⁴⁵ *Tardy L.* Op. cit. 38. old.
- ⁴⁶ *Kenner P.* Указ. соч. С. 50.
- ⁴⁷ *Arneth A.* Geschichte Marie Theresie's. Wien, 1879. Bd. IX. S. 84.
- ⁴⁸ *V. Molnár L.* Magyar borok a cárok asztalán. 1396. old.
- ⁴⁹ *Tardy L.* Op. cit. 104. old.
- ⁵⁰ *Herzog J.* Op. cit. 258. old.
- ⁵¹ *Tardy L.* Op. cit. 108–110. old.
- ⁵² *Ibid.* 212. old.
- ⁵³ *Рачинский Б.* Указ. соч. С. 192.
- ⁵⁴ MNL OL. Magyar Királyi Kancellária Levéltára. Acta generalia. A 39. 1990/1774.
- ⁵⁵ *Рачинский Б.* Указ. соч. С. 193.
- ⁵⁶ MNL OL. A 39. 82/1775.
- ⁵⁷ *Kenner P.* Указ. соч. С. 212.
- ⁵⁸ *V. Molnár L.* Oroszország kül- és belkereskedelme a 18. század második felében // Agrártörténelmi Szemle. 1984. 1–2. sz. 186–194. old.

- ⁵⁹ *Wellmann I.* A tokaji szőlőkultúra oroszországi meghonosítása // Borsodi Szemle. 1958. 2. sz. 41. old.
- ⁶⁰ MNL OL. A 39. 14359/1784.
- ⁶¹ *Wellmann I.* Op. cit. 43. old.
- ⁶² *V. Molnár L.* A francia felvilágosodás és forradalom fogadtatása II. Katalin Oroszországában // Világtörténet. 1984. 3. sz. 131–154. old.
- ⁶³ *Dercsényi János.* A magyarországi boroknak a külföldiekkel való egybenhasonlítása // Tudományos Gyűjtemény, 1825. P. 59.
- ⁶⁴ *Рачинский Б.* Указ. соч. С. 186.
- ⁶⁵ *Darvas I.* Szuvorov hadai Magyarországon 1799-ben // Századok. 1949. 83. évf. 1–4. sz. 283–284. old.
- ⁶⁶ *Kenner P.* Указ. соч. С. 41–42, 210.
- ⁶⁷ *Biderman H.I.* Op. cit. S. 14–15.
- ⁶⁸ *Bartha I.* Tokaj-Hegyalja. A borkereskedés problémái és a szőlőörzés szervezése a Hegyalján a XIX. század első felében. Miskolc, 1975. 18–22. old.
- ⁶⁹ О природно-географических условиях виноградарства в Подгорье см.: *Boros L.* Tokaj-Hegyalja szőlő-és borgazdaságának földrajzi alapjai és jellemzői. Miskolc–Nyíregyháza, 1996; Idem. Tokaj és környéke természeti földrajza // Tokaj. 10–17. old.
- ⁷⁰ *Boros L.* Környezetkímélő — talajvédő szőlőművelés Tokaj-Hegyalján a 16–19. században // A Kárpát-medence történelmi földrajza. Szerk. S. Frisnyák. Nyíregyháza, 1996. 189–198. old.
- ⁷¹ *Szekfü Gy.* A magyar bortermelő lelki alkata. Bp., 1922.
- ⁷² *Skerlecz M.* A Magyar Királyság földrajzi és politikai helyzetének leírása a kereskedelem szempontjából // Skerlecz Miklós báró művei / Latinból fordította P. Berényi. Bp., 1914. 62–115. old. (Magyar Közgazdasági Könyvtár. 15. köt.).
- ⁷³ *Berzeviczy G.* Nézetek az ázsiai-európai világkereskedelemlről. Pest, 1808.

лидации православных поверх этнических границ, что должно было найти отражение и в формулировках идентичности у интеллектуальных лидеров православного сопротивления.

* * *

Наверное, наиболее ярко такой ход мысли проявился в сочинениях¹ видного православного полемиста Подкарпатской Руси тех лет Михаила Оросвиговского Андреллы. Михаил Андрелла² (ок. 1637–1710) родился в селе Оросвигово** под Мункачем. Будучи с детства православным, Михаил получил прекрасное для того времени и тех мест католическое образование. Он учился в Прессбурге, в Надьсомбате (основанный там в 1635 г. университет позже был перенесен в Пешт-Буду) и в Вене (очевидно, в семинарии Пазманеум). После окончания учебы он стал униатским священником и какое-то время служил пресвитером в Сатмаре.

Но в 1669 г. он разрывает с унией и возвращается в православие³. Судя по всему, это был громкий публичный жест, так как сразу же вслед за этим он был заключен в Мункачский замок⁴. Из его собственного рассказа известно, что его продержали там семь недель, а потом снова посадили — на этот раз еще на пять⁵. Всё это время его пытались различными способами отговорить от принятого решения, однако он остался непреклонен. Почти всю дальнейшую жизнь Михаил Оросвиговский путешествовал по селам Подкарпатской Руси с православной проповедью, служил священником.

Но одной проповедью и устной полемикой с униатами о. Михаил не ограничивался. Известно о написании им в 1672–1681 гг. трехтомного латиноязычного «Трактата против латинов», но до наших дней он не сохранился⁶. Зато сохранились два его сочинения, написанные на славянском⁷: это «Логос» (или «Пять словес»), датированный 1691–1692 гг., и «Оборона вѣрному человѣку», написанная в 1699–1701 гг. При жизни эти сочинения напечатаны не были, но их научная публикация состоялась в 1932 г. Оба сочинения носят весьма сходный характер и представляют собой скорее набор богословских полемических эссе, без четко выстроенной структуры в плане и содержании. Также сохранился сборник его священнических записей конца 1660-х — начала 1670-х гг., который хранится в Отделе рукописей Львовской национальной научной библиотеки им. В. Стефаника. Несмотря на яркость и большую историческую ценность написанных Михаилом Оросвиговским сочинений, они до сих пор имеют довольно скудную исследовательскую библиографию.

Как известно, в восстании под руководством Ференца II Ракоци принимало участие и православное население Подкарпатья и Трансильвании. Эти народы не имели своей знати и в основном были представлены крепостными, однако их борьба приобрела не только социальное, но и конфессиональное содержание. И в этом плане очень важен вопрос, как формировалось их мышление в этом аспекте, каков был характер православной проповеди в крае. Сочинения Михаила Андреллы — в настоящее время наш единственный источник по этому вопросу⁸. Других либо не было, либо до нас они не дошли.

О.Б. Неменский

ИДЕНТИЧНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОГО ЖИТЕЛЯ МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ В КОНЦЕ XVII — НАЧАЛЕ XVIII в. (НА ПРИМЕРЕ СОЧИНЕНИЙ МИХАИЛА АНДРЕЛЛЫ)

Православные жители земель Венгерского королевства в конце XVII — начале XVIII в. были представлены разноэтничным населением, в основном — влахами и восточными славянами. Как известно, в это же время происходит и активное переселение сербов на север, но это особый случай положения мигрантов в новых условиях. Эпоха Контрреформации принесла с собой настойчивую политику католических властей по насаждению униатства. Логика конфессионального противостояния обуславливала поддержку православного сопротивления унии со стороны протестантских князей Ракоци. Еще в 30-х годах XVII в. князь Дёрдь I Ракоци арестовал православного епископа Василия Тарасовича за его переговоры с «ягерским» (т. е. эгерским) католическим епископом о заключении унии. Позднее, по просьбе из Рима, он его освободил, но первая попытка введения унии в крае тогда была всё же сорвана.

Утверждение унии оказалось долгим процессом. Унгвар, принадлежавший католическим магнатам Другетам, оказался впереди этого процесса. В 1646 г. несколькими священниками была заключена так называемая Ужгородская уния, в 1664 г. — так называемая Мукачевская. Последнее стало возможным после смерти Дёрдя II Ракоци и благодаря его вдове Софии (Жофии) Батори (1629–1680), вернувшейся в католицизм. Уния в Закарпатье стала делом приходских священников, что несколько отличало ее от Брестской унии 1596 г. Православный епископ Иоанникий уехал тогда в село Имстичево*, где построил монастырь. Постепенно центром православной жизни края становился Марамарош, где униатство смогло утвердиться только в XVIII в.

И всё же, как показала более поздняя история, господство унии было во многом наносным, поверхностным, а на деле сохранялась живая православная религиозность. В немалой степени уния стала формальным прикрытием для православных общин, сохраняя церковнославянский язык и восточнохристианскую обрядность и проводя жесткую границу между «людьми восточного обряда» и католиками. В ситуации общего конфликта православных верующих и католического государства возникала потребность в конфессиональной консо-

* Имстичево — в венгерской традиции Мистиче. (Прим. ред.)

** Оросвигово — в венгерской традиции Оросвег. (Прим. ред.)

«РИМСКАЯ ВЕРА» И «РИМЛЯНЕ»

Отношение Андреллы к «римской вере» и, соответственно, к «римлянам», «латинам», имеет много сходства с ее восприятием такими западнорусскими полемистами конца XVI в., как Стефан Зизаний и Иван Вишенский. Однако стоит особенно отметить, что, в отличие от них, Андрелла был человеком, принявшим в свое время унию и получившим хорошее католическое образование.

Главное, что характеризует его восприятие католицизма, — это утверждение его нехристианского характера: «Они, римлянове, вси суть нехристианами» (С. 165). В отличие от православия, «старой веры», «римская вера» видится как новая: «Римчиковым людем молодая, нестарая вѣра явила ся недавно» (С. 177).

Такое отношение к латинству для того времени трудно признать необычным, хотя, конечно, даже в православной полемике XVII в. оно в основном менее резкое и нередко дополняется надеждами на будущее возвращение Римской церкви. Однако отношение Оросвиговского к католицизму на общем фоне православной мысли тех лет обладает и значительным своеобразием, имеющим параллель разве что в сочинениях Ивана Вишенского. Он настаивает на том, что католицизм — языческая религия, ведь во главе Римской церкви стоит не Христос, а Римский папа, и поклоняются «римляне» не Богу, а папе как верховному божеству: «Смотрѣтеж, да не упаднете во многобожие, яко латина из унѣатом звѣром» (С. 275); «тymi идолопоклонници римскими» (С. 48); «об богу римском» (С. 64). Соответственно, нередко обозначения «римлян» как «поган». Такой взгляд дополняется утверждениями, что «римляне», как ушедшие в язычество, безнадежны, т. е. никогда более в Церковь не вернуться: «О, горе Егвнту вашему! Не будет в нем дожда» [т. е. Св. Духа. — О.Н.] (С. 259).

На фоне этого в отношении к католикам Андрелла проповедует крайнее отчуждение. Нельзя ни в костел заходить, ни дружбу водить с католиками: «Не идѣте в корчму, римский слутый костѣль, бо грехота. И содружества их вартуйтеж ся» (С. 274). С «римлянами» нельзя даже садиться есть за один стол: «Не ясти, ни питии из Римлянами порочными» (С. 102).

Такое отделение католицизма от христианства требует и некоторых языковых ухищрений, ведь нельзя описывать языческую веру теми же словами, что и христианскую. И Андрелла очень последовательно проводит эти различия. Если в православной полемической литературе Речи Посполитой можно заметить явную тягу к разведению понятий «церковь» и «костел», но они всё же часто бывают спутаны, то у Андреллы их различие проведено четко: «Сами правду книгами показывают: западний костел не ектлесия, не „церкви Бога жива“ — костѣль слутаком, хромым внутрнѣ» (С. 268); «от наших восточных святых не силовал мя привернути ся от костела к св. церкви» (С. 283); «церкве ониж не могут имѣти, точию костѣль» (С. 249).

Так же Андрелла настаивает на различии понятий «католический» и «кафолический». Но он идет и дальше, предлагая называть римский крест не крестом, а «крижом», «бо кресту врази суть римчиковы поповче си» (С. 240). В порядке игры слов полемист и католических епископов именует «бѣскупами», совмещая латинскую форму слова со словом «бѣс»: «И мене, яко Христова, возом,

коньми возили до своих бѣскупов шатанов из града Мукачовского, в немже бех узник» (С. 16), «поругай ся, речено, и ты сему бѣсовскому римскому бѣскупови» (С. 285); «Горе священство от бѣскупа римска приемлющим» (С. 158). Православие противопоставляется римскому «кривославию»: «они сут сами кривославными людьми» (С. 126). Такое лексическое выведение католицизма из христианского контекста имеет и логичное завершение, когда Андрелла говорит про «науку тых треклятых римских ложных кристусов» (С. 144).

Очень примечательно то, что нигде у Андреллы нет противопоставления Рима с Константинополем, столь типичное и столь актуальное для православной антиуниатской (и антикатолической) полемики в Речи Посполитой⁹. Основным противопоставлением у Андреллы является Рим — Иерусалим. И здесь очевидно проявляется специфика закарпатского православия: для православных угрорусов была важна главным образом общеконфессиональная принадлежность. Константинополь не упоминается Андреллою ни разу — для его идентичности и для его системы обоснований Константинополь не играет существенной роли. То же можно сказать и о константинопольских патриархах¹⁰. Так, тема восточных патриархов оказывается маргинальной и потому почти не затронутой. По Андрелле, вся Церковь — Иерусалимская: «из Ерусалимской кафолической восточной церкви христианом обще вѣсьм» (С. 205).

Роль Рима в представлениях Андреллы особенно интересно раскрывается на примере его отношения к протестантам: они оказываются тождественны католикам как «чада» римских пап. Полемист говорит «о папезу, котрый народил чадом себѣ» (С. 101), и таковыми оказываются все западные конфессии. Все они, по Андрелле, суть просто различные порождения папы-Антихриста: «Антихристова чада то, почавши от римского папы их, котрому диавол помощником» (С. 110).

«ВОСТОЧНИКИ»

Основа идентичности самого Андреллы — понятие о «восточниках», «восточных». Это конфессиональное определение у него господствует над любыми другими самопрезентациями. Полемист пишет: «мы, восточници, есме с початку такыи с милостивым Господом Богом и из святыми вѣсьми» (С. 131); «Восточный аз» (С. 221); «Вси восточници разумѣваем, же...» (С. 279); «Восточным иначе пророки пишут, слушайте радостно» (С. 36); «для самых восточных и вѣрных жен и чад» (С. 40); «року того, котрого зѣло римляне на нас наступали и гонили нас восточных» (С. 73); «своим восточным посылал нашим сам милостивый Владыка вѣсьм Христос, котрого суть в нас книги» (С. 75); «и прочим вѣрным вѣсьм восточным сыном и дщерям» (С. 104); «нынѣ Дух святой да восточным...» (С. 192); «Вѣрнии восточнии братия наша» (С. 238); «Латина вся в Римѣ без правды ест Божой, судят своєю земною, а не небесною правдою вѣру святую претворити. То им неможная, понеже претворил нас восточным людем свѣтити души» (С. 242); «Тайна моя мнѣ и моим самым восточным» (С. 248); «во вѣрных восточных, правовѣрных» (С. 286); «вѣрному чловѣку, и женѣ, и чадом восточным» (С. 274). И соответственно «святою

молитвою восточною» (С. 182); «Восточным книгам аз, а не западным даю свою руку» (С. 241); «феология восточная» (С. 255) и т. д. Иногда употребляется и определение «святой нашей старожитной вѣры» (С. 163) как «греческой»: «Той Корницкий [...] той патер не знает грецькой, греческой нашей старшой от тых вѣры» (С. 246), «вызуитов из правдивой греческой моей и вашей вѣры святой единой» (С. 277). Слово «православные» тоже используется, но гораздо реже: «Не знают безбожники тое римяне, себѣ шкоду плодят, яко нас учат книги, вѣрных самых православных людей» (С. 47); «наших простаков, православных христиан» (С. 119); «из книг древних православных» (С. 125).

Нередко Андрелла использует также формулу «дети Восточной церкви» (и соответственно «Восточна матка», С. 250, «мати восточная», С. 234), вообще весьма часто употреблявшуюся в восточнославянской православной полемике: «Мати душ восточнаа указала» (С. 75); «Рускаго не знавший, ани грецкаго писания святаго языка нашей церкви и матере всходной, одной святой» (С. 82); «в несправедливых писмах на нашу св. живую вѣру и церков матку восточную» (С. 191); «и св. единой восточной матере глаголю» (С. 224). Соответственно и сыновья Восточной церкви: «у наших сынов восточной церкви есть желѣзная вѣра, старшая от римских баламутов книг их» (С. 226); «Мати една, чада имае же различная, вѣрная ея точию чада. Тако учит от стго Духа и вас: “вы есте церкви Бога живаго”, рече, а не Римовы — Иерусалимова чада» (С. 225); «римляне сут тоты люде, котрых восточной церкви сынове знают быти, же вѣстинну они то сут, пек, осина им, бѣсове, шатаны, осада, чортове, диаволы, ловециюш, велиарове» (С. 112); «Але и сие еретици иначе вызнавают, не тако, яко мы, восточной святой церкви сынове и дщери вишитки» (С. 98). Одна из глав его «Обороны» даже называется почти так же, как известное сочинение «Тренос» М. Смотрицкого¹¹: «Плач восточной св. церкви до сынов ея и дщерий» (С. 174–190). Но в отличие от сочинения Смотрицкого, здесь текст никогда не идет от лица Церкви — везде только от лица самого Андреллы.

Интересно, что при этом понятия Востока и Запада облекаются не столько в географические (или церковно-территориальные) значения, сколько в символические смыслы «начала» и «конца». Например, «римляне» прежде, до своего отпадения, были тоже «восточниками»: «Восточници бысте и вы колис то недавно, 805 року почасте оный не знати псалом» (С. 202). Таким образом, деление Церкви на Восточную и Западную отрицается даже для времени церковного единства: вся православная Церковь всегда восточная. «Западные» же признаются таковыми только потому, что отступили от веры Востока: «И доньнѣ в жидовствѣ сут всѣ римяне теразньише; отлучившии ся от востока, на запад пошли» (С. 50); «тѣх отступников вѣры востока, западным» (С. 84); «а римлянове, як отступниша от востока» (С. 198). Эта тема апологии Востока звучит у Андреллы нередко: «Правдивее правдивому Восток имя» (С. 257); «Книгы восточнии — рай, а западни ад ест» (С. 294); «Восток далече от западных тых, котрии не знают истиннаго владыку нашего, Иисуса Христа, Богом» (С. 69); «Начаток и восток» (С. 246); «восток обвитует — а не ваших запад — потравою душевною и плотскими ещещ... Начаток, восток от Риму ли? [...] “Пану моему восток” потеп, “имя”, не папѣжове, вишитким отцеве» (С. 246). И отсюда поучение читателю: «От западу на восток гряди» (С. 262).

«УНИАТЫ»

Отдельная тема сочинений Андреллы — его отношение и критика униатства. В отличие от некоторых других православных полемистов (например, от того же И. Вишенского), фактически не различавших критику униатства и католицизма и воспринимавших униатов просто как новых католиков, у Оросвиговского отношение к униатам особое.

Саму унию он трактует как «едность неспасенную»: «община или едность неспасенная, сирѣчь, унѣя» (С. 156); «не знают, что припрошует их, да примут унѣю, едность — не спасенную, но потопляющую, псующую вѣру» (С. 32); «Унѣю, едностью, сатана, дѣмон, папѣж проклятый ест» (С. 259), «колотиши свѣтъ тмою своею, едностью сатаниною, шатане!» (С. 296); «О унѣяты, римская едносте проклятая, шатанская, чему Христа не вѣриш?!» (С. 35); «бо хворота души твоей — унѣя из чорным чортом, сатано!» (С. 190); а также: «То ваша злоба — едность, соединение — лвы со звѣрятками земными» (С. 250).

К ней Андрелла применяет, в общем-то, тот же набор обвинений, что и в адрес католиков¹². В первую очередь, они уже «бывшие христиане»: «Бывшии христианы, нашѣ идоша назад от Христа» (С. 17); «Маргарит краснѣ вам говорит унѣятом всѣм, же юж вы не христиане» (С. 211); «вы погибосте, унѣяты!» (С. 117). Они уже язычники, поклоняющиеся своему богу-папе. Православных Андрелла страшит: «Смотрѣтеж, да не упаднете во многобожие, яко латина из унѣятом звѣром» (С. 275); «унѣятове — ересь — ничим же розни от прочих поган, не знающих Бога» (С. 229); «Постою, буду отповиде чекати от болѣвановых попов» (т. е. от униатов. — О.Н.) (С. 161).

Также униаты оказываются вместе с «римчиками», и «чадами антихристовыми»: «Сам антихрист папа, отец унѣятом вишитким римским» (С. 95); «Антихристова посланца унѣятом чем же скоро прият — бо книгу доучити ся льноваша» (С. 260). И как таковые, как «погане», они воюют с Церковью: «Биете Христа вы, унѣяты из римлянами» (С. 282), «“поневаж вы с диаволом” — унѣятове “борете церков Христову, негли и много зльише...”» (С. 49). Папа римский является им «богом»: «От кождого унѣята душа, дух, отступила. Бездушѣник ест и ваш отец, римский папѣж, духа не имеет правдиваго. Хочай и бог ваш папа, проклятый ест человек он [...] а все папѣж, их бог, виновен» (С. 177). И приходят они «из того Рима, из котрого пришли слуги антихристовы, слуги, котрыи лествят вас» (С. 117).

Однако и отождествления униатов с католиками нет. Здесь актуально общее восприятие Андреллою западных конфессий как различных порождений папы-антихриста. Так, и униаты просто оказываются «новой римской верой»: «поплуйте тую римскую вѣру новую, унѣю, охавѣте чужое, примѣйте св. отец правдивую» (С. 127); «Вольл бѣх ковдовати (от венг. *koldulni*, «нищенствовать». — О.Н.), нежелели новую римскую, недобрую унѣятскую вѣру знати» (С. 121). Униаты оказываются в одном списке с католиками и протестантами как одна из вариаций «антихристовых чад»: «Лютра, и калвина, и римлянина, и прочих поган не прощу тераз, точию самых отпадших вѣры святой унѣятских иереев, попов» (С. 102); «что не находят сие лютры, калвинове, унѣятове, римского отца сынове, и новокрещенць обще?» (С. 145); «Знаемо, вѣмы Тя, Господи Боже наш, же Ты еси, а не римский глухий слѣпак душевный, положивший злое сѣмя посредѣ доброй земли твоей, лютров

куколь, кальвинов, ормянов, новохрестов. Так тех и нашой старожитных той же враг постья плевелы, уньята от чловька врагов сатан, бо не разумьют, бьдникове, евангелие» (С. 102); «же евангелию не токмо римчикове — вей! — папежа сынове и его козопасы, патрове и уньтове попове, не всю евангелию и не цълую, они ю не вьрят» (С. 204). Интересно, что в одном месте униаты названы «самарянами»: «Нашим не папа Формос законоположником, ань Александрове вашь сут, але таковыи, котрых не знают не точию римляне, уньаты — Самаряне, але ктось и протачок, смиренный брат наш» (С. 62).

Соотношение униатов и католиков довольно сложное. В первую очередь униаты помогают католикам бороться с Церковью: «Престаньте церковь, роздълъници уньтове, помагати римляном дерти» (С. 10), «Где сут убо судящи нас римляне с уньятами?!» (С. 54). Они братья «римчикам»: «Патерський брат — уньат юрод, а уньат пакиж патрум фратер, сей оному сатань поганому огненну» (С. 288). Униаты сравниваются Андреллою с псами, которые доедают за зверями: «”Звьрше, егда чловька изьдят, и пси с дивими звьрми приобцают ся тояжде снъди независтныя ради пища”. Ертеди сие (от венг. «понимаешь ли ты». — О.Н.). И в нашем же роде сих коеждо случшее ся увьдълхом тайну сию. Звьрrove сут Romuli, romanj, isti Canj, пси — наши, отшедшии, яко нечисти, до нечистых сердцем и гордостию отлучишиа ся. Римяне — звьрrove, пси — уньтове» (С. 19). Они «суть и сами от лукавых диавол и бьсов плотских — езуитов и розных патров римских» (С. 178).

На начале униатства в Подкарпатской Руси, а конкретно на роле Петра Парфения, Андрелла останавливается подробнее: «Враг ест чловьком диавол, вся между чистую вьру полову свою — плевелы римскии; Лютер Мартон кальвинистов имае внуков своих. Папъж сплдил сына и внуков, октавус Angyelczek Joannes. А ну, in Hungaria оноеж откуду постьял враг плевелы? Сей чловьк, сосуд вражий, чрътув, Петр Петрович Парфений... из села, названого Секоуль. Знаю его, я, его, бом я был в дому егож в тых же Секулах, при св. Иоаннь блиско тое, в Ньмецкой земли» (С. 280). В другом месте Андрелла подчеркивает, что унию священники заключали сами, без ведома паствы: «На уньатство бьжасте вы сами без овецъ пастырь, понуришиа ся» (С. 78). Это обвинение униатству было типично и для православной полемики в Речи Посполитой, указывавшей на отсутствие светских представителей на унионном соборе. Такой аргумент, однако, был для униатов неприемлем, что имеет корни в различных понятиях об участии мирян в церковной жизни, принятых в Восточной церкви и в Западной.

Однако униаты признаются Андреллою «сынами Восточной церкви» (что напоминает восприятие униатов православным М. Смотрицким) и как таковые они остаются «братьями»: «Уньтове, наши братия, не могут ся опаматовати, отямити» (С. 48); «римяны с моими браты уньтама» (С. 68); «Дух отлетит от уньята, брата нашего» (С. 142); «уньят брат» (С. 150). Они именно отступники¹³: «Будет всякое злое таким отступником уньятотом» (С. 65), «сих уньатов, отступивших от вьры небесной до земной» (С. 174), «Уништу, отступник св. Павла и Петра» (С. 185). Для этого сюжета примечательна актуальность для Андреллы такого понятия, как «рождение в вере», что проявляется в таких уточнениях: «От тых отпадших от святой той вьры, в нейже родишиа ся и вьспитаны бышиа св. млекоом Бжго Духа» (С. 16); «священицы початок св. вьрть, в нейже родили ся» (С. 8); «Аз же бороню правдивую Христову церков, в ней же родиховь ся не пятсотного року, 500, ани

теж 805 лъта, яко ты и прочии твои сынове» (С. 108); и отсюда такой призыв к униатам: «поплюйте тую римскую вьру новую, унью, охабьте чужое, примьте св. отец правдивую, в нейже родихом ся и мы, и вы, одну знаймо всь, як пред тым была «една вьра» святая, едны свята, „одно крещение, един дух“, а не два духи» (С. 127).

Униаты, на взгляд Андреллы, родившись в восточной вере и будучи сыновьями Восточной церкви, еще могут к ней вернуться. И в этом, очевидно, состоит для него важнейшее отличие униатов от католиков и остальных «сыновей» папы Римского: они не безнаджны, ведь Церковь «завше, яко мати любочадная, на лоно приимует и блудящих» от св. церкви на запад римского костелники» (С. 75). Как сыновья Восточной церкви, они еще могут к ней вернуться, к чему он их постоянно призывает: «Нашой святой, чистой, одной вьрть съборной восточной церкви отпадших сынов и дщерий» (С. 176); «Жаль бы ми уньята, дабы не от'ишол с ними, про то пишу, просящее их: отступьте тоту сатанину шкodu, квар вас!» (С. 135); «не бывайте ... римским идолослужителем товаришами» (С. 136); «Вы, уньтове, вам ся пишет, абысте вьчнь огня геенскаго утекли нашою вьрных вьрою единою» (С. 188); «хощу просвьтити уньятову безкнижну, убогую твою душу» (С. 196); «Геенна ждет вас, аще ся и вы огня дочасного, который “вышол, яко ис тука”, 72 псал., от римских не отречете пап ложных учений западных всьх» (С. 206); «Хочь ли, чловьче, измъни в путь безумство, тобъ ся глаголет, уньятушом по сему читаню не нарицай ся, згубиши свою часть в небъ вьчную, от вьчной роскоше останеш» (С. 230); «Уньяте, чему же ты воюеш на свою душку?» (С. 247). Андрелла говорит и о тех, кто соблазняется в унию, и они представляются ему как «блудящие от востока на запад»: «Жидув, люд поган, не лестят они, ани татарскаго гана, мазуровых апфо, но лучших от себе наших православных, блудящих от востока на запад» (С. 255), «Вас и без мене может Петр св. или Павел св. просвьщати, вашу душу, блудящую от восток, по евангелистову глаголаню, на запад» (С. 271). А Запад, как уже было показано, осмысливается как духовный конец.

«РУСНАКИ» И ДРУГИЕ НАРОДЫ

Русская идентичность явно не является для Андреллы актуальной в контексте спора с униатами, что сильно отличает его от православных полемистов по другую сторону Карпат. Если для них русское самосознание являлось почти неразрывным с их церковно-конфессиональной идентичностью и как таковое нередко оказывалось важнейшим аргументом в полемике¹⁴, то у Андреллы оно засвидетельствовано лишь изредка. Вот он пишет о своем языке: «По руснацку глаголю вам» (С. 191), «сирьч, то ест, руснацки глаголю» (С. 275). При этом русский язык упоминается еще только несколько раз: «ци разумьеш ты по руски або по рацку, сербьски?» (С. 121); «Рускаго не знавший, ани грецкаго писания святого языка нашой церкви и матере всходной, одной святой» (С. 82). Собственно русское самосознание зафиксировано только одной фразой Андреллы: «Дурнячок Русначок яз» (С. 170). Из форм этнонима наиболее употребляемая им именно «руснак»: «А Руснакове нашъ лучше творили, аще гласа чужаго ноту не переймовали, но свои ми осмы гласы у церкви пьли» (С. 110); «яко то невидущий темник римский намацал,

а Руснак напытав» (С. 145); «*Бо не жертва, но людей злых, як мовит Руснак, прелесть, выгадка диавольская тото*» (С. 116); «*ни Грек, ни Руснак восточный*» (С. 168, также см. с. 106, 214). Встречается, однако, и «русин»: «*Велика голова в Русина, мозгу в ней велми мало!*» (С. 17). Есть и определение «русские святые»: «*Розумью я тое, же сут святыи мнози живыи, але не римскии; то грецкии, то тойжде вьрп паки сут болгарскии, рускии, а все то быша одной святой старой вьрпы, а не римской злой новой*» (С. 121). Встречается и этноним «русь» (С. 251).

Несколько раз встречаются перечисления православных народов: это и случай со святыми, которые были «*не римскии; то грецкии, то тойжде вере паки сут болгарскии, рускии*» (С. 121), и еще: «*Греки, Сербы, Руснаки и вы, Волохове, и вся християнская вьро святая, знайте о том, же Бога нашего един св. слуга болше может от виштикх Ньмцув и от всьх чорных, бьлых, шарых розных шатанских купилищ, оружие носящих на православных християн, вьру дрьжащих, вьру, глаголю, святую, от св. Иерусалиму раз посяную в сердцах наших*» (С. 106); «*бодай бы Греции, Волошня, Волохове, Русь, Козаци, Запоротцы, Македоняне, Мултяне, Сербове, Истрове, Иларикове, Молдовяне, Далматове, Босняне, Болгаре, Славеняне, Угровлахове, усь столпови и подпору столп держит, а подпора дерьжит тогож стольпа царствующаго, не точию Петра, московского царя, православие святое наше, иже молитвами святыи подпирают, не токмо мужие, и женский пол*» (С. 251). В этом обширном перечне очень примечательно то, что среди православных народов упомянута «русь», но не упомянута «Москва», при этом тут же содержится очень почтительное упоминание о «московском царе» Петре I, который признаётся в качестве царя православного. Трудно делать обширные выводы из такого небольшого и единичного фрагмента, однако вполне возможно, что для Андреллы «Москва» виделась частью «руси». При этом никакого выделения закарпатских «руснаков» как отдельного народа от «руси» также нигде нет. Если принять эти осторожные выводы, то можно сказать, что Андрелла демонстрирует впечатляющее для своего времени и своего края общерусское самосознание. Возможно, на формирование таких взглядов повлияло его знакомство с полемической литературой киевско-черниговского круга второй половины XVII в., в которой общерусский взгляд на историю и свою народность был уже довольно определенным.

Интересны и перечисления Андреллой «поганских» народов. «*Римянинови, Татарининови, Лютеранинови, Калвинови, Турчинови и прочим поганом, яко и Уньятинови отступникови глаголет ся сие всьм*» (С. 24); «*Той цар над виштикми турецкими, и римскими, и иными безбожними панами Пан ест*» (о Боге, с. 26); «*Аз, я, перший человек, чтыриста пятьдесят пятый той святой един листок [из евангелия от Матфея. — О.Н.] не дал бы за всю Прагу, Англию, немецкую вьру, и за Литву, Прусы, Гелвецы, Поляцы, Мураву, Тоты, Чехи, Сведы, Фландры, Ливоны, Бургунды, Еуропы и Индианы с прочими поганами*» (С. 142). Явно, что в этих перечнях конфессиональные и этнополитические единицы перемешаны. А в одном месте проступает и понятие о «немцах» в социальном (а также конфессиональном, ведь в Закарпатье это было связано) смысле: «*Силньший ест наш Бог от всьх ньмецких панов и владык*» (С. 69).

Стоит подробнее остановиться на отношении Андреллы к полякам. Как раз в их восприятии этнические и конфессиональные характеристики оказываются полностью смешаны, например: «*Чтось тому подобного мыслят инее Божия вашь*

западници римлянове, папьяне: по Риму римляны, по папъ том, в котром диавол ест, папъжтаки, Ляхи, Поляци, латковы сынове, котрый хитро ловит пташки, так теж и убогих людей душки» (С. 103); «*Псы не внийдут до неба пред Бога вышняго, ни един, ани жаден Лях, ни римчик, анъ папезжник, уньят, ани теж сынове их*» (С. 144–145). В этом контексте довольно выразительно описан весь православно-униатский конфликт: «*Чада с народом смьшаня узрят из невьрным родом своим. Ляхове, паповы мужие, дщерь сквернят, руснацкую дьвку, а дьвка мужа переводит, абы отступити Бога, от истиннаго и правдиваго права егож тогожде Бога*» (С. 261). В Иване Корницком (униате из Галичины), с которым полемизирует Андрелла, он видит именно поляка: «*Брехайлова книга Корницкого Иоань, Ян, Ляше, ктось в тобь бреше*» (С. 236). Образ униата сближается с образом поляка: «*В котром же ты, Ляше, Поляче, и ты, егож брате, уньяте*» (С. 203).

На фоне этого трудно не удивиться, что у Андреллы почти не слышна мадьярская тема: венгры как притеснители и как «слуги Рима» фактически отсутствуют. Зато поляки в этом качестве появляются не раз. В этом можно усмотреть и некоторую идейную зависимость от остальной западнорусской полемической литературы, и обстоятельство конкретной полемики с Иваном Корницким. Наверняка также сыграло роль то обстоятельство, что венгерского присутствия в униатском священстве почти не было, а вот влияние униатов из Польши было значительным. Так, осмысление православно-униатского конфликта как русско-польского оказалось актуальным и для полемиста в Закарпатье. Общность конфликта в двух государствах проступает и в описаниях Андреллой плачущих икон: «*Слезы церкви изльивают св. образы, иконы у Польцы и на Угрьх, повсюду ест от печали многия и туги сердца*» (С. 230), «*А мати восточная, образ, икона святая, помысли, чему плачет у Польцы, у Угорской странь: 1 у сель Клокочове; 2 на долной Нирской, в Повчи, 3 у Ардели також плачет при Сомошварь — тое ест правдиве*» (С. 234).

При этом, что надо особенно отметить, у Оросвиговского нигде не проявлен славянский уровень идентичности. Нет ни перечисления славянских народов (славянских по разговорному ли языку или по языку богослужения), нет ни каких-либо сентенций, отсылающих к славянству. Это также можно считать своеобразием текстов Андреллы, ведь для многих православных полемистов Западной Руси славянский уровень идентичности был довольно значим, причем в довольно разных аспектах: и как духовная общность, заложенная свв. Кириллом и Мефодием (с рядом отпавших народов, которые, впрочем, еще могут вернуться¹⁵), и как этногенетическая общность (обыкновенно такие взгляды тесно увязаны с влиянием польской историографии, особенно с легендой о Чехе, Лехе и Русе). Несомненно, что весь этот идейный пласт литературы был Андрелле знаком, однако казался ему неактуальным.

* * *

В целом можно сделать вывод о том, что полемические тексты Михаила Оросвиговского смотрятся весьма гармонично на фоне всей западнорусской полемической литературы, являясь, несомненно, ее частью. Однако они имеют и ряд особенностей, обусловленных, вероятно, не только личным своеобразием

Андреллы как мыслителя, но и своеобразием положения православного населения Подкарпатской Руси.

Важнейшее отличие состоит в том, что у Андреллы совсем не представлен поместно-церковный уровень идентичности, равно как и уровень патриархии. Ни Киев, ни Константинополь не упоминаются. Андрелла мыслит себя главным образом конфессионально, как «восточника», что для него тождественно вообще христианину. Может быть с этим связано и незначительное место русской (тожд. русинской, руснацкой) идентичности. Это дополняется и полным отсутствием свидетельств его мышления о славянстве. В этом плане неудивительно, что у Андреллы ни разу не заходит речи об истории крещения его народа — ни о Крещении Руси, ни о миссии Кирилла и Мефодия, которая могла бы здесь иметь особое место, он не упоминает. Всё это очень выделяет Андреллу из общего числа западнорусских полемистов, ведь почти все они строили свою защиту русского православия на описаниях истории Крещения Руси¹⁶. А абсолютное господство конфессиональной идентичности совмещается у Андреллы с крайне жестким отношением к католицизму.

Главная, господствующая во всех рассуждениях идентичность Андреллы, — «восточник». Интересно, что, несмотря на хорошее знакомство Михаила Андреллы с западнорусской православной полемикой с территорией Речи Посполитой, это его свойство весьма своеобразно. В западнорусской полемической литературе такая идентичность («восточники») встречается только в сочинениях Клирика Острожского, реального имени и происхождения которого мы не знаем. Однако у него это понятие появляется главным образом для описания заседаний Флорентийского собора, где определение представителей Восточной и Западной церквей как «восточников» и «заходников» кажется вполне естественным¹⁷. В целом же о разработке православными публицистами в Речи Посполитой «обще-восточнической» идентичности говорить не приходится.

Мы видим, как в условиях противостояния агрессивной католической политики центральной власти виднейший деятель православного сопротивления делал основным самоопределением конфессиональную идентичность и устанавливал очень жесткую границу с западными конфессиями, которая касалась даже запретов на бытовые контакты. Такая сильная конфессионализация сознания предполагала определенного рода этническую индифферентность, так как объединяла славян и влахов Габсбургской монархии в единую группу с общей идентичностью.

Показательно, что центром православного сопротивления стала историческая область, населенная смешанным славяно-влашским населением — Мараморош. Можно предположить, что такая общая «восточническая» идентичность нашла отклик и у православных жителей неславянского происхождения, тем более что их всех объединял общий церковнославянский язык богослужения. Возможно, именно это явление конфессиональной консолидации определило в будущем массовое возвращение славян и влахов в лоно православной церкви.

Поражение Освободительной войны Ракоци привело и к окончательному поражению православного сопротивления того времени. В 1713 г. была заключена уния в Марамороше. Последний православный епископ Досифей Феодорович был, судя по легенде, замучен до смерти в Хустском замке в 1735 г., и только

после этого с православной иерархией в крае было покончено. Столь же жесткой была и история утверждения унии в Трансильвании, начавшаяся в самом конце XVII в. с акта в Дюлафехерваре.

Тем не менее, случившееся в первой половине XX в. возвращение местного населения назад в православие не может не удивлять глубиной конфессионального сознания, сохраненного и еще более выращенного за годы официально декретированной унии. Несомненно, что у этого феномена были глубокие корни, и потому ранняя история православного сопротивления унии представляет особый интерес.

После тридцати лет скитания с проповедью по краю, последний десяток лет своей жизни Михаил Андрелла прожил в селе Иза на севере Марамороша. Он ушел из жизни в 1710 г., в год последних поражений восстания Ракоци. Примечательно, что именно это село стало центром православного возрождения в крае много лет спустя. Именно здесь в XIX в. служил священником Иоанн Раковский (1815–1885), и именно здесь в самом начале XX в. начался массовый переход населения из унии в православие, охвативший вскоре всю Подкарпатскую Русь. Вряд ли можно утверждать наверняка, но трудно не увидеть в такой особой истории этой деревни следствие многолетней проповеди о. Михаила Андреллы, жившего здесь именно в годы, когда вся страна была охвачена восстанием под руководством Ференца II Ракоци.

¹ Ссылки на сочинения Михаила Оросвиговского Андреллы в тексте статьи и в сносках приводятся по след. изданию: Духовно-полемические сочинения иерея Михаила Оросвиговского Андреллы против католичества и унии. Тексты. / Д-р славяноведения А.Л. Петрова, с предисловием Ю.А. Яворского. Прага, 1932 (Материалы для истории Закарпатской Руси. Вып. IX). Сочинение «Логос» расположено на С. 1–69, «Оборона вѣрному человѣку» на С. 71–300.

² Несмотря на яркость и большую историческую ценность написанных Михаилом Оросвиговским сочинений, они до сих пор имеют довольно скудную исследовательскую библиографию. Известно, что А.Л. Петров собирался написать к подготовленному им изданию сочинений посвященную Андрелле специальную монографию, но не успел осуществить задуманное, см.: *Яворский Ю.А.* Последний труд А.Л. Петрова // Живая мысль. Прага, 1932. № 1. Андрелла также упоминается в известных обзорах литературы: *Франко І.* Карпаторуське письменство XVII–XVIII віків. Львів, 1900. С. 37–44; *Возняк М.* Історія Української літератури. Львів, 1924. Т. III. Ч. II (Вікі XVI–XVIII); *Недзельський Е.* Очерк карпаторуської літератури. Ужгород, 1932. С. 66–70. См. также: *Петров А.Л.* «Старая вера» и уния в XVII–XVIII вв. СПб., 1906. *Панькевич І.* Михаил Оросвегуский чи Михаил Феодул // Науковий Збірник товариства «Просвіта». Ужгород, 1925. Вип. IV. С. 5–16; *Он же.* Кілька нових дат до життєпису Михайла Феодула Оросвиговського-Андрелли // Подкарпатська Русь. Ужгород, 1931. № 7; *Гончаренко А.* Пламенный борец против Ватикана и унии // В сім'ї єдиній (Збірник художніх творів та публіцистично-критичних статей). Ужгород, 1954. С. 213–218; *Мелник В.* Видатний закарпатський полеміст XVII ст. // Жовтень. 1957. № 5. С. 129–135; *Удовиченко Г.М.* Про стиль полемічних творів Михайла Андрелли // Доповіді та повідомлення УжДУ. Серія історико-філологічна. Ужгород, 1957. № 1, С. 74–76; *Микитась В.Л.* Видатний письменник-полеміст // Література в школі.

- К., 1957. № 3; *Он же*. Деякі питання полемічної майстерності Михайла Андрелли // Доповіді та повідомлення УжНУ. Серія філологічна. Вип. 4. Ужгород, 1959; *Дежє Л.* О языке украинского полемиста М. Андреллы и закарпатской «народной литературы» XVII ст. // *Studia Slavica*. Budapest, 1981. Т. XXIII. Р. 19–52; *Calvi L.* Lingue e culture di confine nell'opera di Mychajlo Orosvyhovskij-Andrella. In *Plurilinguismo letterario in Ucraina, Polonia e Russia tra XVI e XVIII secolo* / Ed. M. Ciccarini, K. Zaboklicki. Warszawa; Roma, 1999. Р. 44–63; *Idem.* Jerusalem versus Rome in the Works of Mychajlo Orosvyhovskij-Andrella // *Jerusalem in Slavic Culture: Jews and Slavs* / Ed. by W. Moskovich. Jerusalem; Ljubljana, 1999. Vol. VI. Р. 251–262; *Idem.* Some Remarks on Michajlo Orosvyhovskij and His Works // *Slavica*. Debrecen, 2000. Vol. XXX. 223–236. old.; *Монич О.* Апологет-полеміст, ієрей Михайло Андрелла (Оросвиговський) (1637/39–1710) // Официальный сайт Мукачевской епархии УПЦ, http://mykachevo.eparchia.net/trsvyat/orosvigovsky_m.htm. Небольшая, но единственная на наше время монография, посвященная М. Андрелле: *Микитась В.Л.* Український письменник-полеміст Михайло Андрелла. Ужгород, 1960.
- ³ На эту дату он конкретно указывает: «*Ци видиши, чоловіче, же отступих диаволов римских давно, року по славном Христовым Рождеством 1669*» (С. 131). О том, что прежде он был униатом, Андрелла не раз вспоминает, и в довольно жестких формах: «*Уньятюм и аз колись, Михаил, бѣх, осквернях в той час землю Божию*» (С. 62), «*Писавый сия — признаю ся и сам аз на мя (на себе сам) — бѣх несмыслен колись давньо. Не разумѣх Духоносца, ниже псалма, учащаго нас...*» (С. 16), «*И аз бѣх темником, слѣпцем*» (С. 39).
- ⁴ Андрелла, например, описывает, что он был «*жельзными веригами связаным*» (С. 149). Подробнее о его пленении см. на С. 37, 171 и особенно 176.
- ⁵ «*На назь бѣ ланц, а на другой жельзнии пута были, у том же градѣ римском дваократ: перший, мовлю, раз 7 недѣль другой раз пять и день 1*» (С. 176).
- ⁶ О них упоминает в своей «Хрестоматии» Е. Сабов. А.Л. Петров свидетельствует, что все три книги были записаны в каталоге ужгородской епископской библиотеки, но уже ему найти их так и не удалось (см.: *Петров А.Л.* Материалы для истории Угорской Руси. СПб., 1906. Вып. IV. С. 28). По каталогу данные о книгах, приводимые А.Л. Петровым, следующие: № 68. Oroszvegessy Michael. Tractatus contra latinos. Ruthenice. 1672. in 8 compactum; № 75. Tractatus contra Latinos et graeco-catholicos in 4. 1681; № 76, 68. Tractatus contra Latinos et graeco-catholicos sine anno.
- ⁷ ЛННБ. Рукописный отдел. Ф. 1 (НТШ). Оп. 1. Спр. 325.
- ⁸ Подробнее см.: *Неменский О.Б.* Конфессиональная и этническая идентичность автора в полемических сочинениях Михаила Оросвиговского Андреллы // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. Петербургские славянские и балканские исследования. 2010. № 1 (7). С. 33–56.
- ⁹ См. об этом: *Неменский О.Б.* Русь и Константинополь в западнорусской полемической литературе после Брестской церковной унии // *Церковь в общественной жизни славянских народов в эпоху Средневековья и раннего Нового времени*. М., 2008. С. 76–82.
- ¹⁰ Разве что пару раз он упоминает о всех четырех восточных патриархах: «*А римлянове, як отступилиша от востока, св. престола брата Господня Иакова, патриархов встьх четверопрестольныхх*» (С. 198), «*от наших патриархов святыхх*» (С. 165).
- ¹¹ *Theophil Ortholog* [Смотрлицкий М.]. Threnos, to iest Lament iedney ś. Powszechny Arostolskiey wschodniey Cerkwie... Wilno, 1610.
- ¹² Например: «*Поистиннь, не одержут ся во животъ вѣчном римляны с своими новыми уньятами*» (С. 162); «*А уньятус не Христа, але, во плоти сущ, плотскаго чорнаго чорѣта розказаня пріяша попове*» (С. 282); «*Порочны сут всть римляне и уньятове!*» (С. 13); «*Ага, престанте сяцици, в грѣхах римских уньятове, освѣтит и вас Христос*» (С. 16–17); «*Широким путем римяне и также уньтове ходят, роскошно ядят и пьют, яко богаче*

- мира сего злосливаго препышнии, не занют уским трафити, имже ходили апостоли и вишитки, угодивши Богу, вечным путем*» (С. 32); «*Прочитайте перше Отче наш увесь аж до „от лукаваго“ — попка уньятика малого!*» (С. 51); «*но чортув, а не Бога ся боят уньятове*» (с.192); «*Погибающим уньятским попом*» (С. 205); «*прославили ся из уньятами папезжникове, же гордии от фараона*» (С. 223); «*Хвалиши, новый Жидовине, а не вѣриши. И ты таковой еси, уньятский попку!*» (С. 260); «*кто уньят, живота вѣчнаго той не наслѣдует, шога [от венг. soha — «никогда». — О.Н.], в вѣкъ вѣком*» (С. 263); «*Святче римского хромого костела, челоувѣческий учителю (а не Св. Духа), уньяте, слѣпотствуеши ты, безакониче, безбожнику, не Христов друже, но враже всякой правды небесной*» (С. 278). И потому «*оны, як римчиковы, сице уньты врагы сут мои*» (С. 81).
- ¹³ Примечательно, что он также пишет и про униатов в Речи Посполитой: «*Зри смерти отступующьх сѣя. православия нашего в Полци...*» (далее следует рассказ о том, как окончили свои дни некоторые тамошние униаты, см. С. 280).
- ¹⁴ См. об этом: *Неменский О.Б.* Об этноконфессиональном самосознании православного и униатского населения Речи Посполитой после Брестской унии // *Между Москвой, Варшавой и Киевом* / Под ред. О.Б. Неменского. М., 2008. С. 105–113.
- ¹⁵ Так это видит, например, Захария Копыстенский, у которого, впрочем, такой взгляд подкреплен и оригинальной версией этногенетической истории славян, см. об этом подробнее: *Неменский О.Б.* Представления о славянской общности в «Палинодии» Захарии Копыстенского // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. Славянская идентичность — новые факторы консолидации / Под ред. Е.С. Узеновой. М., 2008. С. 120–127.
- ¹⁶ См.: *Неменский О.Б.* Трактовки Крещения Руси в православно-униатской полемической литературе Западной Руси в первой половине XVII века // *Раннее Средневековье глазами позднего средневековья и раннего Нового времени* (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа) / Отв. ред. Б.Н. Флоря. М., 2006. С. 57–61.
- ¹⁷ Так, в сочинении «Исторія о Листрикійском, то есть о разбойническом Ферарском, або Флоренском синоде, вкортце правдиве списаная», читаем: «*А так, кгда ся были юж всть на тот собор згромадили, выбрали промежи себе заходници философа и риторы, так в латинском, яко и в греческом языках велми учоного и великого красомовцу, именем Яна Парижанина; а восточници з своее стороны выбрали Марка Ефеского*»; «*А так засѣдавши... многіе артикулы до спору, а наболшей восточници заходником задаючи, соборовали*»; «*перед восточниками заходники в доводех уставали и своих аргуменгов уступовали*». То же слово встречается еще только дважды в сочинении «Отпис на другій лист велебного отца Ипатія»: «*Льпше восточником злореченье относити, нѣжли злоречити...*»

В.Я. Гросул

АНТИОХ КАНТЕМИР — ДИПЛОМАТ ПЕТРА I

За последние 300 лет о жизни и деятельности Антиоха Кантемира (1708–1744) накопилась значительная литература. Прежде всего в ней отражается его литературное творчество, и он подается в этих изданиях как основатель русской гражданской литературы. Естественно, что большинство этих изданий вышло на русском языке, но имеются и специальные работы о нем на французском, немецком, итальянском, румынском¹ и других языках. Многие из авторов не обошли вниманием и служебной его деятельности, прежде всего его пребывания в качестве дипломатического представителя России в Лондоне и Париже. Действительно, дипломатическая деятельность Кантемира попадает на 30–40-е годы XVIII в. Однако он с полной мерой может быть отнесен к «птенцам гнезда Петрова», поскольку был взращен Петровской эпохой. Петр был кумиром Кантемира, а сам русский царь возлагал на молодого молдавского князя большие надежды. К тому же канцлер Алексей Петрович Бестужев-Рюмин (1693–1768) свою внешнеполитическую концепцию в период правления Елизаветы Петровны (1741–1761) называл «системой Петра I», подчеркивая преемственность правлений отца и дочери².

Значительный вклад в разработку темы о дипломатической деятельности А. Кантемира внес известный русский литературовед и педагог В.Я. Стоюнин (1826–1888)³. Еще в 60-е годы XIX в. он опубликовал двухтомник сочинений, писем и переводов Кантемира, где поместил также значительное количество реляций его из Лондона и Парижа⁴. Тогда же в журнале «Вестник Европы» он издал две капитальные статьи о его жизни в столицах Великобритании и Франции, обратив значительное внимание на работу в качестве дипломатического представителя России.

Сегодня без работ Стоюнина не может обойтись ни один исследователь творчества известного сатирика. Тем не менее, на исследовании истории дипломатической службы Кантемира отнюдь не была поставлена точка. Значительный вклад в эту область внес другой русский исследователь, профессор Варшавского университета В.Н. Александренко (1861–1909). Он проделал огромную работу и подготовил к изданию три солидных тома реляций А. Кантемира из Лондона. Кроме того, им было издано два тома о деятельности русских дипломатических агентов в Лондоне в XVIII в., где заметное место занимают материалы, в том числе и документальные, о Кантемире. К пребыванию Кантемира за границей Александренко обращался и в иных своих работах. Дипломатическая деятельность Кантемира находит отражение и в наследии других русских и зарубежных

авторов. О ней можно прочитать в художественно-публицистических книгах А. Западова и В. Иванова⁵, в работах И.И. Шимко, Л.Н. Майкова, М.И. Радовского и др. В 1893 г. в Петербурге в серии «Жизнь замечательных людей» вышла книжка Р.И. Сементковского о Кантемире, где имеется хоть и небольшой, но отдельный раздел под названием «Кантемир как дипломат». Кантемиру как дипломату посвятили свои работы и современные авторы⁶.

Вообще, обойти тему о дипломатической деятельности Кантемира не мог ни один исследователь, занимавшийся его творчеством, поскольку служебная и литературная его работа были столь переплетены, что разделение их привело бы к искажению понимания его литературного наследия. К тому же из неполных 36 лет, прожитым этим человеком, который с полным правом называется основателем русской гражданской литературы, 12 лет он провел на дипломатической службе — большую часть своей сознательной жизни. Нет нужды говорить, как пребывание за рубежом повлияло на его литературное творчество, сколько новых мыслей у него там появилось в результате знакомства с зарубежной литературой, встреч с иностранными учеными, писателями, государственными деятелями, и вообще, с новыми местами, можно сказать, с другой цивилизацией.

Если великий русский поэт А.С. Пушкин, работавший, как известно, в системе Министерства иностранных дел, изначально готовился к этой службе и в этой связи был направлен на учебу в знаменитый Царскосельский лицей, то Кантемир в молодости о карьере дипломата и не помышлял. Хотя и просил Петра I разрешить отправиться за границу для продолжения учебы. Тяга к знаниям у него проявилась еще в детстве, и его успехи в учебе были весьма значительными. Некоторые авторы подчеркивают, что именно потому, что он был наиболее талантливым из своих братьев, отец завещал ему всё свое наследство. Способности Кантемира, видимо, сыграли здесь свою роль, но, главное, на наш взгляд, было не в этом. Просто по давней традиции в Молдавии господствовал минорат: наследство переходило именно к младшему сыну.

Но образованность А. Кантемира, его выдающиеся способности, конечно, сыграли свою роль в том, что он стал представителем России при европейских дворах, т. е. получил наиболее важные в то время посольские должности. Как правило, послы России в XVIII в. становились представителями наиболее знатных российских дворянских семей. Но и здесь у него было всё в порядке. Его отец — господарь Молдавии, после переселения в Россию получил княжеское достоинство и обширные поместья близ Харькова и Москвы. Он прочно обосновался в России и стал одним из самых приближенных советников Петра I. Многократно цитировалась та оценка, которую Петр дал Дмитрию Кантемиру в своей записной книжке: «Онй господарь человек зело разумный и в советах способный». Собственно, после самого Петра I Д. Кантемир считался четвертым по значимости человеком в Российском государстве, уступая лишь А.Д. Меншикову, Г.И. Головкину и В.В. Долгорукову. Как обращается внимание в современной литературе, подпись Д. Кантемира под «Прошением сенаторов царю Петру I о принятии им титула императора, 1721 года», также стоит четвертой⁷. В то время подобный порядок подписи строго соблюдался.

Понятно, что сын столь влиятельного сановника не мог быть незамеченным и имел все основания для продвижения по службе. Антиох поступил в самый

престижный русский полк — Преображенский, и хотя он был там всего лишь фендриком, или прапорщиком, т. е. младшим офицером, это было очень существенно. Прапорщик в Преображенском полку был выше майора в обычных армейских частях. Но возвышению его и последующему продвижению по дипломатической службе способствовало еще несколько факторов. Немалую роль сыграла его образованность. В. Стоюнин, видимо, имел основания писать, «что он был едва ли не самый образованный из того русского общества, которое первое воспитывалось под влиянием петровских преобразований»⁸. Он получил хорошее домашнее воспитание, причем кроме приглашенных учителей с ним занимался и сам отец, затем юноша обучался в Московской славяно-греко-латинской академии. После смерти Д. Кантемира он попросил у Петра I дозволения отправиться для продолжения образования за границу, но царь своего согласия не дал, как полагают исследователи, потому, что намеревался основать Академию наук, при которой собирался открыть гимназию и университет, а им нужны были учащиеся. Антиох действительно обучался при Академии. В числе преподавателей Кантемира были первые русские академики, приехавшие из-за границы — Г.З. Байер, Д. Бернулли, Г.Б. Бильфингер, Х.-Ф. Гросс, Ф.Х. Мейер⁹. Иными словами, Антиох получил не только гуманитарное, но и естественно-научное образование. Он, например, проявлял большой интерес к математике, особенно к алгебре. Будучи послом в Париже, он в течение двух лет прилежно занимался алгеброй под руководством видного математика П.Л. Мопертюи. Как подчеркивает Стоюнин, Кантемир обладал прекрасной языковой подготовкой и еще с детства овладел древне- и новогреческим языками, латынью, итальянским, молдавским, турецким и русским¹⁰. По свидетельству его французского биографа, он говорил и писал италиянски так свободно и хорошо, как италиянец. Он также прекрасно владел французским, с которого сделал многие переводы на русский, а уже после того, как стал послом в Лондоне, изучил и английский язык.

Образованность Кантемира была хорошо известна и сослужила ему большую службу в бытность послом. И еще один немаловажный фактор его возвышения: он оказал большую помощь царице Анне Иоанновне после ее воцарения на русском престоле, выступил против так называемых верховников. Здесь он был заодно с Ф. Прокоповичем и сошелся с окружением Анны Иоанновны — Э.И. Бироном (1690—1772) и А.И. Остерманом (1687—1747), а также с таким видным русским политическим деятелем, как А.М. Черкасский (1680—1742), тоже являвшимся противником верховников. Кантемир принял активное участие в борьбе двух группировок при дворе, уже основательно отраженной в литературе¹¹.

Именно в доме Черкасского Кантемир набело переписал прошение к императрице, где излагались настроения дворянства вопреки интересам верховников. Вместе с молодым графом Матвеевым Кантемир затем объехал гвардейские полки и кавалергардов и собрал девяносто пять подписей. Было также решено составить новый адрес, где бы содержалась просьба к ней царствовать самодержавно. Этот адрес и было поручено написать Антиоху Кантемиру. Главное содержание этого документа заключалось в следующих словах: «Всемилютейше просим вас соизволить принять самодержавие, с которым царствовали ваши предшественники, уничтожить условия, присланные вашему величеству от верховного совета и подписанные вами»¹². Активное участие Кантемира в этих

событиях, сближение его с окружением императрицы, а также с Черкасским, который несколько позднее, в 1740 г., станет великим канцлером, и, более того, намеревавшимся выдать за Кантемира свою единственную дочь, заметно укрепило его позиции.

Благодаря этому он смог улучшить и свое материальное положение, поскольку после смерти Петра I оно резко пошатнулось. Его брат Константин, женившись на дочери влиятельного вельможи Д.М. Голицына, смог с помощью тестя прибрать все наследство отца, а это в первую очередь 10 тыс. душ крестьян; остальные дети оказались в очень трудном положении. За участие в событиях 1730 г. Антиоха и его двух братьев — Матвея и Сергея, как и сестру Марию, одали 1030 крестьянских домов, и лично Антиох получил деревни в Нижегородском и Брянском уездах. Но участие Кантемира в движении в поддержку Анны Иоанновны способствовало и выдвиганию его на должность дипломатического представителя в Лондоне. В литературе порой приписывают это интригам Д.М. Голицына, который якобы хотел отослать Антиоха подальше от России, чтобы тот не претендовал на наследство. Но это мнение давно опровергнуто другими авторами, которые вполне резонно подчеркивали, что Голицын после восшествия на престол новой царицы не имел особой власти, а послали Кантемира за рубеж в конце 1731 г.

Правда, есть один интересный документ от 8 сентября 1729 г., составленный в силу указа Петра II, по которому было установлено взять в Коллегию иностранных дел младшего сына «волоцкого господаря» А. Кантемира и послать его за границу, прежде всего во Францию, к послу А. Головкину, для обучения языкам и наукам, с тем чтобы он мог со временем обучиться министерским делам. Там были указаны даже соответствующие денежные суммы на его содержание. Этот документ был подписан канцлером Головкиным и А. Остерманом¹³, и к нему мог приложить руку Д.М. Голицын. Но почему-то ему не было дано ходу, и через два года посылка Кантемира на высокий пост представителя России в Англию была вызвана совсем другими причинами, хотя о намерении направить Кантемира по дипломатической линии, конечно, помнили.

Его возраст здесь не послужил препятствием, тем более что сыну известного военачальника Б.К. Миниха, временному поверенному в делах России во Франции, в это время тоже было всего 22 года¹⁴. Молодому дипломату, каким в то время был А. Кантемир, совершенно не имевшему опыта в такого рода делах, поручили решить важнейшую задачу — урегулировать отношения с крупнейшей мировой державой, Великобританией, тем более что отношения эти были в то время довольно сложными и переменчивыми.

На вторую четверть XVIII в. оказали сильнейшее влияние события Северной войны, по существу выдвинувшей Россию в число великих держав. Однако новую расстановку политических сил в Европе отнюдь не собирались признавать. Не признавали, например, императорского титула русских царей, за что пришлось побороться не одно десятилетие. Что касается Англии, куда Кантемир был направлен послом, то она активно помогала Швеции в ее войне против России и тем самым заметно затянула ведение военных действий между ними. Но и в самой Европе тоже было далеко не просто и спокойно. Там сложились две враждебные группировки, два блока — Венский и Ганноверский. В апреле 1725 г.

был подписан Венский оборонительный союз между Австрией и Испанией, направленный, прежде всего, против Франции, но затрагивавший также экономические и политические интересы Англии и Голландии. Буквально через полгода, в начале сентября 1725 г., подписывается договор между Англией, Францией и Пруссией, получивший название Ганноверского союза, направленного против Австрии и Испании. В этой связи обе группировки стремились перетянуть на свою сторону другие страны, в том числе и Россию. В этих условиях Россия принимает решение сблизиться с Англией, Францией и Пруссией¹⁵.

Система постоянных дипломатических представителей России за границей была введена при создателе новой русской дипломатии Петре I¹⁶. До этого посольские миссии были временными, хотя длились порой месяцами, а то и годами. Произошел обмен послами и с Англией. Так, в феврале 1713 г. был принят на русскую службу датский камергер барон Шак, вскоре назначенный чрезвычайным посланником при лондонском дворе¹⁷. Но, как отмечается в современной литературе, «в 20-е годы XVIII в. Англия оставалась одной из самых непримиримых противниц России в Европе»¹⁸. Непримируемость эта объяснялась опасениями роста политического и военно-морского могущества России, русской угрозой, отнюдь не подтвержденной, Ганноверу, который являлся наследственным владением английского короля и опорой его на континенте. Английское правительство также опасалось потерять посредническую роль в русской внешней торговле и попасть в зависимость от поставки русских кораблестроительных материалов¹⁹. Отношения между двумя странами достигли такой остроты, что дипломатические связи были прерваны. Английский резидент в России Джеффериз отзывается еще в 1719 г. и переезжает из Петербурга в Данциг²⁰. В свою очередь, английский статс-секретарь Стэнгоп 14 ноября 1720 г. потребовал от русского резидента в Лондоне М. Бестужева в ответ на поданный им мемориал от 17 октября, чтобы он в течение восьми дней покинул Англию²¹.

Однако ликвидация дипломатических отношений между странами, чувствительный спад торговых отношений наносили ущерб обеим странам. Петр I еще в 1724 г. поставил задачу их возобновления, но выдвинул при этом два условия. Прежде всего, он потребовал, чтобы английский король направил в Петербург своего посла и выразил желание «возвратить прежнюю дружбу» с русским монархом. Второе условие заключалось в желании русского царя получить признание императорского титула через специальную грамоту английского короля, которую привезет соответствующий посол²². Эти установки воспринял Остерман, руководивший иностранными делами, и включил их в инструкции молодому русскому послу. К тому времени признали Россию империей лишь Пруссия, Голландия, Швеция и Дания (в 1722–1724 гг.).

В 1728 г. в Петербург прибыл английский консул Т. Вард, которого в качестве секретаря сопровождал К. Рондо, в марте 1729 г. сам ставший английским консулом. Тогда же российское правительство поддержало его предложение о заключении контракта на поставку английского сукна российской армии в обмен на русские товары. Начался процесс нормализации отношений между двумя странами. В ноябре 1731 г. Рондо был назначен своим правительством английским посланником в России, и ему среди прочего было вменено в обя-

занность добиться того, чтобы Россия направила своего дипломатического представителя в Лондон. Выбор пал на А. Кантемира. Соответствующий указ был подписан 24 декабря 1731 г.

Для молодого офицера назначение, видимо, было неожиданным, но он сразу дал свое согласие и потратил на сборы лишь несколько дней. Учитывая, что в то время на сборы уходили недели, а то и месяцы, такая оперативность может быть признана уникальной. Перед отъездом он имел беседы с руководителями российского дипломатического ведомства А.И. Остерманом, И.Ю. Юрьевым, Я. Синяковичем, которые ввели его в курс дела. 29 декабря 1731 г. А. Кантемир сообщал в государственную Коллегию иностранных дел о том, что в ближайшие дни отправляется резидентом к английскому двору и что поскольку для него и его служителей для переезда от Москвы до Петербурга и оттуда до Риги необходимы восемь подвод, то просит их выделить, как и прогонные деньги²³.

Действительно, в путь А. Кантемир отправился из Москвы 1 января, имея соответствующую правительственную инструкцию от 27 декабря 1731 г.²⁴ Известно, что по дороге он останавливался у российского посла в Данциге Эрдмана, затем несколько дней прожил у русского посла в Берлине П.И. Ягужинского и далее некоторое время пробыл у русского посла в Гааге А.Г. Головкина. Русские дипломатические представители ввели его в курс дела, рассказали о нюансах дипломатической службы, поведали о существующем этикете и сообщили, что знали об Англии и англичанах. 30 марта А. Кантемир прибыл в Лондон и приступил к исполнению служебных обязанностей. Российским представителем в Англии он проработает шесть лет, и те, кто занимался его деятельностью на этом посту, оценили ее положительно. В современном обобщающем труде по проблемам внешней политики России ему дается следующая оценка: «Талантливый дипломат, поэт, тонкий и умелый политик, Кантемир занимал ответственный пост русского посла в Англии в течение 1732–1738 гг., твердо и неукоснительно отстаивая и защищая политические и экономические интересы России в сложной и противоречивой международной обстановке тех лет»²⁵. В той же монографии были названы наиболее видные русские дипломаты 20–50-х годов XVIII в.: А.И. Остерман, Б.И. Куракин, П.П. Шафиров, братья А.П. и М.П. Бестужевы-Рюмины, И.И. Неплюев, А.Д. Кантемир и М.И. Воронцов²⁶. Таким образом, Кантемир был назван в числе восьми наиболее выдающихся русских дипломатов своего времени.

Кантемир приехал в Лондон в сопровождении нескольких слуг, которые в действительности составили изначальный штат российского посольства в Англии. К ним относились О. Спешнев, аббат Геннадий, священник Б. Кассано, А. Третьяков, Ж. Мураховский, В. Браун. Последний — Вильям Браун, переводчик с английского языка, был принят на службу в июне 1732 г.²⁷ Вскоре на службу в посольство принимается брат Х. Гросса, учителя Кантемира в Петербургской академии, — Г. Гросс, оказавшийся активным ему помощником, а затем и переводчик Зимин. Вот, собственно, основной штат посольства, поэтому на самого Кантемира падал значительный объем работы. Он внимательно следил за обстановкой в стране, налаживал связи, прежде всего в английских верхах, занимался не только чисто политическими вопросами, но и проблемами экономики, культуры, науки, а также выполнял и ряд других обязанностей, которые вряд ли можно отнести к категории служебных. В специальной литературе обращают

внимание: если англичан в России интересовала тогда главным образом экономика, то задачи Кантемира были прежде всего политическими²⁸.

Он регулярно высылал в Петербург свои реляции, где сообщал различные подробности о жизни английской столицы и страны в целом, стараясь выделить главные моменты, которые могли быть полезны российскому руководству при проведении своей политики, причем не только в отношении Англии. Он сносился не только с Петербургом, но и немедленно сообщил о своем прибытии в Лондон русским представителям в других странах. 7 апреля 1732 г. он направил уведомления в Копенгаген, Вену, Варшаву, Гамбург. 16 мая того же года он пишет официальное письмо российскому резиденту в Константинополе А.И. Неплюеву, где сообщает, что уже имел аудиенцию у короля и всей королевской фамилии²⁹. Впоследствии он будет не только направлять свои отношения другим русским послам, но и получать от них ответные письма. Известны реляции, посланные ему из Константинополя новым послом России А.А. Вешняковым, послом в Стокгольме М.П. Бестужевым и т. д.³⁰

Англия того времени отмечена довольно продолжительным нахождением у власти вигских кабинетов. Именно виги в 1715 г. возвели на престол представителей так называемой Ганноверской династии — немецких курфюрстов, первый из которых Георг I (1714–1727 гг.) даже не знал английского языка. К моменту приезда Кантемира в Лондон королем был уже Георг II (1727–1760 гг.). Но король обладал ограниченной властью: не имел права назначать министров по своей воле, а обязан был выбирать их из парламентской партии большинства. Лидер партии возглавлял правительство. Исследователи характеризуют Георга II как человека довольно ограниченного, своенравного и капризного. Определенную роль играли различные фаворитки, но королева, тем не менее имела на него значительное влияние.

Конечно, Кантемиру надлежало наладить с королевской семьей наилучшие отношения, чего он и достиг, имея нередкие аудиенции у короля и поддерживая лояльные отношения с королевой. Но прежде всего необходимо было наладить связи с кабинетом, игравшим определяющую роль и во внутренней, и во внешней политике. Почти двадцать лет, с 1721 по 1740 г., Роберт Уолпол (1676–1745), выпускник Кембриджского университета, возглавлял правительство вигов. Являясь крупным землевладельцем, он вместе с тем активно занимался различными финансовыми операциями и, таким образом, был своим и в среде лендлордов, и в среде буржуазии. Уолпол проводил политику покровительства английской торговле и промышленности и среди прочего снизил пошлины на ввозимое в Англию сырье, что было выгодно России. Обращая приоритетное внимание на проблемы экономики, Уолпол стремился свести до минимума участие Англии в войнах³¹. Это тоже было на руку российской дипломатии, искренне стремившейся к улучшению отношений с Великобританией. Сам Кантемир в одной из первых реляций, посланных из Лондона и датированной 16 мая, отмечал: «Народ аглицкий весьма охотно меня здесь видит» и далее подчеркивал особое желание англичан улучшить торговые отношения с Россией³².

Кантемир хотя и был на 32 года моложе Р. Уолпола, довольно быстро наладил с ним отношения, как и с рядом других членов кабинета, прежде всего с братом премьера Горацием Уолполом (1717–1797). Тот знал французский язык,

и контакт с ним по этой причине был заметно более легким³³. Именно с ним, тоже членом кабинета, Кантемир встречался довольно часто и был в хороших отношениях. Близко сошелся он и с лордом Уильямом Гарингтоном (1690–1756), отвечавшим в правительстве за ведение иностранных дел³⁴. Кантемир подключился к русско-английским торговым переговорам, которые, однако, затянулись, но все-таки завершились подписанием Договора о дружбе, взаимной торговле и навигации сроком на 15 лет. Договор был подписан в Петербурге 2 (13) декабря 1734 г., и работа Кантемира по налаживанию русско-английского сближения, конечно, сыграла свою роль³⁵. По этому договору английские торговцы получали право наибольшего благоприятствования и заметные таможенные льготы при экспорте в Россию своего сукна. Англия также получила право транзитной торговли с Ираном через территорию России, что приносило большой доход английской стороне. Для Англии договор был, конечно, весьма благоприятным, что же касается России, то русское купечество им было не совсем довольно, ибо оно само хотело иметь благоприятные торговые связи с Ираном. Но вины Кантемира в том не было. Исследователи давно отметили, что Бирон получил от англичан взятку в 100 тыс. руб. и повлиял таким образом на ход переговоров и их результат³⁶.

Кантемир в соответствии с п. 9 инструкции от 27 декабря 1731 г.³⁷ и в дальнейшем продолжал заниматься вопросами русско-английских экономических связей, постоянно добиваясь для России различного рода преференций. Уже в конце своего пребывания в Англии он послал специальную реляцию российскому правительству, где подробно изложил свои взгляды на то, как укрепить позиции России на рынках Англии. Эта реляция от 24 января 1738 г. начинается следующими словами: «Чтоб русским купцам выдерживать возрастающую конкуренцию с Америкой, необходимо, чтобы русские товары дешевле американских в Англию продавать». Далее следовали предложения о том, как это сделать. Прежде всего он предлагал русским торговцам самостоятельно привозить в Англию свои товары, поскольку англичане, покупая их по низкой цене, затем ее сильно завышали. Далее он предлагал создать специальную русскую компанию для торговли с Англией, а для защиты ее интересов рекомендовал иметь в Англии русского консула. Он советовал сбавить в России пошлину на товары, которые привозятся также из Америки. На лен же и пеньку, которые из Америки не завозятся и крайне необходимы для английских полотняных предприятий, он, наоборот, советовал повысить вывозные пошлины. Дипломат также призывал к повышению качества русских товаров, улучшения их внешнего вида. Конкретно он имел в виду бочки со смолой и смолчугом, железо в прутьях и т. д.³⁸ По поводу устройства в Англии русского консула он вел переписку с Коммерц-коллегией, предлагая, например, на эту должность бывшего капитана российского флота Риго, однако поддержки не встретил³⁹.

Деятельность Кантемира в качестве посла в Англии была весьма многогранной и шла по нескольким направлениям. Он, естественно, следовал общим установкам своего правительства, а также конкретным инструкциям, которые регулярно поступали в его адрес. Кроме регулярных официальных донесений он писал письма Г.И. Головкину, А.И. Остерману, А.М. Черкасскому, Э.И. Бирону и другим руководителям тогдашней России. Свой отрыв от России на

протяжении 12 лет он скрашивал письменной связью с друзьями, знакомыми, родственниками. Особенно следует выделить переписку с сестрой Марией, некогда весьма близкой к Петру I.

Все годы пребывания при английском дворе он добивался признания императорского титула русской царицы. Однако оно последовало лишь в 1742 г., через четыре года после того, как дипломат покинул Лондон. Несомненно, его настойчивые обращения сыграли в этом свою немалую роль. Что касается конкретных инструкций, то некоторые из них были весьма подробными и многоаспектными. Так, в секретном рескрипте от 18 января 1735 г. давался комментарий к реляциям Кантемира от 10, 13, 17, 20 и 24 декабря, касавшимся англо-голландских отношений и польских дел. В рескрипте прямо писалось о враждебности Станислава Лещинского России и твердой установке российского правительства поддерживать не его, а, как там писалось, законно избранного короля Августа III. Об этом советовалось говорить громко, тем более что такую политику проводило и само правительство, и другие дипломатические российские представители в разных странах вопреки политике Франции. В соответствии с этим рескриптом Кантемиру предписывалось добиваться от Англии поддержки политики России в польском вопросе. Там же писалось о благосклонности английской королевы к России и лично Кантемиру и подчеркивалось: «Мы ничего так не желаем, как с его величеством истинную и крепчайшую дружбу всегда продолжить и действительные знаки показать, в какой особой консидации она у нас имеется». В этом же рескрипте Кантемиру излагалась также и линия поведения по отношению к Швеции⁴⁰.

Польскими делами, прежде всего спорами за польский престол, Кантемир к тому времени занимался не один год. Еще в 1733 г. после смерти Августа II Кантемир довел до сведения своего правительства, что «Георг II приказал отправить к своим министрам в Вену и Варшаву инструкции, чтоб при выборе нового короля поступили согласно с министрами обоих императорских дворов». На это представление обратил внимание еще С.М. Соловьев в своей многотомной «Истории России»⁴¹. Поскольку Франция поддержала Станислава Лещинского и послала в Балтийское море свой флот, то Кантемир в многочисленных беседах с Уолполом и Гарингтоном всячески добивался вооруженной поддержки Англии и посылки ее флота для борьбы с французами. Первое время его заверяли в поддержке, но затем подчеркнули, что такая акция не соответствует видам английского правительства. Но и так было неплохо, поскольку Англия по крайней мере не мешала действиям России, и Остерман, добивавшийся через Кантемира прихода в Балтийское море английской эскадры, едва ли сам верил в реальность такой акции. Однако указания из России следовали одно за другим. В них рекомендовалось всячески способствовать разрыву между Швецией и Францией.

Были рескрипты и более краткие и емкие. Бывали случаи, когда в один и тот же день Кантемиру посылались по несколько инструкций. Так, 5 апреля 1735 г. ему было послано два рескрипта. В одном Кантемиру не рекомендовали следовать за королем в Ганновер, в крайнем случае послать туда кого-нибудь другого. Там же сообщалось о поведении британского посла в Константинополе, которое тут же оценивалось негативно. Кантемиру пришлось заняться и этим вопросом, и по его настоянию тот дипломат (лорд Г. Кинул) был заменен новым послом.

Во втором рескрипте Кантемиру предписывалось координировать свои действия с послом России в Голландии А.Г. Головкиным с целью проведения общей линии в деле взаимоотношений Англии и Голландии⁴².

Естественно, проведение в жизнь установок российского правительства постоянно находилось в центре внимания русского посла в Англии. Но были и другие линии связей, кроме отношений со своим правительством и правительством английским. Он постоянно поддерживал контакты с послами других стран, находившимися в Лондоне. Едва он прибыл в английскую столицу, как буквально на второй же день нанес визит дипломатическому представителю венского двора графу Ф. Кинскому. Это отнюдь не было инициативой самого Кантемира, а соответствовало политике тогдашнего российского правительства, наладившего близкие отношения с Австрийским домом. К тому же такой совет Кантемир получил от опытного русского посла в Голландии Головкина. На следующий же день граф Кинский нанес ему ответный визит, и между двумя послами наладились весьма близкие отношения, что соответствовало интересам обеих держав⁴³. С другими послами связи наладились не сразу, но постепенно Кантемир перезнакомился со всем дипломатическим корпусом, обосновавшимся в Англии, и, несмотря на свою молодость, занял подобающее усиливающейся России положение.

Он и в дальнейшем неоднократно имел аудиенции не только у короля, но и у королевы. С королевой Каролиной (1727–1737 гг.) он, например, имел подробные беседы в июне и июле 1732 г., когда король выехал в Ганновер⁴⁴. Сообщал он также о многочисленных встречах с послами других стран. Так, как только прибыл в Англию в апреле 1735 г. новый представитель Португалии и имел свою первую аудиенцию с королем и королевой, то Кантемир постарался поближе с ним познакомиться. Нанес ему визит, а затем пригласил к себе домой, где присутствовал также и посол Австрии. По словам Кантемира, Португалия желала получить, прежде всего, помощь Великобритании в борьбе с Испанией⁴⁵. За деятельностью посла из далекой Португалии он продолжал наблюдать и в дальнейшем⁴⁶.

Кантемир постепенно стал своеобразной визитной карточкой России в Великобритании. Его облик, поведение явно диссонировали с теми представлениями, которые имелись о России у жителей Туманного Альбиона. Рондо представлял ее в донесениях как невежественную страну с шатким политическим устройством, очень низко оценивал государственных деятелей той поры, делая исключение только для Остермана, подчеркивал недовольство русских дворян иностранцами⁴⁷. Русский же посол в Англии предстал как высокообразованный человек, с прекрасными манерами и заметной тягой к наукам и искусству. Его оценили в разных слоях английского общества и относились с нескрываемым уважением. Как пишет историк российско-английских отношений первой половины XVIII в. М.В. Кумок, российский дипломат производил наилучшее впечатление на англичан⁴⁸. Покидая Англию, Кантемир послал в Петербург обширное донесение от 29 августа 1738 г., опубликованное в журнале «Друг Просвещения» в 1804 г. и с тех пор неоднократно переиздававшееся⁴⁹. Внимание к этому донесению вполне понятно, поскольку в нем дается подробная характеристика королю, основным министрам и их политике по отношению к ряду государств Европы. Интересно, что посол особенно подчеркнул зависимость этой политики от интересов английского купечества.

Число обязанностей Кантемира во время пребывания в этой стране постоянно возрастало, и объем работы, естественно, увеличивался. Ему пришлось специально заняться антирусскими выпадами в английской газете *Evening Post*, а затем и антирусской книгой *Lettres moscovites* («Московские письма»), автором которой, как он считал, был итальянец Локателли⁵⁰. Автор активно нападал на российское немецкое руководство и предрекал его скорое падение. Книга эта очень всполошила немецкую партию в руководстве России, и оно требовало возмездия. В соответствии с инструкциями Кантемир вел поиск анонимных авторов, встречался с редакторами газет, представлял жалобы английскому правительству, но обычно получал ответ о наличии в Англии законов о свободе личности и мысли. Поскольку управы на них через английские власти найти не удавалось, то в реляции от 24 января 1738 г. он даже писал, что есть единственный способ наказать Локателли — побить его через тайно посланных людей, и в связи с этим просил дозволения императрицы на этот, как он сам писал, своевольный суд, подчеркивая при этом, что он такое возмездие может организовать⁵¹. Естественно, позволения не последовало. Эта реляция и необычное предложение Кантемира обратили на себя внимание биографов: уж очень они не соответствовали натуре посла. Последовали разные комментарии, но, видимо, эти предложения были сделаны потому, что не могли быть одобрены. Тоже своего рода дипломатия. А. Западов в этом вообще усматривал насмешку⁵².

Значительное время Кантемир посвящал поискам для России специалистов в разных областях науки и техники. В связи с тем что русский флот к тому времени значительно ослабел, дипломат в соответствии с указанием из Петербурга подыскивал в Англии капитанов, которых направлял на работу в Россию⁵³. Он оказывал покровительство русским молодым людям, посланным на учебу. Некоторые из них находились в состоянии сильнейшей материальной нужды. Приходилось выполнять и многочисленные личные просьбы российских сановников как из Петербурга, так и из других дипломатических представительств. XVIII столетие продемонстрировало всё возрастающее стремление русской знати к роскоши. Началась самая настоящая погоня за различными заморскими вещами. Больше всего обращались к Кантемиру с просьбами прислать наряды. Ему приходилось отрываться от занятий государственными делами или от писательского труда и откликаться на просьбы того или иного вельможи⁵⁴.

С большой охотой он выполнял просьбы родной Академии наук, помогая ей получать необходимые приборы, оборудование, книги. Президенту Академии Иоганну Альбрехту Корфу (1697–1766) он искренно писал: «Будьте уверены, что я всегда почту за истинное счастье служить для пользы нашей Академии»⁵⁵. Приходилось ему принимать различных английских прожектеров, приходивших с проектами в той или иной области, и он исправно доносил об этом в Петербург, считая, что по крайней мере кое-что из этого может быть полезным.

31 мая 1737 г. Кантемир получил очередную инструкцию, где перед ним была поставлена задача наладить близкие связи с французским послом в Англии Шовиньи с целью начать работу по улучшению отношений с Францией и возобновлению дипломатических контактов. Отношения до этого были не просто натянутые, но даже враждебные, и виной тому были, прежде всего, польские события. Кантемиру давалось указание начать переговоры под видом его личного

желания улучшить отношения между странами, сблизить их и вообще изменить прежнюю политику, направлявшуюся, как известно, Бироном.

Кантемир с большим желанием принялся за исполнение этого поручения и довольно скоро достиг заметного успеха. Французское правительство действительно выразило свое желание наладить дипломатические отношения и иметь в Париже российского посла, а в Петербурге — французского. В результате сам Кантемир был назначен дипломатическим представителем России во Франции. При этом рескриптом от 18 апреля 1738 г. он был пожалован в камергеры. Примечательно, что парижский двор с удовлетворением воспринял это назначение⁵⁶. В то время он считался одним из лучших российских послов. В соответствии с росписью российских представителей за рубежом, составленной в 1739 г., ему отвели второе место вслед за послом в Гааге А.Г. Головкиным⁵⁷, который был значительно старше его по возрасту.

Так Кантемир оказался в Париже. Собственно, это была не первая поездка его во французскую столицу. В 1736 г. он приезжал во Францию для лечения глазной болезни, которой он страдал еще с детства, после того как переболел черной оспой. В реляции от 21 февраля 1735 г. он подчеркивал: «За слабостью глаз моих долго писать не могу»⁵⁸. Болезнь усугубилась в связи с интенсивной работой, дававшей большую нагрузку на глаза. Кантемир тогда лечился у известного окулиста Жандрона, и через короткое время последовал позитивный эффект⁵⁹. Еще тогда он наладил определенные связи с представителями французского общества, в частности с маркизой Монконсель, женой бригадира и военного инспектора, связанной с французскими верхами и ставшей осведомительницей Кантемира⁶⁰, хотя, вероятно, не только его.

На сей раз он прибыл в Париж в сентябре 1738 г. и, как отмечал С.М. Соловьев, изучавший реляции Кантемира из Франции, был принят министром Жан-Жаком Амело де Шильо (1689–1749) и кардиналом Андре-Эркулем де Флёри (1653–1743) «весьма ласково и учтиво», прежде всего кардиналом, беседовавшим с ним больше часа и уверившим Кантемира в искреннем желании короля установить добрые отношения с русской царицей. На этой аудиенции шла речь о посредничестве Франции в заключении мира между Россией и Турцией, и Флёри выразил свое неудовольствие участием в этом процессе морских держав — Англии и Голландии. При этом Кантемир заметил, что отказаться от их посредничества нет никакой возможности, поскольку они уже подключены к переговорному процессу. Кантемир также коснулся и взаимоотношений с Швецией, намекнув на ту поддержку, которую французский посол в этой стране Сен-Северин оказывает враждебной России партии⁶¹.

Первая встреча с ведущими тогда французскими политическими деятелями оказалась, таким образом, не только данью вежливости, но сразу привела к обмену мнениями по важным для России вопросам внешней политики. Казалось, что взаимоотношения русского посла с руководством Франции и в дальнейшем будут достаточно благоприятными, но в действительности всё оказалось значительно сложнее⁶². Французский министр Амело сообщал послу Франции Камбису в Лондон, что Людовик XV очень доволен назначением Кантемира во Францию как особы высокого происхождения и со многими достоинствами, но, как выяснил В.Н. Александренко, работавший еще в конце XIX в. во французских

архивах, секретные материалы французской полиции, хранившиеся в архиве Бастилии, свидетельствовали о том, что за Кантемиром в Париже была устроена повседневная слежка. А обратившись к архивам французского министерства иностранных дел, исследователь выяснил, что ни Людовик XV, ни министр иностранных дел Амело не любили Кантемира, считали его нерасположенным к Франции и преданным интересам Англии⁶³.

Однако очень непростые отношения сложились у Кантемира прежде всего с кардиналом Флэри. Дело даже не в личной недоброжелательности кардинала к Кантемиру. Столкнулись принципиально разные подходы в дипломатии. Флэри был последователем макиавеллизма, не брезговал ни обманом, ни коварством, ни подлостью. Он считал это нормой и рассматривал двуличную дипломатию как повседневную игру. Внешне он был любезен, подчеркивал свое расположение к Кантемиру, но вести с ним дела политического характера было чрезвычайно трудно. Как отмечал один из первых биографов Кантемира — аббат Венути, лично с ним хорошо знакомый, из бесед с русским послом, из наблюдений за его деятельностью он пришел к выводу, что русский посол не только в своей личной жизни, но и как дипломат руководствовался христианской моралью и считал ниже своего достоинства прибегать к обману, лицемерию, придворным хитростям и тем более коварству. Да и с точки зрения большой дипломатии он все эти хитросплетения считал бесполезными. Он был человеком честным и даже прямодушным. Макиавеллизму он противопоставлял свой природный ум, обширные знания, дар предвидения, умение быстро распознавать цели своих собеседников и принимать в этой связи необходимые меры. Он создал в Париже свою агентуру и неплохо знал положение в стране.

Но особенно на первых порах Кантемиру в Париже было очень трудно. Причем до такой степени, что он даже помышлял покинуть свой пост. Среди важнейших задач, которые ему приходилось решать, находились не только русско-французские отношения, но и турецкие, и шведские дела. Из Петербурга Кантемир получил инструкцию, где говорилось, что Швеция стремится к сближению с Турцией во вред России. Ему предписывалось обратить особое внимание на этот вопрос и вместе с австрийским послом выйти на французское министерство с просьбой не допустить такого союза. Флэри дал свое согласие, но его обещание оказалось очередной политической хитростью. Турецкими и шведскими делами Кантемир занимался всё время, пока был послом во Франции. Для подтверждения этого достаточно обратиться к многочисленным его реляциям, отправленным из Парижа. Взаимоотношениям с Турцией он посвящал значительную часть своего времени и после окончания Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Так, весной 1741 г. он беседовал с Амело о турецких делах и затронул вопрос обмена русских пленных на взятых в плен турецких пашей⁶⁴. В декабре 1741 г. он нанес визит новому турецкому послу Саид-паше, с которым говорил по-французски. В процессе этой беседы они заверили «друг друга в истинном намерении своих государей к содержанию навсегда мира»⁶⁵. С турецким послом Кантемир встречался и в других условиях. Зимой 1742 г. дипломат обедал с турецким эмиссаром у голландского посла, затем был обед у посла венецианского, и далее он ожидал турецкого представителя на обеде у себя в посольстве. Как писал Кантемир, «не перестану оказывать ему разные учтивости»⁶⁶. Вскоре он обратил внимание на то, что встречи французско-

го министра и турецкого посла стали учащаться, и еще больше усилил внимание к деятельности этого дипломата.

Многokrатно можно встретить в реляциях Кантемира из Парижа и упоминания о занятиях его шведскими делами. Зимой 1742 г. к нему приехал барон Пос и представил два проекта примирения России и Швеции. Поскольку там предусматривалось возвращение некоторых территорий, уже входивших в состав России, то, прочитав эти проекты, он их возвратил, сославшись на отсутствие указаний из Петербурга. Вместе с тем он подробно изложил содержание этих проектов⁶⁷. Пришлось заниматься Кантемиру и вопросом убийства шведского агента, майора Синклера. Убит он был по воле «немецкой партии» при русском дворе и лично Б.К. Миниха, но вскоре поднялась волна антирусских настроений, и Кантемиру пришлось принимать меры для ослабления этих настроений. О деле Синклера в свое время довольно подробно писал С.М. Соловьев⁶⁸.

В поле зрения Кантемира как посла находились и вопросы взаимоотношений России с Польшей. Как известно, Людовик XV был женат на дочери польского короля Станислава Лещинского — Марии. К моменту приезда Кантемира в Париж Лещинский уже потерял престол и переселился во Францию, но французское руководство по-прежнему рассматривало Польшу как зону своих интересов, и в этой связи имелась необходимость урегулирования отношений и с Россией, чем приходилось заниматься и Кантемиру. Но, конечно, главное заключалось в своевременном информировании российского правительства о событиях во Франции.

В целом отношения самого Кантемира с руководством своей страны складывались хорошо. После смерти Анны Иоанновны на короткое время престол перешел к младенцу Ивану Антоновичу при регентстве его матери Анны Леопольдовны. Она даже предполагала в будущем сделать Кантемира воспитателем царя. Приход к власти Елизаветы Петровны после некоторого периода неопределенности тоже не внес изменений в положение Кантемира. «Немецкая партия» была отдалена от престола, и, можно сказать, ее заменила «партия французская». Французский посланник Жак-Иоахим Тротти маркиз де Шетарди (1705–1759) принимал деятельное участие в подготовке и проведении переворота, приведшего к власти Елизавету Петровну (1741–1761 гг.)⁶⁹. В этих условиях роль связей с Францией заметно возросла.

Сама Елизавета многое хотела сделать так, как было во Франции, и Кантемир получил задание подробно описать церемонии французского двора, что он сделал весьма детально, переслав в Россию также необходимую литературу. В. Стоюнин подчеркивал: «Таким образом, он является первым посредником в перенесении к русскому двору французского этикета, который имел влияние на придворные нравы русских вельмож»⁷⁰. Елизавета особенно ценила реляции Кантемира, лично их читала, даже оставляла у себя, знакомясь с нюансами французской политики и жизнью французского двора. Донесения других послов ее интересовали меньше, и они прочитывались ей в извлечениях⁷¹.

Вместе с тем в России происходили все новые изменения. В ноябре 1742 г. скончался давний покровитель Кантемира князь Черкасский. Его дочь, которая считалась невестой Кантемира, вышла замуж за графа П.Б. Шереметева, а ведение иностранных дел перешло к А.П. Бестужеву-Рюмину, опытному

дипломату, отношения которого с Кантемиром обещали быть достаточно благоприятными. Бестужев-Рюмин являлся во многом выдвинутым «французской партии». Однако влияние французов при русском дворе было недолговечным. Елизавета Петровна и сам Бестужев-Рюмин склонялись к проведению национальной политики, и вскоре назойливость Шетарди и его соплеменников стали их тяготить. По распоряжению Бестужева-Рюмина переписка Шетарди со своим правительством была перехвачена, дешифрована и передана Елизавете. Вскрылись подлинные мотивы французской политики, а также недоброжелательность по отношению к русскому обществу и самой Елизавете. Разразился скандал, и в июне 1744 г. Шетарди выслали из Петербурга. Впрочем, когда он в очередной раз прибыл в Россию, ему было поручено сообщить о давно ожидавшемся признании за Елизаветой титула императрицы. Так оно и произошло в 1744 г. Но буквально одновременно резко падает влияние при русском дворе «французской партии», положение Бестужева-Рюмина, ставшего канцлером, еще больше укрепляется⁷².

Кантемир, все годы пребывания во Франции занимавшийся делом о признании императорского титула сначала за Анной Иоанновной, затем за Иваном Антоновичем и далее за Елизаветой, до этого официального признания не дождался, хотя немало для него сделал. Шло время, и Елизавета стала проявлять нетерпение, а затем недовольство. Несомненную роль здесь сыграли и интриги, в том числе Бестужева-Рюмина, видевшего в Кантемире конкурента, способного возглавить Коллегию иностранных дел. Определенное раздражение вызывали у императрицы и те реляции, в которых Кантемир добивался увеличения довольствия. Бюджет посольства России во Франции был самым значительным. Но нужно было учитывать специфику этой страны, где расходы — из-за склонности французского двора к пышной жизни — были несопоставимо выше, чем где бы то ни было в Европе. Русский посол должен был соответствовать своему статусу, тем более что жалование ряда послов других стран было большим. Но в России этого не хотели понимать. Отсюда благосклонность Елизаветы к Кантемиру уже была не столь явной, как раньше.

Сам Кантемир, несмотря на усиливавшуюся болезнь, продолжал исправно исполнять свои посольские обязанности и стремился всячески укрепить позиции России, причем не только во Франции. В тот период он повседневно занимался различными проблемами, возникшими в связи с Войной за австрийское наследство, которая затронула интересы всех стран Европы. Россия была союзницей Австрийского дома, и Кантемир по-прежнему поддерживал близкие отношения с австрийским послом во Франции и использовал все свои возможности для оказания поддержки своим союзникам. Австрия была нужна России и как партнер против Османской империи, и как страна, противодействовавшая в то время амбициям Франции. Но Франция, которая обострила свои отношения с Австрией в борьбе за приоритетное влияние в Европе, имела другие цели. В этой связи Кантемиру приходилось делать всё возможное, чтобы не обострять отношения России со страной его пребывания.

Сближение Австрии и России вызывало недовольство не только Франции, но и Пруссии, и это также приходилось учитывать Кантемиру. Тем временем продолжались повседневные встречи с французскими министрами, регулярные

поездки в Версаль и Фонтенбло, посылка (примерно два раза в неделю) подробных реляций, из которых руководители русской внешней политики могли почерпнуть различного рода сведения не только о положении во Франции, но и о международных отношениях вообще. Как и в Лондоне, он повседневно занимался делами русских молодых людей, посланных в Париж на учебу. В его донесениях упоминаются С.К. Нарышкин, Мозалевский, А. и В. Долгоруковы, В. и И. Головины, Лилиенфельд, А. Ефимовский, П. и А. Хованские, молодой Ягужинский и др. По-прежнему он поддерживает тесные связи с родной Академией наук, переписывается с ее президентами И.А. Корфом, затем К.Г. Бревнером, секретарем Шумахером и выполняет различные их поручения.

Можно с полным основанием заявлять о большой пользе, которую принес Кантемир русской науке, о чем подробно говорится в специальной литературе⁷³. Как пишет В.Я. Стоюнин, у Кантемира «была надежда на место президента Петербургской академии наук, место, которое было наиболее ему по нраву и наиболее прельщало его»⁷⁴. Как известно, первым президентом этой Академии Петр I планировал сделать его отца Дмитрия⁷⁵. При посредничестве Кантемира членом-корреспондентом Петербургской академии был избран крупный французский математик, лично близкий ему, Мопертюи. Поддерживал Кантемир тесные связи и с такими выдающимися французскими мыслителями, как Вольтер и Ш.Л. Монтескье, что также имело значение и для укрепления позиций русской науки. И конечно, как и в Лондоне, он постоянно занимался литературным творчеством.

Интенсивный труд подорвал здоровье еще молодого российского дипломата. Болезнь особенно стала давать о себе знать с 1740 г. Лечение во Франции уже не помогало, и он решил отправиться в Италию. Из Петербурга последовал указ от 14 февраля 1744 г., позволяющий эту поездку, но воспользоваться им дипломат уже не смог. Ушел он из жизни в Париже 31 марта (11 апреля) 1744 г., не дожив даже до 36 лет. Он оставил богатейшее литературное наследство, отнюдь не всё разысканное, в том числе свои знаменитые реляции, и сегодня представляющие интерес для тех, кто изучает историю международных отношений XVIII столетия.

Его ближайший сотрудник Гросс, сообщая российскому правительству о кончине Кантемира и назвав его весьма искусным ученым и министром, подчеркнул: «Здесь таким обще все его почитали и понеже к превосходным качествам ума присовокупил гораздо приятное обхождение со всеми людьми, а особливо с своими друзьями; обще же в городе и при дворе сожалеют о преждевременной его смерти». Монтескье, человек намного старше годами Кантемира, хорошо его знавший, по случаю его кончины писал близкому к нему аббату Октавио Гуаско⁷⁶: «Другие друзья вам заменят того, которого вы лишились, но России не так легко заменить посланника с достоинствами князя Кантемира»⁷⁷. Двенадцатилетняя служба Кантемира на дипломатическом поприще оставила свой след в истории российской дипломатии, и к ней, конечно, еще не раз будут обращаться историки-исследователи, литературоведы и практические политики. Много поучительного можно почерпнуть при изучении его повседневной жизни, не говоря уже о творческом наследии. Всю свою жизнь он считал себя последователем петровских предначертаний и вполне может быть

отнесен к «птенцам гнезда Петрова», к сподвижникам русского императора-преобразователя, хотя и не был назван как таковой в знаменитой пушкинской «Полтаве»⁷⁸.

- 1 *Bavagnoli M.B.* Le origini del poema epico russo: La Petrida di Antioch Kantemir. Milano, 1990; *Cirstea C.* Antioch Cantemir. Craiova, 1984; *Dimitriu (I.-G.)*. Din corespondenta lui Antioch Cantemir cu Voltair // Preocupari literare. III, 1938, P. 242–248; *Ehrhard M.* Le prince Cantemir a Paris (1738–1744). Paris, 1938; *Grasshoff H.* Antioch Dmitrievic Kantemir und Westeuropa. Berlin, 1966.
- 2 *Анисимов М.Ю.* Влияние геополитики на дипломатию России в середине XVIII века // Геополитические факторы во внешней политике России. Вторая половина XVI — начало XX века. М., 2007. С. 137.
- 3 *Елизаветина Г.Г.* Творчество А.Д. Кантемира в историко-литературной концепции В.Я. Стоюнина // Антиох Кантемир и русская литература. М., 1999. С. 280–287.
- 4 Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира (далее — Сочинения, письма, избранные переводы) / Статья и примечания В.Я. Стоюнина. СПб., 1867–1868. Т. I–II.
- 5 *Западов А.* Подвиг Антиоха Кантемира. М., 1988; *Иванов В.* Повесть об Антиохе Кантемире. Л., 1983.
- 6 *Кумок М.В.* Российский посланник в Англии А.Д. Кантемир // Вопросы истории. 1987. № 2. С. 178–184; *Гросул В.Я.* Дипломатическая деятельность Антиоха Кантемира // Revista de istorie a Moldovei. 2008. N 4. P. 56–72.
- 7 *Сергеев И.* Царицыно. Подмосковье. М., 2006. С. 31.
- 8 *Стоюнин В.Я.* Князь Антиох Кантемир // Сочинения, письма и избранные переводы. СПб., 1867. Т. I. С. IX.
- 9 *Александренко В.Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. (далее — Агенты). Варшава, 1897. Т. I. С. 21.
- 10 *Стоюнин В.Я.* Князь Антиох Кантемир. С. XIII.
- 11 *Петрухинцев Н.Н.* Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривосточного курса и судьбы армии и флота 1730–1735. СПб., 2001. С. 37–66.
- 12 Цит. по: *Стоюнин В.Я.* Князь Антиох Кантемир. С. VII.
- 13 Реляции кн. А.Д. Кантемира из Лондона (1732–1733 г.) (далее — Реляции). М., 1892. Т. I. С. VI.
- 14 *Стоюнин В.Я.* Князь Антиох Кантемир в Лондоне // Вестник Европы. М., 1867. Т. I. С. 226.
- 15 *Некрасов Г.А.* Роль России в европейской международной политике 1725–1739 г. М., 1976. С. 24–25; *Тимирязев В.А.* Русские дипломаты XVIII столетия // Исторический вестник. 1897. Т. XXVI. С. 248–262.
- 16 *Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра Первого. М., 1984. С. 5.
- 17 *Александренко В.Н.* Агенты. Т. I. С. 120–121.
- 18 История внешней политики России. XVIII век. М., 1998. С. 76–77.
- 19 Там же. С. 77.
- 20 *Александренко В.Н.* Агенты. Т. I. С. 14.
- 21 Реляции. Т. I. С. III.
- 22 *Александренко В.Н.* Агенты. Т. I. С. 19.
- 23 Там же. Т. II. Варшава, 1897. С. 56.
- 24 Реляции. Т. I. С. 234–244.
- 25 История внешней политики России. С. 77.

- 26 Там же. С. 109.
- 27 *Александренко В.Н.* Агенты. Т. II. С. 56–57.
- 28 *Кумок М.В.* Российский посланник. С. 179.
- 29 *Александренко В.Н.* Агенты. С. 56.
- 30 Реляции. М., 1903. Т. II. 1734–1735. С. 270, 280.
- 31 См.: *Taylor G.R.S.* R. Walpole and his Age. London; Toronto. 1931.
- 32 Реляции. Т. I. С. 16.
- 33 Там же. С. 53–54.
- 34 *Стоюнин В.* Князь Антиох Кантемир в Лондоне. С. 238.
- 35 *Кумок М.В.* Российский посланник. С. 180.
- 36 *Лебедев В.И.* Русско-английские торговые отношения и договор 1734 г. // Ученые записки МГУ. Вып. 167. Кафедра истории СССР. М., 1954. С. 121–132; *Reading D.K.* The Anglo-Russian commercial treaty of 1734. New Haven, 1938.
- 37 Реляции. Т. I. С. 239.
- 38 Сочинения, письма и избранные переводы. Т. II. С. 100–101.
- 39 *Александренко В.Н.* Агенты. Т. II. С. 65.
- 40 Там же. С. 60–65.
- 41 *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1993. Кн. X. С. 360.
- 42 *Александренко В.Н.* Агенты. Т. II. С. 66–68.
- 43 *Стоюнин В.Я.* Князь Антиох Кантемир в Лондоне. С. 243.
- 44 Реляции. Т. I. С. 24, 27.
- 45 Там же. Т. II. С. 236.
- 46 Там же. С. 239, 243.
- 47 *Стоюнин В.Я.* Князь Антиох Кантемир в Лондоне. С. 228.
- 48 *Кумок М.В.* Русско-английские отношения в 30–40-х годах XVIII в. (1738–1750): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. С. 18.
- 49 Сочинения, письма и избранные переводы. Т. II. С. 102–104.
- 50 [*Locatelli Lanzì F.*] Lettres moscovites. Königsberg, 1736.
- 51 Сочинения, письма и избранные переводы. Т. II. С. 102.
- 52 *Западов А.* Указ. соч. С. 134.
- 53 Реляции. Т. II, С. 17.
- 54 *Стоюнин В.Я.* Князь Антиох Кантемир в Лондоне // Вестник Европы. 1867. Т. II. С. 98–99.
- 55 Там же. С. 103.
- 56 *Стоюнин В.Я.* Князь Антиох Кантемир в Париже // Вестник Европы. 1880. Т. IV. С. 578.
- 57 *Кумок М.В.* Российский посланник. С. 183.
- 58 Реляции. Т. II. С. 220.
- 59 *Стоюнин В.Я.* Князь Антиох Кантемир. С. I–XXXIX.
- 60 *Стоюнин В.Я.* Князь Антиох Кантемир в Париже. С. 608.
- 61 *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. X. С. 438.
- 62 См.: *Черкасов П.П.* Двуглавый орел и королевские лилии: становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700–1775. М., 1995.
- 63 *Александренко В.Н.* К биографии князя А.Д. Кантемира. Варшава, 1896. С. 1, 6.
- 64 *Кантемир А.Д.* Сочинения, письма и избранные переводы. Т. II. С. 137.
- 65 Там же. С. 219.
- 66 Там же. С. 224.
- 67 Там же. С. 235–236.
- 68 *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. X. С. 602–604, 607–609, 686–690.
- 69 *Шапкина А.Н.* Новые ориентиры. Канцлер А.П. Бестужев-Рюмин и союз с Австрией // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 53.

- ⁷⁰ Стоюнин В.Я. Князь Антиох Кантемир в Париже // Вестник Европы. 1880. Т. IV. С. 612.
⁷¹ Там же. Т.V. С. 173.
⁷² История внешней политики России. С. 93–94.
⁷³ См.: Радовский М.И. А.Кантемир и Петербургская академия наук. М.-Л., 1959.
⁷⁴ Стоюнин В.Я. Князь Антиох Кантемир в Париже // Вестник Европы. 1880. Т. V. С. 210.
⁷⁵ Цвиркун В. Дмитрий Кантемир. Краткое жизнеописание // *Tviracun V. Vitralii*. Витражи. Chişinău, 2006. С. 186.
⁷⁶ Ср.: Гуаско О. Жизнь князя Антиоха Кантемира / Извлеч. К. Негруцци, пер. И. Ремизовой. 2005.
⁷⁷ Стоюнин В.Я. Князь Антиох Кантемир. С. CVIII.
⁷⁸ Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1984. С. 8–9.

ЭПОХА ФЕРЕНЦА II РАКОЦИ В ЛИТЕРАТУРЕ, КУЛЬТУРЕ, КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ

Ю.П. Гусев

ФЕРЕНЦ РАКОЦИ, ПИСАТЕЛЬ*

Чтобы выдающийся государственный деятель, полководец был еще и выдающимся писателем — случай крайне редкий. Всемирная история знает, кажется, лишь один такой несомненный пример — Юлий Цезарь. Конечно, его «Записки»¹, по нашим понятиям, — это произведение документально-исторического плана, но в те времена деление на художественную и нехудожественную литературу не было столь очевидным. Кто-то вспомнит еще Фридриха II, кто-то — Екатерину II. Кто-то, может быть, даже Л.И. Брежнева... Но здесь интересны примеры несомненные.

Венгрия может гордиться по крайней мере двумя фигурами подобного рода. Это — Миклош Зрини (в хорватской традиции Никола Зрински, 1620–1664) и Ференц Ракоци.

Правда, в современном венгерском сознании Зрини и Ракоци воспринимаются неодинаково. О Зрини говорят в первую очередь как о поэте, авторе эпической поэмы «Сигетское бедствие» (*Szigeti vészedelem*)², а уж потом добавляют, что он был полководцем и государственным деятелем. Ракоци же — это, прежде всего Ференц II Ракоци, князь Трансильвании, вождь и руководитель национально-освободительной войны 1703–1711 гг. за независимость Венгрии, которая в то время была частью монархии Габсбургов со всеми вытекающими отсюда последствиями (экономическая отсталость, онемечивание и т. д.)³.

Такой угол зрения на Ракоци не является искажением истинного положения дел: он легко объясним иерархией ценностей, существовавшей в ту эпоху, но сохранившей свою актуальность и для нынешнего момента. То есть в свете специфики того периода, периода обострения освободительной борьбы, Ракоци, конечно же, воспринимается национальным сознанием прежде всего как политический деятель, а уж затем как писатель.

Разумеется, нельзя забывать и о том, что у Ракоци, получившего образование в иезуитском колледже в Чехии и затем в Пражском университете, родной, венгерский язык, видимо, стоял на первом месте лишь в обиходе, в обыденной жизни. Правда, когда он возглавил национально-освободительное движение, он не мог не пользоваться венгерским языком активно; многие его выступления, обращения, речи были написаны на прекрасном венгерском с использованием классических приемов риторики. Такова, например, его знаменитая «Дёмрёйская

* Статья написана в рамках работы над проектом РГНФ № 12-04-00082а.

речь» (*Gyömrői beszéd*) — единственная, от которой до наших дней дошел автограф князя⁴. К тому же Ракоци был великолепным оратором и умел, выступая, зажечь слушателей, будь то депутаты Государственного собрания или солдаты. На венгерском языке он вел и деловую переписку. Конечно же, венгерский язык у Ференца Ракоци, коренного венгерского аристократа, внучатого племянника Миклоша Зрини, был в крови. Как и венгерское самосознание.

При всем том в конце XVII — начале XVIII в., когда борьба венгров за национальную независимость достигла кульминации, венгерский язык еще не обрел окончательно и бесповоротно статуса языка литературного. Это было так, даже несмотря на то, что уже существовала поэзия Балинта Балашши (1554–1594), Яноша Римай (1570–1631), Миклоша Зрини; в конце XVI в. Гашпаром Кароли (1529–1591) был сделан до сих пор не превзойденный с литературной точки зрения полный венгерский перевод Библии. Тем не менее особенности исторического пути Венгрии надолго предопределили ее ориентацию в культуре на Западную Европу и особенно на латинско-ренессансную Италию. Ну и конечно, на немецкую культуру, в сфере которой Венгрия находилась (пускай и не по своей воле) на протяжении нескольких столетий.

(Если позволить себе немного пофантазировать, то можно представить: не будь Византия стерта с лица земли турками-османами, русская культура, которую подпитывали бы стимулы, исходящие из Византии, — как венгерскую культуру подпитывали стимулы латинской, неолатинской, итальянской культуры — развивалась бы, возможно, не совсем так, как она развивалась в действительности. Например, литературным языком на Руси до какого-то момента вполне мог бы быть греческий...)

Но вернемся к Ференцу Ракоци. Тут уже не нужно фантазировать: приступив к большой литературной (в широком смысле этого слова) работе, он самым естественным образом перешел на латынь. А свои «Мемуары» он написал по-французски, так же как по-французски писал свои письма частного характера — например, к самой большой любви своей жизни, польской аристократке Эльжбете Сенявской (в нашей историографии она фигурирует как Елизавета Синявская, одна из любовей Петра I).

Для иллюстрации того, какую роль играл в культурной жизни тогдашней Венгрии латинский язык (или, скажем так, какое место он в ней занимал), можно привести такой факт: когда Ракоци, готовясь вступить из Польши на территорию Венгрии, т. е. формально во владения Австрийского дома, послал вперед гонцов со своим воззванием и своими знаменами, на которых было написано: *Cum Deo pro patria et libertate*. Надо думать, при этом не имелось в виду, что простые венгры, горожане и крестьяне, будут спрашивать друг у друга, что бы это могло значить. Если венгр был грамотен, то грамотность, может быть, в первую очередь и подразумевала умение читать именно на латыни, а уж затем по-венгерски.

Хотя Ракоци-военачальник и Ракоци-писатель — одно и то же лицо, но обе эти ипостаси довольно четко разделены во временном плане. Будучи верховным правителем Венгрии и Трансильвании, возглавляя всенародную войну против Габсбургов, Ракоци едва ли имел возможность углубленно заниматься литературным, писательским трудом. Его талант владения словом в этот период шлифуется и крепнет в повседневных делах: в обращениях к народу, в дипломатической

и деловой переписке, в публицистических выступлениях, в сочинении молитв, которые и стилем, и пафосом своим мало чем отличались от публицистики...

1 мая 1711 г. венгерские магнаты, сподвижники Ракоци, воспользовавшись отсутствием князя, который уехал в Польшу, чтобы вести там переговоры с Петром I и попытаться заручиться его поддержкой, подписали мирное соглашение с венским двором (так называемый Сатмарский мир). Каковы бы ни были мотивы этого поступка (в последнее время историки склонны считать, что тут играли роль не только сословные интересы), суть дела в том, что в результате Венгрия еще на двести с лишним лет оказалась в зависимом положении от Австрии.

С этого момента жизнь Ракоци резко меняется. Оказавшись, в сущности, не у дел, он живет всё более интенсивной внутренней, духовной жизнью. Особенно когда из Польши, из Данцига, перебирается в Париж, а после кончины Людовика XV поселяется в монастыре ордена камальдулов, в местечке Гробуа. Здесь он основательно знакомится с таким важным в религиозной жизни Европы XVII–XVIII вв. явлением, как янсенизм. (Суть янсенизма в том, что, отвергая Реформацию, он в то же время осуждал догматическое перерождение католицизма и стремился вернуть христианство к изначальному состоянию, когда определяющим в нем было нравственное содержание, в сочетании с таким, например, принципом, как божественное предопределение человеческой личности. Вероятно, интерес Ференца Ракоци к янсенизму во многом был связан с тем, что в сознании, в мировоззрении Ракоци сильны были традиции духовности венгерской Трансильвании с ее многокультурным укладом и веротерпимостью, породившими особую атмосферу, особый тип ментальности, сохраняющийся в какой-то степени и до сих пор.)

Очевидно, именно через янсенизм Ракоци пришел к Блаженному Августину, а от него обрел побуждение проанализировать свою жизнь, свое духовное и человеческое становление, чтобы тем самым, во-первых, очиститься и, во-вторых (и в-главных), укрепиться в сознании своего жизненного предназначения. Знаменитая «Исповедь» Блаженного Августина⁵, с ее невиданной прежде психологической глубиной и уж тем более невиданной экспрессивной силой, представляла собой важную веху в движении европейского человека от существования инстинктивного, обусловленного рефлексам и примитивными, почти животными потребностями, к осознанию своей высокой, духовной (божественной) миссии. Ференц Ракоци, судя по тому, что он избрал для себя мэтром Блаженного Августина, а образцом для подражания — его «Исповедь», сознавал свою общественную и государственную деятельность, свою борьбу против Габсбургов именно как миссию. И не просто сознавал (это субъективная сторона дела), но и обладал реальными возможностями для ее выполнения. И благодаря своей незаурядной личности, благодаря своим способностям (среди которых было и владение словом, как устным, так и письменным) сумел много сделать на этом пути.

Свою «Исповедь» (*Confessio*; она состоит из трех книг) Ракоци писал на протяжении трех с лишним лет, с 1716 по 1719 г., начав ее в Гробуа и закончив в турецкой эмиграции. В 1717 г. он сделал перерыв в работе над «Исповедью» — в связи с тем, что турецкий султан пригласил его к себе: Османская империя в очередной раз готовилась двинуться на Европу и схватиться прежде всего с Габсбургами. Султан обещал предоставить Ракоци христианское войско и возможность освободить

Венгрию. В душе Ракоци снова проснулся полководец; чтобы объяснить Европе свое поведение, он и написал на французском языке *Memoires*, в которых изложил ход событий национально-освободительной войны 1703–1711 гг., сделав особое ударение на объяснении и обосновании своих действий и решений. «Мемуары» — не просто исторический очерк; авторское «я» постоянно присутствует в повествовании, выражаясь главным образом в оценках и характеристиках отдельных людей или общественных сил (иезуитов, венгерских магнатов и т. д.), противостоящих его устремлениям, ставивших ему палки в колеса и в конце концов приведших венгров к поражению.

Надежды, связанные с Турцией, скоро лопнули, и Ракоци, оказавшись вместе со своими приближенными в положении интернированного, вернулся к «Исповеди», завершив обзор своей жизни описанием неудачи турецкого этапа своей борьбы.

Различия между «Исповедью» и «Мемуарами» не сводятся, разумеется, к языку. Эти различия определяют тональность, стилистику произведений. Ведь в «Исповеди» Ракоци апеллирует непосредственно к Богу (к вечной Истине, к вечному Добру); хотя сам тот факт, что он записывал это на бумаге (а, скажем, не произносил про себя, стоя на коленях и возведя взгляд к распятию или в небеса), говорит о том, что он имел в виду и будущего читателя (читателей). «Мемуары» же адресованы современникам, сильным мира сего (того). Поэтому в «Исповеди» объект описания и анализа — это главным образом личные, душевные побуждения, мотивы, переживания, колебания (когда таковые были); «Мемуары» же — в основном фактография. Различие особенно наглядно в тех случаях, когда и там и там говорится об одних и тех же событиях. Например, о том, как Ракоци во главе повстанческих войск перешел свой Рубикон, т. е. начал военные действия против Австрии.

«Обратился я за советом к здравому смыслу, — говорится в «Исповеди», — но, что он мне ни предлагал, грозящая опасность опровергала все его доводы, и тогда, отбросив всякие размышления, вручил я себя клятве и долгу своему, погрузился в бездонные пучины заботы и милости твоей и, ускорив продвижение, 13 (если не ошибаюсь) июня [1703 г. — Ю.Г.] перешел Рубикон, отправив вперед приказ, чтобы оставшаяся от отступления армия ждала меня на границе»⁶.

Тот же, в сущности, пассаж в «Мемуарах» выглядит сухо и по-деловому: «После того как численность и решительность наших войск в достаточной степени выросли — как мною упоминалось уже, — я перешел границу Венгрии, как Цезарь — Рубикон, чтобы не быть в тягость полякам»⁷.

Как видим, Рубикон фигурирует и в «Исповеди», и в «Мемуарах». Но если в первом случае это метафора, характеризующая душевный перелом, то во втором — символ решающего события, имеющего историческое значение⁸.

В «Исповеди» Ракоци — к большому сожалению венгерских историков — уделяет мало внимания изложению событий и перипетий национально-освободительной войны. Видимо, он посчитал эту задачу исчерпанной в «Мемуарах». А возможно, он и в этом плане следовал примеру Блаженного Августина, который в своей «Исповеди» считал достойными внимания и упоминания только факты, тем или иным образом связанные с его внутренней, духовной эволюцией. Чтобы проиллюстрировать то, как Ракоци анализировал свое душевное со-

стояние, а также продемонстрировать экспрессивную насыщенность его (можно сказать без всяких скидок) писательского стиля, приведу небольшой пассаж из второй книги «Исповеди»: речь здесь идет о периоде, когда Ракоци, преданный венгерскими магнатами, оказался по существу в изгнании. «Я далек от того, о, бесконечное добро, — обращается он к Господу (видимо, тогда еще не было обычая всё, что касается Бога, писать с заглавной буквы; я сохраняю авторское написание, со строчной), — чтобы чувствовать боль из-за утраты трона или желать его обретения. Тебе я принадлежу, Господи, и твоя задача определить место мне в соответствии с целью вечных замыслов твоих, твоя задача заботиться обо мне в том призвании, которое ты мне предназначил»⁹. Но если здесь автор позиционирует себя в традиционном для раба божьего плане, то экспрессия обретает высокую степень интенсивности там, где он переходит к самобичеванию: «Не сокрушался я, лишившись трона [...], ибо тогда уже считал волю свою ничтожной противу тебя. Но всё же не следовал я и по пути, тобой предназначенному, ибо не знал, что значит любить тебя, и потому, в ложной уверенности, что совесть моя чиста, влекся ко злу. Я был ленив и неусерден во всем, что относилось к тебе, и полагал, что не наша это обязанность — сознательно стремиться к христианскому совершенству, блаженства, дескать, можно достичь и в том случае, если, приняв крещение, просто жить жизнью порядочного человека. Я слишком полагался на твою милость ко мне, пренебрегая тем, что и у милости твоей есть мера, и ты видишь, когда мера по отношению к грешнику переполнена. Ведомы были мне пороки мои, и я охотно считал их большими, чем они есть, чтобы уверить себя: от некоторых грехов невозможно мне удержаться. Устами я сокрушался из-за них, устами, но не сердцем, и потому не встал ты со мной милосердием своим, чтобы избавить меня от них»¹⁰.

И тем не менее, даже если учесть специфический характер этого произведения, «Исповедь» Ференца Ракоци — не только человеческий документ, но и, даже вопреки, может быть, его намерениям, документ исторический. Автор освещает в ней не только обстоятельства собственной духовной эволюции, но и множество событий, в которых он должен был занимать ту или иную позицию. Причем события эти, их участников он описывает — как и свои реакции, свое поведение — с предельной степенью откровенности.

Мне кажется, и российские историки могли бы многое почерпнуть из этого произведения. Например, дополнительные сведения о Петре I, с которым Ференца Ракоци связывали в течение некоторого времени отношения если не дружбы, то несомненной взаимной приязни. Я упомяну лишь один момент, который, возможно, не попал еще в поле зрения отечественной историографии. Речь идет о том, что крепнущее союзничество Ракоци и Петра, возможно, разрушилось из-за женщины. Конкретнее, из-за жены Петра, Екатерины (Марты Скавронской)¹¹, которая сопровождала Петра в его Прутском походе 1711 г. и затем в поездке в Польшу.

В «Исповеди» Ракоци повествует о том, что, находясь в Торуни (Петр в то время уехал оттуда, оставив жену ждать его), он был весьма встревожен взглядами и знаками внимания со стороны царицы. Излагает он это так: «...царица бросающейся в глаза лаской и любезным обхождением выказывала ко мне большое расположение, что могло быть — в отсутствие мужа — неправильно

понято сыновьями этого весьма подозрительного народа [т. е., видимо, русскими. — Ю.Г.]»¹². В общем, эта ситуация легко представима: Ракоци был мужчиной видным, если прямо не сказать красавцем, а Марта не входила в число самых добродетельных дам своего времени. Как бы там ни было, Ракоци (не оставлявший надежд на помощь русского царя) предпочел тайно уехать из Торуни. Однако следующая их встреча, случившаяся через полтора месяца, выявила изменившееся отношение Петра к Ракоци: «Он избегал разговоров со мной, невнимательно выслушивал мои предложения, и в конце концов я легко мог заметить: всё, что связано со мной, он делает без всякой охоты. Однако же он позвал меня с собой в Петербург, но у меня не нашлось желаний принять приглашение: я уже запланировал путешествие во Францию, да и вообще мне не нравились москальские обычаи»¹³. Остается предположить, что царица, оскорбленная в своих лучших чувствах, что-то такое наговорила мужу про Ракоци... (На этот момент мое внимание обратил один из ведущих венгерских исследователей литературного творчества Ракоци, Ласло Сёрени.)

Цель, поставленная Ракоци перед собой, навеяна Блаженным Августином и трудами янсенистов; эта цель — показать тщету мирских страстей, через которые человек должен пройти, преодолевая их во имя выполнения своей, предопределенной Богом миссии. Однако дело в том, что Ференц Ракоци, даже посвятив себя духовной цели, не может так сразу и без остатка переродиться. Ференц Ракоци, где бы он ни был: при дворе французского короля, в монастыре, в эмиграции, — остается воином, полководцем, сиятельным князем, мужчиной. И когда он описывает те или иные ситуации, побудившие его к тому-то и тому-то, он не может удержаться, чтобы не переживать их заново, невольно становясь ярким, увлеченным живописателем. Хотя тут же или через несколько строк, как бы спохватившись, осуждает, клеймит мирские, низменные желания и чувства. Эта двойственность, контрастность видения иногда создает впечатление противоречивости, разнобоя. Ракоци, очевидно, и сам чувствует это — и старается свести, объединить крайности, совершая при этом головокружительные словесные пассажи.

Приведу лишь один пример — из второй части «Исповеди» (конечно, я цитирую, как и ранее, венгерский перевод). Речь идет о том, как во время речного плавания по Висле в сторону Данцига судно, на котором находится князь, попадает в бурю. Ракоци эмоционально описывает панику, воцарившуюся среди матросов: «Снасти, державшие паруса, что подняты были на мачтах, лопнули и перепутались, мачты кренились то туда, то сюда, кормила, вытесанные из толстых бревен, бились друг о друга, палуба вздыбилась, и матросы, которые металась в ужасе, разразились ужасными криками, кто-то выдвигал весла навстречу опасно приближающимся судам, другие резали перепутавшиеся снасти, третьи пытались выловить вырванные из гнезд рулевые шесты. А я — что я делал перед лицом грозящей опасности? С глупым юношеским задором, презрев смертельный риск, я со своими людьми перепрыгнул на соседний корабль и, держа в руке полную фляжку с вином, угощал других...»

У читателя не может не возникнуть впечатления, что Ракоци с удовольствием вспоминает этот эпизод, что он вольно или невольно любит себя собой. Но я продолжу цитату: «...и тем насмеялся не только над трясушимися от страха людьми, но и над тобой, Господи, а ведь невидимая рука твоя поддерживала меня, даже

когда я не думал об этом. Да, это так, Господи, никто не забывает о тех, кого любит, какой бы опасности он ни подвергался. Значит, если бы я любил тебя, то вспомнил бы тебя, а поскольку любил я тщеславное молодечество, то, вспоминая о нем, хотел показать пример неустрашимости и заслужить похвалу людскую»¹⁴.

Подобными резкими, контрастными перепадами все три «Исповеди» насыщены до отказа. Правда, чем дальше, тем с большим мастерством Ракоци сглаживает шероховатости, находит естественные переходы. Если в первой его книге, в первой «Исповеди», образец, Августин, находится в диссонансном противоречии с другим образцом, Юлием Цезарем, историк души, ищущей путь к Богу, — с историком событий, то далее они уживаются друг с другом всё более мирно, даже гармонично.

Вместе с тем внутренняя противоречивость, даже контрастность до конца остается важнейшей чертой «Исповеди», ее определяющим принципом. Вместе с другими особенностями, такими как приверженность к риторическим оборотам, которые нередко выливаются в настоящие лирические отступления, эта черта позволяет отнести прозу Ференца Ракоци к стилю барокко, к той большой стилевой эпохе на переходе между Ренессансом и Просвещением, которая породила великие имена и великие произведения, повлияв в той или иной степени и на такие явления в мировой литературе, как Сервантес, Шекспир, Мильтон, Корнель и т. д.

Представителем барокко в Венгрии был ведь и Миклош Зрини (дядя матери Ференца Ракоци). Таким образом, в своем становлении венгерская литература прошла через мощную барочную фазу, которая в какой-то мере определила, окрасила и дальнейшее развитие венгерской литературы. (Мне кажется — пусть это нельзя доказать, — что влияние это ощущается даже в поэзии Эндре Ади (1877–1919) с ее внутренней контрастной, причудливой противоречивостью.)

Невозможно не упомянуть, что рядом с Ференцем Ракоци, в его могучей тени вырос еще один выдающийся венгерский (уже в полной мере венгерский, т. е. писавший на венгерском языке) писатель — Келемен Микеш. Будучи верным слугой и соратником князя, Микеш, несомненно, получил от него и творческий заряд, который обратил его энергию в сторону литературы. Самое яркое его произведение — написанные в турецкой эмиграции, где Ракоци вместе со своими приближенными провел долгие годы, «Турецкие письма»¹⁵, адресованные несуществующей тетушке в Венгрию. «Письма» Микеша венгерское литературоведение относит к стилевой эпохе рококо.

Наконец, затрону еще один, уже по-другому связанный с литературой, аспект образа Ференца Ракоци. Яркость его фигуры, его деятельности, его многочисленные таланты, его жизнелюбие сделали его подлинным народным героем, обеспечив ему прочное место в народном сознании, в фольклоре. Вместе с королем Матяшем (1458–1490 гг.), Лайошем Кошутом (1802–1894), с благородными разбойниками вроде Шандора Рожи — Ференц Ракоци живет в песнях, преданиях. Недаром он появляется, сходя с лубочной олеографии, в современном романе «Камень в сухом колоде» Иштвана Силади¹⁶: тут он оживает в ночных мечтаниях героини, женщины сильной, но трагической, становясь воплощением мужества и нежности, воплощением любви и недостижимой для Ильки Сенди полноты бытия.

- ¹ *Цезарь Гай Юлий*. Записки / Пер. М.М. Покровского; предисл. К.М. Королев. М.: СПб., 2008.
- ² *Zrínyi M. Szigeti veszedelem. Az török áfium ellen való orvosság / A szöveggondozás és a magyarázatok* S.I. Kovács Iván, P. Kulcsár. Bp., 2011. Отрывки из поэмы в переводе К.И. Чуковского см.: Европейская поэзия XVII века / Вступ. ст. Ю. Виппера. М., 1977. С. 160–161. (Библиотека всемирной литературы. Сер. 1. Т. 41).
- ³ *Контлер Л.* История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М., 2002. С. 229–241.
- ⁴ Текст речи, собственноручно написанной Ракоци, хранится в Венгерском национальном архиве в Будапеште. Фотографию этого уникального документа см.: http://www.sk-szeged.hu/statikus_html/kiallitas/rakoczi/gyomroi.html
- ⁵ *Августин*. Исповедь / Пер. М. Сергеев. М., 1992.
- ⁶ *II. Rákóczi Ferenc*. Vallomások. Emlékiratok / Szerkesztés és a jegyzetek L. Hopp, az utószó L. Hopp, E. Szepes, I. Vas. Bp., 1979. 182. old. (Magyar Remekírók).
Ibid. 204. old.
- ⁸ Об этом пишет, анализируя творчество Ференца II Ракоци, И. Тот-Барбалич-мл. См.: *Iffy. Tóth-Barbalics I. Cum Deo // A magyar irodalom története. A kezdetektől 1800-ig / Szerk. M. Szegedy-Maszák, L. Jankovits, G. Orlovsky* Bp., 2007. 572–573. old.
- ⁹ *II. Rákóczi Ferenc*. Vallomások; Emlékiratok. 474. old.
- ¹⁰ Ibid. 474–475. old.
- ¹¹ *Анисимов Е.В.* Женщины на российском престоле. М.; СПб.; Нижний Новгород, 2008.
- ¹² *II. Rákóczi Ferenc*. Vallomások; Emlékiratok. 495. old.
- ¹³ Ibid. 498. old.
- ¹⁴ Ibid. 494. old.
- ¹⁵ *Mikes Kelemen Törökországi levelei / Kiad. M. S. Sárdi*. Bp., 1997.
- ¹⁶ *Силади И.* Камень в сухом колоде / Пер. с венгерск. Ю.П. Гусева. М., 2011.

О.В. Хаванова

ПОСТРАДАТЬ ОТ РАКОЦИ...

(ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВЕНГЕРСКИХ ПОДДАННЫХ С ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТЬЮ)*

Ференц II Ракоци — полноправный член венгерского национального пантеона. Это знает каждый, кто хотя бы раз вчитывался в надписи на пьедесталах статуй, украшающих Площадь Героев в Будапеште¹. Князь также стал одним из центральных персонажей национального нарратива, созданного венгерскими историками XIX в. и доведенного до совершенства историками различных политических убеждений в веке двадцатом. О неприкосновенности фигуры Ракоци говорит скандал, который в начале прошлого столетия разразился вокруг книги Дюлы Секфю «Ракоци в изгнании»². Лишь в последние десятилетия получила распространение иная точка зрения, что освободительная борьба под предводительством Ференца Ракоци была по сути гражданской войной³. В ней соотечественники сражались друг с другом, и в конце концов один венгерский генерал заключил перемирие с другим венгерским генералом⁴. Такие интерпретации, ни в коем случае не умаляющие масштаб личности князя, стали результатом переосмысления места и статуса Венгерского королевства в составе Габсбургского дома, отказа от категоричных оценок сложных социальных конфликтов, в которых не могло быть победителей, а жертвами становились мирные жители, вовлеченные в вихрь гражданской войны.

В ходе Освободительной войны 1703–1711 гг. обывателям приходилось в условиях боевых действий принимать непростое решение: перейти на сторону восставших или сохранить верность законному государю. За свой выбор, где было место и прагматическому расчету, и политическим убеждениям, подданные нередко расплачивались имуществом и даже жизнью. После поражения Ракоци многие из тех, кто вовремя встал на сторону Габсбургов, получили баронские и графские титулы, заняли важные посты в королевской и комитатской администрации, вошли в новую политическую элиту Венгерского королевства. Другим пришлось довольствоваться скромной денежной компенсацией, пенсией, назначением на чиновничью должность, гарантировавшую небольшой доход. Рассказы о том, как деды и прадеды перед лицом опасности, рискуя и жертвуя жизнью, сохранили верность законному королю, со временем не только вошли в семейные предания, но и стали неотъемлемой частью обращений к властям.

* Статья написана в рамках работы над проектом РГНФ № 12-04-00082а.

Рассмотрим случаи упоминания событий 1703–1711 гг. в контексте ходатайств венгерских подданных о должностях, титулах и материальных компенсациях ущерба, понесенного от повстанцев⁵. Особенностью рассматриваемых ходатайств является то, что они были поданы спустя полвека после того, как повстанцы Ракоци сложили оружие. Такие прошения встречаются в архивах центральных органов власти не так уж часто, на сегодняшний день удалось обнаружить всего несколько десятков. То обстоятельство, что они никак не связаны друг с другом, позволяет говорить, что тоpos «пострадать от Ракоци» надолго пережил участников тех событий и стал одним из аргументов, пусть не самых популярных, в обоснованиях права на государевы милости. Рассмотрим, в каких случаях просители пользовались подобной аргументационной стратегией и с каким успехом.

При работе с обращениями подданных к государю следует помнить, что одним из ключевых понятий в эпоху Марии Терезии было слово «заслуга»⁶. Она понималась как некое общественно полезное деяние или поведение, за которое полагалось вознаграждение. Ференц Ракоци вольно или невольно поспособствовал закреплению этого термина в политическом лексиконе той эпохи. После Сатмарского мира 1711 г. демонстрация «заслуг» перед правящей династией стала важным инструментом социального дисциплинирования⁷, когда подданные охотно сообщали, а власти благосклонно выслушивали истории о заслугах перед государем и подвластным ему отечеством. Заслуги уместно сравнить с «символическим капиталом», о котором писал французский социолог П. Бурдьё, ибо вознаграждение, будь то денежная выплата, должность, дворянский титул, стипендия, пенсия, орден, в целом соответствовали объему и характеру заслуг. Образно говоря, заслуга конвертировалась в милость по действовавшему в то время курсу.

Как многое в сословном обществе (титул, должность, профессия), заслуги могли накапливаться, передаваться по наследству и суммироваться, поэтому заслуги отцов и дедов непременно перечислялись в прошениях и считались законным основанием для милости не только в отношении самого лица, обладавшего заслугой, но и его потомков. Молодой юрист Михай Блашковиц — сын участника событий времен Освободительной войны — в 1752 г. сформулировал эту распространенную практику так: «Отец продолжает жить в своем сыне, и милость ее величества, подобно ее славным предшественникам, распространяет заслуги отцов на пока еще не столь достойных сыновей»⁸. Принцип, которым руководствовались власти, проиллюстрирован нотой Придворной казенной палаты от 15 февраля 1743 г. по частному случаю барона Ласло Шандора. Президент этого ведомства И.Ф. Дитрихштайн писал императору Францу I (1745–1765 гг.): «Верность, выказанная отцом просителя, понесенный им ущерб и сделанные крупные долги, а также воследовавшая отсюда достойная сочувствия бедность просителя заслуживают высочайшего внимания, чтобы ваше величество из присущего вам сострадания к неимущим повелело нашему ведомству удовлетворить его просьбу»⁹.

И в самом деле, к моменту вступления Марии Терезии на престол в 1740 г. многие из участников и свидетелей Освободительной войны уже умерли или пребывали в старости. Между тем для потомков то обстоятельство, что их семьи

в трудную годину лишились имущества, их члены подверглись тюремному заключению и получили ущерб здоровью, представлялось несомненной заслугой, т. е. достаточным основанием для получения материальной и моральной компенсации. Особенностью социальной политики той эпохи было сочетание меритократических и филантропических принципов. Иными словами, из заслуженных кандидатов на монаршую милость выбирался тот, кто наиболее нуждался в ней материально, а из нуждающихся — тот, кто мог перечислить больше заслуг перед троном.

Пострадавшие от мятежников, как правило, понесли материальные потери и с риском для жизни проявили достойную уважения верность правящему дому, поэтому в неписаной иерархии просителей они оказывались адресатами королевских благодеяний. Историкам предстоит подсчитать, во сколько обошлись казне выплаты компенсаций по искам и назначение пенсий по нетрудоспособности. Как говорилось в ноте Венгерской казенной палаты, датированной 4 сентября 1744 г., по поводу просительницы Анны Кери, «ее отец был казначейским служащим, советником и управляющим королевскими доходами в Венгрии, а причиной его нищеты стала неизменная верность августейшему Австрийскому дому»¹⁰. Венскому двору было известно, что «во время восстания Ракоци [...] повстанцы, разъяренные его верностью [законному государю], расхитили всё его добро [...] а то, что уцелело, впоследствии забрали себе кредиторы». Полвека спустя императрица не считала себя свободной от моральных долгов верным подданным, поэтому назначила девице Кери щедрую пенсию размером 400 фт.¹¹ У сборщика тридцатинного налога Йожефа Вега, по его заявлению, повстанцы разорили дом и выкрали укрытые им в монастыре Св. Антония ценности на сумму 9 тыс. фт. В 1756 г. этому чиновнику, чья верность и многолетняя безупречная служба были подтверждены ведомственным начальством, назначили компенсацию в 2 тыс. фт.¹² Такие случаи были не единичными, и всякий раз после служебной проверки подлинности изложенных в прошении фактов власти стремились гарантировать пристойный социальному статусу просителя размер компенсации.

В то же время в условиях постоянного бюджетного дефицита властями широко практиковались нематериальные формы компенсаций. Должности и дворянские титулы служили немонетарным способом поощрения непосредственных участников событий начала XVIII в., и их потомки, подобно упомянутому выше барону Шандору, продолжали считать себя полноправными адресатами государевых милостей. Впрочем, заслуги отцов в дни войны были условием необходимым, а личные качества — будь то знания или профессиональная пригодность — условием достаточным. Ласло Шандор получил место внештатного советника Сепешской казначейской администрации в том числе и за то, что был «в науках сведущ, обладал опытом в делах, наделен необходимыми качествами»¹³. Сходным образом в 1759 г. Венгерская придворная канцелярия принимала решение по кандидатуре Самуэля (Шамуэля) Кюттеля, горожанина из Кёсега: «Его отец во время ракоцианских волнений сохранил верность государю и лишился всего имущества»¹⁴. Для властей не менее ценно было и то, что прадед заявителя в одну из турецких войн попал в плен и заплатил выкуп 2 300 фт., сам проситель служил городским фармацевтом, а сын его занимал должность врача в соседнем

Шопроне. Принимая во внимание как личные, так и семейные заслуги, Кюттелям был дарован дворянский титул.

Как видно из приведенных выше примеров, двадцать, тридцать, пятьдесят лет спустя трудно было представить единственным или главным аргументом мужество перед лицом повстанцев. Авторы нередко прибегали к риторическому приему: упоминали об отдаленных во времени событиях как бы вскользь, в контексте более весомых доводов. Например, в 1729 г. сын офицера габсбургской армии Франц Клемер писал: «Не только мои прадеды несли службу императору с оружием в руках, не жалея имущества и самой жизни, но и отец мой во время недавнего восстания в Венгрии нанес врагу немалый урон и славно послужил Австрийскому дому». Представляя себя достойным продолжателем семейных традиций, Клемер продолжал: «Я же, окончив класс философии и основательно изучив арифметику, уже успел поработать на различных хозяйственных должностях»¹⁵.

Спустя полвека мало что изменилось. В 1774 г. граф Янош Толвай, ходатайствуя об ордене Св. Стефана, писал так: «Я уже не говорю о безупречной верности моих отца и деда августейшему Австрийскому дому, один в дни ракоцианских волнений погиб в заточении, другой провел в тюрьме четыре года и пять месяцев»¹⁶. Зато как звено в цепи событий поведение отца или деда становилось лишним доказательством неизменной верности династии. Престарелый чиновник Норберт Яброцкий, ходатайствуя о пенсии, писал в 1777 г.: «Дед мой, происходивший из древнейшего дворянского далматинского рода, за верность свою августейшему Австрийскому дому был схвачен повстанцами Тёкёли, брошен в тюрьму и казнен. Отец мой в дни ракоцианского восстания вступил не в мятежную, а в императорско-королевскую армию». Далее следовало изложение личных заслуг Яброцкого: «Я же в возрасте 60 лет нахожусь на казначейской службе вашего священной величества, за верность и особые, принесшие большую пользу государевой казне и многие годы верно исполняемые службы был сначала назначен фискальным прокуратором, затем вице-директором королевских доходов, потом же — советником»¹⁷.

В целом, прошения о должностях, титулах и наградах, где рассказывались истории из времен Ракоци, содержали, как правило, одну или несколько расхожих сюжетно-тематических линий.

Во-первых, это были рассказы о том, как вклад подданного в общее благо выражался в пожертвованиях крупных денежных сумм. Такие просители в дни Освободительной войны сохранили достойную восхищения верность правящей династии, за свой счет давали постой императорско-королевским войскам, экипировали их и снабжали фуражом. Так поступил барон Райкаи, чьи заслуги его сын попытался в 1748 г. использовать для того, чтобы получить должность казначейского советника¹⁸. О другом просителе, Клементе Гедеоне, было известно, что «он подобно отцу, который в позорные времена Ракоци нес полезные государю службы, тоже трудится на руднике в Сомольноке и часто ссужает собственные средства для осуществления необходимых выплат»¹⁹. Так затраты реальные приносили дивиденд в виде символического капитала.

Во-вторых, речь идет о рассказах, когда продолжением безупречной службы в мирное время становилось героическое поведение в дни мятежа. Упомянутый

выше Михай Блашкович так писал о своем отце: «С опасностью для жизни он сохранил верность [законному государю], преследовал врага, нанеся противнику немалый ущерб, и избавил город Сакольца от разграбления [...] за что повстанцы уничтожили всё его добро, а сам он оказался обременен немалыми долгами»²⁰.

В-третьих, пытки и глумления, перенесенные от восставших, становились формой агиографического дискурса о мученической смерти или чудесном спасении. Как и в случае пенсий и должностей, подвижничество предков зачитывалось в заслуги соискателей. В 1753 г. мункачский православный епископ Михай Ольшавский просил даровать дворянскую грамоту брату своему Яношу и племяннику Миклошу на том основании, что отец их и дед не только содержал в разгар эпидемии холеры на собственные средства целый императорско-королевский полк, но в дни ракоцианских волнений «был схвачен повстанцами, подвергся пыткам, сумел порвать сковывавшие его путы, спасся бегством и так избежал неминуемой казни»²¹.

По мере того как события начала XVIII в. становились далекой историей, героическое противодействие повстанцам уступало место другим, более свежим примерам верности Габсбургскому дому. Просители вплоть до 1770-х гг. не упускали случая — по собственной инициативе или по совету стряпчего — упомянуть о том, что их род пострадал от Ракоци. Власти, в свою очередь, относились к подобным фактам всё более критически: в очереди за монаршими милостями стояли участники недавних войн или усердные чиновники. Так ущерб от Ракоци становился достойным упоминания эпизодом, за который власти не считали себя более обязанными расплачиваться с потомками. Тем более что все они в той или иной форме уже были вознаграждены деньгами, должностями, титулами.

В данном контексте примечателен случай с Игнацем Ничем, казначейским служащим, который в 1768 г. решил испросить себе пенсию на том основании, что его отец проявил завидный героизм в годы Освободительной войны. В пространном прошении, составленном в духе агиографических сочинений, немолодой сын покойного отца описал подвиги своего родителя Иоганна Георга Нича. В начале XVIII в. тот служил майором в Кишмартоне, и когда повстанцы подошли к городу, Нич-старший мужественно взял оборону города на себя, нанес осаждавшим немалый урон, стал жертвой предательства, попал в плен, дом его был разграблен. Лишь заступничество монаха-францисканца спасло майора от неминуемой казни. Залечив раны, весь седой от перенесенных испытаний, он отправился в Вену, вернулся во главе вооруженного отряда и вместе с сохранившими верность Габсбургам горожанами освободил город. За свой подвиг Иоганн Георг Нич получил должность городского судьи, которую исполнял в течение двадцати лет²². Венгерские власти детально рассмотрели изложенные в прошении факты и сделали вывод о том, что заслуги отца во время восстания Ракоци не имели отношения к казначейской сфере, в которой служил сам Игнац Нич. О самом же просителе руководству было известно, что он нечист на руку и имеет славу скандалиста, поэтому речь идет не о имеющихся заслугах, а о дурной славе. На этом основании Ничу в его просьбе было отказано²³.

Все рассмотренные выше разрозненные примеры позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, размах Освободительной войны был столь широк, а раскол в венгерском обществе столь глубок, что верность Габсбургам перед лицом

повстанцев (реальная или приукрашенная) не одно десятилетие считалась заслугой, достойной вознаграждения и прославления. Во-вторых, подданные чутко следили за конъюнктурой на рынке раздачи милостей по заслугам и, зная о том, какие подвиги пользуются спросом, охотно включали мартирологи времен ракоцианских волнений в прошения о должностях и титулах. В-третьих, власти не принимали на веру все факты из прошений и рассматривали подобный довод в контексте баланса заслуг и желанной награды. В этом их стремлении сочетать принципы меритократии и филантропии прослеживаются первые признаки целенаправленной политики, направленной на формирование лояльной и профессиональной бюрократии, на меры социальной защиты нуждающихся подданных.

К началу XIX в. ссылки на верность Габсбургскому дому в дни ракоцианских волнений практически исчезли со страниц ходатайств и петиций. Век национализма, как нередко называют XIX столетие, принес с собой формирование национального пантеона. Процесс этот был постепенный, сравнимый с «ежедневным плебисцитом», которым аббат Ренан определял нацию. Национальным героем становился тот, кому охотнее ставили памятники, в честь кого называли улицы, о ком с удовольствием покупали книги²⁴. Венгерской элите, решительно требовавшей себе равноправия в рамках Австрийской монархии, удалось соединить политическую лояльность династии с пламенным культом мятежного князя Ракоци. Масштабы культа уже вызывали иронию у некоторых современников. Например, у Кальмана Миксата (1847–1910) повествуется о том, как посреди городка Кертвейеш стоял исполинский «дуб Ракоци»: «Под дубом якобы останавливался когда-то Ференц Ракоци. Я потому говорю „якобы“, — пояснял рассказчик, — что дело-то очень сомнительное. Мало ли „дубов Ракоци“ по другим городишкам? И есть ли вообще город без такого дуба? Одно из двух: либо это странствующий дуб, который с места на место переходит, либо Ференц Ракоци только и делал, что „останавливался“ под деревьями все семь-восемь лет своего правления»²⁵. В канун XX в. уже вряд ли кто признался бы, что предки его пострадали от повстанцев.

¹ Gerő A. Képzelt történelem. Fejezetek a magyar szimbolikus politika XIX–XX. századi történetéből. Bp., 2004.

² Szekfű Gy. Száműzött Rákóczi, 1715–1735. Bp., 1993.

³ См. R. Várkonyi Á. Végig nem vitt viták. A szatmári béke a történetírásban // Századok. 2012. 146. évf. 4. sz. 763–797. old. См. также статью К. Месароша «Сатмарский мир 1711 г. и «надежда на русских»» в данном томе.

⁴ R. Várkonyi Á. Két pogány közt. A Rákóczi-szabadságharc története. Bp., 1979; Rákóczi-szabadságharc / Szerk. Á. R. Várkonyi, D. Kiss. Bp., 2004.

⁵ Об искусстве написания ходатайств подробнее см.: Хаванова О.В. Карьерные стратегии в монархии Габсбургов второй половины XVIII в. в зеркале обращения на высочайшее имя // Script/Oralia: взаимодействие устной и письменной традиций в Средние века и раннее Новое время / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2008. С. 230–250 (Одиссей. Человек в истории. Вып. 8).

- ⁶ О феномене «заслуг» в монархии Габсбургов см. главу «Накопление заслуг, подсчет достоинств»: Хаванова О.В. Заслуги отцов и таланты сыновей: венгерские дворяне в учебных заведениях монархии Габсбургов, 1746–1784. СПб., 2006. С. 217–229.
- ⁷ О теории социального дисциплинирования Г. Эстрайха см.: *Oestreich G. Geist und Gestalt des frühmodernen Staates. Ausgewählte Aufsätze.* Berlin, 1969; *Idem. Strukturprobleme der frühen Neuzeit. Ausgewählte Aufsätze.* Berlin, 1980.
- ⁸ ÖStA. FHKA. Hoffinanz Ungarn (далее — HFU). Fasz. r. Nr. 837. 18 Oct. 1752. Fol. 224r.
- ⁹ Ibid. Fasz. r. Nr. 774. 20. Febr. 1743. Fol. 364v, 392r.
- ¹⁰ Ibid. Fasz. r. Nr. 787. 11. Sept. 1744. Fol. 402r.
- ¹¹ Ibid. Fol. 403v.
- ¹² ÖStA. FHKA. HFU. Fasz. r. Nr. 895. 8. März 1760. Fol. 272r, 273r.
- ¹³ Ibid. Fasz. r. Nr. 774. 20. Febr. 1743. Fol. 363r.
- ¹⁴ MNL OL. Magyar Királyi Kancellária Levéltára. A 1. Originales referadae (далее — A 1). 216/1759.
- ¹⁵ ÖStA. FHKA. HFU. Fasz. r. Nr. 620. 15. März 1729. Fol. 238r.
- ¹⁶ MNL OL. Kisebb testületi, egyesületi és intézményi fondok. P 1058. Szent István Rend. Lajstromozott kérvények. 29. cs. N 167 (пагинация отсутствует).
- ¹⁷ ÖStA. FHKA. Ungarisches Camerale (далее — UC). Fasz. r. Nr. 613. Subd. 3. N. 125 ex Majo 1777. Fol. 62r.
- ¹⁸ Ibid. HFU. Fasz. r. Nr. 821, 20. Nov. 1749. Fol. 471r-v.
- ¹⁹ MNL OL. A 1. 117/1749.
- ²⁰ ÖStA. FHKA. HFU. Fasz. r. Nr. 837. 18 Oct. 1752. Fol. 224r.
- ²¹ MNL OL. A 1. 156/1753.
- ²² ÖStA. FHKA. UC. Fasz. r. Nr. 607. Subd. 1. N 94 ex Febr. 1768. Fol. 35r–36v.
- ²³ Ibid. Fol. 33r.
- ²⁴ Хаванова О.В. Венгерский Миллениум 1896 года: между «потемкинской деревней» и «градом Китежем» // Национализм в мировой истории / Отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман. М., 2007. С. 375–407.
- ²⁵ Миксат К. Выборы в Венгрии / Пер. с венг. О.К. Россиянова. М., 1965. С. 243.

Ч. Катона

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В СВЯЗИ С ПЕРЕЗАХОРОНЕНИЕМ ШИМОНА ФОРГАЧА (1904–1906 гг.)

Более ста лет назад, в 1906 г., в Кашше состоялось перезахоронение останков венгерского политика и эмигранта, князя Ференца II Ракоци, ранее покоившихся в Стамбуле. После заключения Сатмарского мира (30 апреля 1711 г.), завершившего Освободительную войну под предводительством Ф. Ракоци 1703–1711 гг., князь и его наиболее преданные сторонники, как известно, бежали сначала в Польшу, затем во Францию, а венгерское Государственное собрание на основании ст. 49 закона 1715 г. объявило их изгнанниками. Таким образом, Ракоци несколько первых лет своей эмиграции провел во французском Гробуа. Однако в 1716 г., с началом новой войны между Османской и Габсбургской империями, султан Ахмед III стал отводить в своих политических планах заметную роль и Ракоци. Впрочем, к тому времени, когда князь из Франции прибыл в Турцию, противники уже давно вели мирные переговоры, оказавшиеся в итоге успешными, и турецкий султан более не нуждался в политических услугах венгерского эмигранта. Представители императора Священной Римской империи Карла VI требовали от турок выдачи Ракоци и прибывших с ним руководителей куруцев, в том числе графа Шимона Форгача, о котором пойдет речь в статье. Султан хотя и отказал Габсбургам в выдаче венгерских эмигрантов, но определил для них принудительное место жительства (ссылки), которое им нельзя было покидать без разрешения властей. Так венгерские эмигранты во главе с Ракоци остались в Турции и с 1720 г. проживали в Родосто на берегу Мраморного моря. Князь скончался 15 лет спустя, 8 апреля 1735 г. Гроб с его телом разместили в стамбульском храме иезуитов в Галате*, там же, где покоилась и его мать, Илона Зрини (в хорватской традиции Зринская, 1643–1703). После упразднения ордена иезуитов храм перешел к местной миссии лазаристов** и с того времени стал называться церковью Св. Бенуа (Бенедикта). Благодаря тому что иезуиты,

* Галата — квартал Константинополя, где в раннее Новое время проживала часть христианского населения города. В наши дни также является частью Стамбула.

** Лазаристы — католическая конгрегация миссий, основанная в 1625 г. св. Викентием де Полем для помощи бедным, больным и прочим нуждающимся. Официальное название — Конгрегация миссий, члены которой именуются также викентянами или отцами Поля. (Прим. перев.)

а позднее и лазаристы на протяжении почти 200 лет заботливо ухаживали за могилами, бранные останки князя на чужбине сохранились в целости. Ведь долгое время и речи не могло быть о том, чтобы прах Ракоци нашел последнее пристанище в Венгрии.

Тема перезахоронения Ракоци и его товарищей по эмиграции стала подниматься в Венгрии лишь после заключения Соглашения 1867 г., в период, когда владения Габсбургского дома были преобразованы в Австро-Венгерскую монархию. Во второй половине XIX в., прежде всего благодаря деятельности историка и депутата Государственного собрания Кальмана Тали, удалось идентифицировать и/или разыскать могилы князя и многих других эмигрантов, однако эксгумация останков и их перезахоронение в Венгрии всё откладывались то по политическим, то по финансовым причинам. В итоге Ракоци и большинство политиков, чьи останки привезли на родину вместе с прахом князя, были перезахоронены лишь 29 октября 1906 г. в Кашше. В то же время останки некоторых эмигрантов нашли упокоение в другом месте: например, отчима Ракоци, Имре Тёкёли предали земле в Кешмарке. Эта тема подробно освещалась венгерской исторической наукой, особенно в связи со столетием перезахоронений¹. Однако куда менее известен факт, что у этих событий был и весьма важный российский аспект. Австро-венгерская и российская дипломатия на высшем уровне согласовывали детали планировавшегося, но так и не состоявшегося перезахоронения маршала Ракоци — графа Шимона Форгача.

Боевой офицер Шимон Форгач, отпрыск венгерского магнатского рода, с 1704 г. сражался на стороне Ракоци, и князь вскоре присвоил ему звание маршала. Летом 1706 г., после военных действий, протекавших с переменным успехом, Форгач получил титул главного капитана Верхней Венгрии, но после нескольких военных неудач Ракоци в 1706 г. посадил его в тюрьму. Маршал пребывал в заключении вплоть до 1710 г., в том числе в Мункаче. После заключения Сатмарского мира граф, забыв былые обиды, как преданный сторонник князя последовал за ним в эмиграцию, сначала в Польшу, затем в Турцию. В начале 1720-х гг. он, однако, вернулся в Польшу и жил там до своей кончины. Форгач умер во Львове в 1730 г. и был похоронен в Вишневец, в храме тамошнего монастыря кармелитов.

В начале XX в., когда возможность перезахоронения Ракоци и его сторонников стала приобретать реальные черты, упоминалось и имя Шимона Форгача. Предположительно на его персоне настаивал Кальман Тали, выступивший инициатором всей акции. Весной 1904 г. уже было ясно, что перезахоронения действительно состоится. 18 апреля 1904 г. император-король Франц Иосиф I (1848–1916 гг.) дал поручение венгерскому премьер-министру графу Иштвану Тисе (1861–1918), чтобы тот в качестве главы правительства непосредственно занялся делом Ференца Ракоци². Было ясно, что задача эта не из легких, что останки эмигрантов можно будет доставить в Венгрию только после тщательных политических приготовлений. Предварительно остановились на том, что наряду с прахом князя на родину привезут останки его матери, Илоны Зрини, и сына, Йожефа Ракоци, а также тела его соратников-изгнанников: маршала графа Миклоша Берчени, генерала графа Антала Эстерхази, гофмейстера Миклоша Шибрика (из греческой православной церкви Панагии Пневматократории в Родосто) и тело отчима Ракоци, князя Имре Тёкёли (из Измита)³. Докладную

записку венгерского премьер-министра в связи с возвращением на родину останков Ракоци и его товарищей император-король одобрил 11 июля 1904 г.⁴, после чего Тиса 20 июля 1904 г. проинформировал об этом в письме министра иностранных дел Австро-Венгрии Агенора Марию Голуховского (1849–1921), одновременно попросив его предпринять соответствующие дипломатические шаги относительно доставки в Венгрию останков и надгробий из Турции⁵.

Министр иностранных дел удовлетворил просьбу венгерского премьера и 11 октября 1904 г. сообщил Тисе в письме, что заручился согласием турецкого правительства и церковных властей⁶. Однако австро-венгерской дипломатии предстояло решить еще и другие задачи. Было необходимо предпринять определенные действия и в отношении некоторых иных стран, так как власти планировали перезахоронить и других эмигрантов помимо тех, чей прах покоился в Турции, как, например, маршала Франции Ласло Берчени (1689–1778), венгра по происхождению, похороненного во французском Люзанси (в итоге его останки так и не доставили в Венгрию). Место, где покоился прах Шимона Форгача, в то время (1795–1921 гг.) являлось российской территорией. Таким образом, дипломатам Австро-Венгрии предстояло урегулировать этот вопрос и с Россией, причем ввиду важности дела, по сути, на самом высоком уровне.

В связи с этим премьер-министр Тиса 12 ноября 1904 г. отправил письмо министру иностранных дел Голуховскому⁷, где констатировал, что хотя могила Шимона Форгача и находится в «Российской Польше», точнее в Вишневце, но вызывает беспокойство и дает почву сомнениям то обстоятельство, что церковь, на территории которой располагалось захоронение, ок. 1863 г. сгорела и в настоящее время стоит заброшенной, в запустении; правда, надгробная плита Форгача в храме имеется. Глава правительства указывал на необходимость выяснения того, сохранились ли при данных обстоятельствах останки Форгача, и если, к счастью, они в наличии и их принадлежность Форгачу не вызывает сомнений, то прах надо перезахоронить в Кашше вместе с Ракоци. В таком случае, однако, явно потребовалось бы разрешение российских властей, поэтому Тиса просил главу внешнеполитического ведомства о том, чтобы ближайшее консульство предприняло необходимые дипломатические шаги ради исследования места захоронения Форгача⁸. Позднее, 2 марта 1905 г., премьер сообщил монарху, что если тело Форгача будет найдено, его также перезахоронят в Кашше вместе с останками Ракоци⁹.

Хотя меры, принятые Голуховским, оказались эффективными и российские власти также выказали готовность помочь, однако начатые с их разрешения — точнее, при содействии киевского губернатора Николая Васильевича Клейгельса (1850–1916) — первые исследовательские работы по поиску и идентификации останков Форгача (ноябрь 1904 — август 1905 гг.), к сожалению, дали отрицательный результат¹⁰. Из записки премьер-министра по делу Форгача, адресованной Кальману Тали, явствует: министр иностранных дел проинформировал Тису, что тело Форгача не найдено. С уверенностью можно утверждать лишь то, что в замке князей Вишневецких некогда имелся портрет Форгача, но теперь уже и он утрачен¹¹. В письме от 13 января 1905 г., направленном министру иностранных дел из Санкт-Петербурга, эти данные подтвердил граф Алоиз Лекса фон Эренвальд (1854–1912), посол Австро-Венгрии в России (в октябре 1906 г. он сменил

Голуховского на посту министра иностранных дел)¹². Спустя несколько дней — 30 января — Тиса в письме, адресованном министру просвещения и культов Альберту Берзевици, высказывался уже в том духе, что прах Форгача вряд ли будет найден¹³. Эти дурные вести, однако, не охладили пыла Тали. На совещании под председательством премьер-министра 23 февраля 1905 г. он решительно заявил: прах Форгача, вероятно, можно было бы найти при более тщательных поисках, посему их следует продолжить¹⁴.

Премьер Тиса, таким образом, проинформировал министра иностранных дел Голуховского, что на этом совещании К. Тали настаивал на отправке в Вишневец для проведения исследований на месте известного слависта профессора Антала Ходинки (1864–1946). Между тем сделать это было не так-то просто, поскольку ситуация в России из-за разразившейся в 1905 г. революции становилась всё более напряженной. Для дипломатии было совершенно очевидным, что подобное исследование на российской территории можно осуществить лишь при поддержке российского посольства в Вене. Историк Лайош Таллоци (1856–1916), начальник отдела общего министерства финансов Австро-Венгрии, курировавший в то время дела, связанные с перезахоронениями, дал понять, что, пожалуй, сначала было бы лучше отправить в Вишневец не Ходинку, а Василя Щурата (1871–1948), преподавателя гимназии в Бродах (позднее — преподавателя Львовского университета). Это мотивировалось тем, что Щурат лучше знает местность, а также тем, что его поездка к могиле из Бродов обойдется явно дешевле, чем отправка Ходинки из Вены. Кроме того, при принятии решения учитывалась и «обстановка на российско-польской приграничной территории», под чем предположительно подразумевалась внутривосточная напряженность, революционная ситуация в России. Щурат согласился проделать путь почти в 40 км и даже сфотографировать при необходимости могилу, а также написать подробный отчет о том, что он там обнаружит. В соответствии с принятым решением министерству иностранных дел Австро-Венгрии следовало предпринимать какие-либо шаги в отношении российского правительства для возвращения на родину тела Шимона Форгача только в том случае, если вишневецкая миссия Щурата окажется успешной, т. е. он найдет и идентифицирует останки Форгача. Щурату было выделено на поездку 400 крон, за которые тому предстояло отчитаться. Примечательно, что Таллоци определил топографию местечка следующим образом: Волынь, Россия, Кременецкий уезд¹⁵.

В соответствии с вышеизложенным, премьер-министр Тиса просил общего министра иностранных дел, чтобы тот ради успеха миссии выхлопотал для Щурата рекомендацию российского посольства в Вене, и ссылаясь на то, что по делу Форгача Таллоци уже установил контакты с неким Барвинским*, депутатом от бродской приграничной территории (Галиция)¹⁶. Таллоци, таким образом, обратился к готовому оказать любезность Щурату с просьбой, чтобы тот на основании указаний Тали провел глубокие исследования в Вишневце¹⁷. Щурат, вернувшись из поездки, лично в письме доложил Тали, что нашел надгробную плиту¹⁸. Однако ему

* По всей вероятности, имеется в виду украинский педагог, общественный и политический деятель Александр Григорьевич Барвинский (1847–1926), депутат австрийского рейхсрата (1891–1907) и галицийского сейма (1894–1904). (Прим. перев.)

не удалось однозначно определить, принадлежат ли лежащие под ней человеческие останки Шимону Форгачу¹⁹. Поэтому вслед за Щуратом на место для проведения дальнейших исследований выехал врач, заведующий кафедрой антропологии Пештского университета Аурел Тёрек (1842–1912), и археолог, директор Музея Верхней Венгрии в Кашше Йожеф Михалик (1860–1925). Последний впоследствии весьма критически отзывался о работе Щурата. Когда они с Тёреком по поручению преемника Тисы, премьер-министра барона Гезы Фейервари (1833–1944), приехали в Вишневец для проверки содержащихся в докладе Щурата сведений, выяснилось: ни в склепе под церковью, ни на кладбище при церкви нельзя найти останки, однозначно принадлежащие Форгачу²⁰. Таким образом, миссия и даже само намерение найти прах Форгача потерпели неудачу.

После этого любые новые шаги в отношении российской дипломатии стали излишними, и даже Тали вынужденно смирился с докладом Тёрека и Михалика. Примерно за две недели до начала перезахоронений, 17 октября 1906 г., Шандор Векерле (1848–1921), занимавший в то время пост премьер-министра Венгрии, в адресе на имя императора-короля недвусмысленно дал понять: в Вишневце не смогли найти останков Форгача²¹. Популярная газета того времени *Pesti Újság* («Пештская газета») в своем репортаже о перезахоронении в Кашше 30 октября 1906 г. упоминала лишь о том, что Шимон Форгач, покинув Ракоци, уехал из Родосто в Польшу, где и умер. Гроб с его телом хотя и поместили в склеп князей Вишневецких, но с течением времени он был разграблен дважды: сначала местными крестьянами, а во второй раз — военными отрядами казаков, напавшими на Вишневец.

Наконец, в связи с перезахоронением Ференца II Ракоци и его товарищей-эмигрантов следует упомянуть еще один своеобразный российский след политического характера. В 1905 г. в Венгрии прошли выборы в Государственное собрание, на которых беспрецедентным образом победу одержала оппозиция, а именно Партия независимости. Монарх, однако, проигнорировал это неблагоприятное для него обстоятельство и, используя свое право государя, назначил премьер-министром своего верного слугу, вышеупомянутого Гезу Фейервари, что ввергло Венгрию в серьезный внутривнутриполитический кризис. Правительство Фейервари к весне 1906 г. пало, и новым премьером стал Шандор Векерле. Произошло это, однако, таким образом, что победившая оппозиция в обмен на посты в правительстве, по сути, отказалась от своей прежней программы. Таким образом, в 1905–1906 гг. бурлящая Венгрия пережила весьма серьезные потрясения, и, как следствие, всё больше пространства отвоевывали и становились всё популярнее левые движения. Одним из самых ярких свидетельств этого стала «красная пятница» 15 сентября 1905 г., когда социал-демократы организовали многотысячную массовую манифестацию за введение всеобщего и тайного избирательного права.

Между прочим, это объяснялось и тем, что в стране ощущалось влияние российской революции 1905 г. Не просто возросла популярность социал-демократического движения и Социал-демократической партии, но и бастовали путейцы, горняки, сельскохозяйственные рабочие, занятые на уборке урожая, столичные пекари, а позднее и вагоновожатые трамваев; внушительная часть оппозиционных избирателей была разочарована отказом от предвыборной про-

граммы, а революционные известия из России лишь усиливали напряженность. В сложившейся ситуации, ввиду охватившего страну экономического и политического кризиса, правительство Шандора Векерле сочло, что далее нельзя медлить с перезахоронением Ференца II Ракоци и его соратников. Этим актом правительство желало продемонстрировать национальное единство, которое вообще-то было весьма сомнительным, поэтому «доставка праха на родину — строго в качестве государственного протокольного мероприятия, с соблюдением положенных мер безопасности — действительно казалось одной из задач, требовавших неотлагательного и самого зрелищного решения»²².

Итак, частью перезахоронения Ференца II Ракоци было весьма серьезное взаимодействие высшего дипломатического корпуса Австро-Венгрии и царской России. Поскольку после положительного решения венгерского монарха само дело перезахоронения относилось к компетенции венгерского премьер-министра, кто бы ни занимал этот пост (сначала Тиса, потом Фейервари и, наконец, Векерле), кадровые перестановки не сломали общую тенденцию. Неудивительно, что в деле перезахоронения свою роль сыграл и общий министр иностранных дел Австро-Венгрии, а именно А.М. Голуховский, чьим преемником на этом посту стал А.Л. фон Эренталь, который, будучи послом в Санкт-Петербурге, оказал ему содействие по делу Шимона Форгача. Хотя поиски в Вишневце и не увенчались успехом, но мы могли увидеть, какие силы были задействованы Австро-Венгрией на дипломатическом фронте, а также то, что, несмотря на напряженность и трудности, связанные с российской революцией 1905 г., министерство иностранных дел Российской империи проявило готовность помочь в поисках останков Форгача. Тем самым мы смогли получить представление о том, как повлияла, пусть и косвенно, российская революция на решение затянувшегося вопроса о перезахоронении эмигрантов.

Перевод с венгерского Ч.Б. Желицки

¹ О возвращении праха на родину см. работы, появившиеся в последнее время: *Kin-eses K. M.* “Minden különös ceremónia nélkül” A Rákóczi-kultusz és a fejedelem hamvainak hazahozatala // *Htk*, 2003. 1. sz. 46–76. old.; *Dokumentumok II. Rákóczi Ferenc újrate-metésének történetéhez (1873–1906)*. Szerk., vál., a bev. írta és jegyz. Halász H., Katona Cs., Ólmosi Z. Bp., 2004; *R. Várkonyi Á.* Visszatérés Európába: II. Rákóczi Ferenc és bujdosótársai hamvainak temetéséről // *Magyar Tudomány*, 2006. 10. sz. 1211–1221. old.; *Köpeczi B.* A Thököly- és Rákóczi-hamvak felkutatása Törökországban // *Magyar Tudomány*, 2006. 10. sz. 1205–1210. old. Вышедшие ранее наиболее значительные работы (без претензии на полный охват): *Balla A.* II. Rákóczi Ferenc élete // *Rákóczi emlékkönyv halálának két-százéves évfordulójára*. Szerk. Lukinich I. Bp., 1934. 251–262. old.; *R. Várkonyi Á.* Thaly Kálmán és történetírása. Bp., 1961. (Tudománytörténeti tanulmányok I.); *Köpeczi B.* Az élő Rákóczi // *Köpeczi B., R. Várkonyi Á.* II. Rákóczi Ferenc. Bp., 1976. 422–429. old.; *R. Várkonyi Á.* Kultusz és katarzis // *Eadem.* Századfordulóink. Esszék, tanulmányok. Bp., 1999. 50–65. old.

² MNL OL. K 26 (Miniszterelnökség. Központilag iktatott és irattározott iratok). 1906–XLI–86 (III)–1904–1885.

- 3 Ibid. 3352.
 4 Ibidem.
 5 Ibidem.
 6 Ibid. 4855.
 7 Ibid. 5363.
 8 Ibidem.
 9 Ibid. 1906–XLI–86 (II)–1905–134–1044.
 10 Ibid. 390.
 11 Ibidem.
 12 Ibidem.
 13 Ibid. 402.
 14 Ibid. 1064.
 15 Ibid. 1906–XLI–86 (III) –1905–134–1699.
 16 Ibidem.
 17 Ibidem.
 18 Ibid. P 1747 (Thaly család levéltára). 12. cs. 6. t.
 19 Ibid. K 26–1906–XLI–86 (III) –1905–134–3654.
 20 *Mihalik J.* Magyar művészeti emlékek Lengyelországban // Múzeumi és Könyvtári Értesítő. 1911. 1. sz. 2. old.
 21 MNL OL. K 26–1906–XLI–86 (I) –5133.
 22 *Kincses K. M.* “Rákóczi hamvait végre hazahozzuk...” // A Hadtörténeti Múzeum Értesítője. 5. sz. / Szerk. G. Hausner, K.M. Kincses, A. Kreutzer. Bp., 2002. 57. old. (Acta Musei Militaris in Hungaria).

П. Хатони

КУЛЬТ, КРИТИКА И БУНТ ПОКОЛЕНИЯ: ОТКЛИКИ НА КНИГУ ДЮЛЫ СЕКФЮ «РАКОЦИ В ИЗГНАНИИ» (1913)

Как известно, трансильванский князь Ференц II Ракоци, предводитель антигабсбургской Освободительной войны 1703–1711 гг., умер в изгнании, в Турции. Хотя у него было два сына, род Ракоци к середине XVIII в. пресекся, владения конфисковала победившая сторона, специальным законом фамилия Ракоци была запрещена к употреблению в среде венгерского дворянства. Тем не менее, еще при жизни изгнанника его имя и возглавляемое им движение стали обрастать легендами. Невзирая на законы и официоз, это народное творчество — так называемые куруцкие, или исторические, песни — хранили воспоминания, из поколения в поколение передававшие сильное стремление к независимости. В XIX в. этот культ обрел вторую жизнь, а на рубеже XIX–XX вв., когда обострились австро-венгерские противоречия в двуединой монархии, у культа появилась политическая функция.

Венгерская национальная антигабсбургская оппозиция, как и более широкие слои общества, видели в личности Ракоци и в его Освободительной войне достойного предтечу вождя подавленной венгерской революции 1848–1849 гг. Лайоша Кошута. Параллель усиливалась тем, что оба государственных мужа долгое время пытались продолжить свою борьбу в эмиграции и оба безуспешно. На рубеже веков политическую жизнь Венгрии определяло наследие соглашения, заключенного в 1867 г. с династией Габсбургов и западной половиной империи, оно же все очевиднее раскалывало общество надвое. Современный культ Ракоци, однако, складывался не в подполье, но был явлением политическим, продуктом того усиливавшегося постромантического национализма, который пронизывал парламентскую риторику, публицистику, историографию двух последних десятилетий клонящейся к закату монархии.

Сторонники дуализма доказывали, что мадьярство, составляющее в исторической Венгрии лишь относительное большинство, в 1867 г. заключило с Австрией выгодную сделку, отказавшись от суверенитета в целом ряде общих дел (армия, внешняя политика и необходимые для них финансы), потому что разрывавшие монархию национальные движения и усилия поддерживавших их панславистов исключали возможность одновременной защиты суверенитета и сохранения территориальной целостности. В глазах приверженцев

Партии независимости 48-го года* такая «реальная политика» была предательством революции и освободительной борьбы 1848–1849 гг., поэтому они требовали пересмотра Соглашения и его модификации в обычную личную унию, в отношении же отечественных национальных меньшинств они предлагали проводить полновесную политику ассимиляции и мадьяризации. Здесь, кстати, они не следовали примеру своего идола, Кошута, который в начале эмиграции, в 50-е годы XIX в., полагал, что независимости можно достичь не поодиночке, но только в «конфедерации» с восточно- и центрально-европейскими народами. Следует, правда, сказать и то, что со стороны потенциальных союзников идеи эти не вызвали большого энтузиазма. Элиты невенгерских народностей — румын, сербов, хорватов — все стремились к созданию собственных национальных государств, и после Первой мировой войны на смену наднациональной династической власти Габсбургов пришла не коалиция государств, объединенных в так называемую Дунайскую конфедерацию, а нестабильные, лязгающие друг на друга зубами и подчиняющие свои интересы амбициям великих держав национальные образования.

Сторонники сохранения статус-кво на принципах Соглашения 1867 г. обладали парламентским большинством вплоть до 1905 г., но значительная часть их избирателей, проживавших на населенных венграми территориях, испытывали все более глубокое разочарование. На месте двуединой монархии они предпочли бы видеть венгерскую империю, основанную на мадьярском культурном превосходстве, где со временем были бы устранены проявления социального и политического неравенства. Эта иллюзия во всей полноте выразилась в возвращении останков Ференца II Ракоци, торжественном возложении гроба «светлейшего князя» на катафалк в Будапеште и перезахоронении его в кафедральном соборе Кашши. Это случилось в 1906 г., когда прежде безраздельно господствовавшая либеральная партия** потерпела поражение и власть перешла к национальной коалиции. Перезахоронение стало общевенгерским событием, которое предвосхитило законодательное признание заслуг Ракоци. Однако реабилитация не свелась к правовым актам. Поезд с останками князя проехал полстраны, и на празднично украшенные станции — по пути следования от южных границ, из Оршовы*** через Сегед в Будапешт и далее в Кашшу — стекались толпы народа. День отдания последних почестей в столице пришелся на выходной, назавтра в школах вместо уроков по расписанию провели праздник Ракоци, по всей стране зажигали иллюминацию. «Мерцающий огненный поток мощно излился и докатился до моря», — писали газеты, со-

* Партия независимости была образована в 1874 г. левыми центристами, не согласными с объединением с Партией Деака (по имени своего основателя Ференца Деака (1803–1876)); в 1884 г. объединилась с Партией 48-го года (в своем названии отсылавшей к событиям революции и освободительной борьбы). (Прим. перев.)

** Либеральная партия (дословно Партия свободомыслия) была образована в 1875 г. из Партии Деака и левых центристов во главе с Кальманом Тисой (1830–1902). Имела неформальное название Партия 67-го года, напомилавшее о верности принципам Соглашения 1867 г. (Прим. перев.)

*** Оршова — ныне город в Румынии. (Прим. перев.)

общавшие о происходящем буквально по минутам¹. Фоторепортажи и кино съемки превратили похороны в первое значительное «медийное» событие современной Венгрии.

КУЛЬТ РАКОЦИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

Этот культ на протяжении последующих десятилетий не подвергался пересмотру, но в 1913 г., когда молодой историк, скромный сотрудник Венского придворного архива Дюла Секфю опубликовал книгу «Ракоци в изгнании», в стране разразился скандал. В противовес историографии, разделявшей взгляды Партии независимости, и расхожим представлениям о Ференце II Ракоци ученый полагал: борьба мятежного князя привела к «бессмысленной трагедии утери исторического значения, спутывания исторических ролей». Хотя в первые месяцы на книгу последовали только сугубо научные отклики и многие отдавали должное ее художественным достоинствам, когда одна проправительственная газета написала, что автор «лишил Ракоци ореола святости» (*“der entgötterte Rákóczi”*), стороны отбросили в сторону приличия. Оппозиция кричала о «провокации». В рамках инспирированной кампании в прессе в десятках газетных статей книга называлась поджигательской, оскорбительной, втаптывающей в грязь национальных героев и идеалы нации. Парламентские интерpellации ставили под вопрос патриотизм автора, находились такие, кто считал молодого учёного правительственным наймитом, требовал предания отдельных мест книги огню, в городе Торда в Трансильвании собак стали кликать «Секфю».

Никогда ранее книги в Венгрии не встречали с таким шумом и треском. Венгерская академия наук, издавшая эту работу и тем самым поставившая себя под огонь критики, в замешательстве хранила молчание, хотя самые выдающиеся представители исторической науки, подписав общее заявление, встали на сторону подвергавшегося нападкам автора. Официальный печатный орган Венгерского исторического общества журнал *Századok* («Века») так и не напечатал рецензии на книгу, опасаясь, что скандал докатится и до тихой гавани профессионального сообщества. Рецепция труда происходила довольно интересно. Поначалу не только Партия независимости, но и оппозиционная Католическая народная партия и даже представители католической церкви отмежевались от «глумления над Ракоци», в то время как левые радикалы и причислявшие себя к прогрессивным силам форумы венгерской интеллигенции — журналы *Világ* («Свет»), *Huszadik Század* («Двадцатый век») и *Nyugat* («Запад») — поддержали автора во имя «свободы науки» и силились разглядеть в его «направленных против обольщивания» взглядах устремления, родственные их собственному ревизионизму².

Однако почему книга вызвала такой общенациональный скандал и почему он вышел за стены профессионального цеха? Не только потому, что венгерская политика выросла в атмосфере историзма и венгерский национализм покоился на исторической легитимации, но и потому, что в трагической судьбе Ракоци и памяти о ней темы романтического сопереживания (беззаветная борьба, предательство и трагический провал) становились мощным политическим жестом.

В изображении прошлого фикция и научное исследование еще не полностью разделились. Как в беллетристике, так и в историографии авторы слишком долго полагались на фантазию и на принцип «могло бы быть». В этом коренилась причина чрезвычайной популярности исторических романов, ибо в поведанных там «правдивых историях» размывалась граница между вымыслом и действительностью. Самый читаемый романист Мор Йокаи (1825–1904) на страницах своих произведений неоднократно пытался оживить мир куруцев.

Однако в полном смысле слова культ Ракоци создал Кальман Тали, который по политическим соображениям, в интересах находившейся в оппозиции Партии 48-го года, не только возвел алтарь для поклонения культу мифического Героя, но и — дав волю нереализованным поэтическим порывам — разместил свои поэтические опыты в издании подлинных куруцких песен, воспевавших Ракоци³. Самого себя Тали называл «придворным писцом» «светлейшего князя», при этом долгое время занимал должность заместителя председателя Партии независимости, и эта должность служила серьезным политическим подспорьем при реализации его инициатив. Для партии же куруцкая романтика, встречавшая широкий общественный резонанс, и неразрывно связанный с ней культ Ракоци означали эмоционально-идеологическую поддержку.

Как впоследствии заметил венгерский литературовед Антал Серб (1901–1945), у этого явления были европейские аналогии, ибо романтический взгляд на мир вырос из парадигмы, буквально пропитывавшей весь XIX в. «Знамя Ракоци было венгерским Граалем [...], Родосто — венгерским Авалоном, а сам Ракоци — венгерским королем Артуром. Куруцкая поэзия стала в Венгрии тем апогеем, которым в Англии были „Королевские идиллии“ Альфреда Теннисона (1809–1892), во Франции „Легенда веков“ Виктора Гюго (1802–1885), в Германии — музыка Рихарда Вагнера (1813–1883). В особенности, когда были найдены тарогато* и мелодии куруцких песен, стихи эти, положенные на музыку, обошли всю страну, и никто не мог устоять перед их меланхоличным волшебством»⁴. Тали прекрасно это понимал, поэтому еще в начале карьеры писал в исследовании о посвященных Ракоци песнях: «Гонимые мятежные напевы по сей день хранят живущий в них национальный дух и чувство, которое по сей день берет венгра за душу»⁵. Самый именитый литературовед того периода Жольт Бёти (1848–1922) в 1906 г. высказался в сходном духе: «Мир куруцкой поэзии доказывает тот очевидный факт [...] что венгерская политика и венгерская поэзия находятся в теснейшей взаимосвязи»⁶.

Не будучи профессиональным историком, Тали многие годы собирал материал и активно его публиковал. Тем самым он, по сути, подготовил фундаментальную монографию о Ракоци своего ученика Шандора Марки, тома которой вышли в свет 1909–1910 гг., уже после смерти учителя. Книга шла в фарватере национального историзма, который видел гарантии социальной консолидации в национальной религии: «Придет время, когда любовь к отечеству станет главной религией любого народа». Перо Марки было подчинено культу и лежавшим в его основе «неистребимым» национальным страстям: «После того как борьба была проиграна, не перестали звучать песни Ракоци и Кошута. И не прекратят зву-

чать никогда, потому что в их мелодиях звенят неистребимые страсти. Те страсти, что связаны с именами очень сильных духом вождей». Успех прошлого состоит в том, что устремления того времени воплощаются в дне сегодняшнем. В «Заключении» историк открыто проводил параллель между кошуттовской политикой и устремлениями Ракоци, сопрягал фигуры Освободительной войны 1703–1711 гг. с героями 1848–1849 гг.: «Душа Ракоци спустя сто тринадцать лет после земной кончины спустилась с небес, и тогда Кошут простерся ниц перед величием нации, как некогда сам князь»⁷.

Ракоцианская традиция, впрочем, никогда не была единой и монолитной. За несовпадением позиций стояли разногласия в отношении к национальной истории и, следовательно, национальной политике, и те, кто относился к Ракоци прохладнее, были сторонниками Соглашения 1867 г. и австро-венгерского дуализма. Но наряду с этим в историографии все явственнее проявлялось стремление к тому, чтобы на смену вымысла, пригодного для романа, пришел, наконец, научный поиск «истины». Пусть история будет критичной и «реалистичной», пусть описывает прошлое так, как в 1824 г. того потребовал Леопольд фон Ранке (1795–1886): «как это было на самом деле» (*wie es eigentlich gewesen*). В венгерской исторической науке, начавшей во второй половине XIX в. обретать институциональные рамки, мощные критические выступления внесли свою лепту в развенчание культа Ракоци. Ведущий литературный критик того периода Пал Дюлаи (1826–1909), как и писатель-историк Дюла Паулер (1841–1903), осуждал «преувеличенные куруцкие страсти». Историки поколения рубежа веков Хенрик Марцали (1856–1940) и Давид Андял (1857–1943) решительно восставали против столь излюбленного Тали жанра героического портрета.

В 1882 г. в критической статье, опубликованной в ведущем печатном органе Партии 67-го года — издававшейся П. Дюлаи газете *Budapesti Szemle* («Будапештское обозрение»), Андял подверг критике полный чудовищных ошибок миф Тали о «предателе» Ласло Очкай*, этом «лабанце» в стане Ракоци. Не только за то, что тот рассматривал поступки своего героя вне контекста эпохи, но главным образом за то, что из концепции автора следовало, будто в куруцких войнах едва ли все венгры, как один, противостояли внешнему врагу, на самом же деле, — писал Андял, — две венгерские партии сражались друг против друга, при этом обе прибегали к помощи иностранных союзников⁸. Очевидно, что молодой ученый желал таким образом преодолеть прочно засевший в мозгах у среднего дворянства, господствовавший в общественном мнении антагонизм куруцев и лабанцев, пропагандировавшийся разделявшей принципы Партии независимости историографией, когда «хорошим» куруцам всегда противопоставлялись «предатели»-лабанцы.

Более поздние штудии Андяла, которые он написал после нескольких лет серьезной работы с западно-европейскими источниками в Лондоне и Париже, привели к убеждению, что антигабсбургские восстания, Освободительную борьбу под предводительством Ракоци и политические усилия князя в эмиграции погубил постоянно менявшийся, неблагоприятный расклад сил на европейской

* Тарогато — деревянный духовой инструмент, разновидность гобоя. (Прим. перев.)

* Очкай Ласло (1680–1710) — бригадир в войске Ракоци; в 1708 г. перешел на сторону императора, был схвачен куруцами и казнен. (Прим. перев.)

внешнеполитической арене⁹. Андял еще раньше, в связи с куруцким движением под предводительством И. Тёкёли, писал о менталитете скитальцев, об отличительных чертах «духовного состояния обывателей, кто не рискует надолго покинуть свой дом, и смельчаков, отправившихся в изгнание, оставив родной очаг»¹⁰. Изначально он не был историком, а своими успехами на научном поприще был обязан Дюлаи. Но именно из уст Андяла впервые прозвучал призыв с помощью позитивистской методологии покончить и с культом Ракоци, и сообществом романтических историков и писателей.

КАРЬЕРА ДЮЛЫ СЕКФЮ

Работа Д. Секфю о Ракоци, опубликованная в 1913 г., основывалась на этом критическом наследии. Свою роль, однако, сыграли семейное воспитание, и современные умонастроения, и накопленный Секфю культурный багаж и даже стремление молодого стеснительного ученого к самоутверждению. Историк не был дворянином, предки его — чиновники-гонорациоры*. Он исповедовал католичество, происходил из [исторически лояльного Габсбургам. — О.Х.] Задунавья, отец — юрист в штате секешфехерварского епископа, один из первых приверженцев выступившего в конце XIX в. на сцену политического католицизма. По окончании гуманитарного факультета Будапештского университета и Коллегиума им. Этвеша, организованного по примеру парижской Высшей нормальной школы (*École Normale Supérieure*), Секфю, находясь под сильным воздействием французской культуры, написал произведшее сенсацию исследование о знаменитом писателе-радикале той эпохи — Анатоле Франсе (1844–1924). На этом литературные опыты прекратились. После непродолжительной архивной практики молодой человек получил в 1907 г. дающую статус чиновника и сулящую радужные перспективы должность архивиста в столице двуединой монархии — Вене.

На взгляды Секфю решающее воздействие оказали его тамошние покровители — Лайош Таллоци и Арпад Каройи (1853–1940). Первый в качестве главы Придворного казначейского архива (*Hofkammerarchiv*) и действительного тайного советника занимал высокий пост в общем министерстве финансов Австро-Венгрии и играл заметную роль в продвижении монархии на Балканы и усилении ее влияния на международной арене. Второй, хотя и исповедовал кальвинизм, долгое время стоял во главе Австрийского государственного архива. Для Таллоци и широкого круга его друзей и учеников правовые баталии в Венгрии казались бессмысленными и противоречащими подлинным интересам нации. Ученый был убежден, что венгры, как никто, только выиграют от упрочения великодержавного статуса двуединой монархии. Он полагал, что два самых сильных народа державы, австрийцы и венгры, обречены на сотрудничество и сотрудничество это в эпоху империализма может прибавить определенный политический вес

* Гонорациоры (от лат. *honorator*, т. е. «весьма почтенный») — интеллигенция недворянского происхождения с высоким образовательным цензом. В 1848 г. была узаконена практика предоставления им дворянских привилегий и избирательного права. (*Прим. перев.*)

в Европе экспансии монархии на Балканах. Впрочем, для этого требовалось, чтобы «бодаящиеся» друг с другом австрийская и венгерская националистические элиты позабыли о своих мелких распрях.

В силу буржуазного происхождения Секфю и ранее отвергал наивную националистическую мифологию мелко-дворянской историографии, поэтому неудивительно, что ему пришлось по душе взгляды Таллоци. К тому же после лет в Будапештском университете, где его занимало изучение французских авторов, молодой человек попал в Вену, в интеллектуальную среду немецкоязычной науки — одновременно притягательной и подавляющей. Каждый день встречался он с сотрудниками Института по изучению австрийской истории (*Institut für Österreichische Geschichtsforschung*), среди которых было немало коллег. Здесь он не только столкнулся с презрительным и поверхностным отношением австрийских архивистов к венграм, но и укрепился в мысли, что нужно исследовать международные взаимозависимости, и не без влияния трудов основателя современной критической историографии Ранке пришел к убеждению: приоритет принадлежит внешней политике, а в основе поступательного развития национальных государств лежит реалистическая оценка ситуации.

Во второй половине XIX в. историко-политическая легитимация венгров по-прежнему основывалась на парламентаризме и более и менее неприкосновенной автономии Государственного собрания. Самые значительные представители этой традиции — Ференц Деак, Дюла Андраши-мл. (1860–1929), Дюла Влашич (1853–1937) — были правоведами, историками и в то же время ведущими политиками. Для мировоззрения Секфю помимо международных отношений особое значение имела история общественного самоуправления, ученый был убежден, что развитие современного государства зависит от эффективности органов самоуправления. Исходя из венгерских национальных интересов, историк считал вредной теорию австрийского империализма о «целостной монархии» (*Gesamtmonarchie*), суть которой была в проекции эффективности современной бюрократии на историческое прошлое. Но для ее отрицания недостаточно было дворянской исторической традиции, заикленной на идее независимости, где освободительные движения трансильванских князей в XVI–XVII вв. и Ференц II Ракоци оказывались важнейшими символическими историческими фигурами. История освободительных движений — в назидание грядущим поколениям — превращалась в искаженно-героические и нередко изоляционистские (стоявшие в стороне венгры-лабанцы не принимались в расчет) нарративы об угнетении и независимости. Для австрийцев же венгерские освободительные движения были чем-то вроде примечаний к подлинной истории мятежной провинции, что современный австрийский абсолютизм выдавал за свой успех. Дюла Секфю с сожалением был вынужден констатировать: венгерское общественное мнение, находившееся в эйфории от торжеств по случаю тысячелетия прихода венгерских племен в бассейн Карпат (так называемого Миллениума), мало волновало, сколь на самом деле, провинциальны амбиции близорукой и вечно обиженной на австрийцев историографии.

Книга о Ракоци явила собой обобщение этих точных наблюдений. Историк работал на новых, впервые вводимых в научный оборот источниках, полученных от Таллоци и Каройи. Эти документы наряду с давно опубликованными,

но систематически не обработанными стали орудием в борьбе с мифологической памятью, насаждавшейся Тали, и иконным образом Ференца Ракоци. Однако цели у облеченного в «кольчугу наукообразности» Секфю были куда более смелые — вступить в интеллектуальную схватку с венгерскими национальными иллюзиями, игнорировавшими фактор внешней политики. Эта нигде открыто не сформулированная программа противоречила наследию коштувской политики, по-прежнему обладавшей колоссальным эмоциональным потенциалом. Следуя совету своих наставников, молодой историк убрал прямые отсылки к Кошту из окончательного варианта рукописи, но не побоялся назвать революцию 1848–1849 гг. «великой катастрофой», в то время как о Соглашении 1867 г. высказался как о «счастливом основании нового венгерского государства».

Провокационный выбор темы и иронический тон повествования, стиль и язык книги, которые, несмотря на архаичные выражения, резко противоречили романтическому пафосу предшествующей эпохи, служили целям самоутверждения личности автора. Секфю надеялся, что легко читаемая, посвященная столь живой теме работа сделает его имя заметным в научных и широких читательских кругах. Однако стиль книги и оказанный ей прием свидетельствовали о том, что на сцену вышло новое консервативное поколение, которое замахнулось на традиции поколения отцов. Именно по этой причине автор не хотел, чтобы его монография оказалась «похороненной» среди томов адресованных узкому кругу *Akadémiai Értésítő* («Академические ведомости»), но выпустил ее в свет в популярной, так называемой зеленой серии. Ее глава литературовед Фридеш Ридль (1856–1921) взял на себя роль выпускающего редактора, однако в подготовке рукописи к печати существенную помощь автору оказал его друг, историк литературы Янош Хорват (1877–1961).

БЕСПОЛЕЗНОСТЬ ЭМИГРАЦИИ

Главной целью книги было показать, что жизнь и деятельность в изгнании не несут пользы обществу. Этой задаче также подчинен избранный Секфю заголовок, о чем историк писал в одном из писем к Ридлю: «изгнание» — это правовая категория и подходит для Ракоци больше, чем его неизменный украшающий эпитет (*epithethon ornans*) — «скиталец»¹¹. В послесловии читаем: «Жизнь любого изгнанника не несет пользы обществу, ведь оправдание изгнания как раз заключается в неспособности быть нужным родине и тем, кто там остался, и слабом утешении, что они далеко»¹². Цитата, как и выбор заголовка, весьма односторонни, в них обойдена вниманием положительная духовная история эмиграции — нравственный императив библейской книги «Исход», где история изгнанников прослеживается от начала до конца. Эмиграция — это часто героический выбор, альтернатива которому — оппортунизм и потенциальное соглашательство.

То, что Ракоци не было необходимости эмигрировать, — исторический факт. Сдайся он победителям, получил бы амнистию и сохранил свои владения. У вынужденного изгнанничества есть своя библейская основа — вавилонское плене-

ние. Но для молодого Секфю, похоже, быть побежденным — это нравственная категория, у свершившейся истории может быть только одно моральное истолкование, и его определяют успешные политические цели и усилия. Поражение не несет с собой почета. Вечными спутниками изгнания бывают одиночество, нравственная и политическая изоляция, нужда. В эмиграции Ракоци ни одну из политических целей не смог довести до победного конца, и чем больше проходило времени, тем меньше его поступки соответствовали реальным целям и возможностям, более того — углубляли оторванность от родины. «Между эмигрантами и нацией разверзлась пропасть, которая день ото дня только углублялась». Секфю часто употребляет словосочетания «настоящая жизнь» или «реальная жизнь», всякий раз как антитезу эмигрантской оторванности от действительности. «Типичное свойство изгнаннического беспокойства: не задумываясь о реальных отношениях, будучи обращенным в прошлое, он предпринимал всё для воплощения невозможного, возвращения минувшего»¹³.

Живо и образно повествуя о провале дипломатических инициатив Ракоци, историк никогда не забывал возводить конкретные поражения и провалы до уровня обобщений и, прибегая к аналогиям, показывать, что разбившиеся в пух и прах надежды князя лишь подтверждают неизменную бессмысленность прозябания на чужбине. «Общая судьба эмигрантов-апатритов, претендентов на престол без имущества и войска, заключается в том, что все они бездумно, слепо бегут по гибельному пути». Но и здесь Секфю не останавливается, но выносит бесполезной жизни в эмиграции свой вердикт историка: «Им и в голову не приходит, что они всего лишь людская масса, которой заполняют крепостной ров, чьими смертями достигается, возможно, перемирие или мир, дабы регулярные части — этот ценный человеческий материал — не постигла участь несчастных»¹⁴. Когда ненужная жертва приносится ради жертвы, пользу из нее извлекает другой, а тот, кто жертвует, выглядит жалко.

ПСИХОИСТОРИЯ НА СЛУЖБЕ КОНФЛИКТА ПОКОЛЕНИЙ

Страх превратиться в объект насмешек — это одна из самых распространенных причин тревоги. Краеугольным камнем книги о Ракоци стала психологическая теория о том, что причины политического провала и дипломатического поражения следует искать в самой личности. Это была деконструкция героического нарратива с помощью доказательства психологического неблагополучия. Секфю приводит не один пример того, как политические «игры» и «авантюры» Ракоци размывали границу, за которой тот выглядел смехотворно, как ему давали это понять не только враги, но и союзники, те же турки. Когда великий везир глумливо отказывает князю в денежной помощи, в конце эпизода Секфю делает свои смелые выводы: «Ракоци не удалось избежать этого самого тяжелого проклятья эмигрантской жизни — превращения в объект насмешек; сильные мира сего, как только становилось известно, что в будущем его нельзя будет использовать ни для каких целей, одаривали его высокомерной усмешкой, но при этом князь вел себя так, будто был равен им в величии»¹⁵.

Объектом насмешек оказывалось само венгерское историческое мышление, основанное на дворянском этосе, на парадигме достоинства. К тому же Секфю не постеснялся поведать читателю о любовных похождениях князя, чем — этого нельзя было не предвидеть — спровоцировал возмущение почтенной публики. И поскольку о неудачах князя автор повествует с ироническим сопереживанием, чувственность Ракоци опять-таки становится прелюдией старости, что не может не вызывать у читателя улыбку. «Девушка не в силах была противиться ухаживаниям стареющего князя [...] Последние сполохи перед угасанием. [...] В 1715 г., когда мы впервые встречаем нашего героя, он был уже стариком. Наша история — это история старика»¹⁶. «Стареющему» Ракоци в то время всего лишь 38 лет. Очевидный парадокс Секфю объясняет в письме к коллеге-историку: «Для единства редакции, сохранения целостности замысла я не писал о событиях, предшествовавших 1715 г., и, возможно, мне удалось таким образом повысить интерес к личности Ракоци в старости. Вводная глава об Освободительной войне или „активном“ Ракоци лишь затуманила бы картину, чего мне хотелось избежать. Нужно было только рассказать о последних проявлениях чувственности, как о предвестнике старости»¹⁷.

Эта цитата и авторские пояснения к ней подводят к пониманию важного, до сих пор мало изученного пласта — к роли межпоколенческого конфликта на рубеже веков. В наши дни борьба поколений практически всегда выливается в конфликт ценностей и критику культурных практик, поскольку состояние молодости (и это неперемнная черта современности) с ее экспансивной доблестью или многообещающими задатками вступает в противоречие с общепринятой или анахронической моралью старших. Многие современники интерпретировали книгу о Ракоци с точки зрения конфликта поколений. Марцали во всем обвинил культ декадентства и предложил отозвать Секфю из Вены, дав ему приват-доцентуру в Будапеште, с тем чтобы по возвращении домой «отошли на второй план те черты, которые побуждают писать об упадке, а не о созидании»¹⁸. По мнению Андяла, недостатком книги было то, что автор «по молодости своей не смог достаточно глубоко прочувствовать огромную боль последних разочарований старого Ракоци»¹⁹.

Внешне противоречивые ожидания на поверку оказывались консервативно-либеральными откровениями рационального поколения: одни, со свойственным им оптимизмом, призывали высвободить творческий потенциал, другие же, ссылаясь на недостаток опыта, советовали сделать ставку на мудрость. Литературный критик Аладар Шёпфлин (1872–1950) из прогрессивного журнала *Nyugat*, который безоговорочно принял книгу, ждал свойственных почтенному возрасту откровений не от молодого историка: «Эти добропорядочные люди, пожилые господа, неверно истолковали Секфю [...] Нынешнее поколение стариков обладает оптимистическим взглядом на вещи. Оно сжилось с той иллюзией, что лучше всего именно так, как это происходит в Венгрии, и подогнали под это венгерскую историю, историю венгерской литературы, а если смогли бы, та же участь постигла бы и философию. Современное венгерское поколение молодых обладает критическим умом, им свойственно недовольство, они лишены иллюзий, взгляд их не затуманен. Уже одним этим они представляют угрозу для поколения стариков, а кому такое понравится? В этом корень того, что в любой дру-

гой ситуации умные и добропорядочные венгерские старики никак не смиряются с нарисованным Секфю образом Ракоци»²⁰.

Поколенческая метафора Секфю служит для разрыва с обременительными традициями и прошлым. Современники совершенно верно уловили, что в книге о Ракоци целый ряд принципиальных суждений строится вокруг метафоры поколений. С одной стороны, старость делает видимыми гнет и упадок творческих сил: «Смерть короля [Людовика XIV] вызывала тем меньше сожалений, что его почти вековая исполинская личность давным-давно исполняла государевы функции ценой подавления многих молодых жизней»²¹. К тому же старость и старики воплощают в себе безуспешность, не имеющую будущего печаль: «Эти грустные фигуры прошлого были в большинстве своем стариками, которых любое воспоминание о былых успехах привязывало к прошлому, к эпохе Людовика XIV, и они не связывали с будущим никаких надежд [...] Вельможи, блиставшие при прежнем дворе, неотделимы от имени Ракоци»²².

Поколенческий конфликт является конструкцией: Секфю отказывает своему герою в производительном, творческом динамизме, поэтому князя необходимо было изобразить стариком. «В постоянно менявшемся, являвшем приметы будущего в дне сегодняшнем и безжалостно прощавшемся с прошлым мире Ракоци стоял как скала, неподвижность стала внутренней потребностью. Обломок окаменевшего прошлого...»²³ По завершении работы историк дает понять, почему потребовалось выпячивать конфликт поколений. Образы изгнания, старости и упадка позволили ретроспективно изобразить иллюзорную сущность ведущих идей Освободительной войны под предводительством Ракоци, без того чтобы автор прямо напал на культовую фигуру освободительных движений: «Когда единство нации было восстановлено, а старые раны затянулись, мощное национальное движение гордо обратилось к новым задачам, которые даже не снились детям прежних веков. Страдания Ракоци в изгнании не получили продолжения, из них не родилось никакой побудительной, влиятельной исторической силы [...] Он плыл по воле волн, которые, закрутив, выбросили бранные останки на берег, в то время как его товарищи с природной беспечностью спешили дальше, по делам, в не останавливаемом ни на минуту, вечном водовороте»²⁴.

КОНСЕРВАТИВНЫЙ МИФ БУРЖУАЗНОЙ ЖИЗНИ

Что помимо критики и деконструкции предлагает читателю книга «Ракоци в изгнании»? В чем состоит сформулированная в ней историко-политическая программа? Какие идеи развивал молодой, нарушавший табу историк вместо никчемного и смехотворного героизма изгнанников? Если проследить жизненный путь Секфю до последнего дня, мы увидим, что его герои — на самом деле антигерои, трагические примеры пессимистического взгляда на историю. О них — Ракоци, позднее трансильванском князе Габоре Бетлене, в конце концов, Кошуте — ученый написал полноценные монографии, в то время как биография Шандора Каройи — контраргумент «со знаком плюс» — осталась недописанной. Все персонажи не только антигерои, но и старики, по крайней мере

так изображает «Ракоци в изгнании» в начале карьеры молодой историк, а четыре десятилетия спустя, в качестве лебединой песни, создает большое эссе «Кошут в старости».

В 1913 г. Ракоци «словно дерево, в которое ударила молния, с оголенной кроной и сухими ветвями, стоял там, среди расцвеченных красками молодости быстрорастущих побегов». В 1952 г. Кошут «стоял один, словно дерево, застигнутое осенью, у которого вместе с плодами опали и листья, ветви обнажились, и само оно ждет наступления зимы»²⁵. В случае Ракоци даже вера была ему дана, чтобы «хранить от отчаяния и трезвой оценки ситуации»²⁶. В отличие от религиозных иллюзий и связанных с ними попыток уцепиться за прошлое, закон жизни — это обновление: «Мир вновь, как это бывало уже не раз, обновился, и старому пришла пора отмереть».

Однако прославление обновления и созидательной силы включается в систему консервативной мысли. На ироничных страницах книги о Ракоци засиял идеал немецкой образованной буржуазии (*Bildungsbürgertum*), вписанный в барочное общество XVIII в. Уже здесь проблескивает *toile de fond** той картины мира, которую Секфю столь изобретательно напишет спустя двадцать лет, в монументальной синтетической работе 30-х годов XX в. «Венгерская история». В изображении общества эпохи барокко многое заимствовано из вкусов и идей формирующегося в первой половине XIX в. (так называемый предмартовский период) стиля Бидермайер. Созданная Секфю условность «спокойной жизни» проявляется в бессобытийной, но отражающей верный рост картине быта XVIII столетия: «В то время по берегам Самоша и Тисы начали перенимать от немцев мастерство обжига кирпича, обмазывания стен глиной, возведения перекрытий. Новые здания теперь строили не на год-два, но на поколения вперед. Давно забытое ощущение мира и стабильности стало прочной основой для созидательных устремлений»²⁷.

Политический и интеллектуальный нонконформизм книги «Ракоци в изгнании», который некоторые левые радикалы ошибочно приняли за революционный жест, на самом деле был консервативной альтернативой изжившей себя романтике. Идеи, которые Секфю спроецировал на прошлое, не претерпели изменений и в дальнейшем. В не утерявшей своей притягательной актуальности «Венгерской истории» XVIII в. предстает в качестве некоего «образовательного романа» (*Bildungsroman*): «Барокко [...] впервые попыталось вместо борьбы словесий за власть предложить атмосферу спокойствия, равновесия сил, создать условия для мирного взаимодействия, и не случайно излюбленным словом эпохи стало “Мир”, не зря в числе подлинных земных целей человечества появляются “мир и спокойствие”»²⁸.

Не один год Секфю намеревался написать биографию Шандора Каройи, этого подлинного героя «Ракоци в изгнании», — куруцкого генерала, архитектора, проложившего дорогу к «новой мирной эпохе» Сатмарского мира с Габсбургам и зачинателя созидательной работы XVIII в., легшей в основу «венгерского барокко». Замысел, впрочем, как сказано выше, остался неосуществленным. Материала было достаточно, историк даже посвятил этому выступление на со-

брании Академии наук, но драма Второй мировой войны и последовавшая затем катастрофа 1944–1945 гг. отодвинули реализацию замысла на неопределенное время. Неизданная рукопись транслирует взгляды, сформировавшиеся в период работы над книгой о Ракоци: «Судьба оставленного один на один с самим собой Каройи, тысяч вверенных ему людей, всего куруцкого войска висела на волоске. Войско это в постоянно сужавшемся кольце более сильного противника день ото дня теряло былые единство и дисциплину, вместо национальных целей их заботили судьбы родных краев, общин, семей, пока не наступил тот решающий момент разложения, когда каждый спасал уже только свою шкуру, заботился только о своих близких и имуществе [...] Шандор Каройи не принадлежал к ленивым или медлительным венграм, за свою трудную жизнь он достиг всего, чего можно добиться собственным трудом [...] Взяв на себя заботы о стране, он колоссальным напряжением сил обеспечил мир на поколения вперед. Ракоци же, не думая о восстановлении мира и спокойствия, продолжал сражаться за общую свободу и независимость своей духовной жизни, чем показал венграм пример на все времена»²⁹.

Похоже, с годами Секфю стал «мягче» относиться к Ракоци. Уже не называл трагическим дон Кихотом, как в 1914 г., когда написал своему единомышленнику Шёпфлину, что таково его мнение о Ракоци, которое не рискует придать гласности³⁰. Ракоци для зрелого Дюлы Секфю — это пример «для каждого венгра». Итог вполне в духе историка. Как написал А. Гергей: «Секфю отдает пальму первенства архитекторам компромисса, но высоко ценит борцов, тех, кто в качестве исполнителей “хитроумных замыслов” хочет большего и тем самым приближает заключение компромисса. В венгерской истории Секфю есть место для куруцев, борцов за независимость, Ракоци, Кошута [...] Вот только будущее не за ними»³¹.

Первод с венгерского О.В. Хавановой

¹ О погребении и откликах в прессе см.: *R. Várkonyi Á. Visszatérés Európába. II. Rákóczi Ferenc és bujdosótársai hamvainak temetéséről // Magyar Tudomány. 2006. 6 sz. 1211–1221 old.*

² Детальное исследование о рецепции см.: *Dénes I.Z. A “realitás” illúziója. A historikus Szekfű Gyula pályafordulója. Bp., 1976. 90–138. old.*

³ *Riedl F. A kuruc balladák // Irodalomtörténet. 1913. 417–452. old.; Ady E. Thaly Kálmán regénye // Nyugat. 1913. 12. sz. 933. old.* О литературе, посвященной этой дискуссии, и об интерпретации сути скандала см.: *Szentpéteri M. Javaslat Thaly Kálmán rehabilitálására // Iskolakultúra. 2001. 4. sz. 9–23. old.*

⁴ *Szerb A. A kuruckori költészet // A trubadúr szerelme. Könyvekről, írókról 1922–1944. Bp., 1997. 153–154. old.*

⁵ *Thaly K. Adalékok a Thököly- és Rákóczi-kor irodalomtörténetéhez, Pest, 1872. II. köt. 215–216. old.*

⁶ *Szerb A. Op. cit. 155. old.*

⁷ *Márki S. II. Rákóczi Ferentz. Bp., 1907. I. köt.*

⁸ *Angyal D. Ocskay // Budapesti Szemle. 1882. 161–202. old.*

* *Toile du fond* — фон (фр.). (Прим. перев.)

- ⁹ *Idem.* Adalékok II. Rákóczi Ferencz törökországi bujdosása történetéhez // Századok. 1905. 39. évf. 3. sz. 197–222. old.
- ¹⁰ *Idem.* Késmárki Thököly Imre, 1657–1705. Bp., 1888. I. köt. 55–56. old.
- ¹¹ Письмо Д. Секфю к Ф. Ридлю цит. по: *Dénes I.Z.* Op. cit. 53. old.
- ¹² *Szekfű Gy.* A száműzött Rákóczi. Bp., 1913¹, 1993². 292–293. old.
- ¹³ *Ibid.* 81. old.
- ¹⁴ *Ibid.* 121. old.
- ¹⁵ *Ibid.* 161. old.
- ¹⁶ *Ibid.* 32. old.
- ¹⁷ Письмо Д. Секфю к Ш. Домановски, 7 III 1914 см.: МТАК К. Ms 4527/267.
- ¹⁸ *Dénes I.Z.* Op. cit. 67. old.
- ¹⁹ *Dénes I.Z.* Op. cit. 68. old.
- ²⁰ *Schöpflin A.* Aforizmak a Szekfű-ügy körül // Nyugat. 1916. 9. sz. 503–508. old.
- ²¹ *Szekfű Gy.* A száműzött Rákóczi. 11. old.
- ²² *Ibid.* 15. old.
- ²³ *Ibid.* 291. old.
- ²⁴ *Ibid.* 293. old.
- ²⁵ *Szekfű Gy.* Az öreg Kossuth // Emlékkönyv Kossuth Lajos születésének 150. évfordulójára / Szerk. Z. Tóth s. tb. Bp., 1952. II. köt. 341. old.
- ²⁶ *Szekfű Gy.* A száműzött Rákóczi. 212. old.
- ²⁷ *Ibid.* 78. old.
- ²⁸ *Homan B., Szekfű Gy.* Magyar történet. Bp., 1935⁶. IV. köt. 374. old.
- ²⁹ *Czigány I.* Egy kiadatlan akadémiai székfoglaló. Szekfű Gyula Károlyi és Bercsényi a szatmári béke előtt // HtK. 1990. 2. sz. 144–147. old.
- ³⁰ Письмо Д. Секфю к А. Шёпфлину, Вена, 17.II.1914, цит. по: Schöpflin Aladár összegyűjtött levelei. Pécs, 2004. 139. old.
- ³¹ *Gergely A.* Németh László vitája Szekfű Gyulával // Valóság. 1983. 1. sz. 60. old.

B. Vörösi

ПРОПАГАНДИСТСКИЕ ИЗМЫШЛЕНИЯ 1940–1950-х гг. О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ КНЯЗЯ ФЕРЕНЦА II РАКОЦИ И ЦАРЯ ПЕТРА I*

Во время противостояния СССР и Германии в годы Второй мировой войны в пропаганде выступавших на стороне Советского Союза венгерских коммунистов, направленной на венгерский тыл, солдат и военнопленных, сражавшихся на стороне Вермахта, важная роль отводилась «антинемецким» венгерским традициям борьбы за независимость. Среди них особое место занимала освободительная борьба под предводительством Ференца II Ракоци, а самого князя превозносили как героя. Так, в передаче «Ференц Ракоци — Лайош Кошут», которая прозвучала 28 марта 1943 г. в эфире вещавшего из СССР «Радио им. Кошута» (*Kossuth Rádió*), давалась следующая оценка двух лидеров: «Разве случайно, что каждый венгр видит в этих двух гигантах олицетворение венгерского гения? [...] Ракоци и Кошут доказывают, что у венгерского народа один древний враг, а именно немец, что так называемая общность судеб и общность интересов венгров и немцев является частью империи исторической лжи, что истинная, смертельная угроза национальному и государственному существованию венгров всегда исходила не с Востока, а с Запада, не из России, а из Центральной Европы». Судя по тексту, Ракоци считал, что «против германского угнетения следует выступить вместе с врагами Германии: против Центральной Европы в союзе с Западной и Восточной Европой, т. е. с Францией и Россией»¹. На страницах издававшейся в СССР газеты венгерских военнопленных *Igaz Szó* («Правдивое слово»), в номере за 30 ноября 1943 г. — в статье «Отношения венгерского и русского народа в прошлом и настоящем» — венгерский коммунист-эмигрант Бела Фогараши (1891–1959) среди прочего рассматривал вопрос, как относились русские к освободительной борьбе под предводительством Ракоци: «Россия не только ни разу не выдвинула территориальных претензий по отношению к Венгрии, но и оказала поддержку венгерской нации на одном из самых славных этапов ее освободительной борьбы. Петр I, выведший Россию на путь современного европейского развития, признал *Ференца II Ракоци* и направил к нему высокопоставленного посла в лице князя Долгорукого** , а также оказал ему солидную финансовую помощь»².

* Выражаю признательность за помощь, оказанную при написании данной статьи, Агнеш Р. Варкони, Ильдико Йозан и Шандору Гебеи.

** По всей вероятности, речь идет о Григории Федоровиче Долгорукове. (*Прим. перев.*)

ВЫМЫСЕЛ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ БЕЛЫ ИЛЛЕША И ЕГО КОЛЛЕГ

Из вышеупомянутых элементов пропаганды некоторые, а именно: использование освободительной борьбы во главе с Ракоци как традиции выдающегося значения в актуальной борьбе против Германии, изображение пророссийской ориентации венгерского руководителя и его поддержки со стороны царя Петра I — стали частью вымысла о венгерской освободительной борьбе XVIII в., автором которого был венгерский коммунист-эмигрант, писатель Бела Иллеш (1895–1974)³, в качестве офицера Красной армии работавший в сфере советской военной пропаганды. Значительная часть событий XVIII в., представленных им в различных вариациях в 1940–1950-е гг., получила отражение в его произведении «Пастушеский костер на Верховине», опубликованном в газете *Igaz Szó* 25 апреля 1944 г.⁴ Как уроженец Кашши, детство которого прошло на северо-востоке Венгрии, Иллеш был знаком с ракоцианской традицией. Описывая поддержанную Россией освободительную борьбу XVIII в., писатель стремился поместить совместную с Красной армией борьбу «против немцев» в исторический контекст. По всей вероятности, ради исторической аналогии, преследующей пропагандистские цели, автор — без указания источников информации — утверждал, что Петр I поддерживал венгерскую освободительную борьбу уже на ее начальном этапе, в 1703 г. По словам Иллеша, бежавшего в Польшу Ракоци «в Кракове постигло большое разочарование. Польский король пообещал ему, что там его будут ждать 70 тыс. готовых последовать за ним в Венгрию солдат, а также 800 тыс. фт. золотом на неотложные нужды освободительной борьбы. Обещание осталось обещанием. В Кракове Ракоци нашел лишь 46 русских артиллеристов (направленных туда русским царем Петром Великим) и 7 тыс. фт. золотом — дар Петра. Начать войну с немцем, имея 46 солдат и 7 тысяч флоринов, было смелым решением. Но Ракоци знал, что его ждут, знал, что венгерский народ хочет и умеет сражаться за свободу». В статье утверждалось, что Ракоци вместе с 46 русскими артиллеристами перешел Верецкий перевал, после чего предполагалось заночевать «в уединенном стоящем доме, в “Красной корчме”». Но не только народу было известно, что приближается освободитель, знал это и немец. “Красную корчму” около полуночи окружили немцы в тяжелых доспехах. Русские артиллеристы храбро бились, но им пришлось сражаться с многократно превосходящими силами противника. Уже последний русский истекал кровью, получив множественные ранения», когда Ракоци удалось бежать с места сражения. Долго бродил он по лесу в одиночестве, пока не встретил бойцов Тамаша Эсе*, а потом и его самого — и тогда началась освободительная борьба.

В вымысле о той помощи, которую Россия оказала освободительной борьбе во главе с Ракоци, Иллеш задействовал вполне реальных исторических лиц: Ференца II Ракоци и царя Петра I. Как следует из содержания процитированной выше передачи «Радио им. Кошута» и статей в *Igaz Szó*, для венгерской коммунистической пропаганды 1940-х годов в СССР это были выдающиеся исторические деяте-

* Тамаш Эсе (1666–1708) — бригадир куруцев, родом из крепостных крестьян, один из инициаторов крестьянского восстания на северо-востоке Венгрии, переросшего в антигабсбургскую Освободительную войну 1703–1711 гг. (Прим. перев.)

ли, а царь Петр I, кроме того, входил в состав советского сталинского пантеона⁵. Предъявление этих фигур общественности служило для того, чтобы придать вымыслу убедительность. В тех же целях был сочинен сюжет, как Ракоци, невзирая на неблагоприятные обстоятельства, всё же решил отправиться в Венгрию и начать освободительную борьбу, так как знал, что там его ждут повстанцы. Этот эпизод созвучен следующему отрывку из мемуаров Ракоци: «Я прекрасно осознавал, что воодушевление народа не может длиться долго, и после того, как стихнет первое пламя, второе уже не будет иметь такой силы. Я подумал, что народ, восставший в надежде на мою помощь, хотя и поступил безрассудно, но если будет разгромлен, общественное мнение обвинит меня: почему я его оставил?»⁶.

Утверждение, содержащееся в статье, будто Ракоци вступил на территорию Венгрии через Верецкий перевал, соответствует данным многих исторических научных работ⁷. Описания, представляющие русских артиллеристов, однако, прямо противоречат не только мемуарам Ракоци и другим источникам начального этапа освободительной борьбы, но и научным трудам историков, использовавших эти источники⁸, что могло облегчить разоблачение этой фикции. Иллеш представил свой вымысел таким образом (все артиллеристы погибли, защищая Ракоци) не просто из-за того, что хотел подчеркнуть готовность русских жертвовать собой в интересах венгерской свободы и тем самым популяризировать русских и советских солдат, но и потому, что не мог не понимать: если бы он описал, как эти артиллеристы принимали участие в развернувшейся освободительной борьбе, знакомые с историей читатели могли бы заметить, что никогда ранее не встречали подобной информации, а это, в свою очередь, могло бы повлечь за собой разоблачение фикции и снижение доверия к распространяющей такие сведения пропаганде⁹. В интерпретации Иллеша роль этой небольшой группы солдат была чрезвычайно важной: если бы они не защитили Ракоци, даже ценой собственной жизни, то «немцы» схватили бы его, после чего, вероятно, и освободительная борьба не началась бы. Приведенный автором, но не соответствующий действительности исторический эпизод об обещанной, но не оказанной значительной помощи поляков был вполне пригоден для того, чтобы читатели по достоинству оценили подарок Петра I: царь каким-то образом всё же поддержал освободительную борьбу Ракоци.

Вариант своего вымысла, увидевшего свет в газете *Igaz Szó*, Бела Иллеш опубликовал в статье «Пастушеские костры на вершинах Карпат», вышедшей в номере газеты *Magyar Újság* («Венгерская газета») от 26 сентября 1944 г., которую он в качестве ответственного редактора выпускал для военнопленных и венгерских солдат, сражавшихся против Красной армии, а также для населения Венгрии¹⁰. Фикция 1944 г. получила дальнейшее развитие в начале следующего года в статье Б. Иллеша «Ракоци и русские», состоявшей из пяти частей. Она была опубликована 6 февраля 1945 г. в газете советской армии в Венгрии — *Új Szó* («Новое слово»), главным редактором которой был тот же Иллеш¹¹. Текст начинается с критики венгерских историков, выступавших в духе самых разных политических идей¹²: «Официальная венгерская историческая наука последовательно замалчивала тот факт, что Ференц Ракоци с 1703 по 1711 г. поддерживал постоянные контакты с русским царем Петром Великим (Петром I) и что русские систематически оказывали Ракоци помощь артиллерией, офицерами,

а временами и деньгами. Венгерские историки, стоящие на службе габсбургского империализма, разумеется, замалчивали то, что *Петр Великий поддерживал венгерскую освободительную борьбу*. Поэтому было бы обоснованным, чтобы историки, желающие защитить венгерский народ от роли наймита, а затем и жертвы немцев, во всей полноте осветили отношения русских и Ракоци¹³. В отличие от утверждений, содержащихся в статьях 1944 г., Петр I, согласно этому тексту, оказал поддержку борьбе Ракоци не только одновременно, в 1703 г., но и позднее, в ходе освободительной борьбы. С источниками, имеющими к этому отношение, Иллеш ознакомил читателей во введении к своей работе: «Настоящая статья написана на основе лишь малой толики документов того времени, на основе писем Ракоци к Петру Великому и дневников русского офицера-артиллериста Егора Морозова, дошедших до нас фрагментарно. (Морозов по поручению Петра Великого неоднократно приезжал с посольством к Ракоци.) Эти важные документы находятся в Ленинграде, в Военно-историческом музее». В реальности описанных Белой Иллешем, но на самом деле выдуманных документов (а также изображенных на их основе событий) должно было убедить читателя не только то обстоятельство, что автор статьи давал ссылку на место нахождения этих «источников», но и критика, прозвучавшая в адрес венгерских историков. Выходило: общественность ничего не знала об этих аспектах отношений Ференца II Ракоци и Петра I, потому что никто из историков, придерживающихся самых разных политических взглядов, не работал с этими источниками и не предъявил их читателю. Последнее однозначно указывает на актуально-политическое значение этой исторической темы.

Далее Иллеш излагал и цитировал «письма» Ракоци Петру I, первое из которых, по утверждению автора, было написано «в 1703 г., непосредственно после бегства [Ракоци. — Ч.Ж.] из Винер-Нойштадта». В этом письме Ракоци «информировал царя о том, что “все народы Благородного Королевства Венгрия” готовы взять в руки оружие против главного врага свободы народов, против германского императора», а также просил у царя помощи — денег, оружия, офицеров — и разъяснял, что «опасность, которая грозит Венгрии окончательной гибелью, после уничтожения страны станет угрозой и для остальных народов Восточной Европы, так как “голод немца неутолим”. По мнению Ракоци, срыв захватнических планов немцев на востоке соответствует общим интересам русского и венгерского народа». Иллеш утверждал: Ракоци в последующих письмах благодарил царя за помощь. Однако при этом намекал: оказанная поддержка ценна, но недостаточна. Далее в статье, опубликованной в газете *Új Szó*, говорится, что Ракоци «в 1706 г. написал письмо, в котором вновь подробно изложил свою политическую программу. Он призывал к скорейшему объединению народов Восточной Европы и развивал мысль: *Венгрия призвана быть западным форпостом восточноевропейских народов, защищающих свою свободу от немецких завоевателей*».

В этой части статьи следует обратить внимание на то место, где — по Иллешу — Ракоци уже непосредственно после бегства обращается за помощью к Петру I. Этот момент, вероятно, должен был дать почувствовать читателю важность отношений с Россией. Как и в сочинениях 1944 г., в статье, опубликованной на страницах *Új Szó*, важным мотивом является антигерманская составляющая, но

в данном случае обнаруживается весьма своеобразное отличие. В «письме» 1703 г. Ракоци указывал на «германского императора» как на «главного врага свободы народов», который в этом контексте являлся также врагом собственных подданных. Тем самым — подобно другим проявлениям направленной на венгров советской пропаганды периода Второй мировой войны¹⁴ — Иллеш однозначно давал понять: истинным врагом является правитель (а также «господствующий класс», группа руководителей), но не угнетаемый ими народ, которого используют в завоевательных войнах. Таким образом, «все народы Венгерского королевства» объединяются в борьбе против монарха-завоевателя. Тем самым автор статьи, исключая всякую двусмысленность, указывал на «прогрессивный» характер освободительной борьбы во главе с Ракоци — угнетенные народы сражаются сообща (без национальных различий!) против правителя-угнетателя.

В представленном Иллешем «письме Ракоци» 1706 г. стоит обратить внимание на то, что там — как и в передаче на «Радио им. Кошута» 28 марта 1943 г.¹⁵ — предлагалось объединение восточноевропейских народов в борьбе против немцев, а Венгрии предназначалась роль своеобразного бастиона, но с функцией, прямо противоположной той, которая ей ранее неоднократно отводилась, в том числе в антибольшевистских заявлениях политиков периода Второй мировой войны или в пропаганде¹⁶. Согласно новой концепции, Венгрия являлась бастионом не вообще Запада и не германского мира, обеспечивающим защиту с Востока, но бастионом Востока против Запада, конкретнее, против немецких захватчиков. В глазах тех, кто внимательно изучал освободительную борьбу во главе с Ракоци, данная деталь вымысла могла даже показаться убедительной, потому что еще Шандор Марки в книге «Союз царя Петра Великого и Ференца II Ракоци в 1707 г.» (1913) приводил документы, где вождь венгерской освободительной борьбы, обращаясь к царю, высказывал соображения, созвучные мыслям, сформулированным в письмах, «процитированных» в статье Иллеша. В 1707 г. князь отправил к Петру I Шандора Недечки, и данные ему подробные инструкции включали в себя план того, как русскому царю повернуть «оружие против Австрии, которая всегда будет ему неверна, в чем он сможет убедиться и на сей раз. После победы пусть даст Венгрии нового короля, и она, как никакая другая страна, окажет ему большую помощь в основании восточной империи»¹⁷.

В третьей части статьи из газеты *Új Szó* Иллеш вновь изложил фигурировавшую в его работах 1944 г. историю об обещанной, но так и не полученной от поляков помощи, артиллеристах (упомянув, что — теперь уже офицеров — было 46) и золоте Петра I, прибытии Ракоци в Венгрию и бое между русскими и немцами. По сравнению с двумя предыдущими статьями размер помощи поляков — для придания, по-видимому, весомости относительно скромной «поддержке» русских в 1703 г. — автор увеличил здесь до максимума: «Польский король пообещал ему всё. Ракоци полагал, что в Кракове его ожидает огромная сумма денег и большая польская армия, необходимая для начала венгерского похода». В статье также говорилось, что «российские артиллеристы все до одного погибли в бою, защищая венгерскую свободу». По тексту, Ракоци удалось спастись от нападавших, часами он блуждал по лесу, пока не встретил Тамаша Эсе. По поводу этой встречи Иллеш утверждал: «Русский офицер-артиллерист описывает этот эпизод драматически».

Этим высказыванием в отличие от двух предыдущих работ автор внес важное изменение в свой вымысел: указал на источник — «дневник» никогда не существовавшего офицера-артиллериста. Данное описание вызывает вопросы не только потому, что противоречит другим свидетельствам, освещающим возвращение князя в Венгрию («Мемуарам» и «Исповеди» Ракоци), а также научным трудам, в которых данные события рассматриваются в контексте соответствующих документов, но и из-за того, что само иллешевское изложение весьма противоречиво. Согласно утверждениям Иллеша, дневник написан офицером-артиллеристом Морозовым, но автор статьи также заявляет, что Ракоци перешел Карпаты с 46 офицерами-артиллеристами, каковые все до единого погибли в бою с немцами, т. е. должен был погибнуть и автор дневника. Статья не дает ответа на вопрос: Ракоци и Морозов спаслись от нападавших вместе или же плутали по лесу порознь и по отдельности встретились с Тамашем Эсе? Представляется маловероятным, чтобы русский офицер оказался в лагере Эсе еще до прибытия Ракоци и таким образом стал бы свидетелем их встречи.

В следующей части своей статьи 1945 г. Иллеш излагал и цитировал «записи из дневника» Морозова. Судя по тексту, этот офицер-артиллерист с большим удовлетворением констатировал, что Ракоци не делает различий между своими венгероязычными и невенгероязычными солдатами, а бойцов из крепостных ценит не ниже, чем воинов дворянского происхождения. Автор дневника в то же время дает понять, что сражающиеся в армии куруцев венгерские господа ненавидят немцев меньше, чем крепостных воинов — борцов за свободу: немцы ведь посягают «лишь» на независимость Венгрии, а босяки-пехотинцы положили глаз на земли венгерских помещиков. Морозов расценил, что между бойцами-крепостными разных национальностей царило согласие и это повышало боеспособность армии, но никак не могло понравиться венгерским генералам, которые, используя методы немцев, старались стравить друг с другом малые народы, чтобы господствовать над ними. Согласно статье, «Морозов принял политический замысел Ракоци и рассматривал Венгрию как форпост (защищающихся против немецкой агрессии) народов Восточной Европы», но в то же время считал, что венгерские помещики, за исключением Берчени, эту концепцию не совсем понимают, да их и не особенно интересуют политические представления вождя освободительной борьбы. Автор дневника писал о Ракоци, что тот «“на голову выше” своих генералов и политиков. Видит много дальше них и несравнимо более бескорыстен». По мнению Морозова, среди куруцев не было руководителей, кто мог бы сравниться с князем, притом, что с ним и с несколькими вождями примерно такого же калибра, «с десятком маленьких Ракоци», можно было бы вытеснить немцев из Венгрии.

В конце этой части статьи Иллеш излагал и цитировал общую оценку Морозовым венгерских помещиков: «В 1712 г. Морозов писал, что Ракоци был побежден не немцем, а политической близорукостью и безграничным эгоизмом венгерских господ. “Если венгры не найдут лучших и более бескорыстных руководителей, то немец сожрет Венгрию с потрохами”. Этим предсказанием заканчивается дневник Морозова». Здесь вымышленный документ явно должен был продемонстрировать читателю: в начале XVIII в. не венгерские помещики, развивавшие деятельность при войсках куруцев, а именно посланец и представитель

России, поддержавшей венгерскую освободительную борьбу, понял и правильно оценил «прогрессивные» внутривнутриполитические и внешнеполитические взгляды, устремления Ракоци (последние — вместе с Берчени). Политической близорукости и эгоизму венгерских господ Морозов противопоставлял бескорыстие Ракоци и его способность к стратегическому мышлению в политике, что позволяло читателю почувствовать разницу между качествами военно-политической элиты куруцев и дарованиями выдающегося лидера освободительной борьбы.

Стоит обратить внимание на то, что Иллеш, публикуя различные варианты своего вымысла — по всей вероятности, в зависимости от актуальных аспектов нацеленной на венгров советской пропаганды¹⁸, — всё увеличивал меру ответственности «венгерских господ» за поражение освободительной борьбы под предводительством Ракоци. В апреле 1944 г. в газете *Igaz Szó* он писал лишь следующее: «Ракоци был побежден немцами и — предательством»¹⁹, в сентябре в статье, опубликованной в *Magyar Újság*, указал на предателей: «помещики продали Ракоци» немцу²⁰, а в начале 1945 г. — пусть и не в качестве собственного мнения, а как бы знакомя читателя с позицией (никогда в действительности не существовавшего) автора дневника, — уже утверждал: не немцы положили конец освободительной борьбе, в основе поражения была неправильная политика венгерских помещиков. В этом месте предьявление придуманной фигуры, изложение ее позиции потребовалось, по всей вероятности, отчасти и потому, что Иллеш полагал: автору XX в. в статье на историческую тему было бы нецелесообразно обнародовать мнение, которое серьезно противоречило бы историческим исследованиям, посвященным причинам неудачи освободительной борьбы. Ведь в этом случае достоверность представленной картины, а вместе с тем и действенность всей пропаганды могла уменьшиться. А отчасти, вероятно, и потому, что предсказание, которым завершается дневник вымышленного персонажа, Иллеш в начале 1945 г. хотел адресовать венгерскому читателю своего времени как своеобразное предупреждение. Однако, представив это предсказание как мнение русского офицера, «правильно» оценивавшего различные моменты освободительной борьбы во главе с Ракоци, автор давал понять целевой аудитории, что как в XVIII в., так и в годы Второй мировой войны интересы венгров правильно понимают именно высшие руководители России и соответственно СССР (эти взгляды получили отражение на страницах *Új Szó*), и тем самым стремился повысить эффект от распространения своих идей.

В глазах тех, кто был знаком с научными исследованиями по истории освободительной борьбы, фиктивные элементы, изложенные в этой части статьи, обретали некоторую убедительность в силу того, что оценки личности и деятельности Ракоци, данные многими профессиональными историками, во многом совпадали с высказываниями Морозова. Так, например, в книге Арпада Марко «Ференц II Ракоци 1676–1735», изданной в 1935 г., содержится следующая констатация об отношении лидера освободительной борьбы к сражавшимся в его армии солдатам разной национальной принадлежности: «Национальный вопрос в своей армии Ракоци тоже решил идеально, так как никогда не делал различий между теми, кто со знанием дела, с одинаковым воодушевлением и преданностью служил делу нации»²¹. В четвертом томе «Венгерской истории» (1943) Дюла Секфю оценивал личность и лидерские качества Ракоци следующим образом:

«Решения не выпускал, да и не мог выпустить из своих рук, ведь он единственный умел учитывать все материальные и духовные ресурсы венгерского восстания [...] Бескорыстие Ракоци вытекало не из скуки, которой подвержены очень богатые люди, а было качеством, проросшим из самых сокровенных тканей его души [...] Ференц Ракоци не мог уже и представить большего оскорбления, как если бы было затронуто его полное и абсолютное бескорыстие в материальных и политических делах»²². Правдоподобие вымысла в этой части усиливалось тем, что Иллеш представил здесь Берчени как человека, воспринявшего концепцию Ракоци, касающуюся Восточной Европы, а это, в свою очередь, соответствовало в том числе и утверждению Дюлы Секфю в вышеупомянутой работе: «Связи с русскими поддерживал вообще-то Берчени, который с самого начала с презрением относился к надеждам, возложенным на французов, и скорее ждал многого — и даже всего — от турок, а позднее от русских»²³.

В последней и по сравнению с предыдущими наиболее краткой части статьи в газете *Új Szó* предметом рассмотрения Иллеша — по всей видимости, в качестве антитезы эгоизму, исторической и политической близорукости «венгерских господ» — вновь стал вопрос поддержки, оказанной царем Петром I освободительной борьбе во главе с Ракоци: «На основании одной учетной ведомости (также хранящейся в Ленинграде) можно определить, что Петр Великий в 1703–1710 гг. девятнадцать раз посылал Ракоци артиллеристов и два раза пушки. В ведомости, однако, не указано число отправленных офицеров и количество пушек»²⁴. Вымышленный документ и на этот раз понадобился явно для того, чтобы содержащаяся в нем информация о помощи Петра I выглядела достоверной²⁵.

В отличие от статей 1944 г., где большое внимание уделялось актуальной проблеме борьбы с немцами, этот текст — на что указывал уже сам заголовок: «Ракоци и русские» — был посвящен российским связям венгерской освободительной борьбы XVIII в. При этом по сравнению с вышеуказанными работами здесь сообщалось о значительно более существенной помощи царя. Ради того, чтобы эффектно подать эти связи, Иллеш писал о документах, которые в действительности никогда не существовали, и даже цитировал их, что, несомненно, должно было придать убедительности вымышленным лицам и событиям. В сконструированной таким образом фикции автору статьи удалось представить масштабную антинемецкую внешнеполитическую концепцию Ракоци, различные эпизоды российской помощи, а также — излагая и цитируя мнение никогда не существовавшего Морозова — признание россиянами заслуг Ракоци и критику венгерской военной и политической элиты. Вероятно, в первую очередь это было необходимо для предвосхищения в прошлом исторической легитимации «советско-венгерских добрых отношений», ставших актуальными в 1945 г., и чтобы подчеркнуть ответственность политической элиты хортистской эпохи за поражение во Второй мировой войне.

Повествуя о русских офицерах, действовавших в интересах венгерской освободительной борьбы, Иллеш, по всей видимости, стремился добавить популярности солдатам Красной армии среди населения побежденной ими и страдающей от их притеснений Венгрии²⁶. Вымысел мог показаться правдоподобным из-за того, что в нем были задействованы реальные исторические персонажи: Петр I, Ференц II Ракоци (связи между ними и вправду существовали),

Тамаш Эсе. В то же время именно использование этих фигур помогло разоблачить фикцию. Ведь как раз в силу их исторической значимости имеется много источников и, следовательно, солидное количество научных исследований об их личности и деятельности, а сведения из вымышленных документов часто противоречат этим работам. (Эту проблему, однако, явно не решило то, что Иллеш, наверное, ради придания убедительности своим выдумкам, попытался в начале статьи дискредитировать историческую литературу по освободительной борьбе во главе с Ракоци.)

По сравнению с работой Бела Иллеша 1945 г. значительно решительнее указал на актуально-политические аспекты изображения контактов Ференца II Ракоци и Петра I журналист Аурел Карпати (1884–1963) в статье «День рождения Ракоци», опубликованной в газете *Új Szó* 27 марта 1945 г.²⁷ Автор статьи утверждал: «Ракоцианские традиции в наши дни являются более живой и более актуальной ценностью для венгров, чем когда бы то ни было». Далее он заявлял: «Великославянская помощь в нынешней освободительной борьбе венгров против Германии — такой же повторяющийся мотив, как и во времена освободительной борьбы во главе с Ракоци». В связи с этим Карпати использовал в своей статье различные элементы вымысла Б. Иллеша и даже развил их, когда писал о личности Морозова, характеризуя того как «бравого русского офицера-артиллериста». В конце работы автор снова подчеркнул актуальность рассмотрения связей XVIII в.: «Сегодня, когда Красная армия Советского Союза принесла венграм освобождение от немецко-фашистской тирании, об этом не помешает напомнить венграм в год 269-летия со дня рождения Ракоци».

Карпати, таким образом, расценивал различные вымыслы на тему истории XVIII в. как некую предпосылку для «добрых советско-венгерских отношений» XX в., так же как и Бела Иллеш и Бела Фогараши, которые в предисловии от 20 октября 1945 г. к сборнику «Венгерско-русские исторические связи» (изданному Венгерско-советским обществом культуры и содержащему статьи по этой тематике, в том числе работу главного редактора *Új Szó* «Ракоци и русские»²⁸), однозначно занимались созданием системы традиций «советско-венгерской дружбы», заявляя в начале своей работы: «Статьи, объединенные нами в эту брошюру, говорят о прошлом, но обращаются к настоящему».

О чем говорится в этих статьях? Среди прочего «о том, что дружеские связи русского народа и венгерского народа, Советского Союза и самостоятельной, демократической Венгрии, имеют свои *исторические традиции*»²⁹. В то же время Иллеш и Фогараши, развивая мысли, изложенные в более ранних работах³⁰, сочли необходимым указать на то, почему эти традиции неизвестны широкой публике в Венгрии: «Эти традиции, однако, были забыты. Господствующие классы Венгрии, приспешники германского империализма, тщательно скрывали от венгерского народа русско-венгерские исторические связи, замалчивали их или же представляли в абсолютно ложном свете. А у борцов за венгерскую демократию и прогресс не было возможности узнать позицию русской демократии по венгерскому вопросу. Поэтому они не могли разоблачить ложь и фальсификации прогерманской антироссийской пропаганды». Но в отличие от работы Фогараши 1943 г.³¹ и статьи Иллеша 1945 г.³² в предисловии к сборнику авторы подвергли критике не представителей различных исторических школ, а непосредственно

деятельность политических сил, давая, между прочим, объяснение и тому, почему в этой сфере не могли добиться успеха представители политических — и не только историографических — направлений, наиболее заинтересованных в том, чтобы позитивные моменты венгеро-русских связей стали достоянием общности. С учетом этого авторы сформулировали значение сотворения актуальных традиций так: «Сегодня, когда Венгрия порвала с проклятой германской ориентацией, когда с помощью Красной армии вновь обрела национальную свободу, важно как никогда, чтобы идея искренней дружбы с СССР опиралась на исторический фундамент, на правильное понимание прошлого. Именно поэтому стряхиваем мы пыль забвения с древних памятников венгеро-русских связей, именно поэтому делаем достоянием венгерского читателя неизвестные ему ранее факты, документы, цитаты [!].»

Изучение венгерско-русских исторических связей открывает новую главу в венгерской духовной жизни. Наше глубочайшее убеждение, что эти исследования могут принести неоценимую пользу делу демократической венгерской культуры»³³. Вымысел о русских связях Ракоци, а также текст Иллеша, в котором излагается этот вымысел (автор в отличие от Аурела Карпати, опубликовавшего статью «День рождения Ракоци», не дал в своей работе объяснения, какую конкретно актуально-политическую цель он преследовал своей статьей), в контексте сборника получили своеобразную каноническую трактовку³⁴, которая и в последующие десятилетия оставалась определяющей. Именно тогда эта фикция стала исторической предпосылкой «советско-венгерской дружбы» XX в., традицией, предвосхитившей и легитимировавшей эти связи. Этому вымыслу в книге придавало правдоподобие не только предисловие, где осуждалось манипулирование историей со стороны обанкротившихся господствующих политических групп и, напротив, подчеркивалась несомненная истинность новых данных, приведенных Иллешем и Фогараша, но и то, что абсолютно нереальные фигуры (Морозов, вставшие на защиту Ракоци офицеры-артиллеристы) и фиктивные источники (письма Ракоци, дневники Морозова) фигурировали вперемежку с реальными историческими лицами (с Петром I, Ференцем II Ракоци, Тамашем Эсе, а в этом сборнике, напр., и с А.И. Герценом) и настоящими документами (например, мемуарами Герцена).

Таким образом, этот вымысел Б. Иллеша стал специфическим развитием одной из главных венгерских исторических традиций, использованных в анти-немецкой пропаганде периода Второй мировой войны венгерскими коммунистами в СССР, а именно — традиции освободительной борьбы во главе с Ракоци. Автор, опираясь на нее, стремился популяризировать русских, а изображая артиллеристов, при защите Ракоци пожертвовавших жизнью ради венгерской свободы, — главным образом солдат, пытаясь при этом доказать населению проигравшей в войне Венгрии, подверженному в предыдущие десятилетия массовой антисоветской пропаганде³⁵ и страдающему от притеснений армии советских «освободителей», что русские уже и раньше оказывали поддержку венгерским освободительным движениям. Иллеш стремился при помощи фиктивной исторической аналогии обосновать формирующиеся «советско-венгерские дружеские связи»³⁶.

Историческим традициям «советско-венгерской дружбы» была посвящена работа Э. Ептицына, напечатанная 15 марта 1947 г. в юбилейном номере газеты

Új Szó по случаю 99-летия венгерской революции 1848 г. Автор уже в самом начале статьи четко сформулировал вопрос и сам же ответил на него: «В эти наполненные борьбой дни юной венгерской демократии, когда дружба СССР и самостоятельной, демократической Венгрии приобретает всё большую глубину и широту, с полным основанием возникает вопрос: идет ли речь лишь о конъюнктурной дружбе или о дружбе, основанной на исторических традициях? История дает ответ: эта дружба имеет свои *традиции, корни которой уходят в глубь веков*». В доказательство Ептицын приводил множество примеров, начиная со Средних веков вплоть до XX в., констатируя при этом: русско-венгерская «дружба с особой силой проявилась в период освободительной борьбы под предводительством Ракоци». Автор проиллюстрировал это, используя статью Б. Иллеша 1945 г., причем не только рассказал о событиях, которых никогда не было, но и привел отрывки из работы Иллеша. В статье Ептицына также осуждались историки, замалчивавшие связи руководителя венгерской освободительной борьбы и русских, рассматривались «Записки» Морозова и помощь со стороны России, излагалась внешнеполитическая концепция Ракоци, а также — в связи с акцентированием исторического значения Петра I — по сравнению с рассмотренными выше текстами несколько видоизменялась, получая дальнейшее развитие, сама фиктивная история: «Великий строитель государства, Петр Великий в целом осознал значение освободительной борьбы во главе с Ракоци *и самостоятельной, независимой Венгрии* и разделял мнение Ракоци, что Венгрия призвана быть западным форпостом восточноевропейских народов, защищающих свою свободу от немецких завоевателей»³⁷. Та сюжетная линия, что великий царь полностью разделял концепцию Ракоци о союзе восточноевропейских народов в борьбе против немецких захватчиков и поддержал венгерскую освободительную борьбу, в данной статье может считаться доказательством исторически добрососедских отношений русского и венгерского народов. Эта выдумка и в данном случае служила исторической легитимации «советско-венгерской дружбы» XX в. Фикция начинала походить на правду не только благодаря тому, что Ептицын осуждал историков, замалчивавших добрые русско-венгерские отношения, а вымысел соседствовал в статье с реальными историческими лицами и событиями, но и благодаря русскому имени автора, которое давало понять: наряду с «зарубежными» (здесь: венгерскими) авторами представитель национальной (здесь: советской) историографии тоже считает приведенные в тексте события действительно произошедшими, упоминаемых в ней лиц реальными, а изложенные или процитированные здесь документы подлинными.

Вымысел о связях Ракоци и русских Б. Иллеш не только изложил в вышеупомянутых статьях, но и встроил в свой роман «Завоевание родины», посвященный борьбе советских и венгерских войск в годы Второй мировой войны. В первой части этого произведения, впервые опубликованной в 1952 г., капитан Красной армии Янош Тулипан, венгр по происхождению, беседует с одним из венгерских военнопленных, Дюлой Пастором. Вот как об этом пишет Иллеш: «*Капитан Тулипан* не любил говорить о будущем, не в его обычае было заниматься предсказаниями, он лишь то тут, то там обронит пару слов о том, какой будет жизнь, когда Красная армия освободит Венгрию и венгр вновь сможет стать венгром. Если военнопленные сильно досаждали ему своими расспросами о том, что будет, на что

можно надеяться, он тогда рассказывал, что происходило во времена наших отцов, дедов, прадедов. Другой раз он углублялся в далекое прошлое, но лишь затем, чтобы его слушатели задумались не просто о завтрашнем дне, но и о более далеком будущем. Однажды именно Пастор поинтересовался, как русские представляют себе будущее венгерского народа. И тут Тулипан рассказал, что когда Ференц Ракоци сражался за родину и за свободу, русский царь Петр Великий, желая помочь куруцам, прислал пушки и обученных артиллеристов»³⁸. Несмотря на то, что фикция о Ракоци и Петре I в данном случае фигурирует в романе, т. е. в фикции, более ранние статьи писателя, участвовавшего во время Второй мировой войны в пропагандистской деятельности Красной армии, и ситуация, изложенная в процитированном отрывке из «Завоевания родины», были пригодны для того, чтобы исторический вымысел о XVIII в. даже в этом произведении начал походить на правду³⁹. В то же время нарисованная Иллешем картина обнажает сиюминутно-политические коннотации исторической фикции, поскольку офицер Красной армии в своем рассказе обращается к прошлому как к предтече советско-венгерских отношений в будущем, а если смотреть из 1952 г., то как к будущей традиции. Тем самым писатель специфическим образом, по сути, открывает читателю мотивы и цели своего (не только художественного) изображения истории⁴⁰.

ВЫМЫСЕЛ В ИСТОРИЧЕСКИХ НАУЧНЫХ ТРУДАХ: ПРИМЕНЕНИЕ И ОПРОВЕРЖЕНИЕ...

Во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. вымысел о российской поддержке освободительной борьбы во главе с Ракоци стал частью не одной научной работы⁴¹. Например, фикцию сочли несомненным фактом составители учебника «История для III класса средних школ» (1949). На вопрос, заданный в начале раздела «Внешняя политика освободительной борьбы»: «На какие иностранные державы опирался Ракоци в своей национально-освободительной борьбе?», читатель получал ответ, изложенный в двух пунктах: «1. На Людовика XIV в том смысле, что он был самым непосредственным врагом Габсбургов, и поэтому поддержка антигабсбургской освободительной борьбы в наибольшей степени соответствовала его интересам. Людовик XIV оказывал Ракоци ежемесячную финансовую поддержку, а также снабжал его оружием. Однако помощь французов была довольно-таки нерегулярной и незначительной. Людовик XIV в действительности использовал Ракоци как средство для достижения собственных политических целей. 2. Начиная с 1703 г. Ракоци поддерживал постоянные контакты с Петром Великим, который тоже помогал ему деньгами и военными кадрами»⁴². В основе приведенных в этой работе сведений о российской помощи также лежат фиктивные данные из статьи Б. Иллеша 1945 г. Сообщается, что в начале Освободительной войны царь отправил Ракоци 7 тыс. гильденов и 46 русских офицеров-артиллеристов, а в период 1703–1710 гг. 19 раз посылал офицеров-артиллеристов и 2 раза пушки.

В этом разделе учебника рассматриваются внешнеполитические взгляды лидера освободительной борьбы и в соответствии с концепцией работы подчеркива-

ется значение борьбы против «немецкой колонизации»⁴³. При освещении позиции Ракоци в учебнике неоднократно в качестве собственных слов политика подаются те высказывания, которые в 1945 г. Б. Иллеш как автор статьи лишь «пересказывал». Вымысел тем самым получил дальнейшее развитие. Если в статье говорится: «По мнению Ракоци, срыв захватнических планов немцев на востоке соответствует общим интересам русского и венгерского народа»⁴⁴, то в учебнике это место фигурирует уже в следующем виде: «По мнению Ракоци, “срыв захватнических планов немцев на востоке соответствует общим интересам русского и венгерского народа”»⁴⁵. Приводя эту четко сформулированную мысль в качестве собственных слов лидера освободительной борьбы, можно было наглядно продемонстрировать превосходное умение Ракоци оценивать ситуацию и подтвердить мнение, высказанное в учебнике сразу же после приведенной цитаты и выделенное курсивом: «Ракоци и в этом вопросе был на голову выше своих современников и историческим чутьем угадал способ предотвращения немецкой экспансии».

Далее это же должны были подтвердить и выдержки из также фиктивного дневника Морозова: «Как писал курьер Петра Великого, по делам службы несколько раз побывавший у Ракоци, тот “чрезмерно превосходил” своих генералов и политиков»; вслед за чем в тексте приводились высказывания вымышленного лица, «процитированные» в статье Б. Иллеша 1945 г., которые поясняли и развивали вышеизложенное. По сравнению с французско-венгерскими связями и с «довольно-таки нерегулярной и незначительной» поддержкой со стороны французов, русско-венгерские связи и российская помощь представлены в учебнике как несопоставимо более существенные. Доказательством этого служит не только критическая оценка деятельности Людовика XIV, но и следующее: если объем п. 1 составляет 6,5 строк, то п. 2 — ок. 27 строк, т. е. последний примерно в 4 раза длиннее предыдущего, а это соответствовало и пропаганде «советско-венгерской дружбы», даже если составители учебника явно и не изображали события XVIII в. как предвосхищение отношений XX в.

Вымыслу в данном случае могли придать убедительность не только ссылка на совершенно неправдоподобные документы и изображение реальных исторических лиц, между которыми действительно имела связь, а также схожесть представленных в п. 1, 2 событий (согласно учебнику, оба монарха поддерживали венгерскую освободительную борьбу деньгами и оружием; на близость этих моментов указывает и слово «тоже» при освещении деятельности Петра I), но и то, в каком издании это было опубликовано. Ведь школьный учебник по истории также должен был внушать читателям мысль, что ученикам в данном случае сообщается лишь тщательно проверенная информация.

В отличие от учебника в лекции «Наши движения за независимость против Габсбургов в XVII веке. Освободительная борьба под предводительством Ракоци», прочитанной 22 марта 1951 г. в Высшей партийной школе Венгерской партии трудящихся (ВППТ), Жигмонд Пал Пах (1919–2001), используя однозначные формулировки, причислил российские связи периода освободительной борьбы во главе с Ракоци к традициям «советско-венгерской дружбы». Заголовок той части лекции, в которой среди прочего рассматривается и эта тема — «Внешняя политика, русско-венгерские связи», указывает на важность этих отношений уже и тем, что из различных сюжетов, касающихся дипломатии освободительной

борьбы, Пах выделяет лишь один. Предназначением вводной части, предшествующей освещению исторических событий, было создание актуальной политической традиции за счет того, что связи Петра I и Ференца II Ракоци причислялись здесь к «прогрессивным традициям», важность которых подчеркивали и ведущие политики того времени — Матяш Ракоши, Йозеф Реваи.

«Надо особо выделить *прогрессивные традиции внешней политики* [Ракоци]. “*Эти традиции гласят, что наша родина была сильной, уважаемой и независимой именно тогда, когда связывала свою судьбу с международным прогрессом*”, — указывал товарищ Ракоши»⁴⁶. Созданию традиции служила и отсылка к источнику в сноске внизу страницы, а именно к сборнику «На пути строительства социализма»⁴⁷, составленному по материалам II съезда ВПТ, прошедшего в феврале-марте 1952 г. Таким образом, на значение конкретного исторического момента, а также на то, что события XVIII в. следует рассматривать в качестве традиции определенного рода, руководствуясь при этом оценкой, данной политическим лидером, должно было указать не профессиональное мнение ученого, дистанцировавшегося от актуально-политических соображений, а отрывок из речи ведущего политика того времени, прозвучавшей на политическом мероприятии.

Работая над созданием традиции актуально-политической направленности, Пах противопоставлял «западным» (французско-венгерским, негативным) связям «восточные» (русско-венгерские, позитивные) связи, а при рассмотрении последних использовал не только фиктивные, но и настоящие исторические источники и описывал не только вымышленные Б. Иллешем, но и реально имевшие место события. Автор утверждал: «Имеет большое значение, что Ракоци — помимо шаткого союза с Людовиком XIV — установил и расширил дипломатические контакты с русским царем Петром Великим и правильно воспринимал необходимость объединения усилий восточноевропейских народов против западных агрессоров [!]». Освещая эти отношения на этапе до 1707 г., т. е. до заключения Варшавского договора, автор использовал различные элементы фикции Б. Иллеша и даже приводил отрывки из вымышленного письма Ракоци, снабдив их следующей ссылкой⁴⁸: «Цитируется по статье Б. Иллеша “Ракоци и русские” на основании документов, хранящихся в ленинградском Военно-историческом музее»^{*}.

Пах не просто приводил здесь данные, необходимые для идентификации работы, из которой он почерпнул цитату, как, например, в следующей сноске⁴⁹, но и сообщал читателям, откуда взял текст источника сам Иллеш. Кроме того, он дал ссылку на отрывок из труда Ш. Марки о союзе царя Петра I и Ференца II Ракоци, написанного за несколько десятилетий до статьи 1945 г., в котором приводились слова руководителя освободительной борьбы, созвучные цитате из Иллеша⁵⁰. Не исключено, что Пах проявил такую предусмотрительность потому, что — даже если он не получил убедительного опровержения этого вымысла — до него могла прийти какая-то информация об исторической недостоверности приводимых Иллешем сведений и он хотел таким образом по-научному корректно

^{*} Далее в тексте следовали выходные данные работ Б. Иллеша «Ракоци и русские» (см. сн. 11) и Ш. Марки «Союз царя Петра Великого и князя Ференца II Ракоци» (см. сн. 9).

использовать данные, почерпнутые из этой работы. Их игнорирование в то время было бы необоснованным не только с политической, но и с профессиональной точки зрения⁵¹.

В лекции Пах использовал и другие элементы вымысла, а затем начатое с изложения фикции предложение продолжил упоминанием реального исторического события: «По мнению Ракоци, срыв захватнических планов немцев на востоке соответствовал общим интересам русского и венгерского народа. Петр Великий поддерживал венгерскую освободительную борьбу деньгами, вооружением и живой силой, а в 1707 г. в Варшаве заключил союз с Ракоци». В таком освещении отдельные элементы фикции выступают как предпосылки реального исторического события — заключения союза, в деталях представляя, как Ракоци постепенно расширял дипломатические отношения с царем. Описание русско-венгерских отношений последующих лет, однако, не является вымыслом, и приведенное здесь письмо Ракоци — не фальшивка. Не имевшим место в реальности моментам и вымышленным текстам придавало убедительности не только то, что в лекции они фигурировали вперемежку с подлинными историческими событиями и источниками, но и то, что логически были связаны с ними в качестве «предпосылок» русско-венгерских отношений 1707–1711 гг. Вместе с тем и место, где была прочитана лекция, и повод, по которому она была прочитана, и издательство, в котором опубликовали текст выступления, — всё это придавало убедительность вымыслу, по крайней мере в глазах читателей, принимающих идеологию диктатуры. Ведь у них не должно было возникнуть и тени сомнения, что текст прозвучавшего в Высшей партийной школе ВПТ выступления, опубликованный партийным издательством «Сикра», может содержать непроверенную информацию.

К тому времени, однако, уже появилось мнение, ставящее под сомнение достоверность источников, цитируемых и излагаемых в статье «Ракоци и русские». Домокош Кошари (1913–2007) в томе I труда «Введение в источники и литературу по венгерской истории» (1951), в разделе, где рассматривались документы и научные исследования по внешней политике освободительной борьбы во главе с Ракоци, заявлял: «Нам до сих пор неизвестны более точные сведения о данных, упоминаемых Б. Иллешем (дневник русского офицера и др.) в статье “Ракоци и русские”»⁵². Во время ослабления ракоцистской диктатуры на круглом столе по теме «Актуальные вопросы марксистской исторической науки», организованном в рамках Кружка Петёфи (дискуссионного клуба, где интеллигенция имела возможность высказаться), тот же Кошари в выступлении 30 мая 1956 г. утверждал: «Сколько раз ко мне подходили с тем, что в учебнике для средних школ подробно изложено (это было пару лет назад, не сейчас), какую помощь оказывали Ракоци в освободительной борьбе артиллеристы и военные Петра I. Учащиеся точно знали, что ни одно из этих сведений, конечно же, не соответствует действительности»⁵³.

Вышеизложенное указывает на то, что уже на рубеже 1940–1950-х гг. (так как выступавший явно ссылался на рассмотренный выше учебник 1949 г.) даже за пределами узкого круга ученых-историков получило распространение мнение, что данные Б. Иллеша не что иное, как вымысел. Располагая результатами исследований по истории отношений Ференца II Ракоци и Петра I, Йозеф Перени (1915–1981) вследствие произошедших в Венгрии политических перемен в ссылке

к работе «Начала дипломатических связей Ференца II Ракоци и Петра I», опубликованной в сборнике «Венгерско-русские исторические связи» с предисловием, датированным июнем 1956 г., уже мог жестко критиковать всю историческую картину, представленную в статье Иллеша: «В главе “Ракоци и русские” брошюры *Белы Фогараша и Белы Иллеша* “Венгерско-русские исторические связи” (Будапешт, 1945) исторические данные сильно перемешаны с элементами беллетристики, поэтому мы не будем подробно на ней останавливаться»⁵⁴.

Вымысел, призванный исторически легитимировать, скрепить «советско-венгерскую дружбу», которой в пропаганде социалистической системы отводилась ключевая роль, с первой половины 1950-х гг. уже не фигурировал в серьезных научных трудах, хотя в работах, выходящих в Венгрии легально, в тех политических условиях нельзя было открыто указать на то, что это фальсификация⁵⁵. Таким образом, в научной статье «Легенды и запретные плоды национального прошлого», вышедшей в Мюнхене в 1982 г., Ласло Петер (1929–2008), работавший в то время в Англии, с полным правом мог написать: «Пушки, отправленные Петром Великим Ференцу Ракоци» оказалась «сказкой, которой весьма скоро пришел конец»⁵⁶.

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ И СОЗДАНИЕ ТРАДИЦИЙ

История вымысла о связях Ференца II Ракоци и царя Петра I и в более широком смысле служит отличной демонстрацией того, сколько разнообразных средств может использоваться одновременно при фальсификациях с целью политической пропаганды ради придания вымыслу убедительности, ради эффективности пропагандистских акций. В их числе согласованные действия нескольких лиц (Б. Иллеша и его сотрудников), почти синхронная публикация текстов разного типа (газетные статьи, романы) и ссылки на несуществующие документы (письма Ракоци, дневники Морозова). Авторы могли размещать персонажей, являющихся порождением фантазии, среди реальных исторических лиц (изображение русских военнослужащих вместе с Петром I и Ференцем II Ракоци), вписывать фиктивные события в реальные (возвращение Ракоци на родину с помощью русских военных) или создавать вымышленные фигуры, события и документы, весьма похожие на реальных лиц, события и источники (сходство фальшивого письма Ракоци и реальных инструкций 1707 г.). Наконец, они выступали с осуждением историков, занимавшихся ранее проблематикой того исторического периода, к которому относится вымысел, за замалчивание отдельных (в данном случае даже не реальных) моментов прошлого (в начале статьи «Ракоци и русские»), или упоминали исследования, проводившиеся для получения исторических данных, важных по актуально-политическим соображениям (в предисловии к составленной Фогараша и Иллешем работе). На рубеже 1940–1950-х гг. в дело повышения убедительности вымысла внесли вклад научные исторические работы, которые представляли многие элементы фикции Б. Иллеша в качестве реальных. Текстуальное сравнение всех вариантов вымысла позволяет сделать более общий вывод о способах использования микрофилологического метода

при анализе материалов политической пропаганды и о том, как это может способствовать более четкому пониманию механизмов манипуляции.

Эти измышления — в пропагандистских переработках актуально-политической направленности — в то же время вписываются в ряд (в данном случае в самом прямом смысле слова) «придуманных традиций» XX в., поэтому слова Эрика Хобсбаума (1917–2012) о подобных традициях, несомненно, могут быть отнесены и к данному случаю, когда история используется как легитиматор действия и как цемент, скрепляющий группу. Даже революционные движения старались обосновать новые идеи и стремления ссылкой на революционные традиции, на собственных героев и мучеников⁵⁷. Статья А. Карпати, предисловие Б. Фогараша и Б. Иллеша, статья Ептицына, а также отрывок из лекции Ж.П. Паха показывают, что вымысел о связях царя Петра I и Ференца II Ракоци в XVIII в. был призван легитимировать «советско-венгерскую дружбу» XX в.⁵⁸

Перевод с венгерского Ч.Б. Желицки

¹ См.: PIL. 677. f. 5. cs. 461. ő. e. 1–2. old. См. также: Rákóczi és Kossuth // Igaz Szó. 2. évf. 20. sz. 1943.8.IV. 2. old., а также: *Klimó Á.* Nation, Konfession, Geschichte. Zur nationalen Geschichtskultur Ungarns im europäischen Kontext (1860–1948). München, 2003. S. 305–311 (Südosteuropäische Arbeiten. N 117); и общие работы: *Romsics I.* Hungary in the Twentieth Century. Вр., 2010². В период Второй мировой войны задействованные в направленной против Германии пропаганде авторы, большей частью левых взглядов, с целью использования традиций венгерских движений за независимость в качестве мобилизующей силы для актуальной борьбы систематически подменяли понятие «антигабсбургской борьбы» понятием «антинемецкой борьбы», используя в своих работах, посвященных различным историческим периодам, для обозначения врага эпитет «немец». Эта практика продолжилась и после 1945 г. См. по теме: *Glatz F.* Palatin Joseph und seine Schriften // Palatin Josephs Schriften. IV. 1809–1813 / Zgest., komment. S. Domanovszky; hrsg., eingel. F. Glatz. Вр., 1991. S. 47–48. (Quellen zur Neueren Geschichte Ungarns).

² *Fogarasi B.* A magyar és az orosz nép viszonya a múltban és a jelenben // Igaz Szó. 2. évf. 53. sz. 1943. 30.XI. 3. old. Насколько мне известно, сведения, приводимые Фогараша о связях Петра I и Ференца II Ракоци, ошибочны: царь не направлял князя Долгорукова в качестве посла к руководителю венгерской освободительной борьбы и в итоге не оказал существенной финансовой помощи трансильванскому князю. До сих пор не удалось установить, на каких источниках основаны данные утверждения автора, а значит, по этому вопросу требуются дальнейшие исследования.

³ О Беле Иллеше см., напр.: *Tezla A.* Hungarian Authors. A Bibliographical Handbook. Cambridge (Massachusetts), 1970. P. 220–224; *Klimó Á.* 'A Very Modest Man': Béla Illés, or How to Make a Career Through the Leader Cult // The Leader Cult in Communist Dictatorships. Stalin and the Eastern Bloc / Ed. by B. Apor, J. C. Behrends, P. Jones, E. A. Rees. New York, 2004. P. 47–62.

⁴ *Illés B.* Páztortűz a Verhovinán (далее — Páztortűz) // Igaz Szó. 3. évf. 17. sz. 1944.25.IV. 4. old.

⁵ См., в частности: *Perrie M.* The Tsar, the Emperor, the Leader: Ivan the Terrible, Peter the Great and Anatolii Rybakov's Stalin // Stalinism: Its Nature and Aftermath. Essays in honour of Moshe Lewin / Ed. by N. Lampert, G. T. Rittersporn. Armonk, New York, 1992. P. 86–87, 98–99.

- ⁶ См.: II. Rákóczi Ferenc fejedelem emlékiratai a magyar háborúról 1703-tól végéig (1711) / Közl. Thaly K. Pest, 1872⁵. 27. old.
- ⁷ См. в частности: *Márki S.* II. Rákóczi Ferenc. Bp., 1907. I. köt. 254., 256. old. (Magyar Történeti Életrajzok); *Markó Á.* II. Rákóczi Ferenc háborújának kezdete. (1703. június 16-tól július 15-ig.) // *Htk.* 1935. 36. évf. 3–4. sz. 214., 223. old. Образцом для фикции Б. Иллеша о нападении на Ференца II Ракоци и артиллеристов мог послужить случай, описанный в «Исповеди» Ференца II Ракоци. Однажды в 1701 г. во время поездки в Польшу Миклош Берчени подвергся нападению, при этом нападавшие хотели захватить его и выдать габсбургскому двору. Однако Берчени благодаря своему польскому слуге сумел спастись от врагов. См.: II. Rákóczi Ferenc fejedelem önéletrajza. Miskolc, 1903. 153–154. old. На возможную связь этих сюжетов обратил мое внимание Шандор Гебеи, которому я здесь приношу свою благодарность за его любезность.
- ⁸ Ср., напр.: *Acsády I.* Magyarország története I. Lipót és I. József korában. (1657–1711) // *A magyar nemzet története.* Bp., 1898. VII. köt. 547–549. old.; *Márki S.* Op. cit. 251–256. old.; *Markó Á.* Op. cit. 214–221. old.; *Szekfü Gy.* Magyar történet. IV. köt. Bp., 1943⁷. 278–280. old.
- ⁹ В некоторой степени повышению убедительности вымысла мог способствовать тот факт, что связи между Петром I и Ференцем II Ракоци действительно имели место, а в 1707 г. они даже заключили союз. См. об этом, на пример: *Márki S.* Nagy Péter cár és II. Rákóczi Ferenc szövetsége 1707-ben (далее — Nagy Péter cár). Bp., 1913. 96. old. (Értekezések a Történeti Tudományok Köréből. XXIII/6. köt.).
- ¹⁰ *Illés B.* Páztortüzek a Kárpátok ormain (далее — Páztortüzek) // *Magyar Újság.* 1. évf. 21. sz. 1944. 26 IX. 4. old.
- ¹¹ *Illés B.* Rákóczi és az oroszok (далее — Rákóczi) // *Új Szó.* 1. évf. 2. sz. 1945.6.II. 3–4. old. Ср.: *Fogarasi B.* Op.cit. 3. old.
- ¹² *Illés B.* Rákóczi. 3. old.
- ¹³ Ср.: *Kassai G.* Egy perc híján tizenkettő // *Magyar Újság.* 1. évf. 21. sz. 1944.26.IX. 1. old.; *Idem.* Igazságos és igazágtalan háború // *Idem.* 2. évf. 10. sz. 1945. 25 I. 2–3. old.
- ¹⁴ См. сн. 1 настоящей работы и соответствующую часть основного текста.
- ¹⁵ Например, венгерский историк и политик Балинт Хоман (1885–1951) в одной из своих работ, написанных во время Второй мировой войны, утверждал: «Мощная Германская империя, собравшая воедино силы немцев, служит естественным тылом для венгров, а сильная и единая Венгрия является бастионом германского мира в общей борьбе против сил с востока». (См.: *Hóman B.* Magyar sors — magyar hivatás. Múlt és jövő. Bp., 1942. 156. old.) Премьер-министр Венгрии Миклош Каллаи (1887–1967) в своей речи, произнесенной по радио 18 июня 1942 г., говорил: «Наша миссия на восточном рубеже Европы была predeterminedена историей, чтобы мы, стоя на этом рубеже, всегда, в одиночку, брошенные всеми, защищали Запад [...] В наши дни мы снова выполняем историческую миссию [...] Но теперь мы боремся не в одиночку». (См.: *Kállay M.* «Köszöntöm ma Magyarország Kormányóját!» Rádióköszöntő Kormányzó Urunk születésnapján, 1942. június 18 // *A magyar nép a nagy viharban.* Kállay Miklós miniszterelnök kilenc beszéde. Bp., 1942. 80. old.)
- ¹⁶ Например, венгерский историк и политик Балинт Хоман (1885–1951) в одной из своих работ, написанных во время Второй мировой войны, утверждал: «Мощная Германская империя, собравшая воедино силы немцев, служит естественным тылом для венгров, а сильная и единая Венгрия является бастионом германского мира в общей борьбе против сил с востока». (См.: *Hóman B.* Magyar sors — magyar hivatás. Múlt és jövő. Bp., 1942. 156. old.) Премьер-министр Венгрии Миклош Каллаи (1887–1967) в своей речи, произнесенной по радио 18 июня 1942 г., говорил: «Наша миссия на восточном рубеже Европы была predeterminedена историей, чтобы мы, стоя на этом рубеже, всегда, в одиночку, брошенные всеми, защищали Запад [...] В наши дни мы снова выполняем историческую миссию [...] Но теперь мы боремся не в одиночку». (См.: *Kállay M.* «Köszöntöm ma Magyarország Kormányóját!» Rádióköszöntő Kormányzó Urunk születésnapján, 1942. június 18 // *A magyar nép a nagy viharban.* Kállay Miklós miniszterelnök kilenc beszéde. Bp., 1942. 80. old.)
- ¹⁷ *Márki S.* Nagy Péter cár. 33. old. Мысли, которые можно рассматривать как близкие изложенной в *Új Szó* концепции, встречаются и в данных Шандору Недеcki инструкции общего плана, согласно которым «северная монархия» Петра I, «восточное государство никогда не могло бы достичь цели с меньшими усилиями, чем если бы Венгрия вышла из-под власти Австрии, находясь под которой не может способствовать осуществлению этого стремления. Потому что император искренне никогда не допустит, чтобы власть царя на востоке возросла, а венгерский король этому с радостью будет содействовать хотя бы для того, чтобы, освободившись из-под австрийского ига, сохранить свою власть». Ракоци просит царя «и о том, чтобы тот тайно прислал пороха для продолжения самого справедливого дела». В подробных

- инструкциях содержится еще такая просьба руководителя освободительной борьбы к русскому монарху: «Во время шведско-русско-австрийской войны царь пусть дает по 1000 талеров ежемесячно на нужды венгерской армии». При выполнении определенных предварительных условий Ракоци «объединил бы с царской армией свои трансильванские войска и отряды своих владений в Венгрии, чтобы царь мог более решительно выступить в войне против австрияков». *Ibid.* 32., 34. old.
- ¹⁸ Ср.: *Kassai G.* 1941. február 5. // *Új Szó.* 1. évf. 2. sz. 1945.6.II. 2. old.
- ¹⁹ *Illés B.* Páztortűz. 4. old.
- ²⁰ *Illés B.* Páztortűzek. 4. old.
- ²¹ *Markó Á.* II. Rákóczi Ferenc 1676–1735. Bp., 1935. 48. old. (Kincsestar. 142. köt.).
- ²² *Szekfü Gy.* Op. cit. IV. köt. 281. old.
- ²³ *Ibid.* 306. old. См. также: *Acsády I.* Op. cit. 658. old.
- ²⁴ *Illés B.* Rákóczi. 4. old.
- ²⁵ На вымысел о поддержке со стороны России Б. Иллеша могла натолкнуть французская помощь, в действительности оказанная венгерской освободительной борьбе: фрагменты различных работ, посвященных этой тематике, можно связать со статьями 1944–1945 гг. Например, Ракоци в «Исповеди» следующим образом описывал, как, находясь в Польше, он просил помощи французов, прежде чем отправиться в Венгрию: «Тем временем дело, о котором меня известили, я представил французскому двору и министрам двора; я просил денежных средств для найма военных, чтобы держать их в готовности в Данциге; я потребовал, чтобы оружие и офицеры были наготове, дабы из восставшего народа с мятежной и неугомной душой немедленно отобрать годящихся в наемники и создать из них полки; командование ими на первых порах поручить офицерам-иностранцам». См.: II. Rákóczi Ferenc fejedelem önéletrajza. 160. old. Ср. со второй частью статьи в *Új Szó* 1945 г. Ачади обобщенно представил французскую помощь в следующем виде: «Лишь одна Франция с 1703 г. и до конца оказывала поддержку Ракоци. Она оказывала ему регулярную финансовую помощь и даже посылала офицеров, чтобы те занялись организацией его армии». См.: *Acsády I.* Op. cit. 605. old. Ср. с первой и пятой частью текста в *Új Szó.* Деятельность французов, принимавших участие в венгерской освободительной борьбе, Марки описывал так: Ракоци «еще до своего прибытия в Венгрию просил у Людовика XIV военных инженеров, бомбардиров, пушкарей... и тот спустя десять месяцев и правда прислал несколько французских военных инженеров, заслуги которых (Ле Мэр, Де ла Мотт, Дамуазьё, Ривьер, Берсонвиль, Сен-Жюст) в организации артиллерии куршув, вне всякого сомнения, действительно, были велики. Князь 26 декабря 1705 г. поручил организацию артиллерии главному инспектору артиллерии Яношу Сандаи *Шрептеру* (бывшему капитану французской артиллерии) и полковнику артиллерии Де ла *Момму*». См.: *Márki S.* II. Rákóczi Ferenc. Bp., 1909. II. köt. 1707–1708. 167–168. old. (Magyar Történeti Életrajzok. 53. köt.). Ср. с написанным о русских артиллеристах в статьях Б. Иллеша 1944–1945 гг. Согласно этим работам, Ракоци прислал денег и военных не французы и Людовик XIV, а российский государь Петр I — по всей вероятности из-за того, чтобы описание (реальной) помощи со стороны французов не могло преуменьшить воздействия (фиктивной) российской поддержки и тем самым эффективности просоветской пропаганды, распространяемой в том числе и таким способом. Автор статей даже не упомянул о французской помощи...
- ²⁶ См., в частности: *Mevius M.* Agents of Moscow. The Hungarian Communist Party and the Origins of Socialist Patriotism 1941–1953. Oxford, 2005. P. 54–68. (Oxford Historical Monographs).
- ²⁷ *Kárpáti A.* Rákóczi születésnapja // *Új Szó.* 1. évf. 25. sz. 1945.27.III. 2. old.
- ²⁸ *Illés B.* Rákóczi és az oroszok // *Fogarasi B., Illés B.* Magyar-orosz történelmi kapcsolatok (далее — *Kapcsolatok*). Bp., 1945. 25–30. old. (Jó Szomszédtság Könyvtára, 6. sz.).

- По сравнению с текстом, опубликованным на страницах *Új Szó*, в этом сборнике статья вышла с небольшими изменениями, несущественными с точки зрения содержания.
- ²⁹ См.: *Fogarasi B., Illés B. Előszó // Kapcsolatok. 5. old.*
- ³⁰ См.: *Fogarasi B. A magyar és az orosz nép. 3. old.; Illés B. Rákóczi. 3. old.*
- ³¹ *Fogarasi B. A magyar és az orosz nép. 3. old.*
- ³² *Illés B. Rákóczi. 3. old.*
- ³³ *Kapcsolatok. 5–6. old.*
- ³⁴ Ср., напр.: *Gyáni G. A kollektív emlékezet két formája: hagyomány és történelmi tudás // Idem. Az elveszített múlt. A tapasztalat mint emlékezet és történelem. Bp., 2010. 89–93. old.*
- ³⁵ См., напр.: *Vörös B. Die Darstellung der Sowjetunion an der Budapester antibolschewistischen Ausstellung im Dezember 1941. «Die apokalyptischen Tiefen des russischen Bolschewismus» // The European Paradigm. Special Edition of Sic Itur ad Astra [1991] P. 42–54.*
- ³⁶ См. также: *Illés B. Ünnepnapra // Magyar Rádió. 2. évf. 13. sz. 1946.29.III. 2. old.; Idem. Április negyedike // Új Szó. 2. évf. 77. sz. 1946.4.IV. 1. old.* Похожей выдумкой была история капитана Гусева и его товарищей. См., например: *Illés B. Orosz tisztek Kossuth Lajosért // Új Szó. 1. évf. 3. sz. 1945.10.II. 3. old.* Рассмотрение данной фикции выходит за рамки данной статьи.
- ³⁷ *Jepticin E. Az orosz és a magyar nép történelmi kapcsolatai // Új Szó 3. évf. 62. sz. 1947.15.III. 7. old.* Бела Леваи, сотрудник газеты *Új Szó* утверждал, что Э. Ептицын является «советским ученым» (См.: *Lévai B. A magyarországi centenárius ünnepségek során feltárják a magyar szabadságharc orosz vonatkozásainak igazi hátterét // Új Szó. 3. évf. 244. sz. 1947.26.X. 7. old.*). В процессе исследовательской работы мне, однако, не удалось найти заслуживающих доверия сведений о личности и деятельности Э. Ептицына, а также не удалось установить, из каких источников почерпнул приведенную информацию Леваи.
- ³⁸ *Illés B. Nonfoglalás. 1943. I. köt. S. 1., 1952. 125–126. old.*
- ³⁹ В то время могли способствовать приданию достоверности этому вымыслу и исторические научные труды, представившие в качестве реальных исторических событий многие элементы фикции Б. Иллеша. См. следующий раздел настоящей статьи.
- ⁴⁰ До смерти Б. Иллеша в начале 1974 г. этот вымысел с некоторыми несущественными по содержанию изменениями получил отражение в изданиях романа «Завоевание родины» 1954, 1955, 1963, 1964, 1970 и 1972 гг. Приведенной в романе фикции придавали убедительность не только статьи Иллеша 1940-х гг., но и тот факт, что писатель в сборнике «В окопе...» (1967) вновь опубликовал свою статью «Ракоци и русские» (1945) с изменениями, не затрагивающими главные элементы изложения, а также статью «Четвертое апреля» (1946) с несущественными изменениями, тем самым давая понять, что не считает содержащиеся в них утверждения опровергнутыми или не соответствующими действительности. См. *Illés B. Rákóczi és az oroszok // Idem. Lövészárokban... Válogatott cikkek, publicisztikai írások, karcolatok 1916–1966 / Vál., szerk. J. Jászberényi. Bp., 1967. 309–312. old.; Idem. Április negyedike // Idem. Lövészárokban... 416–419. old.*
- ⁴¹ См., напр.: *Hegedűs G. II. Rákóczi Ferenc és a kuruc szabadságharc. Bp., 1947. 9–11. old. (Szabad Föld könyvtára, 50); Erős J. Magyarok és oroszok. 1. // Magyarország és Kelet-Európa. A magyarság kapcsolatai a szomszéd népekkel / Szerk. I. Gál. Bp., 1947. 31–43. old.* О венгерской исторической науке после 1945 г. см., в частности: *Sipos P. Hungarian Historical Scholarship and Marxism-Leninism // The Soviet System and Historiography, 1917–1989. Preliminary Papers for the Montréal Session / Ed. by F. Glatz.; assistant. ed. A. Pók. Bp. 1995. P. 95–103.*
- ⁴² См.: *Zsigmond L., Heckenast G., Pach Zs. P., Ravasz J. et al. Történelem a középiskolák III. osztálya számára (далее — Történelem). Bp., 1949. 213. old.* Насколько мне известно, этот учебник позднее не переиздавался.

- ⁴³ *Ibid. 188–189., 202., 214. old.*
- ⁴⁴ *Illés B. Rákóczi. 3. old.*, то же в книге: *Kapcsolatok. 26. old.*
- ⁴⁵ *Történelem. 213. old.*
- ⁴⁶ *Pach Zs. P. Függetlenségi küzdelmeink a Habsburgok ellen a XVII. században. A Rákóczi-szabadságharc. Előadás a Pártfőiskolán 1951. március 22-én. Bp., 1951. 46. old. (A Magyar Dolgozók Pártja Pártfőiskolájának Előadásai. 13. sz.).*
- ⁴⁷ *Ibid. 46. old. (сноска 63).* Автор ссылается на: *Rákosi Mátyás elvtárs beszámolója // A szocializmus építésének útján. A Magyar Dolgozók Pártja II. kongresszusának anyagából. Bp., 1951. 70. old.* В этой части своей речи Ракоши представил «прогрессивные традиции» следующим образом: «Во времена угнетения не мог стать общенародным достоянием тот факт, что вековая борьба нашего народа против турецких завоевателей и немецких поработителей, череда ярких освободительных войн совпала с делом международного прогресса. Времена Габсбургов, десятилетия хортистской контрреволюции всё сделали для того, чтобы скрыть от нас, предать забвению и похоронить прогрессивные, а значит, лучшие традиции нашей истории. Теперь, когда мы вновь обрели национальную независимость, теперь, как никогда прежде, пришло время обратиться к традициям, придающим силу и воспеваящим Хуняди, Ракоци, Кошута, Петёфи. Эти традиции гласят, что наша родина была сильной, уважаемой и независимой именно тогда, когда связывала свою судьбу с международным прогрессом.
- Мы являемся законными наследниками, прямыми продолжателями того, что было в нашей тысячелетней истории прогрессивного, жизнеспособного и устремленного в будущее [...] Так будем развивать и приведем к триумфу великие идеи венгерского прогресса».
- ⁴⁸ *Ibidem. (Pach Zs. P. Op.cit. 46. old. (сноска 64).*
- ⁴⁹ *Ibid. 47. old. (сноска 65).*
- ⁵⁰ *Ibid. 46. old. (сноска 64).*
- ⁵¹ Этот вымысел вошел и в другие работы Паха того периода. См.: *Pach Zs. P. Bevezetés // II. Rákóczi Ferenc emlékiratai. Bp., 1951. 17. old.* В сокращенном переводе на словацкий язык см.: *Pach Zs. P. Význam odboja Františka Rákócziho II. v zápase za nezávislosť Uhorska // Kapitoly z uhorských dejín. Bratislava, 1952. S. 144.* В то же время эта фикция не получила отражения во всех работах того времени, посвященных освободительной войне под предводительством Ракоци. См., в частности: *Wittman T. Történelmünk haladó hagyományai. 1604–1918. Bp., 1951. (Szocialista Nevelés Kiskönyvtára. 25. sz.).*
- ⁵² *Kosáry D. Bevezetés a magyar történelem forrásaiba és irodalmába. Bp. 1951. I. köt. 469. old.*
- ⁵³ См.: *A Petőfi Kör vitái hiteles jegyzőkönyvek alapján. III. köt. Történelevita / Szerk., összeáll., jegyz. V. A. Hegedűs, J. M. Rainer. S. 1., 1990. 53. old. (Politikatudományi Füzetek).*
- ⁵⁴ *Perényi J. II. Rákóczi Ferenc és I. Péter diplomáciai kapcsolatainak kezdetei // Magyar-orosz történelmi kapcsolatok / Szerk. E. Kovács E. Bp., 1956. 93. old. (сноска 13).*
- ⁵⁵ При этом в статье, опубликованной в *Szabad Ifjúság* («Свободная молодежь») в феврале 1955 г., утверждалось, что «царь Петр Великий оказывал поддержку освободительной борьбе нашего народа деньгами, пушками и инструкторами». *Agárdi F. Nagy Péter cár és a magyarok // Szabad Ifjúság. 6. évf. 32. sz. 1955.8.II. 4. old.*
- ⁵⁶ *Péter L. A nemzeti múlt legendái és tilalomfái // Belső tilalomfák. Tanulmányok a társadalmi öncenzúráról. Szerk. E. Karátson, N. Neményi München, 1982. 150. old.* Ср. также: *R. Várkonyi Á. Befejezetlen történelem // A Rákóczi-szabadságharc. Szerk. Á. R. Várkonyi, D.D. Kis. Bp., 2004. 767. old. (Nemzet és Emlékezet).*
- ⁵⁷ См.: *Hobsbawm E. Introduction: Inventing Traditions // The Invention of Tradition / Ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge, 1985. P. 1–14. (Past and Present Publications); Bonnell V. E. Iconography of Power. Soviet Political Posters under Lenin and Stalin. Berke-*

ley; Los Angeles; London, 1997. P. 1–19, 281–284. (Studies on the History of Society and Culture. N 27); *Glatz F. Politics and Historical Science in the Countries of the Soviet System // The Soviet System and Historiography. Вр., 1995. P. 13–16.*

⁵⁸ При этом сомнительно, что когда-либо будет внесена ясность в вопрос: знали ли сотрудники Б. Иллеша, распространители фиктивных элементов связей Ференца II Ракоци и Петра I, что вымысел они представляют в качестве действительно произошедших событий...

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. Шереш

НЕИЗВЕСТНАЯ РУКОПИСЬ Е.В. ТАРЛЕ О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ФЕРЕНЦА II РАКОЦИ И СОВЕТСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ НА I КОНГРЕССЕ ВЕНГЕРСКИХ ИСТОРИКОВ 1953 г.*

Труды блестящего российского историка, академика АН СССР Евгения Викторовича Тарле (1874–1955) известны и востребованы современной исторической наукой. Однако небольшой по объему доклад ученого о внешней политике трансильванского князя Ференца II Ракоци и международном контексте Освободительной войны 1703–1711 гг. никогда, насколько известно, не публиковался¹.

Доклад был написан в 1953 г., в период, когда отношения между СССР и Венгрией развивались в рамках формировавшейся системы социалистического содружества² и на высшем уровне носили во многом показательный, пропагандистский характер. Историк зачитал этот текст перед широкой, не научной аудиторией в рамках торжественного общественно-политического мероприятия. Однако взгляды Е.В. Тарле на заявленную проблему представляют особый интерес. Как отмечают биографы, его трудно считать марксистом в полном смысле слова, о чем помимо прочего свидетельствуют конфликты ученого с властью. В данном случае, как и во всех других, он старался давать объективную оценку исторических событий. Ниже пойдет речь о некоторых фактах и обстоятельствах, помогающих реконструировать историю написания доклада.

Для исследователей творчества Е.В. Тарле не секрет, что он был знаком с историей Венгрии и венгерского народа, знал ее основные вехи, понимал специфику и уникальные черты развития. Его первый научный труд был посвящен проблемам крестьянской войны начала XVI в.³ После Первой мировой войны некоторые из его монографий касались вопроса о территориальном переустройстве Центральной и Восточной Европы, который оказался особенно болезненным именно для Венгрии, потерявшей около двух третей своей территории.

* Автор статьи выражает благодарность ведущему научному сотруднику Института славяноведения РАН А.С. Стыкалину за то, что обратил его внимание на неопубликованную рукопись Е.В. Тарле, хранящуюся в АРАН.

Историк осознавал опасность ситуации, созданной Версальским и Трианонским мирными договорами 1919–1920 гг., когда немцы и венгры оказались в неравном по сравнению с другими народами региона положении⁴.

В СССР Тарле считался одним из лучших знатоков истории международных отношений. По договоренности с Совинформбюро и Народным комиссариатом иностранных дел (НКВД) он в 1943–1944 гг. неоднократно консультировал ответственных работников Комиссариата и самого И.В. Сталина, составлял исторические справки, сводки о важных вопросах международной политики⁵. Т.М. Исламов, один из крупнейших специалистов по истории Венгрии, писал, что Тарле был также членом Комиссии НКВД по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства во главе с бывшим наркомом иностранных дел М.М. Литвиновым⁶. В справках, сделанных для Комиссии, ученый, сочувствуя интересам венгерского населения в крае, поддерживал идею создания независимого трансильванского государства⁷.

Тарле, обладавший широким кругозором, проявлял интерес и к эпохе Освободительной войны под предводительством Ференца II Ракоци. Известно, что в 1948 г. по поручению И.В. Сталина историк приступил к написанию масштабной трилогии «о борьбе русского народа с агрессорами в XVIII–XX вв.». Три тома предполагалось, соответственно, посвятить истории Северной войны и вторжению шведов в Россию в 1707–1708 гг., кампании в 1812 г. и нападению нацистской Германии на СССР в 1941 г. Сталин хотел, чтобы Тарле показал личность и характер предводителей вражеских армий — Карла XII, Наполеона и Гитлера. По настоянию политического руководства 5 августа 1948 г. Тарле заключил договор с Госполитиздатом на написание первого тома под названием «Северная война и шведское нашествие на Россию». Несмотря на то, что к первой половине 1949 г. рукопись объемом в 40 печатных листов была готова, она еще долгое время дорабатывалась⁸ и вышла в свет уже после смерти историка в 1958 г. Второй и третий тома так и не были написаны. Следовательно, в конце 40-х — первой половине 50-х годов XX в. основное место в научной деятельности Тарле занимало изучение внешней политики Петра I. Говоря о международных обстоятельствах Северной войны, невозможно было не касаться вопроса о роли Ференца II Ракоци.

С 6 по 13 июня 1953 г. в Будапеште проходил Конгресс венгерских историков, который стал первым крупномасштабным научным мероприятием венгерской исторической науки после окончания Второй мировой войны. На конгрессе был приглашен и Е.В. Тарле⁹. Названия рабочих секций конгресса как нельзя лучше отражали дух, политические лозунги и историографические доктрины эпохи: «Союз народов Центральной и Восточной Европы против общих врагов», «Русские революционеры и демократы стран Восточной Европы», «Историческое значение Революции 1905 г. в России», «Историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции», «Советская армия — освободительница стран народной демократии» и т. д. Поскольку конгресс по времени совпал с 250-летием начала войны под предводительством Ференца II Ракоци, одну из секций посвятили обсуждению этой темы.

Как в отчетах, написанных о конгрессе в советской прессе¹⁰, так и в воспоминаниях¹¹ о Тарле ведущего венгерского историка Пала Жигмонда Паха¹², упоминается, что Тарле во время пребывания в Венгрии читал два доклада: первый о кре-

стьянской войне 1514 г. под предводительством Дёрдя Дожи, а второй о внешней политике Ференца II Ракоци. Как следует из статьи, опубликованной Тарле по возвращении в «Литературной газете», доклад о Ракоци он читал не на конгрессе, на секции, посвященной Освободительной войне под предводительством Ракоци, а 13 июня вечером, уже после окончания конгресса, на торжественном открытии государственного празднования годовщины начала Освободительной войны. Оно состоялось в одном из театров Будапешта, куда были приглашены государственные и общественно-политические деятели, с приветствием выступал Шандор Ногради — руководитель национального партизанского движения.

По свидетельству самого Тарле, он, уже находясь в Венгрии, неожиданно получил приглашение выступить там с речью¹³. Думается, он был приглашен потому, что в последние дни работы конгресса нашел время для исследовательской работы в Венгерском национальном архиве. Хотя он провел там всего несколько часов, руководство сделало ему фотокопии документов, свидетельствовавших о связях Ракоци с Петром I и т. д.¹⁴ Очевидно, эти источники были необходимы ученому в работе над монографией о Северной войне. Возможно, так родилась идея пригласить его принять участие в торжествах. Это подтверждает и Е.И. Чапкевич, который полагает: после получения фотокопий из архива Тарле пришлось их быстро изучить прямо в номере гостиницы, чтобы через несколько часов выступить с речью¹⁵.

Представляется, что Тарле писал текст выступления в спешке. Об этом свидетельствует и то, что в его архиве хранятся как рукописный текст выступления¹⁶, так и составленный на его основе, уже по возвращении в СССР, машинописный вариант. Эта работа не опубликована в полном собрании научных трудов Тарле¹⁷ и не упоминается в его библиографическом указателе¹⁸. Рабочие материалы I Конгресса венгерских историков были изданы на русском языке в четырех томах в Будапеште на правах рукописи¹⁹, но текста выступления Тарле в них также нет.

В связи с историей написания этого доклада все-таки остается одна загадка. Текст о Ференце II Ракоци и великих державах был опубликован на венгерском языке в сборнике, содержащем отредактированные тексты прозвучавших на конгрессе докладов²⁰. Эта статья не вполне идентична рукописи из личного архива историка. В венгерском варианте Тарле тоже дает характеристику личности Ракоци как народного вождя и европейского дипломата, подводит итог его сношениям с европейскими монархами — Людовиком XIV, Карлом XII и Петром I. В тексте также есть анализ мотивов, побудивших русского царя заключить союзное соглашение с трансильванским князем. Однако далее следует обзор отношений между венгерским и русским народами в последующие века, прежде всего, рассуждения о подавлении венгерской революции и Освободительной войны 1848–1849 гг. Николаем I, сопоставление подхода двух царей к стремлениям венгерского народа обрести национальную свободу.

Как следует из отчета А.М. Панкратовой²¹ (см. док. № 2), четырехтомное издание материалов конгресса на русском языке было составлено заранее и вручено докладчикам до его открытия. Поэтому там не могло содержаться текста речи Тарле, написанной позднее. Можно лишь предположить, что он послал переработанный и дополненный текст изначальной рукописи (которая не сохранилась в его архивном наследии) редакторам-составителям сборника материалов конгресса, изданных на венгерском языке уже в 1954 г.

Представляется целесообразным опубликовать здесь не только рукопись Е.В. Тарле, но и тесно связанные с ней документы — два отчета главы советской делегации Панкратовой о пребывании советских историков в Венгрии. Это позволит составить более полное представление о духе конгресса, научной среде Венгрии и в конечном счете о самой эпохе написания доклада. Это небезынтересно еще и потому, что итоги и опыт конгресса побудили руководителей советской исторической науки провести структурные изменения в системе институтов АН СССР, чтобы основательнее, тщательнее изучать историю стран социалистического лагеря.

Первоначальный вид и структура документов, абзацы и т. д. в публикации сохранены. Пометы, дополнительные замечания, подписи и т.д. на бумаге от руки отмечены *курсивом*. Сокращения и аббревиатуры, которые широко распространены в машинописных текстах XX в., например т[оварищ], тов[арищ], А[кадемия] Н[аук], Ц[ентральный] К[омитет], с[его] г[ода], проф[ессор], акад[емик] и т. д., и начальные инициалы имен и отчеств российских научных деятелей публикуются в сокращении. Отдельные аббревиатуры публикуются в полном виде, с указанием на место сокращения квадратными скобками. Все подчеркивания в тексте — оригинальные. Документы публикуются по хронологическому принципу. Следует, однако, отметить, что соблюдение этого принципа не обязательно отражает логический и хронологический ход событий и историю возникновения рукописи текста выступления Е.В. Тарле. Очевидные опечатки и грамматические ошибки в публикации исправлены согласно современным нормам правописания.

№ 1

Рукопись текста выступления Е.В. Тарле о внешней политике

Ференца Ракоци и о международных обстоятельствах

Освободительной войны в Венгрии в 1703—1711 гг.

Без места, без даты. Машинописный оригинал. АРАН. Ф. 627. Оп. 1. Д. 160. Л. 12—17

РАКОЦИ И ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ

Ференц Ракоци является такой индивидуальностью, мимо которой не может пройти не только история Венгрии, но и всемирная история. Его геройская храбрость, его способность к полному забвению своих личных интересов и к самопожертвованию во имя интересов Родины, его умение подчинять увлечения своей страстной натуры велениям разума и строгого политического расчета, широта его кругозора, настойчивость и блестящий талант в борьбе за поставленную себе основную цель — все это ставит Ференца Ракоци в ряд великих исторических деятелей. У него в руках для проявления своих высоких талантов административных, военных, дипломатических была лишь малая страна и немногочисленный народ, — даже не вся Венгрия, а лишь часть Венгрии, у него не было в распоряжении ни Римской империи, как у Юлия Цезаря, ни Русской империи, как у Петра Великого, ни Всеевропейской монархии, как у Наполеона, и, конечно, его имя не гремит и не могло греметь во всемирной истории так, как прогремели имена этих деятелей. Но породивший Ференца Ракоци венгерский народ доказал уже

фактом его появления, что мадьяры великий политический народ, способный выдвигать из своей среды совершенно исключительно одаренных государственных людей и, что особенно характерно для истинно великих народов, — способный находить, понимать, ценить и делать своими вождями тех, кого природа снабдила всеми нужными качествами для этой трудной и высокой роли. Действуя в темной, еще почти беспросветной феодальной ночи, стоявшей над Венгрией, имея так мало экономических ресурсов для затеянной им революционной борьбы и видя перед собой целое полчище ожесточенных врагов, Ференц Ракоци не достиг своей конечной цели и не освободил свою страну от верховного владычества Габсбургов, — удивительно было конечно не это, но то, что долгие годы он мог держаться — только любовью народной массы, над которой достиг полной власти без средств в государственного принуждений* Удивительно было, что Ференцу Ракоци удалось то, что не удавалось до конца даже самым предприимчивым, самым прославленным вождям народных восстаний, действовавших в гораздо более благоприятных условиях, вроде Костюшко в Польше, и далеко не сразу удавалось народным вождям, провозвестникам национальных восстаний уже в капиталистическом периоде — вроде Гарибальди в Италии. Ракоци успел увлечь в свой лагерь часть представителей феодального класса и долгие годы мог поддерживать свою власть и боеспособность, опираясь на силы не только пошедших за ним «куруцов», но и многих из тех, которые и социально, и идеологически вышли из среды эксплуататорского класса. Долгие годы, когда власть над территорией Венгрии если не юридически, то фактически была разделена между домом Габсбургов и Ференцем Ракоци, и когда иностранные могущественные государства вели с венгерским предводителем дипломатические переговоры как с совершенно самостоятельным государством, эти долгие годы не могут быть вычеркнуты ни из истории Венгрии, ни из дипломатической истории Франции, Швеции, России.

У Ракоци хватило ума, расчета, силы политического анализа, чтобы понять, насколько полезен мог бы быть венгерский союз для любой державы, боровшейся в составе любой из двух коалиций, ведших в первые годы XVIII в. жестокую нескончаемую войну. С гениальной прозорливостью Ференц Ракоци понял раньше, чем кто-либо из руководителей боровшихся коалиций, до какой степени центральное географическое положение Венгрии дает ей стратегические преимущества в кипящей во всей Европе жестокой военной схватке. И в войне, которая велась между Людовиком XIV и Габсбургами за овладение Испанией и за гегемонию в Европе, — и в другой, еще более беспощадной войне, которая одновременно велась на севере Европы между Швецией и Россией из-за владычества в странах, омываемых Балтийским морем, Ракоци мог сказать свое слово и оказать влияние, он мог предложить свои услуги, свою помощь, наконец, важное тогда для любой страны венгерское посредничество либо Швеции, либо Петру Великому. Смертельно жестокая схватка между Карлом XII и Петром Великим продолжалась. Не вина Ракоци, что не были достигнуты благие для Венгрии последствия от дипломатических его сношений с великими державами.

Интересно отметить, что уже первые слухи о сношениях Ракоци с Людовиком XIV заставили Англию, союзницу Австрии, предложить австрийскому

* Так в тексте. По-видимому: *и средств государственного принуждения*.

императору Леопольду в 1704 г. обратиться к вождю восстания Ракоци с предложением очень существенных уступок в пользу Венгрии взамен на обещание Ракоци прекратить войну против Вены. Но не способен был Людовик XIV, надменный деспот, не признававший ни малейших прав за своим собственным народом и говоривший «Государство — это я» (*l' état c'est moi*), сколько-нибудь искренно относиться к Ракоци, бунтовщику против своего «законного государя». Этот Леопольд, против которого воевал Людовик XIV, был гораздо ближе и понятнее французскому народу, чем Ракоци, который предложил ему помощь против Леопольда. Да и военные советники Людовика XIV были почти сплошь бездарные и ничего не смыслившие в делах Восточной Европы люди. И рука Ракоци, протянутая к Франции, повисла в воздухе. Впоследствии, терпя поражения от австрийцев и англичан, раскаялся Людовик XIV в своей ошибке, вспоминая об отвергнутой им венгерской помощи, — но было поздно.

Ничего не извлек и шведский король Карл XII из начавшихся (и продолжавшихся) в 1705—1709 гг. сношений с представителями Ракоци, который предлагал посредничество для примирения шведов с русскими: военный авантюрист, обладавший большим военным талантом, Карл XII известен был даже еще до своей финальной катастрофы абсолютным непониманием политических дел. Достаточно сказать, что он громогласно, ничего не смягчая, направо трубил и болтал всем, кто его желал слушать, что он идет в Россию, чтобы низвергнуть Петра Великого, покончить с существованием России, разделить Россию на удельные княжества и посадить в Москве шведского губернатора Акселя Спарре²² для управления всем русским народом. Между этим сумасбродом Карлом XII, которого Вольтер назвал «необыкновенным сумасшедшим», и трезвым, благоумным политиком — Ференцем Ракоци — никакого соглашения быть не могло. Они разошлись. Карл XII, имевший глупость пренебрежительно относиться к Ракоци, устремился дальше по своей безумной дороге и был позорно разгромлен под Полтавой, а Ракоци обратился к новым поискам союзников.

Этим возможным союзником мог быть только Петр Великий. Своим светлым умом Петр понял хорошо и *натуру* Ракоци, и его личные качества правителя и человека, и его роль в Венгрии, и большую пользу, которую дружба и возможный в будущем союз с Ракоци могли бы оказать на ведущуюся Россией войну. Петр полагался не только лично на Ракоци, но и на его армию и явно считал его гораздо более способным брать на себя политические обязательства, чем, например, официального союзника России польского короля и саксонского курфюрста Августа II. Петр знал, каковы были последствия одновременно существования в Польше двух польских королей: Августа II и Станислава Лещинского и как трудно (и все труднее с каждым годом) было положиться на верности стойкость польской шляхты ввиду междуусобия, царившего в стране. Стоя в Жолкевском²³ лагере с большой армией, расположенной около Люблина, с декабря 1706 г. до апреля 1707 г. Петр мечтал прогнать из Польши не только Станислава Лещинского, посаженного Карлом XII, но также и изменившего России самым предательским образом Августа II и посадить на польский престол Ференца Ракоци — которому русский царь доверял полностью. Но ни в 1705, ни в 1706,

ни в 1707 гг. у Петра еще не было возможности повести наступательную войну против войск Карла XII, находившихся сначала в Польше, а потом в Саксонии, и Ракоци не мог активно воевать против шведов и удвоить для этого из Венгрии в Польшу или Саксонию свою храбрую, сильную, дисциплинированную армию. А шведская армия уже в конце 1707 г. ушла на север и в июне 1708 г. начала свою завоевательную кампанию, кончившуюся ровно через год — в июне 1709 г. — несслыханным полным уничтожением шведской армии под Полтавой и паническим бегством Карла XII и его свиты в Турцию под покровительство турецкого султана. Любимый проект Петра посадить Ракоци на польский престол стал затруднителен вследствие того, что пришлось вернуть Августа II, который в 1706 г. продал Петра Карлу XII, а теперь в 1709 г. клялся искупить свою вину «новой изменой» и уже на этот раз продал Карла XII Петру. Но следует сказать, что Ракоци, которого интересовал не польский престол, а независимость Венгрии, и сам не стремился уйти со своей армией в далекую польскую войну, ослабляя оборону Венгрии от всегдашней опасности — от агрессии со стороны Вены. Утрехтский мир освободил Австрию от угрозы со стороны Людовика XIV, подобно тому как Полтава освободила Россию от шведской угрозы. Умирая в 1735 г. 60 лет от роду, венгерский герой не дождался освобождения своей родины. Но его чистый образ всегда останется в благодарной памяти венгерского народа как символ борьбы за венгерскую свободу, за национальную честь и независимость.

Я очень горд тем, что мне позволено было принять участие в чествовании памяти того, кого Петр Великий считал самым надежным и самым благородным из всех дипломатов, предлагавших России союз и дружбу.

В наши дни окончательного прочного утверждения русско-венгерской дружбы нам особенно отрадно чтить память великого мадьярского патриота. Я хочу сказать на языке Ракоци:

Эльен о нодь модьяр неп!^{*}

№ 2

Отчет А.М. Панкратовой Иностранному отделу АН СССР о пребывании советской делегации на конгрессе венгерских историков, проходящем в Будапеште с 6 по 13 июня 1953 г., Москва, 11 июля 1953 г.

Машинописная копия. АРАН. Ф. 579. Оп. 2. Д. 76. Л. 10—24

ОТЧЕТ О РАБОТЕ ДЕЛЕГАЦИИ НА КОНГРЕССЕ ВЕНГЕРСКИХ ИСТОРИКОВ В БУДАПЕШТЕ с 6 по 13 июля** 1953 года

Советская делегация на конгрессе венгерских историков в составе академика Е.В. Тарле, члена-корреспондента А.М. Панкратовой, профессора П.Н. Третьякова²⁴ выехала в Будапешт 2 июля** и прибыла в Венгрию 5 июля** с. г. На границе

* Транскрипция венгерского: «*Éljen a nagy magyar nép!*» («Да здравствует великий венгерский народ!»).

** Так в тексте. Очевидно, опечатка. Правильно: *июня*.

* Так в тексте. По-видимому: *верность и стойкость*.

нас встретил один из руководителей конгресса историков — директор Института рабочего движения тов. Рети²⁵. В Будапеште нас очень тепло встретили на вокзале представители научной и партийной общественности Венгрии и советских представительных учреждений*.

Советская делегация была размещена в Доме отдыха ЦК П[артии] В[енгерских] Т[рудящихся] в Буде и очень хорошо обслуживалась. Каждый из трех советских делегатов имел своего переводчика-секретаря и автомашину и имел полную возможность знакомиться со всем, что представляло для него интерес. Однако все дни нашего пребывания были так загружены работой на конгрессе, в совещаниях, представительствах и т. п., что времени у нас не оставалось.

Открытие конгресса и его дальнейшая работа происходили в Большом зале Академии наук Венгрии. На конгрессе участвовали венгерские историки — научные работники, преподаватели истории высших и средних учебных заведений. В качестве гостей было много представителей венгерской интеллигенции разных специальностей, пропагандистов и партийных работников. Конгресс вызвал большой интерес и хорошо посещался. Много внимания конгрессу уделяли президиум Венгерской академии наук. Руководство конгрессом осуществлял ЦК партии в лице его секретаря тов. Реваи и других руководящих товарищей, направляющих идеологическую работу. Непосредственно руководили работой конгресса академики Мольнар²⁶, Андич²⁷, Больгер^{** 28} и др.

Следует отметить, что конгресс был хорошо организован, проходил без всяких осложнений, отлично освещался в прессе. Все доклады и значительная часть содокладов были переведены для советских делегатов на русский язык. Все материалы давались нам своевременно и аккуратно.

Содержание докладов и научная работа конгресса мною освещены в информационной статье для «Вестника Академии наук»²⁹, которую я прилагаю при настоящем отчете.

В дополнение к этому материалу считаю необходимым сообщить следующее. Политическое направление работы конгресса надо признать правильным. Все доклады были целеустремленными по своей тематике: они имели целью показать, во-первых, лучшие традиции борьбы венгерского народа за свободу и независимость, и во-вторых, подчеркнуть исторические связи народов Венгрии, России, Польши, Чехословакии, Румынии, Болгарии и других стран современного демократического и социалистического лагеря. Идея дружбы народов пронизывала большинство докладов и содокладов.

К сожалению, доклады на Конгрессе не обсуждались; поэтому историческое обоснование идеи дружбы народов и показ общности борьбы в прошлом стран народной демократии не получили освещения в выступлениях делегатов, в том числе историков стран народной демократии.

Вторым существенным недостатком конгресса (кроме отсутствия обсуждения докладов) надо признать отсутствие общего доклада об итогах работы венгерских историков и их дальнейших задачах. Доклад тов. Мольнара «Труд товарища Сталина “Экономические проблемы социализма в СССР” и проблемы

венгерской истории» был заслушан последним и тоже не обсуждался. В заключительных речах руководителей конгресса также не формулировались с достаточной полнотой и конкретностью задачи и перспективы развития исторической науки в Венгрии.

Эти недочеты были несколько исправлены на совещаниях 9 и 10 июня, на которых были заслушаны доклады руководящих историков: З. И.^{*30} «Главные вопросы сотрудничества с исторической наукой стран народной демократии» и М. Бера^{**31} на тему «Помощь советских историков новой венгерской исторической науке».

На этих совещаниях были намечены предложения о перспективном плане разработки исторических проблем, общих для стран народной демократии. К таким проблемам относятся, например, вопросы возникновения феодализма в этих странах (классовая сущность Великоморавии, роль славянских народов в возникновении феодализма на территории Румынии и Венгрии, параллельные черты развития феодальных отношений в наших странах и др.). К общим проблемам относится и вопрос о совместной борьбе народов Юго-Западной Европы против монголо-татарских, турецких, немецких и др. агрессоров, а также вопрос о централизации государственной власти, ускоренной в результате необходимости обороны.

К общим проблемам относятся проблемы изучения крестьянских движений в XIV–XVIII столетиях. Особенный интерес в этой связи вызывает вопрос об изучении гуситских движений. От имени чехословацкой делегации тов. Мацек³² внес предложение о том, что чехословацкие историки возьмут на себя организацию составления общего труда об освободительных движениях крестьян в XV–XVI веках, в первую очередь о распространении гуситского движения в Чехии, Польше, Венгрии и др. странах. Это предложение было единодушно принято объединенным совещанием историков стран народной демократии.

К проблемам, вызывающим общий интерес, относятся также проблемы возникновения капитализма и особенности его развития в странах на Восток от Эльбы. В связи с этим возникли такие проблемы, как проблема первоначального накопления капитала, складывания буржуазных наций и буржуазных революций, особенности национально-освободительной борьбы в этих странах, движение якобинцев в этих странах, связь между нашими народами во время революции 1848–1849 гг., вопрос о влиянии угнетательской национальной политики господствующих классов Габсбургской монархии и др.

К общим проблемам в истории стран народной демократии и Советского Союза особенно относятся проблемы, связанные с возникновением рабочего класса и развития рабочего движения. В этой связи на конгрессе были поставлены некоторые доклады, а на совещании выдвинуто предложение о создании совместными усилиями историков стран народной демократии и Советского Союза сборника, посвященного 50-летию первой русской революции и ее международному значению. На совещании было принято решение просить Институт истории Академии наук СССР взять на себя руководство этой коллективной работой.

* Так в тексте. Должно быть: *советских представительских учреждений*.

** Так в тексте. Правильно: *Больгар*.

* Так в тексте. Правильно: *З. Тома*.

** Так в тексте. Правильно: *Д. Эмбера*.

К общим проблемам, необходимость разработки которых была признана всеми историками, особенно относятся проблемы, связанные с влиянием Великой Октябрьской социалистической революции и дальнейшей победой социализма в СССР. Разработка этой проблемы является особенно важной задачей историков стран народной демократии, которые включили ее в свои перспективные планы. В этой связи было выдвинуто предложение подготовить к 1957 г., к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции, коллективный труд на тему о влиянии Великой Октябрьской революции на развитие революционного подъема 1917–1923 гг. в нынешних странах народной демократии. Организацию работы и руководство ею взяли на себя венгерские историки.

Большое значение приобретает в настоящее время история борьбы против фашистских режимов, а также история возникновения и развития народно-демократического строя в европейских странах народной демократии. Разработка этой проблемы, тесно связанная с исследованием истории революционных рабочих партий в этих странах, становится очередной и самой важной задачей историков стран народной демократии. В этой связи историки Польши и Румынии выдвинули предложение отметить 10-летнюю годовщину освобождения нынешних стран народной демократии Советской Армией изданием к 1955 году коллективного сборника, посвященного истории борьбы народов этих стран за свое национальное и социальное освобождение и величайшей освободительной роли Советской Армии, разгромившей фашистских агрессоров. Организацию и руководство составлением этого коллективного сборника взяли на себя польские историки.

Все эти предложения надо признать положительным фактором в деле установления творческого содружества историков стран народной демократии и Советского Союза, поскольку они будут содействовать успешному развитию марксистско-ленинской исторической науки в этих странах.

На совещаниях 9 и 10 июня были приняты и другие предложения, направленные к установлению более регулярной и интенсивной взаимной информации, к регулярному ознакомлению друг друга с научными достижениями историков стран народной демократии и Советского Союза. Было постановлено открыть в наших научных журналах специальный отдел «Исторический фронт в СССР и странах народной демократии», в котором систематически освещать достижения исторической науки в СССР и странах народной демократии. Было постановлено также улучшить регулярный обмен книгами, статьями и докладами, особенно по таким проблемам, которые представляют общий интерес для историков стран народной демократии. Институты истории отдельных стран должны рекомендовать для перевода на другие языки стран народной демократии такие свои труды, которые представляют для них особенный интерес. Было решено обратить внимание на регулярный перевод обобщающих трудов и важнейших монографий, а также организовать обсуждение рукописей важнейших трудов, касающихся общих вопросов и университетских учебников.

Вопросы связи между историческими учреждениями заняли особенно большое место при обсуждении докладов т.т. Тота и Бера*. Было постановлено, что-

бы академии наук стран народной демократии включили в свои планы темы, представляющие общий интерес, и по полугодиям взаимно информировали друг друга об их реализации. Было постановлено также организовать совместные дискуссии на совещаниях и конференциях по отдельным вопросам и более широкого характера. Выразалось пожелание усилить личные связи и взаимные приглашения отдельных историков для докладов или для чтения лекций, организовать научную переписку между отдельными исследователями, обмен аспирантами и студентами, организовать научные командировки для работы в архивах и библиотеках, для посещения научных учреждений, для изучения опыта работы историков дружественных стран. Было принято также предложение организовать специальные секции в институтах истории отдельных стран для изучения истории Советского Союза и стран народной демократии. Для улучшения постановки взаимной научной информации было выражено пожелание регулярно посылать списки изданий исторического характера вместе с резюме отдельных трудов, особенно обеспечить взаимное использование источников, путеводителей архивов, каталогов библиотек и рукописных фондов, информирующих об источниках, а также оказывать содействие о приобретении фотокопий на основе взаимности.

Все эти и другие предложения должны быть обсуждены и одобрены надлежащими органами, о чем надлежит осведомить участвующие на конгрессе делегации.

Кроме указанных двух совещаний в ходе конгресса было устроено совещание руководящих историков Венгрии совместно с делегациями историков стран народной демократии и СССР 14 июня, после окончания конгресса. Это совещание имело целью подвести итоги работы конгресса и наметить дальнейшие задачи развития исторической науки Венгрии, а также выяснить некоторые спорные вопросы, касающиеся истории Венгрии и стран народной демократии. Это совещание вылилось в самокритичное обсуждение итогов конгресса. Венгерские историки, а также и другие участники конгресса признали ошибочным отсутствие обсуждения на конгрессе важнейших, особенно наиболее спорных проблем исторической науки, отсутствие специальных секций на конгрессе, в которых можно было бы деловым образом обсудить и наметить решение проблем, касающихся истории Венгрии и ее соседей. Венгерские историки признали также, что доклад тов. Мольнара отличался некоторой декларативностью, неправильно был поставлен в конце конгресса, а не в самом начале его, а главное, что он не был обсужден и не подвел итогов состояния венгерской исторической науки и не конкретизировал ее ближайших задач и перспектив³³.

Тов. Андич, председатель Венгерского общества историков, и акад. Мольнар формулировали важнейшие задачи венгерских историков, подчеркивая необходимость борьбы за марксизм в исторической науке, борьбы с пережитками идеалистического мировоззрения, ранее распространенного среди историков, а также борьбы с буржуазным объективизмом, также довольно широко распространенным среди историков Венгрии. Изучая традиции освободительной борьбы, необходимо отметить опасность романтической идеализации отдельных исторических личностей и уделять гораздо больше внимания конкретному

* Так в тексте. Правильно: *Эмбера*.

показу творческой роли масс, рабочих и крестьян, в исторической жизни венгерского общества.

Венгерские историки отмечали, что прошедшие во время конгресса совместные дискуссии и обсуждение дальнейших задач поможет им наметить правильные пути развития исторической науки Венгрии. Член ЦК партии тов. Реваи, подводя итоги работы конгресса, подчеркнул особенно большое значение участия в нем историков стран, строящих социализм, в частности советских историков. Он указал, что историческая наука, развивающаяся на основе марксистско-ленинской методологии, одно из важнейших средств воспитания масс в духе идеологии пролетарского интернационализма и дружбы народов. Он подчеркнул необходимость изучать то, что нас объединяло и связывало в прошлом, и с классовых позиций критически относиться к тому, что нас в прошлом разъединяло. Важнейшей задачей историков Венгрии в дальнейшем должна быть задача борьбы против всяких проявлений национализма и шовинизма, более последовательная и решительная борьба с буржуазной историографией, конкретное изучение истории лучших прогрессивных национальных традиций и в особенности более широкое документальное изучение истории народной демократии и строительства социализма в Венгрии и в других странах народной демократии.

Венгерские историки должны лучше изучать историю Советского Союза, в особенности историю борьбы советского народа за победу социализма, за строительство нового коммунистического общества.

На этом итоговом совещании, прошедшем активно и оживленно, было высказано много конкретных предложений по вопросам дальнейших планов и задач историков Венгрии и других стран народной демократии. Совещание проходило в теплой и дружественной атмосфере. После совещания был устроен большой банкет, также показавший ту дружественную и непринужденную обстановку, в какой происходила вся работа конгресса и все встречи венгерских историков с историками СССР и стран народной демократии.

На следующий день, 15 июня, накануне отъезда советских делегатов, в Центральном Комитете Венгерской партии трудящихся была организована встреча советских делегатов с руководителями партии и с руководителями Академии наук и исторических учреждений Венгрии. Руководители партии выразили благодарность советским делегатам за их участие в конгрессе и за помощь венгерским историкам в последующих совещаниях и встречах, также высказали пожелание об установлении более тесных связей и более регулярного общения советских и венгерских историков.

На этом совещании были обсуждены и некоторые принципиальные вопросы исторической науки, а также ее дальнейшие перспективы. Тов. Реваи заявил, что итоги работы конгресса венгерских историков будут обсуждены на политбюро ЦК П[артии] В[енгерских] Т[рудящихся], а затем будет подготовлена статья для публикации в печати, в которой должны быть подчеркнуты как успехи, так и недостатки работы венгерских историков и намечены дальнейшие задачи и перспективы их работы. Важнейшие принципиальные и спорные вопросы исторической науки будут обсуждены на теоретическом семинаре при ЦК партии. Представители ЦК партии изложили свои пожелания

и просьбы к советским историкам. В первую очередь они просили усилить внимание к изучению истории Венгрии, поскольку в научных учреждениях, институтах и на кафедрах истории в СССР почти нет специалистов по истории Венгрии, диссертации по истории Венгрии почти не пишутся³⁴. Все это затрудняет работу венгерских историков, которые учатся на опыте советских историков.

Вместе с тем было выражено пожелание увеличить количество студентов и аспирантов, особенно по изучению истории Советского Союза из среды командированных в Москву молодых венгерских историков для того, чтобы подготовить специалистов по истории СССР для Венгрии.

В ЦК П[артии] В[енгерских] Т[рудящихся] положительно отнеслись к предложениям, принятым на конгрессе. О создании четырех коллективных работ, выполняемых силами историков стран народной демократии, а также к предложениям об усилении связи, взаимной информации и сотрудничества между историками СССР и странами народной демократии.

Нас просили на этом совещании в свою очередь обсудить сделанные предложения и прислать наши решения.

В заключение настоящего отчета о работе конгресса и совещаниях, происходивших во время конгресса и после него, следует добавить о наших впечатлениях от посещений исторических учреждений, музеев, архивов и т.п. Нам была предоставлена широкая возможность ознакомления со всеми научно-историческими учреждениями. Мы посетили Будапештский университет, заслушали доклад ректора³⁵ университета о его работе и задачах. С работниками университета мы обсудили вопрос о постановке работы на истфаке, который открывается по постановлению правительства в сентябре этого года. Мы приняли активное участие в специальном обсуждении с авторским коллективом, работающим над вузовскими учебниками по истории, и поделились с ними нашим опытом работы над учебниками.

Выяснилось, что над учебниками для вузов по истории Венгрии и по другим историческим дисциплинам работает большой авторский коллектив, но что эта авторская работа идет без общего утвержденного плана. По нашему совету было принято решение составить и обсудить как на авторском коллективе, так и в научных учреждениях проспект намеченных шести томов «Истории Венгрии» и в дальнейшем поставить всю работу по подготовке учебника более организованно и планомерно, с усилением контроля над выполнением отдельных частей учебника и с необходимым согласованием этих частей.

Были обсуждены и другие вопросы, касающиеся обеспечения единства содержания при большом количестве авторов, структуры и стиля томов, наиболее удобного метода изложения — хронологического или проблемного — и другие вопросы принципиального и методического характера.

Мы посетили также Институт имени Ленина при Будапештском университете, готовящий кадры преподавателей основ марксизма-ленинизма, преподавателей русского языка для вузов и переводчиков — специалистов русского языка. Этот Институт, носящий высокое имя Ленина, является политически важным учебным заведением, укомплектованным преимущественно из членов партии и Союза молодежи. На расширенном заседании актива преподавателей

и студентов этого Института мне пришлось сделать доклад о важнейших проблемах исторической науки в СССР.

Кроме того, по просьбе партийных инстанций, я прочла лекцию в Высшей партийной школе при ЦК партии на тему «Братство и дружба народов СССР — источник силы многонационального Советского государства». Лекция была выслушана с большим вниманием и интересом, так как национальный вопрос в истории Венгрии является одним из наиболее сложных вопросов.

Была устроена встреча венгерских археологов с проф. Третьяковым, который поделился опытом организации и руководства работой археологических экспедиций в СССР. Акад. Тарле встретился с преподавателями и научными работниками, изучающими всеобщую историю, и дал им консультацию по интересующим их специальным и общим вопросам новой и новейшей истории. Я встретила с историками, изучающими историю рабочего движения и историю СССР и также дала консультацию по интересующим их вопросам. Институт истории рабочего движения организовал для советской делегации специальное ознакомление их, как с работой Института, так и организованных при нем музеев и архивов. После этого посещения был организован обмен мнений и заслушан доклад о работе Института рабочего движения и его перспективах. Делегаты — историки СССР и стран народной демократии — посетили Венгерский государственный архив, заслушали сообщения о его работе, осмотрели архивохранилище, а один из наших делегатов академик Тарле поработал в архиве, где ему были предоставлены ценные документы о дипломатических отношениях между Венгрией и Россией при Петре I³⁶.

Делегаты посетили раскопки средневековой крепости и музей в Буде, а также различные соборы, дворцы, парламент и совершили экскурсию по городу Будапешту. В воскресенье 14 июня все делегаты СССР и стран народной демократии выехали на озеро Балатон в дом отдыха ЦК партии, где получили возможность отдохнуть после напряженной работы.

16 июня два члена делегации — проф. Третьяков и я — улетели в Москву утром, а академик Тарле уехал поездом вечером того же дня, в сопровождении одного из историков, провожавшего его до границы.

Таким образом, можно подчеркнуть исключительное внимание и дружеский прием, оказанные нам венгерскими историками, руководством Венгерской академии наук и руководящими партийными и правительственными инстанциями.

По возвращении в СССР мы считали своим долгом сообщить об итогах конгресса венгерских историков нашей научной общественности. Делегаты сделали сообщения как на Бюро отделения истории и философии, так и на публичном совещании, организованном этим бюро. В «Литературной газете» была опубликована статья академика Тарле о его впечатлениях от конгресса венгерских историков³⁷. Мною подготовлена статья для помещения в органе АН СССР «Вестник Академии наук». Прилагаю здесь мое вступительное и заключительное слово на конгрессе венгерских историков³⁸.

11.VII.1953 года

Руководитель делегации
член-корреспондент АН СССР
А.М. Панкратова

№ 3

*Письмо А.М. Панкратовой М.А. Суслову³⁹, секретарю ЦК КПСС
Москва, 10 сентября 1953 г.*

Машинописный оригинал. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 426. Л. 70

*Многоуважаемый Михаил Андреевич! 10.IX.1953 г.

Направляю Вам и одновременно Петру Николаевичу Поспелову⁴⁰ записку по поводу принятых на конгрессе венгерских историков постановлений и прошу Ваших указаний по этому поводу.

Вместе с тем, я очень хотела бы информировать Вас лично о некоторых жалобах венгерских ученых и представителей общественности Венгрии в связи с недостаточным с нашей стороны вниманием и помощью в их работе, в частности и со стороны тех советских товарищей, которые постоянно работают в Будапеште.

Если Вы сочтете возможным уделить мне несколько минут, прошу уведомить меня.

С коммунистическим приветом: А. Панкратова

Записка А.М. Панкратовой М.А. Суслову о конгрессе венгерских историков, проходящем в Будапеште с 6 по 13 июня 1953 г.

Москва, 1 сентября 1953 г.

Машинописный оригинал. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 426. Л. 71-76

СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС
ТОВАРИЩУ СУСЛОВУ М.А.

Многоуважаемый Михаил Андреевич!

Советская делегация на конгрессе венгерских историков, в составе академика Е.В. Тарле, члена-корреспондента АН СССР А.М. Панкратовой и профессора П.Н. Третьякова, участвовала в работе конгресса в Будапеште с 5 по 13 июня с.г. Письменный отчет о работе делегации был нами представлен в Отдел науки КПСС и Иностранный отдел Академии наук СССР. Устный доклад делегация сделала на расширенном заседании в Бюро отделения истории и философии. Кроме того, делегация подготовила и публикует в журнале «Вопросы Истории» № 7 отчетную статью под названием «Конгресс венгерских историков», а также помещает краткий отчет о работе конгресса в органе Академии Наук СССР «Вестник Академии наук СССР».

В настоящем письме я, в качестве руководителя делегации, считаю необходимым информировать Вас о важнейших вопросах, поднятых во время работы конгресса, и некоторых задачах, которые стоят в настоящее время перед советскими историками, в связи с выдвинутыми на конгрессе предложениями.

* В верхнем углу листа: Член-корреспондент Академии наук СССР Анна Михайловна Панкратова, Москва, Калужское шоссе, д. 71/а, кв. 46. Тел.: В 2-05-42, доб. 58. Тут же отпечатались: ЦК КПСС 45572 КОНТРОЛЬ 11 СЕН. 1953.

Конгресс венгерских историков в Будапеште фактически превратился в конгресс историков стран народной демократии не только потому, что в нем участвовали представители исторической науки всех стран народной демократии, но и потому, что в повестке дня конгресса было поставлено много докладов и содокладов, касающихся вопросов об исторических связях и совместной борьбе народов Венгрии, Польши, Чехословакии, Румынии, Болгарии, Албании, а также роли России в освободительной борьбе этих народов, против их угнетателей и эксплуататоров. Идея дружбы народов и необходимости укрепления сотрудничества современного демократического и социалистического лагеря пронизывала большинство докладов и содокладов.

С той же целью в ходе конгресса были организованы два специальных совещания 9 и 10 июня с. г. руководителей венгерских научно-исторических учреждений и присутствовавших делегаций историков стран народной демократии и СССР. На этих совещаниях были заслушаны доклады руководящих венгерских историков З. Тота на тему: «Главные вопросы сотрудничества с исторической наукой стран народной демократии» и Д. Эмбера на тему: «Помощь советских историков новой венгерской исторической науке».

В оживленной дискуссии по этим докладам были намечены предложения о перспективном плане разработки исторических проблем, общих для стран народной демократии. К таким проблемам относятся, например, вопросы возникновения феодализма в этих странах, параллельные черты развития феодальных отношений и их особенности по сравнению с западным феодализмом; вопросы совместной борьбы народов этих стран против общих врагов — монголо-татарских, турецких, германских и англо-американских агрессоров; проблемы крестьянских движений в XIV—XVIII столетиях и их взаимосвязи; проблемы возникновения капитализма и особенности его развития в странах «на восток от Эльбы». В связи с этим возникли такие проблемы, как проблема первоначального накопления, складывания буржуазных наций и возникновение буржуазных революций, особенности национально-освободительной борьбы в этих странах, проблемы революции 1848—1849 г., вопрос о влиянии русских революционных демократов в этих странах, вопрос о борьбе против угнетательской политики господствующих классов в Габсбургской монархии и другие. К общим проблемам, необходимость разработки которых была признана всеми историками на этих совещаниях, относятся проблемы, связанные с возникновением рабочего класса и развитием рабочего движения, особенно проблемы, связанные с влиянием первой русской революции, Великой Октябрьской социалистической революции и победы социализма в СССР. Было признано необходимым усилить конкретное изучение истории борьбы народов этих стран против фашистских режимов, а также историю возникновения и развития народно-демократического строя в европейских странах народной демократии.

Конкретизируя задачи, стоящие перед историками стран народной демократии на ближайший период, вытекающие из необходимости изучения указанных общих проблем, совещания, а также конгресс в своих решениях подчеркнули желательность разработки важнейших вопросов совместными усилиями историков стран народной демократии и Советского Союза. В первую очередь было намечено подготовить объединенными усилиями сборник исследовательских

статьей, посвященных 50-летию первой русской революции и ее международному значению. На совещании было принято решение просить Институт Истории Академии Наук СССР взять на себя руководство этой коллективной работой. Я обещала поставить этот вопрос перед руководством Института истории и сообщить наше решение.

Кроме того, от имени чехословацкой делегации тов. Мацек внес предложение о том, чтобы общими усилиями историков стран народной демократии был подготовлен сборник об освободительном движении крестьянства в XV—XVI вв., в первую очередь о распространении гуситского движения в Чехии, Польше, Венгрии и других странах. Это предложение было единодушно принято объединенным совещанием историков стран народной демократии, которые поручили чехословацким историкам взять на себя организацию составления общего труда.

По предложению делегатов Польши и Румынии было решено отметить десятилетнюю годовщину освобождения нынешних стран народной демократии Советской Армией изданием в 1955 году коллективного сборника, посвященного истории борьбы народов этих стран за их национальное и социальное освобождение от фашистских агрессоров. Организацию и руководство составлением этого коллективного сборника взяли на себя польские историки.

В связи с предстоящим в 1957 году 40-летием Великой Октябрьской социалистической революции венгерские историки предложили составить коллективный труд о роли Великой Октябрьской социалистической революции на развитии революционного движения в послеоктябрьский период в нынешних странах народной демократии. Организацию работы и руководство этим коллективным трудом взяли на себя венгерские историки.

Из перечисленных четырех коллективных работ советские историки могли бы вполне конкретно выполнить просьбу историков стран народной демократии об организации коллективного труда, в связи с 50-летием первой русской революции. Что касается трех остальных сборников, то здесь участие советских историков могло бы ограничиться консультацией и другими видами научной помощи. В сборник по истории крестьянских движений советские историки могли бы послать статью, например профессора Смирин⁴¹.

Все эти предложения, несомненно, будут содействовать установлению творческого сотрудничества и дружбы народов в области идеологии и будут способствовать успешному развитию марксистско-ленинской исторической науки в этих странах.

На совещаниях и на конгрессе были приняты и другие предложения, направленные к установлению более регулярной и интенсивной взаимной информации, к регулярному ознакомлению друг друга с научными достижениями историков стран народной демократии и Советского Союза. Было постановлено систематически помещать в научных журналах статьи и информацию о работе историков стран народной демократии; улучшить регулярный обмен книгами, статьями и докладами, особенно по таким проблемам, которые представляют общий интерес для историков стран народной демократии; было высказано пожелание рекомендовать для перевода на другие языки стран народной демократии такие научные труды, которые могут представить общий интерес; было решено обратить внимание на регулярный перевод обобщающих трудов, важнейших

монографий, а также организовать обсуждение рукописей важнейших трудов, касающихся общих вопросов и университетских учебников. Было постановлено, чтобы Академии наук стран народной демократии включили в свои планы темы, представляющие общий интерес, и по полугодиям взаимно информировали друг друга об их реализации. Выразалось пожелание усилить научные связи, организовать совместные дискуссии на совещаниях и конференциях по отдельным вопросам, усилить личные связи и взаимные приглашения отдельных ученых для докладов или для чтений лекций, организовать научную переписку между отдельными исследователями и научные командировки для работы в архивах и в библиотеках, для посещения научных учреждений, для изучения опыта работы историков дружественных стран; было принято решение с целью улучшения взаимной научной информации регулярно посылать списки изданий исторических трудов на русском и других языках стран народной демократии, обеспечить издание путеводителей архивов, каталогов библиотек и рукописных фондов, оказывать содействие в приобретении фотокопий на основе взаимности и т. п. Было обращено внимание на необходимость обмена аспирантами и студентами и улучшения работы с ними. Было принято также предложение организовать в Институтах Истории отдельных стран специальные секции и отделы для изучения истории Советского Союза и европейских стран народной демократии.

Все эти и другие предложения должны быть обсуждены и одобрены надлежащими органами, о чем надлежит уведомить участвующие на конгрессе делегации.

В виду того, что все изложенные в настоящей записке предложения должны быть обсуждены и в Институте Истории АН СССР, я прошу Ваших указаний и разрешения принять участие в коллективных работах историков стран народной демократии, в первую очередь в сборнике «Международное значение первой русской революции» и в сборнике по истории крестьянских движений XVI–XVII веков.

1 сентября 1953 г.

А. Панкратова

№ 4

Записка Ф.Д. Хрустова⁴², первого заместителя заведующего и А.В. Лихолата⁴³, ответственного работника Отдела культуры и науки ЦК КПСС М.А. Суслову, секретарю ЦК КПСС

Москва, 16 сентября 1953 г.

Машинописный оригинал. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 426. Л. 77–78

СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС тов. СУСЛОВУ М.А.

В соответствии с Вашим поручением нами рассмотрена записка т. Панкратовой о поездке в июне с.г. делегации советских историков на конгресс венгерских историков в г. Будапешт.

Тов. Панкратова сообщает, что принимавшие участие в работе конгресса историки Венгрии, Чехословакии, Болгарии, Польши, Албании внесли ряд

предложений о расширении научных связей между научными работниками в области истории стран народной демократии и историками Советского Союза. В частности были внесены предложения о подготовке совместных коллективных работ по таким вопросам, как международное значение первой русской революции и истории крестьянских движений в XV–XVI вв. Участники конгресса высказались за более широкий обмен информацией между историками стран народной демократии и Советского Союза о научных исследованиях в области истории, совместное обсуждение важнейших монографий и обобщающих научных трудов, а также за регулярный обмен книгами и статьями, особенно по таким проблемам, которые представляют общий интерес для историков стран народной демократии.

Предложения историков стран народной демократии, высказанные на конгрессе в Будапеште, были обсуждены на бюро Отделения исторических наук, в редакции журнала «Вопросы истории», а также в Институте истории и Институте славяноведения АН СССР.

Институт истории АН СССР, по сообщению и. о. директора т. Сидорова⁴⁴, считает целесообразным принять участие совместно с историками Польши, Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Румынии и Албании в подготовке коллективных работ о международном значении первой русской революции и крестьянских движений в XV–XVI вв. (эти темы будут включены в план работы института на 1954–1955 гг.). Институтом систематически будут направляться в страны народной демократии издаваемые им научные труды по истории.

Институт славяноведения, по сообщению директора института т. Третьякова, намечает в 1954 г. организовать обсуждение с участием историков Болгарии, Польши и Чехословакии подготовленных очерков по истории этих стран.

В журнале «Вопросы истории», по сообщению т. Панкратовой, в 1953–1954 гг. будет опубликована статья о конгрессе венгерских историков в Будапеште, а также ряд статей, заказанных историкам стран народной демократии, по важнейшим проблемам истории этих стран.

В целях более глубокого и всестороннего изучения истории и культуры стран народной демократии Отделение исторических наук внесло в президиум АН СССР предложение о реорганизации Института славяноведения в Институт истории европейских стран народной демократии (до настоящего времени история таких стран как Венгрия, Румыния, Албания не изучалась ни в одном учреждении Академии наук).

По сообщению т. Топчиева⁴⁵ Президиум Академии наук СССР в ближайшее время рассмотрит мероприятия, намеченные Отделением исторических наук, Институтом истории, Институтом славяноведения и редакцией журнала «Вопросы истории», по улучшению разработки истории стран народной демократии и укреплению связей с историками этих стран.

Свои предложения по этому вопросу президиум АН сообщит в ЦК КПСС.

16/IX 1953 г.

*Ф. Хрустов (Ф. Хрустов)
А. Лихолат (А. Лихолат)*

- ¹ О существовании рукописи упоминает биограф Е.В. Тарле, см.: *Чапкевич Е.И.* Показ из рук не выпало перо. Жизнь и деятельность академика Е.В. Тарле. М., 1994. С. 173.
- ² Подробнее об этом периоде см.: *Барат М.* Венгерско-советские отношения в период от смерти Сталина до начала революции 1956 г. // Восточный блок и советско-венгерские отношения, 1945–1989 гг. / Отв. ред. О.В. Хаванова. М., 2008. С. 68–92.
- ³ *Тарле Е.В.* Крестьяне в Венгрии до реформы Иосифа II // Академик Евгений Викторович Тарле. Сочинения в двенадцати томах / Главн. ред. Е.В. Ерусалимский; ред. тома Б.Ф. Поршнева. М., 1957. Т. I. С. 3–35.
- ⁴ См.: *Тарле Е.В.* Европа от Венского конгресса до Версальского мира 1814–1919. Л., 1924. С. 193–194; *Он же.* Политика. История территориальных захватов (XV–XX вв.). М., 2001. С. 688–728.
- ⁵ *Чапкевич Е.В.* Указ. соч. С. 147.
- ⁶ Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР, 1940–1946: Документы / Отв. ред. Т.М. Исламов. М., 2000. С. 4.
- ⁷ Там же. С. 8.
- ⁸ *Каганович Б.С.* Евгений Викторович Тарле и Петербургская школа историков. СПб., 1995. С. 136.
- ⁹ См. док. № 2, 3. Согласно некоторым данным, I Конгресс венгерских историков предполагалось организовать с 7 по 13 декабря 1952 г. Из СССР планировалось пригласить делегацию в составе Е.В. Тарле, А.М. Панкратовой, П.Н. Третьякова, Б.Д. Грекова, В.П. Волгина и В.Н. Чернецова. См.: Предварительный план работы Конгресса венгерских историков. Без места, без даты. АРАН. Ф. 627. Оп. 3. Д. 17. Л. 1–2.
- ¹⁰ *Панкратова А.М.* Конгресс венгерских историков // Вестник Академии наук СССР. 1953. № 7. С. 65, 67; *Тарле Е.В., Панкратова А.М., Третьяков П.Н.* Конгресс венгерских историков // Вопросы истории. 1953. № 7. С. 78–79.
- ¹¹ *Пах Ж.П.* Несколько слов об академике Е.В. Тарле // Из литературного наследия академика Е.В. Тарле / Отв. ред. М.В. Нечкина. М., 1981. С. 271.
- ¹² *Пах Жигмонд Пал* (1919–2001) — венгерский историк, профессор Будапештского экономического университета.
- ¹³ *Тарле Е.[В.]* Возвратясь на Родину // Литературная газета. 1953.2.VI. С. 4.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ *Чапкевич Е.В.* Указ. соч. С. 173.
- ¹⁶ См.: АРАН. Ф. 627. Оп. 1. Д. 160. Л. 1–11.
- ¹⁷ Статьи и рецензии, написанные Тарле в 1941–1955 гг. см.: *Тарле Е.В.* Сочинения: В 12 т. / Главн. ред. и ред. тома Е.В. Ерусалимский. М., 1962. Т. 12.
- ¹⁸ Там же. С. 486–521. Статьи 1953–1962 гг. см.: там же. С. 511–521.
- ¹⁹ Конгресс венгерских историков. 6–13 июня 1953. В качестве рукописи. 1953. Т. I. С. 1–238. Там же. Т. II. С. 239–532. Там же. Т. III. С. 433–649. Там же. Т. IV. С. 650–842.
- ²⁰ См.: *Tarle J.V.* Rákóczi és az európai nagyhatalmak // Magyar Történet Kongresszus. (1953. június 6–13) / Szerk. L. Lukács. Bp., 1954. 84–86. old.
- ²¹ *Панкратова Анна Михайловна* (1897–1957) — советский историк, член-корреспондент АН СССР, один из главных идеологов марксистской историографии, главный редактор журнала «Вопросы истории».
- ²² *Спарре Аксель* (1652–1728) — шведский военачальник, сподвижник Карла XII.
- ²³ Ныне г. Жолква на Украине.
- ²⁴ *Третьяков Петр Николаевич* (1909–1976) — славист и археолог, директор Института славяноведения АН СССР.
- ²⁵ *Рети Ласло* (1908–1992) — венгерский партийный деятель, директор Института истории венгерского рабочего движения в Будапеште.

- ²⁶ *Мольнар Эрик* (1894–1966) — венгерский государственный деятель, историк, экономист и юрист, председатель Верховного суда Венгрии.
- ²⁷ *Андич Эржебет* (1902–1986) — венгерский государственный деятель, историк, идеолог марксистской историографии, первый заместитель министра просвещения, председатель Общества венгерских историков.
- ²⁸ *Больгар Элек* (1883–1985) — венгерский историк и юрист, академик ВАН.
- ²⁹ См.: *Панкратова А.М.* Конгресс венгерских историков // Вестник Академии наук СССР. 1953. № 7. С. 64–70.
- ³⁰ *Тот Золтан* (1911–1956) — венгерский историк, заведующий кафедрой Истории стран народной демократии Будапештского университета.
- ³¹ *Эмбер Дёзё* (1909–1993) — венгерский историк и архивист, директор Венгерского государственного архива.
- ³² *Мацек Йозеф* (1922–1991) — чешский историк, медиевист, директор Института истории АН ЧССР.
- ³³ Вероятно, именно этим объясняется, что по поручению президента АН СССР А.Н. Несмеянова, редакция журнала «Вопросы истории» выбрала для публикации текст одного из предыдущих докладов Э. Мольнара «Венгерская историография со времени освобождения страны — ее успехи, недостатки и ближайшие задачи», прозвучавшего на заседании Отделения общественных наук ВАН в 1951 г. Письмо Г.Д. Смирнова, заместителя главного редактора журнала «Вопросы истории» Э. Мольнара. Москва, 3 VI 1953 см.: АРАН. Ф. 579. Оп. 1. Д. 32. Л. 34. Вопрос о перепечатке статей венгерских историков на русском языке на полосах «Вопросов истории» возник еще до начала конгресса. Письмо Э. Мольнара в редакцию «Вопросов истории», Будапешт, 18.V.1953 см.: там же. Л. 33. Однако по всей вероятности выбор редакции на текст доклада Э. Мольнара пал после устного отчета членов советской делегации в Бюро историко-философского отделения АН СССР, о котором упоминается и в письменных отчетах.
- ³⁴ Исключением является, например, профессор исторического факультета МГУ Ревекка Абрамовна Авербух (1891–1978), которая в 1935 г. опубликовала монографию «Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией 1848–1849 гг.».
- ³⁵ Речь идет об Имре Вальдапфеле (1908–1970) — филологе-классике, литературоведе, члене-корреспонденте ВАН.
- ³⁶ Фотокопии этих документов см.: АРАН. Ф. 627. Оп. 1. Д. 161. Л. 1–95; там же. Д. 162. Л. 1–24.
- ³⁷ *Тарле Е.[В.]* Возвратясь на Родину. С. 4.
- ³⁸ Вступительное и заключительное слова А.М. Панкратовой см.: АРАН. Ф. 697. Оп. 2. Д. 86.
- ³⁹ *Сулов Михаил Андреевич* (1902–1982) — партийный деятель, член Политбюро ЦК КПСС.
- ⁴⁰ *Поспелов Петр Николаевич* (1898–1972) — партийный деятель, секретарь ЦК КПСС, заместитель главного редактора газеты «Правда».
- ⁴¹ *Смирин Моисей Менделевич* (1895–1975) — историк-медиевист, старший научный сотрудник Института истории АН СССР.
- ⁴² *Хрустов Федор Дмитриевич* (1906–1994) — партийный деятель, первый заместитель заведующего Отделом науки и культуры ЦК КПСС.
- ⁴³ *Лихолат Андрей Васильевич* (1914–1993) — историк и партийный деятель, сотрудник Отдела культуры и науки ЦК КПСС.
- ⁴⁴ *Сидоров Аркадий Лаврович* (1900–1966) — историк, директор Института истории АН СССР.
- ⁴⁵ *Топчиев Александр Васильевич* (1907–1962) — химик, главный ученый секретарь Президиума АН СССР.

СВЕДЕНИЯ**ОБ АВТОРАХ, РЕДАКТОРАХ, ПЕРЕВОДЧИКАХ И РЕЦЕНЗЕНТАХ**

- АКИМОВА Ольга Анатольевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)
- ВЁРЁШ Болдизар — доктор наук (PhD), старший научный сотрудник Института истории Гуманитарного центра ВАН (Будапешт)
- ГЕБЕИ Шандор — доктор Венгерской академии наук (MTA Dr.), профессор, заведующий кафедрой истории Венгрии в Средние века и раннее Новое время Института им. К. Эстерхази (Эгер)
- ГРОСУЛ Владислав Якимович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)
- ГУСАРОВА Татьяна Павловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Средних веков исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва)
- ГУСЕВ Юрий Павлович — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)
- ГУСЬКОВ Андрей Геннадьевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)
- ЖЕЛИЦКИ Чилла Беловна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)
- КАРМАН Габор — доктор наук (PhD), научный сотрудник Центра истории и культуры Центральной и Восточной Европы (Лейпциг)
- КАТОНА Чаба — доктор наук (PhD), научный сотрудник Института истории Гуманитарного центра ВАН (Будапешт)
- КОБЗАРЕВА Елена Игоревна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)
- КОРЗУН Светлана Геннадьевна — доктор наук (PhD), историк (Франкфурт-на-Майне)
- КОЧЕГАРОВ Кирилл Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)
- МАЛКИН Станислав Геннадьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (Самара)

- МЕЙЕР Михаил Серафимович — доктор исторических наук, профессор, директор Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва)
- МЕСАРОШ Кальман — доктор наук (PhD), старший научный сотрудник Института военной истории Министерства обороны Венгерской Республики (Будапешт)
- В. МОЛЬНАР Ласло — кандидат исторических наук, доцент Педагогического института Печского университета (Будапешт/Печ)
- НЕМЕНСКИЙ Олег Борисович — младший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)
- ПАП Шандор — доктор наук (PhD), доцент кафедры истории Венгрии в Средние века и раннее Новое время исторического факультета Сегедского университета (Сегед)
- РОГОЖИН Николай Михайлович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра истории русского феодализма Института российской истории РАН (Москва)
- ТОТ Ференц — доктор наук (PhD), старший научный сотрудник Института истории Гуманитарного центра ВАН (Сомбатхей/Будапешт)
- ХАВАНОВА Ольга Владимировна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)
- ХАТОШ Пал — доктор наук (PhD), профессор, директор Института им. Балинта Балашши (Будапешт)
- ШЕРЕШ Аттила — доктор наук (PhD), руководитель Архивного института Венгрии в Москве

**СПИСОК УПОМИНАЕМЫХ В ТЕКСТЕ
ИСТОРИЧЕСКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ**

Адрианополь — ныне Эдирне в Турции
Ачи-Кале — ныне Очаков на Украине
Верецке (Алшovereцке) — ныне Нижние Ворота на Украине
Вильно — ныне Вильнюс в Литве
Данциг — ныне Гданьск в Польше
Добичау — ныне Товачов в Чехии
Дюлафехервар — ныне Альба-Юлия в Румынии
Жибо — ныне Жибоу в Румынии
Карловиц (в венгерской традиции Карлоца) — ныне Сремски Карловцы в Сербии
Кешмарк — ныне Кежмарок в Словакии
Кишмайтень — ныне Мофтину-Мик в Румынии
Кукизов — ныне Кукезов на Украине
Марошвашархей — ныне Тыргу-Муреш в Румынии
Мункач — ныне Мукачево на Украине
Надькарой — ныне Карей в Румынии
Надьмайтень — ныне Мофтину-Маре в Румынии
Надьсебен — ныне Сибиу в Румынии
Надьсомбат — ныне Трнава в Словакии
Петерварад — ныне Петроварадин в Сербии
Пресбург (в венгерской традиции Пожонь) — ныне Братислава в Словакии
Пуниц — ныне Понец в Польше
Раднот — ныне Ернут в Румынии
Родосто (Родошто) — ныне Текирдаг в Турции
Сатмар — ныне Сату-Маре в Румынии
Сомольнок — ныне Смольник в Словакии
Темешвар — ныне Тимишоара в Румынии
Тильзит — ныне Советск в России
Торда — ныне Турда в Румынии
Тренчен — ныне Тренчин в Словакии
Унгвар — ныне Ужгород на Украине
Филиппополис — ныне Пловдив в Болгарии
Хейльсберг — ныне Лидзбарк-Варминьский в Польше
Хомонна — ныне Гуменне в Словакии
Шаланк — ныне Шаланки на Украине
Эперьеш — ныне Прешов в Словакии
Эршекуйвар — ныне Нове-Замки в Словакии
Эсек — ныне Осиек в Хорватии

**СПИСОК
ЧАСТО УПОМИНАЕМЫХ В ТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ**

Август II Сильный (1670–1733) — курфюрст Саксонский под именем Фридрих Август I (1694–1733 гг.) и король Польши (1697–1704, 1709–1733 гг.)
Алексей Михайлович (1629–1676) — русский царь (1645–1676 гг.)
Ахмед III (1673–1736) — султан Османской империи (1703–1730 гг.)
Берчени Миклош (1665–1725) — граф, сподвижник Ференца II Ракоци, главнокомандующий куруцкого войска
Головкин Гавриил Иванович (1660–1734) — русский государственный деятель, с 1706 г. руководил Посольским приказом
Долгоруков Григорий Федорович (1656–1723) — русский дипломат, посол в Польше в 1709–1721 гг.
Евгений Савойский (1663–1736) — принц, выдающийся австрийский полководец, президент Придворного военного совета
Елизавета I Петровна (1709–1761) — российская императрица (1741–1761 гг.)
Иосиф I Габсбург (1678–1711) — император Священной Римской империи и король Венгрии (1705–1711 гг.)
Карл VI (1685–1740) — император Священной Римской империи и король Венгрии (под именем Карла III) (1711–1740 гг.)
Карл XII (1682–1718) — король Швеции (1697–1718 гг.)
Каройи Шандор (1669–1743) — генерал армии Ракоци, подписал Сатмарский мирный договор 1711 г. со стороны повстанцев
Куракин Борис Иванович (1676–1727) — русский государственный деятель, дипломат
Леопольд I Габсбург (1640–1705) — император Священной Римской империи и король Венгрии (1658–1705 гг.)
Людовик XIV (1638–1715) — король Франции (1643–1715 гг.)
Мазепа Иван Степанович (1639–1709) — гетман Украины в 1687–1708 гг.
Меншиков Александр Данилович (1673–1729) — русский государственный деятель, сподвижник и фаворит Петра I
Микеш Келемен (1690–1761) — ординарец Ференца II Ракоци в годы Освободительной войны 1703–1711 гг., автор романа «Турецкие письма»
Недечки Шандор (1654–1719) — участник Освободительной войны 1703–1711 гг., посол Ференца II Ракоци к Петру I в 1707–1711 гг.

- Палфи Янош** (1663–1751) — граф, генерал, главнокомандующий императорскими войсками, подписал Сатмарский мирный договор 1711 г. со стороны императора
- Петр I Великий** (1672–1725) — русский царь (1682–1725 гг.), в 1721 г. принял титул императора
- Пипер Карл** (1647–1716) — шведский государственный деятель, в 1700 г. возглавил походную канцелярию короля
- Потоцкий Юзеф** (1673–1751) — киевский воевода, главнокомандующий войсками Станислава Лещинского, в 1709 г. перешел на службу к Ференцу II Ракоци
- Пюшо маркиз Дезаллёр Пьер** (1643–1725) — французский военный и дипломат, в 1703–1709 гг. резидент при Ференце II Ракоци
- Радаи Пал** (1677–1733) — глава тайной канцелярии Ракоци, посол к Карлу XII в 1704, 1709–1710 гг., к Петру I в 1707 г.
- Ракоци Ференц II** (1676–1735) — трансильванский князь, руководитель Освободительной войны 1703–1711 гг.
- Сенявский Адам Миколай** (1666–1726) — польский магнат, с 1706 г. великий коронный гетман
- Станислав Лещинский** (1677–1766) — король Польши (1704–1709, 1733–1734 гг.)
- Тали Кальман** (1839–1909) — венгерский политик, историк, писатель, публикатор источников и исследовательских работ по истории венгерских антигабсбургских движений рубежа XVII–XVIII вв.
- Тальман Иоганн Михель** (?–?) — австрийский посланник в Стамбуле
- Тёкёли Имре** (1657–1705) — руководитель антигабсбургского восстания куруцев 1678–1685 гг., отчим Ференца II Ракоци
- Украинцев Емельян Иванович** (1641–1708) — думный дьяк, посол Петра I к Ференцу II Ракоци в 1708 г.
- Форгач Шимон** (1669–1729) — генерал повстанческой армии Ракоци
- Шафилов Петр Павлович** (1669–1739) — русский государственный деятель, дипломат, вице-канцлер

СПИСОК ПРИНЯТЫХ В ТЕКСТЕ СОКРАЩЕНИЙ

- АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи, Москва
 АРАН — Архив Российской академии наук, Москва
 ВАН — Венгерская академия наук, Будапешт
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
 ЛННБ — Львовская национальная научная библиотека им. В. Стефаника Национальной академии наук Украины, Львов
 ПиБ — Письма и бумаги императора Петра Великого
 ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
 РГАДА — Российский государственный архив древних актов, Москва
 РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории, Москва
 Сб. РИО — Сборник Императорского русского исторического общества
 СПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук, Санкт-Петербург
 фт. — форинт; венгерское название флорина (гульдена), денежная единица Венгрии
 AR — Archivum Rákócziánium
 BOA — Başbakanlık Osmanlı Arşivi, İstanbul
 Вр. — Будапешт
 DRERL — Dunamelléki Református Egyházkerület Ráday Levéltára, Budapest
 FHKA — Allgemeines-, Finanz und Hofkammerarchiv [des ÖStAs], Wien
 HHStA — Haus-, Hof- und Staatsarchiv [des ÖStAs], Wien
 HtK — Hadtörténelmi Közlemények
 KA — Kriegsarchiv [des ÖStAs], Wien
 LtK — Levéltári Közlemények
 MHND — Monumenta Hungariae Historica. Seria Diplomataria
 MHNS — Monumenta Hungariae Historica. Seria Scriptorum
 MNL OL — Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára, Budapest
 MTAK K — Magyar Tudományos Akadémia Könyvtára — Kézirattár, Budapest
 OSZKK — Országos Széchényi Könyvtár Kézirattára, Budapest
 ÖStA — Österreichisches Staatsarchiv, Wien
 PAPP — Private Archives of Peter Petschauer, Boone (N.C.)
 PIL — Politikátörténeti Intézet Politikátörténeti és Szakszervezeti Levéltára, Budapest
 RA — Riksarkivet, Stockholm
 RPI-I — Ráday Pál iratai 1703–1706
 RPI-II — Ráday Pál iratai 1707–1708
 SStA HStA Dresden — Sächsisches Staatsarchiv — Hauptstaatsarchiv Dresden

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии.....	3
<i>Месарош К.</i> Сатмарский мир 1711 г. и «надежда на русских».....	6

**ДИПЛОМАТИЯ ФЕРЕНЦА II РАКОЦИ
В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

<i>Тот Ф.</i> Сатмарский мир 1711 г. и Франция.....	20
<i>Кобзарева Е.И.</i> Шведское посольство 1684 г. в Россию — одна из последних попыток русско-шведского сближения.....	35
<i>Карман Г.</i> Попытки Ференца II Ракоци добиться от Швеции поддержки Освободительной войны.....	45
<i>Корзун С.Г.</i> Представитель Петра I в Вене Генрих фон Гюйссен и Освободительная война под предводительством Ференца II Ракоци.....	65
<i>Кочегаров К.А.</i> Русско-польские отношения в конце XVII — начале XVIII в.	76
<i>Гебеи Ш.</i> Продолжение борьбы Ференца II Ракоци за свободы в 1710—1711 гг. с помощью России?.....	83
<i>Папп Ш.</i> Два желанных союзника венгров — два заклятых врага: Освободительная война Ракоци в силовом поле России и Оттоманской порты.....	91
<i>Мейер М.С.</i> Перемены в жизни османского общества в первой половине XVIII в. и Ференц II Ракоци.....	113
<i>Малкин С.Г.</i> Мятеж якобитов в Шотландии и восстание Ракоци в Венгрии: особенности восприятия венгерских событий в Великобритании.....	119

РОССИЯ И ВЕНГРИЯ НА РУБЕЖЕ XVII—XVIII ВВ.

<i>Рогожин Н.М.</i> Внутриполитическое развитие допетровской России: XVII век.....	128
<i>Гуськов А.Г.</i> О поездке думного дьяка Е.И. Украинцева к князю Ференцу II Ракоци.....	139
<i>Мольнар Л.В.</i> Токайские вина на царском столе (данные о вывозе токайских вин в Россию в XVIII в.).....	148
<i>Неменский О.Б.</i> Идентичность православного жителя монархии Габсбургов в конце XVII — начале XVIII в. (на примере сочинений Михаила Андреллы).....	158
<i>Гросул В.Я.</i> Антиох Кантемир — дипломат Петра I.....	172

**ЭПОХА ФЕРЕНЦА II РАКОЦИ
В ЛИТЕРАТУРЕ, КУЛЬТУРЕ, КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ**

<i>Гусев Ю.П.</i> Ференц Ракоци, писатель.....	191
<i>Хаванова О.В.</i> Пострадать от Ракоци... (из истории взаимоотношений венгерских подданных с верховной властью).....	199
<i>Катона Ч.</i> Взаимодействие австро-венгерской и российской дипломатии в связи с перезахоронением Шимона Форгача (1904—1906 гг.).....	206
<i>Хатош П.</i> Культ, критика и бунт поколения: отклики на книгу Дюлы Секфю «Ракоци в изгнании» (1913).....	213
<i>Вёрёш Б.</i> Пропагандистские измышления 1940—1950-х гг. о взаимоотношениях князя Ференца II Ракоци и царя Петра I.....	227

ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>Шереш А.</i> Неизвестная рукопись Е.В. Тарле о внешней политике Ференца II Ракоци и советская делегация на I Конгрессе венгерских историков 1953 г.	249
Сведения об авторах, редакторах, переводчиках и рецензентах.....	270
Список упоминаемых в тексте исторических географических названий.....	271
Список часто упоминаемых в тексте исторических деятелей.....	272
Список принятых в тексте сокращений.....	275

TARTALOM

A szerkesztők előszava	3
<i>Mészáros Kálmán</i> : A “szatmári békekesség” és az “oroszló reménység”	6

**II. RÁKÓCZI FERENC DIPLIMÁCIÁJA
A NEMZETKÖZI KAPCSOLATOK RENDSZERÉBEN**

<i>Tóth Ferenc</i> : A szatmári béke és Franciaország.....	20
<i>Kobzareva Jelena</i> : Svéd követjárás Oroszországban 1684-ben. Az egyik utolsó kísérlet a svéd–oroszló közzeledésre.....	35
<i>Kármán Gábor</i> : Kísérletek svéd segítség biztosítására II. Rákóczy Ferenc szabadságharcához.....	45
<i>Korzun Svetlana</i> : Heinrich von Huissen, I. Péter képviselője Bécsben és a Rákóczy-szabadságharc.....	65
<i>Kocsegarov Kirill</i> : Oroszló–lengyel kapcsolatok a XVII–XVIII. század fordulóján	76
<i>Gebei Sándor</i> : A szabadságharc folytatásának esélyei 1710–1711-ben orosz segítséggel?	83
<i>Papp Sándor</i> : A magyarok két reménybeli szövetsége, egymás kéréllhetetlen ellensége. A Rákóczy-szabadságharc az oszmán és az Oroszló Birodalom vonzástengelyében	91
<i>Mejer Mikhail</i> : Oroszló–török kapcsolatok a XVII–XVIII. század fordulóján	113
<i>Malkin Stanislav</i> : A jakobiták felkelése Skóciában és a Rákóczy-szabadságharc Magyarországon. A magyar események recepciója Nagy-Britanniában.....	119

OROSZORSZÁG ÉS MAGYARORSZÁG A XVII. ÉS XVIII. SZÁZAD FORDULÓJÁN

<i>Rogozsin Nikolaj</i> : Oroszlóország belpolitikai fejlődése Nagy Péter cár előtt: a XVII. század.....	128
<i>Guszkov Andrej</i> : Jemeljan Ukrainev követi útja II. Rákóczy Ferencnél	139
<i>V. Molnár László</i> : Tokaji borok a cárok asztalán (adatok a tokaji borok oroszországi exportjának történetéhez a XVIII. században)	148
<i>Nyemenskij Oleg</i> : Egy pravoszláv pap identitása a Magyar Királyságban a XVII–XVIII. század fordulójának Habsburg-ellenes háború idején.....	158
<i>Groszló Vlagyiszlav</i> : Antioh Cantemir – I. Péter diplomatája.....	172

II. Rákóczy Ferenc

a szépirodalomban, kulturában és kollektív emlékezetben

<i>Guszev Jurij</i> : II. Rákóczy Ferenc, az író.....	191
<i>Khavanova Olga</i> : Megszenvetni Rákóczyt: adatok a magyar alattvalók és a központi hatóságok kapcsolattörténetéhez	199
<i>Katona Csaba</i> : Az osztrák–magyar és az orosz diplomácia kapcsolatai Forgách Simon újratemetése kapcsán (1904–1906)	206
<i>Hatos Pál</i> : Kultusz, kritika és nemzedéki lázadás: A történész Szekfű Gyula könyve a száműzött Rákóczy Ferencről 1913-ban	213
<i>Vörös Boldizsár</i> : Propagandisztikus történelemhamisítás I. Péter cár és II. Rákóczy Ferenc kapcsolatáról az 1940–1950-es években.....	227

FÜGGELÉK

<i>Seres Attila</i> : Jevgenij Tarle orosz történész ismeretlen kézírata II. Rákóczy Ferenc külpolitikájáról és a szovjet delegáció részvétele a magyar történészek kongresszusán 1953-ban	249
Adatok a szerzőkről, szerkesztőkről fordítókról és recenzensekről	270
A szövegben található történelmi földrajzi nevek	271
A szövegben gyakran említett személyek életrajzi adatai.....	272
Rövidítések.....	275

Освободительная война 1703–1711 гг. в Венгрии и дипломатия Петра I

Под ред. К.А. Кочегарова, О.В. Хавановой (отв. ред.), А. Шереша

На обложке: «Сложение оружия при Надьмайтене 30 апреля 1711 г.» (гравюра, ок. 1750 г.), Ференц II Ракоци (1707 г., художник А. Маньоки), Петр I (1717 г., художник Ж.-М. Натье). На обратной стороне: Памятник Ференцу II Ракоци в г. Райка (Венгрия), «За росой осенней» (песня беглеца-куруца, предположительно середина XVII в.), выдержки из оригинального текста и перевода на русский язык О. и Л. Володарских

Выпускающий редактор *М.В. Беглецова*

Редактор *Н.В. Соболева*

Корректор *М.К. Одинокова*

Оригинал-макет *Л.А. Философова*

Дизайн обложки *И.А. Тимофеев*

Подписано в печать XX.XX.XXXX. Формат 70x100 ¹/₁₆

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 17,5

Тираж 800 экз. Заказ № 3081

Издательство «Нестор-История»

197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7

Тел. (812)235-15-86

e-mail: nestor_historia@list.ru

www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии «Нестор-История»

198095 СПб., ул. Розенштейна, д. 21

Тел. (812)622-01-23